Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин, М. М. Содномпилова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И СИБИРИ. ОЧЕРКИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин, М. М. Содномпилова

Историческая география и этническая история Внутренней Азии и Сибири. Очерки

Ответственный редактор
д-р ист. наук *П. Б. Коновалов*

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2021

УДК 39 + 913 + 811.512
ББК 63.5 + 63.2 + 81.2
Н 25

Рецензенты:
д. и. н. *Э. П. Бакаева* Калм. НЦ (г. Элиста)
к. и. н. *Д. М. Тимохин* ИВ РАН (г. Москва)
к. и. н. *И. В. Рассадин* ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ)

Нанзатов Б. З., Тишин В. В., Содномпилова М. М.
Н 25 **Историческая география и этническая история Внутренней Азии и Сибири. Очерки / кол. монография;** отв. ред. д.и.н. П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. – 290 с.

ISBN 978-5-7925-0611-4
DOI 10.31554/978-5-7925-0611-4-2021-3-288

Монография представляет собой опыт исследования вопросов исторической географии и этнической истории Внутренней Азии и Сибири на основе совокупности сведений письменных, этнографических, лингвистических и фольклорных материалов. Представлен авторский взгляд на возможности использования данных ономастики для реконструкции процессов, повлиявших на формирование и трансформацию этнической карты исследуемого региона в исторически обозримый период, начиная с эпохи тюркских каганатов до XVII в.

Предназначена для этнологов, историков, археологов, лингвистов-алтаистов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами исторической географии, этнической истории, ономастики.

УДК 39 + 913 + 811.512
ББК 63.5 + 63.2 + 81.2

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого»

© Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин, М. М. Содномпилова, 2021
© ИМБТ СО РАН, 2021
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2021

ISBN 978-5-7925-0611-4

Оглавление

От авторов.....4
Глава 1. Этнонимы и топонимы в средневековом пространстве Внутренней Азии…….....6
1.1. Племена круга *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒: некоторые процессы динамики состава населения в древнетюркское время…….....6
1.2. Татары Внутренней Азии в VIII–IX вв.: некоторые вопросы расселения и локализации…….....46
1.3. Опыт идентификации племенных названий татар Внутренней Азии…….....71
1.4. *Байырку* и *баргу*: конец одного мифа.....88
1.5. Баргу и Баргуджин-токум.....105
Литература.....114
Глава 2. Пространство реальное и мифологическое в представлениях средневековых монголов.....140
2.1. Орографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии.....141
2.2. Гидрографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии.....151
2.3. Открытые пространства в терминологии «Сокровенного сказания монголов» в контексте исторической географии: образы, локализация.....158
2.4. Образы леса в терминологии «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии.....166
2.5. Мифологические образы Внутренней Азии: «земля гроз и громовых стрел».....172
Литература.....189
Глава 3. Внутренняя Азия – Сибирь: движение этнонимов.....196
3.1. Ойратско-бурятско-якутские этнические связи: *ögeled / öliyed* || **elüdei* > *ilüder* || > *eldei* > *ellei*.....196
3.2. Тувинско-бурятские этнические связи: *quu, on, onqot, irkit, qol*.....209
3.3. Хакасско-бурятские этнические связи: *ïγï (*ïqï) // ikinad*.....223
3.4. Бурятско-якутские этнические связи: *eχirid* < **ikires* > **ikidei* > *igidäi*.....224
3.5. Бурятско-якутские этнические связи: *qaqsiγud, хахшууд, хагшууд* || *kogosuk, qaqsïq, хахсык*.....232
3.6. Бурятско-якутские этнические связи: **ǰimken* || **емкон, *жемкон*.....238
3.7. Бурятско-якутские этнические связи: *salǰi, qaŋgin, sartūl*.....253
3.8. Бурятско-якутские этнические связи: **ataγai*.....257
Литература.....266

От авторов

Предлагаемая вниманию читателей монография отражает основные результаты работы коллектива авторов, осуществленной в рамках проекта РФФИ 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого».

Регион Внутренняя Азия – колыбель формирования тюркских и монгольских народов, этническая история которых представляет огромный интерес для широкого круга исследователей.

Настоящая работа представляет собой опыт осмысления целого ряда проблем эпохи, которую принято именовать «средневековой». Не обсуждая уместность или корректность этого понятия применительно к истории региона и его населения, авторы избрали объектом своего внимания этот период как наиболее значительно и в то же время весьма неровно представленный источниковыми свидетельствами. Реконструкция историко-культурного прошлого Внутренней Азии осуществлялась по двум основным направлениям, неотъемлемо связанных друг с другом: этническая история и историческая география региона. Такой подход потребовал применения комплексных методик, и с этой точки зрения данная монография может рассматриваться как своего рода апробация подобного опыта. Как объем и специфика источникового материала, так и степень разработанности отдельных вопросов в историографии обусловили то, что авторами в конечном счете было принято решение отказаться от стремления последовательно полностью охватить протяженный хронологический промежуток и все пространство Внутренней Азии и Сибири. Авторами был выбран кейсовый подход, подразумевающий выборку отдельных сюжетов, не связанных друг с другом непосредственно. Часть опубликованного материала в рамках проекта не была включена в состав этой монографии. Тому есть несколько причин: в частности, некоторые вопросы все еще не разрешены и требуют дальнейших исследований.

Результаты проведенных исследований отражают представления о территории Внутренней Азии и ее населении в разные периоды выбранной исторической эпохи, динамику смены населения, сакральную топографию. В определенной степени выбранные сюжеты позволили отразить значительные отрезки истории и покрыть обширный историко-географический ареал – северные области Внутренней Азии и прилегающие к ним районы Сибири, что, несомненно, очень важно

для отечественной науки в таких областях, как тюркология и монголоведение. Следует отметить, что представленные на суд читателя результаты исследований отражают лишь часть масштабной работы, ведущейся членами авторского коллектива в настоящее время и которая будет продолжена в будущем.

Авторский коллектив выражает глубокую благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за предоставленный исследовательский грант № 19-09-00082 для реализации проекта «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого», результаты которого легли в основу этой книги. Выражаем признательность Институту монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук – организации, где выполнялось данное исследование.

Главы и разделы распределены по авторам следующим образом: глава 1 – Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин (параграф 1.1 – В. В. Тишин, параграфы 1.2–1.4 – Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин, 1.5 – Б. З. Нанзатов); глава 2 – М. М. Содномпилова; глава 3 – Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин (параграфы 3.1, 3.2 – Б. З. Нанзатов, 3.3–3.8 – Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин).

Глава 1
Этнонимы и топонимы в средневековом пространстве Внутренней Азии

1.1. Племена круга *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒: некоторые процессы динамики состава населения в древнетюркское время

В истории Внутренней Азии древнетюркская эпоха (середина VI – первая четверть X в.) характеризуется наличием наиболее подробных и достоверных сведений о населявших ее народах. Широкий и разнообразный фонд аутентичных источников позволяет с определенной полнотой не только составить представление о названиях и территории расселения различных сообществ, но и в отдельных случаях сделать уверенные суждения об их языковой принадлежности. С началом господства в степях Внутренней Азии племени, именовавшего себя *тюрк*, его широкие контакты, вызванные масштабной экспансией, способствуют появлению сведений о нем и попавшем в сферу его влияния степном населении в анналах оседло-земледельческих народов, в той или иной степени с ним взаимодействовавших.

Уже на момент становления империи Суй (581–618) китайские хронисты фиксируют широкий реестр племен, населявших территории от Хэнтэя до Каспийского моря, которые они объединяют под общим именем *те-лэ* 鐵勒. Судя по тому, что здесь представлены, например, аланы (кит. *а-лань* 阿蘭)[1], можно полагать, что они объединены китайскими авторами искусственно – исходя из того факта, что все они оказались под властью тюрков [Боровкова 1992: 101].

В упомянутом выше перечне племен, помещенном в цз. 84 «Суй шу» 隋書 (далее – СШ)[2] и цз. 99 «Бэй ши» 北史 (далее – БШ), к северу от р. Тола (кит. *ду-ло* 獨洛) фигурируют *пу-гу* 僕骨(< **boqut*)[3],

[1] Об этой идентификации см. в частности: [Алемань 2003: 515–516].

[2] Здесь и далее при первом упоминании названия китайского источника мы приводим полное его написание, в дальнейшем используем указанные аббревиатуры.

[3] Здесь и далее реконструкция по: [Hamilton 1955: 1–2, note 2; Hamilton 1962: 26–27].

тонгра (тун-ло 同羅)[4], **уйгур*ы (*вэй-хэ/гэ* 韋紇), *байарку (ба-е-гу* 拔也古)[5] и *фу-ло* 覆羅, их предводители носили титулы *ẹrkin* (кит. *сы-цзинь* 俟斤). Среди других племен названы также и те, которые фигурируют в истории Внутренней Азии в дальнейшем, в частности **сыкыр* (*сы-цзе* 斯結), *кун* (кит. *хунь* 渾)[6], *ху-се* 斛薛 и др., к западу от И-у 伊吾, севернее Янь-ци 焉耆 (Карашар), возле Бай-шань 白山 – *цибu* 契弊[7], *у-хуань* 烏讙 (БШ: *у-ху* 烏護), *хэ-гу* 紇骨 (< **оγur* или **qïrqïz*), **(й)эдиз* (*е-си* 也咥) и др., а также к юго-западу от Цзинь-шань 金山 (здесь – Алтая) – *се-янь-то* 薛延陀, на юге от Бай-хай 北海 (букв. ‘Северное море’ здесь, очевидно, Байкал) – *ду-бо* 都波 (< **tuba*)[8]. Все они обозначены иероглифом *син* 姓 – «фамилия» [Цэнь

[4] Об идентификации в памятниках древнетюркской рунической письменности см.: [Thomsen 1896: 112, 163, note 57; Schlegel 1896: 1; Hirth 1899: 36, 133].

[5] Так в СШ, БШ, а также в цз. 344 «Вэнь-сянь тун-као» 文獻通考 (далее – ВСТК), но в цз. 199 «Тун дянь» 通典 (далее – ТД) и цз. 198 «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (далее – ТПХЮЦ) – *ба-е-гу* 拔野古. Об идентификации в памятниках древнетюркской рунической письменности см.: [Thomsen V. 1896: 73, note 3: 155, note 41: 197; Schlegel 1896: 1, 137; Аристов 1896: 365 (написано: 465, опечатка); Hirth 1899: 36, 133; Chavannes 1903: 87–88, note 3; Pelliot 1949: 187; Hamilton 1955: 2, note 2(8)].

[6] Также, как обратил внимание Фарук Сюмер [Sümer 1979: 422], а недавно было показано Н. Н. Телицыным и П. О. Рыкиным в их совместном докладе на прошедшей в феврале 2018 г. в Санкт-Петербурге конференции, посвященной памяти С. Г. Кляшторного, встреченная в надписи Тоньюкука лексема *Qun(ï)*, являющаяся частью личного имени *Qunï säŋün-ügü* (в винительном падеже), выступавшего послом от *toquz oγuz* (Тон, I Южн, стк. 2(9)), также коррелирует с именем *хунь* 渾 китайских источников и этнонимом *qūn* قون [*qwn*] у Бирӯнӣ и Марвазӣ (> Ауфӣ). См. теперь: [Rykin, Telitsin 2020: 291–294].

[7] Ср. написание *цзи-би* 雞弊 в документах 60.ТАМ.307:5/3 и 60.ТАМ.307:4/4 Астаны [Цянь Бо-цюань 1992: 92; Гао Ци-ань 2010: 53, 55, 58, 59].

[8] См.: [Schlegel 1896: 2; Hirth 1899: 40, 133; Hamilton 1955: 1, note 2(4); Hamilton 1962: 27, 54, note 18; Ligeti 1950: 153, 174–175, note 23].

Чжун-мянь 1958: 662–677][9]. В таком же или чуть измененном написании они узнаются в источниках в последующие периоды. Мы не упоминаем еще ряд племен, в т. ч. тех, которые более не появляются[10].

Обе известные в источниках орфографические формы, *те-лэ* 鐵勒 (пиньин. *tiě-lè* < ран. ср.-кит. **t^{h}ɛt-lək*, позд. ср.-кит. **t^{h}iat-ləăk* [Pulleyblank 1991: 184, 308]), в «Цзю Тан шу» 舊唐書 (далее – ЦТШ), также названные *тэ-лэ* 特勒 (пиньин. *tè-lè* < ран. ср.-кит. **dək-lək*, позд. ср.-кит. **thəăk-ləăk* [Ibid.: 184? 304]), реконструированы Дж. Хамильтоном как **tägräg* ‘cerceau, grande roue légère’ [Hamilton 1962: 25–26, 51, note 6], что на сегодняшний момент, за отсутствием альтернативы условно принято большинством исследователей[11].

Большую путаницу в понимание исторических процессов внес такой историографический курьез. Танские авторы, объясняя наименование *те-лэ* 鐵勒, интерпретировали его как ошибочный вариант известного ранее *чи-лэ* 敕勒, что отмечено в ТД (цз. 199). При этом ТД (цз. 197) повторяет сообщение «Вэй шу» 魏書 (цз. 103; далее – ВШ) о том, что *гао-чэ/цзюй* 高車 есть остатки *чи-ди* 赤狄, что они изначально именуются *ди-ли* 狄歷, на наречии «северных варваров» – *чи-лэ* 敕勒, китайцы же *гао-чэ/цзюй* 高車 зовут *дин-лин* 丁零. ТД (цз. 199) и за ней ЦТШ (цз. 195) называют *те-лэ* 鐵勒 потомками *сюн-ну* 匈奴. При этом ЦТШ (цз. 195) не упоминает о варианте *чи-лэ* 敕勒, но наравне с *те-лэ* 鐵勒 использует еще форму *тэ-лэ* 特勒, что ближе к

[9] Здесь и далее китайские источники цитируются нами в основном по этим изданиям с той лишь разницей, что мы убираем знаки препинания, расставленные китайским исследователем, поскольку не всегда соглашаемся с предложенными им разбивками синтаксических конструкций. В иных случаях нами даются цитаты источников с пагинацией по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書薈要 («Избранное из “Высочайше утвержденного полного собрания книг по четырем разделам”»).

[10] См. также: [Позднеев 1899: 38–40; Liu Mau-Tsai 1958. Bd. I: 127–128; Bd. II: 566–570, Anm. 654–664; Hamilton 1962: 26–27; Қазақстан тарихы 2006: 54б.]. Тот же текст дается в ТД (цз. 199), ТПХЮЦ (цз. 198) и ВСТК (цз. 344) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 678–679, 679–682; Taşağıl 2004a: 194 (ТД: 1080/a), 199 (ВСТК: 2698/a)]. Переводы см.: [Кюнер 1961: 38–39; Taşağıl 2004a: 131, 138].

[11] См., в частности, возражения в кн.: [Cheng Fangyi 2012: 84–85].

позднему среднекитайскому произношению. В итоге составители «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 217а; далее – СТШ), говоря о *те-лэ* 鐵勒, которых уже никогда не видели, вовсе объединили несколько сообщений, включив, к тому же, в раздел об уйгурах повествование о *телэ* 鐵勒, что вслед за ТД (цз. 199) трактуется ими как ошибочное написание *чи-лэ* 敕勒. Таким образом, получилась линия преемственности *сюн-ну* 匈奴 – *гао-чэ/цзюй* 高車 – *чи-лэ* 敕勒 – *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒 – *хуэй-хэ* 回紇 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 682, 715; Малявкин 1981: 28, 84, коммент. 29], что в последующем запутало многих историков (см., напр.: [Цянь Бо-цюань 1992: 91–92; Боровкова 1992: 74]).

Начиная с 546 г. эти племена, находящиеся под подданством *жуань-жуань* 蠕蠕[12], попадают под власть тюрков, выступая в качестве основной живой силы ведомых ими войн, но неоднократно в последующем поднимая и против них восстания, оставаясь, таким образом, самым опасным их потенциальным внутренним врагом. Нас не будет интересовать событийная история племен *телэ*ского круга [Ekrem 2015; Balogh 2018], только отдельные события, позволяющие пролить свет на этнические процессы в степях.

В результате одного из восстаний, случившегося осенью 605 г.[13], после казни западнотюркским Чу-ло 處羅 каганом вождей *се-янь-то* 薛延陁, по СШ (цз. 84), «…сразу же поставили *сы-ли-фа*, *сы-цзинь*[14] Ци-би Гэ-лэн провозгласили И-у-чжэнь Мо-хэ каганом, с местопребыванием в горах Тань-хань (< **Tamγan*, н.-перс. *ṭafqān*, совр. Богдо)[15], повторно поставили *се-янь-то*[ского] *сы-цзинь* по имени

[12] В источниках известны разные формы передачи этого имени: юж.-кит. *жуй-жуй* 芮芮, сев.-кит. *жу-жу* 茹茹, *жоу-жань* 柔然, танск. *жуань-жуань* 蠕蠕 (вместо правильного *жу-жу*?), сунск. *жу-жуань* 醹輭 [Parker 1899: 120, 125, note 8; Franke 1937, Bd. III: 283–284; Pelliot 1959: 381–386; Таскин 1984: 47]. См. также: [Marquart 1914: 73].

[13] 8-й месяц 1-го года эры правления *да-е* 大業 (18.09–17.10.605).

[14] Иногда здесь видят один титул *сы-лифа сы-цзинь* Ци-би Гэ-лэн 俟利發俟斤契苾哥楞 [Bombaci 1970: 10].

[15] См.: [Ḥudūd al-ʻĀlam 1970: 271 (предложено видеть описку *ṭafqān* < *urfān* [Pelliot 1959: 164 (дискуссия с В. Минорским); Hamilton 1962: 28, 55, note 26; Bailey 1985: 89]. Предполагается еще, что это название может быть антропонимом – по имени тюркского кагана, вероятно, имевшего здесь свои

Е-си, [которого] провозгласили *малым каганом*» [Цэнь Чжун-мянь 1958: 86, 677][16]. По ЦТШ (цз. 199б): «сообща выдвинули Ци-би Гэ-лэн, провозгласив И-у-чжэня каганом, с местопребыванием на севере от гор Тань-хань, кроме того, *се-янь-то*[ского] И-ши-бо провозгласили Е-си *малым каганом*, с местопребыванием к северу от гор Янь-мо (?)» [Там же: 87, 686][17]. Идентификация последнего топонима проблематична, но Цянь Бо-цюань исправляет чтение второго иероглифа на *хэ* 禾, предлагая читать *янь-хэ шань* 燕禾山, что сопоставляется с И-хэ-шань 义和山 на Алтае [Цянь Бо-цюань 1992: 95].

Впоследствии они снова были покорены восточными и западными тюрками в соответствии с занимаемой территорией по обе стороны от Алтайского хребта.

В ТПХЮЦ (цз. 179) отмечается: «В начале эры правления *у-дэ* 武德 [17.06.618–22.01.627] были *се-янь-то* 薛延陀, *ци-би* 契苾, *уйгур* (*хуэй-хэ* 回紇), **туба* (*ду-бо* 都播), *курыка*н (*гу-ли-гань* 骨利幹)[18], *до-лань-гэ* 多覽葛 (< **täläŋüt*)[19], *пу-гу* 僕骨, **байарку* (*ба-е-гу* 拔野古), *тонгра* (*тун-ло* 同羅), **кун* (*хунь* 渾) племена (*бу* 部), **сыкыр* (*сы-цзе*

владения [У Юй-гуй 1991: 49, прим. 5]. Цянь Бо-цюань, также идентифицируя топоним с Богдо, предлагает исправление написания *тань-хань-шань* 貪汗山 на *тань-тянь-шань* 貪天山, поскольку слово *тянь* 天 тюрки называли *tangri* [1992: 95]. Л. А. Боровкова выдвигает соображение против отождествления топонима с хр. Богдо, идентифицируя здесь хр. Чолтаг [1992: 75–76].

[16] В СШ: 遂立俟利發俟斤契弊歌楞為易勿真莫何可汗居 貪汗山復立薛延陀內俟斤字也啀為小可汗. В БШ (цз. 99) лишь вместо иероглифа *цзы* 字 стоит *цзы* 子 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 679]. В ТД (цз. 199) дан текст, аналогичный СШ [Там же: 684] и «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (цз. 198; далее – ТПХЮЦ) [Там же: 693].

[17] 共推契苾哥楞爲易勿真莫賀可汗居貪汗山北又以薛延陀乙失缽爲也 啀小可汗居燕末山北

[18] Об отождествлении и соответствиях в других источниках см.: [Thomsen 1896: 98, 140, note 8; Schlegel 1896: 1; Ḥudūd al-ʻĀlam 1970: 84, 97, 284, note 3; Цэнь Чжун-мянь 1958: 1129].

[19] О реконструкции см.: [Schlegel 1896: 1; Hirth 1899: 133; Pelliot 1949: 142; Hamilton 1955: 1, note 2(6); Ligeti 1986: 335. o.].

思結)[20], *ху-се* 斛薛, **изгиль* (*си-цзе* 奚結)[21], **эдиз* (*а-дe* 阿跌)[22], *бай-си* 白霫, они все на пустынном севере (*ци бэй* 磧北) *те-лэ*[ские] 鐵勒 племена (*бу* 部), внутри них племена (*бу* 部) также [имеются]» [Цэнь Чжун-мянь 1958: 693]. Таким образом, здесь, во-первых, отмечены племена, которые были хорошо известны в период правления дина-

[20] Турфанский документ 60.TAM.307:5/3a упоминает *сы-хе* 思紇 [У Юйгуй 1991: 59; Цянь Бо-цюань 1992: 92, 93].

[21] См.: [Hamilton 1962: 45, 61, note 90].

[22] Изначально было предложено отождествление упоминаемого в китайских летописях наименования *а-дe* 阿跌 с племенем *ädiz* рунических текстов [Thomsen 1896: 72, note 3; Schlegel 1896: 2; Chavannes 1903: 87–88, note 3], где до этого они упоминались всего один раз (d^2Z) (Кб, стк. 5, 6 (?)). Ср.: A-tie 阿跌, Ho-tie 訶咥, Hie-tie 跌跌 [Chavannes 1903: 317, 329, 327 (Index); Henning 1938: 555, note 1; Hamilton 1955: 2, note 2(14); Hamilton 1962: 26, 27, 53, note 13]. А. Г. Малявкин приводит варианты: *се-дe* 跌跌, *а-дe* 阿跌 ~ 阿咥, *хэ-дe* 訶咥 [1981: 29, 83 коммент. 29]. В ВСТК прямо говорится, что в период Суй A-tie 阿跌 звались Ho-hsi 訶咥 [Taşağıl 2004a: 144].

По мнению К. М. Мусаева, этноним **ediz* образовался как маркер социального положения племени [СИГТЯ 1997/2001: 319]: ср. *ediz* ‘высокий’, ‘возвышенный’, ‘высота’ [Древнетюркский словарь 1969: 164], *éd̲iz/éd̲i:z* ‘high, lofty’ [Clauson 1972: 73]. Т. Гюленсой указывает два варианта этимологии: *ediz* ‘Yüksek’ < *eδiz* < *ädi-* ‘yüksekte olmak’, или < *idiz* ~ *yitiz* < **(y)i* + *diz* [Gülensoy 2007, c. I, s. 319]. Х. Намык (Оркун) читал это слово в надписи Кемчик-Чиргакы (E 41, стк. 10) [Orkun 1994: 490, 491, 494], но, видимо, ошибочно (см.: траслитерацию и прорисовку также: [Васильев 1983: 29 (транскрипция), 67 (прорисовка), 106 (фотография); Кормушин 2008: 56–57]. Однако здесь его читает Т. Текин и вслед за ним Н. Усеев [Tekin 1999: 7, 13; Useev 2011: 390, 391, 392]. Э. Айдын вслед за Т. Текином отождествляет с *а-дe* 阿跌 прочитанное им в Онгинской надписи /t^1g^2/ **atig* (O, стк. 5, 6; Oa, стк. 2) [Tekin 1968: 305; 2003: 239; Aydın 2008b: 33–34], но сама такая комбинация сомнительна. Впрочем, у других авторов она вызвала не меньше затруднений (см.: [Базылхан 2005: 56б., 110 нұсқ.; Aydın 2008b: 24, dipnot 57, s. 26, dipnot 116]). В последней публикации памятника Т. Осава уверенно читает во всех случаях *täg* ‘up to’ [Ōsawa 2011: 170, 171, 173, 174, 187, 189]. М. Эрдал произвольно добавляет инициальный губной гласный, переводя ‘ateş gibi’ [Erdal 2011: 365, 372].

стии Тан 唐 (618–907), во-вторых, отмечается, что внутри себя отмеченные группировки также подразделяются[23].

Подробная информация об их расселении появляется в источниках на 647 г. По «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑 (цз. 198; далее – ЦЧТЦ), в день *у-инь* 戊寅 (15) 12-го месяца 20-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (01.02.647) к танскому двору прибыли *элитбер* (здесь и ниже в этом списке – *сы-ли-фа* 俟利發) уйгуров (*хуэй-хэ* 迴紇) Ту-миду 吐迷度, э*литбер пу-гу* 僕骨 Гэ-лань Ба-янь歌濫抜延, *эркин* (здесь и ниже в этом списке – *сы-цзинь* 俟斤) *до-лань-гэ* 多濫葛 Мо末, эркин *ба-е-гу* 抜野古 Цзюэ-ли-ши 屈利失, э*литбер тун-ло* 同羅 Ши-цзянь чо 時健啜, предводитель (*цю-чжан* 酋長) *сы-цзе* 思結 У-суй 烏碎, а также предводители *хунь* 渾, *ху-се* 斛薛, *си-цзе* 奚結, *а-де* 阿跌, *ци-би* 契苾, *бай-си* 白霫 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 248; Малявкин 1980: 114]. По сведениям китайских источников, в 1-м месяце 21-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (10.02–11.03.647), сразу после прибытия к танскому двору двенадцати *телэских* вождей танскими властями было произведено районирование изъявивших покорность территорий, на которых были созданы шесть губернаторств (*ду-ду-фу* 都督府) и семь округов (*чжоу* 州), соответственно, предводители племен были наделены должностями военных губернаторов (*ду-ду* 都督) и начальников округов (*чжан-ши* 長史) [Chavannes 1903: 91; Малявкин 1980: 118–119; Ekrem 2015: 201–203]. По «Тан хуэй яо» 唐會要 (цз. 73; далее – ТХЯ), в 9-й день 1-го месяца 21-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (18.02.647) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 239] для *телэских* племен было создано шесть военных губернаторств (*ду-ду-фу* 都督府) и семь округов (*чжоу* 州) [Там же: 249, 1066–1068].

Именно благодаря, видимо, тому, что танские информаторы получали сведения от непосредственно прибывавших к ним вождей, они располагали данными о территории расселения и численности данных племен. Поскольку описание расселения *телэ*ских племен в соответствующих разделах танских источников предстает несколько расплывчатым, будучи подкорректированным разделом цз. 72 ТХЯ о

[23] Анализ списков см. также: [Cheng Fangyi 2012: 104–107; Balogh 2018: 31–35. o.].

тамгах (*ма инь* 馬印) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 653–656; Зуев 1960: 98–99], и, кроме того, дополнительную информацию в качестве некоего ориентира дает обнаружение в недавнее время эпитафии Пу-гу И-ту 僕固乙突 в долине р. Толы, фиксирующее центр владений племени *пу-гу* 僕骨 / 僕固 [Васютин 2011: 65][24].

Совокупные сведения о расселении племен, почерпнутые из специальных фрагментов о каждом из них в источниках и с учетом данных о локализации соответствующих административных ведомств, сообразно представить в виде таблицы.

Здесь нужно учитывать, что упоминание *се-янь-то* 薛延陀 как ориентира относится уже к моменту переселения этого племени на территорию Отюкена, произошедшего, видимо, не ранее 630 г.[25], в то время как ставка восточнотюркского кагана была в тот момент на севере большой излучины р. Хуан-хэ. Прежняя их локализация упоминалась выше.

[24] О проблемах локализации см. также: [Зуев 1960: 98, 108–109, коммент. 16; Батболд 2017: 97–108].

[25] В 8-й месяц 2-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (24.08–21.09.629) к их предводителю прибыло посольство, привезшее регалии, а также организовавшее официальное принятие им каганского титула с тронным именем *Йенчу Бильге (кит. Чжэн-чжу Пи-цзя 真珠毗伽) кагана (ЦФЮГ цз. 964: 1б) [здесь и далее – обозначение «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜]. Источники также бегло сообщают, что западно-тюркский Сы е/шэ-ху 肆葉護 каган (631–633) пытался вернуть *се-янь-то* 薛延陀 под свою власть, но был разгромлен [Chavannes 1903: 26, 54; Taşağıl 1999: 92; Қазақстан тарихы 2005: 272б.]. По Г. Е. Грумм-Гржимайло, в суйское время это племя кочевало в бассейне верхней Селенги, затем на Гобийском Алтае, а с 629 г. на Отюкене, в 630 г. передвинувшись восточнее [1926а: 248, прим.]. Цянь Бо-цюань на основе биографии А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 (ЦТШ, цз. 109) доказывает, что их переселение произошло в 626 г., когда они ушли от западных тюрков и сразу же вступили в противостояние с восточными тюрками [Цянь Бо-цюань 1992: 99–100]. Цэнь Чжун-мянь доказывает, что упомянутое сообщение о восстании племен относится к 627 г. [1958: 174, 984, 998, 1010–1011, прим. 23].

Название племени	Название административно-территориальной единицы	Титул и имя предводителя	Территория	Численность войска
Военные губернаторства (*ду-ду-фу* 都督府)				
уйгур (*хуэй-хэ бу* 回紇部)	Хань-хай 瀚海 [Малявкин 1981: 65, 258, коммент. 565]	*элитбер* Ту-ми-ду 吐迷度 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; ЦЧТЦ, цз. 198; ЦТШ, цз. 195) **улуг элитбер (ху-лу сы-ли-фа* 胡祿俟利發) Ту-ми-ду吐迷度 (СТШ, цз. 217а)	р. Селенга (кит. *со-лин-шуй* 娑陵水)[26], на север от *се-янь-то* 薛延陀 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; ЦТШ, цз. 195; СТШ, цз. 217а), по-видимому, в долинах рек Хануй и Хунуй [Цэнь Чжунмянь 1958: 770–771]; на север от Отюкена (ркп. У-тэ-лэ-шань 烏特勒山 < *У-тэ-цинь-шань 烏特勤山) (ТХЯ, цз. 72) [Цэнь Чжунмянь 1958: 654]; долина рек Хуни Гол, Хануй, верхняя Селенга (на основе локализации памятника Могойн Шинэ Усу и Суджинской стелы) [Ögel 1948: 18, 19–20, 24, 25; Зуев 1958: 134–135]	50 тыс. воинов (ТД, цз. 200; ТПХЮЦ, цз. 198); 100 тыс. людей [из них] 50 тыс. воинов (ЦТШ, цз. 195; СТШ, цз. 217б)
до-лань-гэ 多濫葛 / *до-*	Янь-жань 燕然 [Малявкин 1981: 29, 110,	*эркин* До-лань-гэ 俟斤多濫葛 (ТД, цз.	На восток от *се-янь-то* 薛延陀, рядом с р. Тола (Тун-ло-шуй	Более 10 тыс. воинов (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198;

[26] Иногда встречается описка – *по-лин-шуй* 婆陵水.

лань-гэ 多覧葛 / *до-лань* 多濫 (вторая и третья транскрипции в СТШ, цз. 217б)	коммент. 72; Малявкин 1989: 20–21, 26]	199; ТПХЮЦ, цз. 198), *эркин* Мо 俟斤末 (ЦЧТЦ, цз. 198); *эркин* До-лань-гэ Мо 俟斤多濫葛末 (СТШ, цз. 217б)	同羅水) (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; СТШ, цз. 217б)[27]	СТШ, цз. 217б)
пу-гу 僕骨/ *пу-гу* 僕固)	Цзинь-вэй 金微 [Малявкин 1989: 25, 138–139, коммент. 50]	*Себег *элитбер* *Карам Байан (ТД, цз. 199: По-фу *сы-ли-фа* Гэ-лань Фу-янь 婆匐俟利發歌藍伏延; ТПХЮЦ, цз. 198: По-фу *сы-ли-фа* Гэлань Фу-янь 婆匐俟利發歌藍伏延; ЦЧТЦ, цз. 198: *сы-ли-фа* Гэ-лань Ба-янь 俟利發歌濫拔延; СТШ, цз. 217б: Со-фу *сы-ли-фа* Гэ-лань ба-янь 娑匐俟利發歌濫拔延)	На восток от *до-лань-гэ* 多濫葛 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; СТШ, цз. 217б); на юг от гор Юлин-шань 幽陵山 (ТХЯ, цз. 72); долина р. Тола (на основе локализации комплекс Шороон-Дов)[28]	Более 10 тыс. воинов (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); 30 тыс. *юрт* (*чжан* 帳). 10 тыс. воинов (СТШ, цз. 217б)

[27] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, на р. Дзабхан [1926а: 248, прим.].

[28] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, «в низовьях Орхона и в долине нижней Селенги» [Там же: 249, прим.].

байырку (*ба-е-гу* 拔野古 / 拔野固)	Ю-лин 幽陵 [Малявкин 1989: 25, 139–141, коммент. 52].	*элитбер* Цюй-ли-ши 屈利失 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; СТШ, цз. 217б; ЦЧТЦ, цз. 198)	На восток от *пу-гу* 僕骨 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198), на юг от Байкала (Хань-хай 瀚海), на восток от гор Ю-лин-шань 幽陵山, в долине р. Чжан-е-гу 杖曳固 (< **ба-е-гу* 拔曳固) (ТХЯ, цз. 72); на восток от *пу-гу* 僕骨, соседствуют с *мо-хэ* 靺鞨 (СТШ, цз. 217б)[29]	Более 10 тыс. воинов (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); 60 тыс. *юрт* (*чжан* 帳), 10 тыс. воинов (СТШ, цз. 217б)
тонгра (*тун-ло* 同羅)	Гуй-линь 龜林 [Малявкин 1989: 25, 139–143, коммент. 54, 55]	*элитбер* Ши-цзянь-чо 時健啜 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; ЦЧТЦ, цз. 198)	На север от *се-янь-то* 薛延陀 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); на юго-восток от р. Хун-но-хэ 洪諾河 (Хүнүй? [Цэнь Чжун-мянь 1958: 771]); на север от гор Цюэ-юэ-шань 曲越山, на восток от гор Ю-лин-шань 幽陵山 (ТХЯ, цз. 72); на север от *се-янь-то* 薛延陀, на восток от *до-лань-гэ* 多濫葛 (СТШ, цз. 217б)[30]	15 тыс. *домохозяйств* (*ху* 户) (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); 30 тыс. воинов (СТШ, цз. 217б)
**изгиль* (*сы-цзе* 思結)	Лу-шань 盧山, чжоу 州 [Малявкин 1981: 36, 144, коммент. 172].	Предводитель (*цю-чжан* 酋長) У-суй 烏碎 (ЦЧТЦ, цз. 198)	На юго-запад от Вэй-мань-шань 煨漫山, на юго-восток от колодца Янь-хун-да-цзин 閻洪達井, у пика	7 тыс. воинов (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); 20 тыс.

[29] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, на обширных территориях в востоку от Хэнтэя до бассейна р. Сунгари, не переходя на юг, за Керулен [1926а: 250, прим.].

[30] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, между Орхоном и Селенгой, к северу от Толы [Там же: 249, прим.].

			Гуй-мо-ши-цэнь 貴摩施岑 (ТХЯ, цз. 72); «прежняя ставка» *янь-то* 延陀 (*янь-то гу я* 延陀故牙) (СТШ цз. 217б)[31]	воинов вместе с *ху-цзе* 奚結 (СТШ, цз. 217б)
Округа (*чжоу* 州)				
кун (*хунь* 渾)	Гао-лань 皋蘭, чжоу 州 [Малявкин 1981: 29, 101–102, коммент. 61, с. 108–110, коммент. 71, с. 36, 143–174, коммент. 171].	*элитбер* А-тань-чжи 阿貪支, *элитбер* Хунь-ван 渾汪 (СТШ, цз. 217б)	Имеется отделившееся племя (*фэнь бу-ло* 分部落) – в горах Гао-лань-шань 皋蘭山 и Ма-цзюнь-цзи-шань 買浚雞山 (ТХЯ, цз. 72); южнее всех племен (СТШ, цз. 217б)[32]	
ху-са 斛薩 / *ху-се* 斛薛	Гао-цюэ 高闕 [Малявкин 1981: 29, 102–103, коммент. 62]	? две «фамилии» (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198)	На северной границе *до-лань-гэ* 多濫葛 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; СТШ, цз. 217б)[33]; на север от старой (*гу* 故) крепости Цзинь-мэнь-чэн 金門城 (ТХЯ, цз. 72), т. е. западная оконечность хр. Инь-шань, к северу от большой излучины р. Хуан-хэ, где она меняет направления течения с северного на восточное [Малявкин 1981: 29, 102–103, коммент. 62]	7 тыс. воинов (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); 10 тыс. воинов (СТШ, цз. 217б)

[31] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, в долине верхней Селенги [1926а: 249, прим.].

[32] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, в суйское к северу от Толы, затем на южных склонах Хангая [Там же].

[33] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, в суйское время они кочевали в бассейне р. Селенга, а на 647 г. находились на р. Идэр [Там же: 248–249, прим.].

а-де 阿跌 (= суйск. *хэ-де* 訶咥) / *се-де* 跌跌	Цзи-тянь 雞田, чжоу 州 [Малявкин 1981: 29, 112, коммент. 74]		На северо-западе от *до-лань-гэ* 多濫葛, кочуют (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); на юго-восток от Мо-хэ Ку-хань-шань 莫賀庫寒山 (ТХЯ, цз. 72)	1700 воинов (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198)
ци-би(-юй) 契苾(羽)[34]	Юй-си 榆溪[35] [Малявкин 1981: 36, 146–149, коммент. 177]	? две «фамилии» (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198)	На юг от *до-лань-гэ* 多濫葛 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198); *ци* 契 – на севере от колодца Янь-хун-да-цзин 閻洪達井, на юг от р. Тола (кит. Ду-лэ 獨樂); *ци-би* 契苾 – прежде находились в Лян-чжоу 涼州, у вершины Цюэ-ши-цэнь	2 тыс. воинов (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198)

[34] В биографии Ци-би Хэ-ли 契苾何力, рассказывается, что еще в эпоху Суй Мо-хэ-до тэ-лэ 莫賀咄特勒 откочевал в пределы, граничившие с *ту-юй-хунь* 吐谷渾, но из-за тропической лихорадки *(чжан-ли* 瘴癘*)*, выкосившей много людей, откочевали через Гуй-цы 茲 (Куча) на территорию к северу от Жэ-хай 熱海 (Иссык-куль?). Когда Мо-хэ-до 莫賀咄 умер, Хэ-ли 何力 было девять лет, он получил титул *да-сы-ли-фа* 大俟利發, а в 6-й год эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (27.01.632–13.02.633) вместе с матерью и тысячью подвластных людей принял танское подданство; они были поселены между Гань-чжоу 甘州 и Лян-чжоу 涼州 *(ЦТШ*, цз. 109, с. 6а–6б; Цэнь Чжун-мянь 1958: 792–793] (см. также: [Малявкин 1981: 36, 146–147, коммент. 177]). ТХЯ (цз. 72) в перечне племен называет отдельно *ци* 契, *би* 苾 и *ци-би* 契苾 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 653, 654].

[35] По СТШ (цз. 217б) после смерти Гэ-лэн 哥楞 сын его младшего брата Мо-хэ-до тэ-лэ 莫賀咄特勒, Хэ-ли-шан-ню 何力尚紐, после смерти отца, привел подчиненное ему племя (*бу* 部) в 6-й год эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (27.01.632–13.02.633) подчиниться Танской империи. Их поселили между Гань-чжоу 甘州 и Лян-чжоу 涼州, создав округ Юй-си-чжоу 榆溪州 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 742].

			闕氏岑, позже переселились к Отюкену (ркп. Тэ-лэ-шань 特勒山烏 < *тэ-цинь-шань 特勤山) (ТХЯ, цз. 72); на северо-запад от Янь-ци 焉耆 (Харашар), на р. Ин-со 鷹娑 (Юлдус), на юг от *до-лань-гэ* 多濫葛 (СТШ, цз. 217б)	
де-цзе 跌結 / *си-цзе* 奚結	Цзи-лу 雞鹿 [Малявкин 1981: 29, 113, коммент. 75]	?	На юге от гор Цзи-фу-шань 雞服山, к северу от р. Хэ-лянь-чжи 赫連枝 (ТХЯ, цз. 72); на север от *тун-ло* 同羅 (СТШ, цз. 217б)[36]	20 тыс. воинов вместе с *сы-цзе* 思結 (СТШ, цз. 217б)
В ЦТШ: *а-бу-сы* 阿布思; в СТШ: часть племени (*ли-бу* 別部) *сы-цзе* 思結	Дай-линь 蹛林 (ср. в ЦТШ, цз. 175: ошибочно Гуй-линь 歸林) [Малявкин 1981: 36, 145, коммент. 174]	?	К востоку от Лянь-чжоу 蘭州, средняя часть пров. Гань-су [Малявкин 1989: 36, 145, коммент. 174]	
бай-си 白霫[37]	Чжи-янь 寘顏 / Дянь-янь	*цюй-шуай* 渠帅 (ТД,	На восток от *ба-е-гу* 拔野古 (ТД,	3 тыс. воинов (ТД,

[36] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, также где-то в низовьях Орхона и нижней долине Селенги, севернее *тонгра* [1926а: 249, прим.].

[37] Еще больше неясностей с племенами *бай-си* 白霫 и *си* 霫. Касательно первых в ТД (цз. 199) сообщается, что они находились восточнее *ба-е-гу* 拔野古, их воинов было 3 тыс. человек, затем их предводитель (*цю-шуай* 渠帅) принял

подданство империи Тан, а затем был назначен *цы-ши* 刺史. Это произошло в эру правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (627–649). ТПХЮЦ (цз. 198), назвав их «государством» (*бай-си го* 白霫國), добавляет, что они живут на востоке от *ба-е-гу* 拔野古 и соседствуют с *мо-хэ* 靺鞨. Подчинялись тюркам. В 647 г. прибыли с посольством, из них образовали округ Чжи-янь-чжоу 寘顏州, а их вождя *(цю-чжан* 酋長*)* сделали *цы-ши* 刺史. В 660 г. их вождя *(цю-чжан* 酋長*)* Ли Шэ-шу 李舍殊 сделали губернатором *(ду-ду* 都督*)* Цзюй-янь 居延, после его смерти – его брата Цзюэ-доу 厥都. В СТШ (цз. 217б) описывается, что они жили на «древних сяньбэйских землях» *(сянь-бэй гу-ди* 鮮卑故地*)*, рядом с *тун-ло* 同羅 и *пу-гу* 僕骨. Опасаясь *се-янь-то* 薛延陀, откочевали к р. Ао-чжи-шуй 奥支水, осев у гор Лэн-син-шань 冷陘山, граница теперь на юге с киданями (*ци-дань* 契丹), на севере – с *у-ло-хунь* 烏羅渾, на востоке – с *мо-хэ* 靺鞨, на западе – с *ба-е-гу* 拔野古. Их страна с четырех сторон окружена горами. Их войско было 10 тыс. человек. Они разделялись на три племени (*бу* 部): *цзюй-янь* 居延, *у-жо-мо* 無若沒, *хуан-шуй* 潢水. Подчинялись тюркам, управлялись *сы-цзинь* 俟斤, в период эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (23.01.627–05.02.650) прибыли к танскому двору. Часть их владений в итоге составила округ Чжи-янь-чжоу 寘顏州, часть – Цзюй-янь-чжоу 居延州. Их *сы-цзинь* 俟斤 были назначены *цы-ши* 刺史. В 660 г. их вождя *(цю-чжан* 酋長*)* Ли Хань-чжу 李含珠 сделали губернатором *(ду-ду* 都督*)* Цзюй-янь 居延, после его смерти должность получил его младший брат Цзюэ-доу 厥都. Касательно *си* 霫 ТД (цз. 200) и ТПХЮЦ (цз. 199) с некоторыми незначительными разночтениями сообщают, что они стали известны во времена династии Суй; соседствуют с *мо-хэ* 靺鞨, живут севернее р. Ли-хуан-шуй 理潢水, на «древних сяньбэйских землях» (*сянь-бэй гу-ди* 鮮卑故地). Имеют 10 тыс. войска. Подчинялись тюркам. Их предводитель (*цюй-шуай* 渠帥) назывался *сы-цзинь* 俟斤. При династии Тан приняли подданство. В ЦТШ (цз. 199б) говорится, что они живут на севере от р. Хуан-шуй 潢水, на «древних сяньбэйских землях» (*сянь-бэй гу-ди* 鮮卑故地). На востоке граничат с *мо-хэ* 靺鞨, на западе – с тюрками, на юге – с киданями (ци-дань 契丹), на севере – с *у-ло-хунь* 烏羅渾. Страна с четырех сторон окружена горами. Имеется племя (*бу-ло* 部落) *ду-лунь хэ-цзинь* 都倫紇斤, численностью в 40 тыс. *хозяйств* (*ху* 戶), больше 10 тыс. воинов. В 629 г. их вождь (*цзюнь-шуай* 君長) прибывал с «данью» [Цэнь Чжун-мянь 1958: 751–757].

	賓顔; другая часть – в Цзюй-янь 居延 (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198)	цз. 199); *цю-чжан* 酋長 (с 648 г. – *цы ши* 刺史) (ТПХЮЦ, цз. 198; СТШ, цз. 217б); имеется три племени (*бу* 部): *цзюй-янь* 居延, *у-жо-мо* 無若沒, *ху-ан-шуй* 潢水, у которых три *эркин*а	цз. 199); на восток от *ба-е-гу* 拔野古, соседствуют с *мо-хэ* 靺鞨 (ТПХЮЦ, цз. 198); жили рядом с *тун-ло* 同羅 и *пу-гу* 僕骨, затем от *се-янь-то* 薛延陀 откочевали к р. Ао-чжи-шуй 奥支水, осев у гор Лэн-син-шань 冷陘山, после чего граничили на юге с киданями (*ци-дань* 契丹), на севере – с *у-ло-хунь* 烏羅渾, на востоке – с *мо-хэ* 靺鞨, на западе – с *ба-е-г*у 拔野古 (СТШ, цз. 217б)[38]	цз. 199); 10 тыс. воинов (ТПХЮЦ, цз. 198)

[38] По Г. Е. Грумм-Гржимайло, в верховьях рек Толы и Керулена [1926а: 249, прим.].

Тогда же, в 647 г., видимо, прибыло посольство от *курыкан* (*гу-ли-ганъ* 骨利幹 (ТД, цз. 200; ТПХЮЦ, цз. 200 (по: [Цэнь Чжун-мянь 1958: 747, 748]); ТХЯ, цз. 100, с. 2а–2б), от других племен посольства приходили и позже, как, например, **туба* (*ду-бо* 都播) в 02–31.12.647 (ТД, цз. 199; по: [Там же: 744–745]); ТХЯ, цз. 100, с. 5а) или *кыркыз*ы (*цзе-гу* 結骨) не ранее 29.02–28.03.648: [Малявкин 1980: 115; 1981: 42, 181, коммент. 266]). Учрежденные для них ведомства были созданы в начале 648 г. [Цэнь Чжун-мянь 1958: 260]: для кыркызов военное губернаторство Цзянь-кунь 堅昆 (06.03.648), название которого представляет собой один из вариантов транскрипции этнонима **qiïrqïz* [Малявкин 1989: 19, 20, 145, коммент. 118] и для курыкан округ (*чжоу* 州) Сюань-цюэ 玄闕 (06.04.648) [Там же: 24–25, 145, коммент. 134].

Ориентиром для расселения курыкан во всех ранних источниках является северное направление от уйгуров 瀚海, у «бескрайнего моря» (*хань-хай* 瀚海). При этом китайские источники, впервые регистрирующие посольство от курыкан в 647 г., говорят о том, что они управляются двумя *эркин*ами (кит. *сы-цзинь* 俟斤) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 747, 748], и только более поздние по времени создания компиляции не содержат этого указания (СТШ цз. 217б: 19а–19б; ВСТК[39] цз. 348: 2724а, стк. 17–24) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 749; Taşağıl 2004a: [belgeler] 26 (кит. текст)]. Хушо-Цайдамские надписи, памятники времен т. н. Второго восточнотюркского каганата, когда говорят о похоронах первых тюркских каганов, ретроспективно отсылая, таким образом, ко второй половине VI в., называют в числе изъявивших скорбь по поводу их смерти *üč qurïqan* [Şirin User 2009: 159, 446, 455], т. е. буквально «трех курыкан», что, по-видимому, указывает на трехсоставной характер этого политического объединения. Вопрос о том, как соотносятся друг с другом эти данные о количестве подразделений объединения *курыкан*, не может пока найти уверенного ответа, однако едва ли есть сомнения в том, что, исходя из данных об их численности (4,5 тыс. воинов и более 10 тыс. чел. всего), речь идет о довольно крупных политических единицах и вполне сопоставимых количественно с другими известными китайским авторам племенами. Для сравнения – обе танские истории говорят о стотысячном населе-

[39] Здесь и далее так обозначается «Вэнь-сянь тун-као» 文獻通考.

нии уйгуров, половина из которых – воины, но делившихся при этом на девять племенных подразделений [Цэнь Чжун-мянь 1958: 707, 715] при двух у *курыкан*.

Племя **туба* (*ду-бо* 都播), локализующееся к югу от уйгуров, в 30 днях пути, согласно ранним текстам (ТД, цз. 199; ТПХЮЦ, цз. 198; по: [Цэнь Чжун-мянь 1958: 744–745]); ТХЯ цз. 100: 5а) и даже СТШ (цз. 217б), делится на три племени (*бу* 部), но тот же СТШ (цз. 217) в разделе о кыркызах характеризует соседствующих с ними *ду-бо* 都播 наравне с двумя другими племенами (*ми-ле* 彌列, *гэ-э-чжи* 哥餓支) как *му-ма ту-цзюэ* 木馬突厥, букв. «тюрки деревянных лошадей» – *му-ма ту-цзюэ сань бу-ло* 木馬突厥三部落 «три племени тюрков деревянных лошадей» [Там же: 732][40].

Итак, китайские источники обособляют крупные племенные группировки, связанные с определенной локализацией, не исключая того, что сами они внутри себя не являются единым целым и также могут дробиться. Вместе с тем эти процессы происходили непосредственно в уже фиксируемое время.

С конца 80-х гг. VII в. под давлением тюрков начинается миграция *телэ*ских племен из степи в пределы империи Тан, усиливавшаяся в первое десятилетие VIII в., что сказывалось на реорганизации соответствующих административных ведомств [Малявкин 1980: 123–124]. Рассмотрение этих вопросов не входит в наши задачи. Следует отметить, что это определенным образом сказывалось на облике этнической карты. Между тем на примере уйгуров, захвативших впоследствии доминирующее место среди остальных племен, можно наблюдать также процессы интеграции племен.

СТШ (цз. 217а), повествуя о *хуэй-хэ* 回紇 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 715][41], указывает, что они звались *те-лэ* 鐵勒, и упоминает здесь среди пятнадцати уже *бу-ло* 部落 написание *юань-хэ* 袁紇 вм. *вэй-хэ* 韋紇 (аналогично: *ци-би* 契苾 или «так же» (*и-юэ* 亦曰) *ци-би-юй* 契苾羽

[40] У Н. Я. Бичурина «мума» характеризуется как «поколение лыжных тукюе» [1950: 354], см. иначе: [Қазақстан тарихы 2005: 122, 135б., 58 түсін., 386, 437б., 689 түсін.]. Ср.: *гэ-э-чжи* 哥餓支 < **qaŋačï* или **qaŋač* [Яхонтов 1970: 118, прим. 34].

[41] Ср.: [Visdelou 1779: 128; Бичурин 1950: 301; Позднеев 1899: 47–49; Chavannes 1903: 87, note 3].

вм. *ци-би* 契弊; *ба-е-гу* 拔野古 вм. *ба-е-гу* 拔也古; *ду-бо* 都播 вм. *ду-бо* 都波; *сы-цзе* 思結 вм. *сы-цзе* 斯結), а также упомянуто *а-де* 阿跌 (отождествляемое с племенем *ädiz* Хушо-Цайдамских текстов (см. также: [Малявкин 1981: 27, 83, коммент. 29]). Отмечается также, что *юань-хэ* 袁紇 звались еще *у-гэ* 烏護, *у-хэ* 烏紇 и потом, при Суй 隋, уже *вэй-хэ* 韋紇[42]. Еще источник упоминает такие названия, как, например, *ху-се* 斛薛, *до-лань-гэ* 多覽葛, *бай-си* 白霫, *пу-гу* 僕骨 и др. При описании создания упомянутых выше танских административных единиц, они именуются *бу* 部 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 717].

В начале VII в.[43] *вэй-хэ* 韋紇 объединяются (乃並) с *пу-гу* 僕骨, *тун-ло* 同羅, *ба-е-гу* 拔野古, и первые провозглашают себя именем *хуэй-хэ* 回紇 (кит. 稱回紇) [Там же: 716][44]. Во главе них встает *ши* 氏 *яо-ло-гэ* 藥羅葛, что источник фиксирует так: 回紇姓藥羅葛氏 [Там же: 716] (ср.: [Hirth 1899: 43]).

Комментируя указанный выше раздел СТШ, исследователи отмечают резкое отличие этого сообщения от предшествующих источников в том, что здесь *все телэские племена* помещены в раздел об уйгурах (*хуэй-хэ* 回紇), и при этом *юань-хэ* 袁紇 приводятся среди их предков вместе с другими четырнадцатью племенами (*син* 姓) *те-лэ* 鐵勒 (в данном тексте – *тэ-лэ* 特勒) [Franke 1937, Bd. III: 256; Малявкин 1981: 28, 83–84, коммент. 29]. Ошибочность содержательной и структурной компоненты текста уже отмечалась [Цэнь Чжун-мянь 1958: 715], но само объяснение происхождения этой ошибки может связываться с тем, что со временем *хуэй-хэ* 回紇 заняли доминирующую позицию среди других телэских племен. Иначе говоря, по такой

[42] Обсуждение реконструкции данных форм см.: [Ligeti L. 1986: 334. o.].

[43] Датировать это событие трудно. Согласно К. Цегледи, это имело место ок. 620 г. [Czeglédy 1972: 277]. Следуя Э. Экрему, восстание племен против тюрков, произошедшее гораздо раньше, в начале VII в., создало предпосылки для создания первичной формы политического союза [Ekrem 2015: 218]. Говоря же об этих событиях, следует отметить, что в источниках нет упоминания о том, что в этом восстании принимали какое-либо участие уйгуры [Cheng Fanyi 2012: 97].

[44] Ср. переводы: [Visdelou 1779: 129; Бичурин 1950: 301; Позднеев 1899: 50].

логике, уйгуры (*хуэй-хэ* 回紇), название которых употреблялось более широко, состояли, согласно сложившейся традиции, из 15 племен (*бу-ло* 部落) [Малявкин 1983: 23], и лишь племя (*бу-ло* 部落) *юань-хэ* 袁紇, возглавлявшее их, включало «девять фамилий» (*цзю син* 九姓), среди которых *яо-ло-гэ* 藥羅葛) и др. [Цэнь Чжун-мянь 1958: 720–721].

При этом Ф. Хирт, обратив на это внимание, а также на фразу 藥羅葛回紇姓也 [Там же: 721] ‘Die Yo-lo-ko sind identisch mit dem Stamme der Hui-ho’, предположил, что *яо-ло-гэ* 藥羅葛 может являться одной из форм произношения *Uigur*, при этом *цзю син* 九姓 «Neun Stamme» могут соответствовать *Toquz Oguz* древнетюркских рунических текстов, ведь другие племена упоминаются самостоятельно как в китайских, так и в тюркских источниках и навряд ли могли входить в Neun Stamme [Hirth 1899: 36–37] (ср.: [Marquart 1898: 23; Barthold 1897: 24]). Это, однако, не так, поскольку *яо-ло-гэ* 藥羅葛 отражает транскрипцию названия правящего рода **jaγlaqar* (см.: [Hamilton 1955: 2; 1962: 41–42; Ligeti 1986: 336. o.]), в разных формах зафиксированного в других источниках[45]. В китайском тексте Карабалгасунской надписи уйгурский каган назван «каганом уйгуров, [принадлежащим к] девяти фамилиям» (九姓迴鶻) [Orkun 1994: 232, 240; Hamilton 1962: 29; Yoshida 2020: 010, 092, 094][46]. Второй же аргумент самого Ф. Хирта говорит лишь о том, что *Toquz Oguz* были таким же от-

[45] Ср.: др.-тюрк. *j*^{l}*γl*^{l}*qr*^{l} (VIII–IX вв.) [Şirin User 2009: 135, 474, 478], др.-уйг. (IX–X вв.) *y'xl'xyr* [Manuscrits ouïgours 1986: 85, 295], согд. маних. (IX в.) *yγl'x*r [Lurje 2010: 456], согд. *yγl-'xr* [Лурье 2010: 283], ср.-перс. маних. (IX в.) *yaglâχar* [Müller 1912: 8, 10 (Linie 62), 34–35; 1920: 311], тиб. (VIII в.?) *yag-leker* ཡག་ལེ་ཀེར་ [Clauson 1957: 20; Ligeti 1971: 180; Ventury 2008: 15, 24], хот.-сак. (X в.?) *yahä:ḍaka'ra* [Bailey 1951: 3, 17–18; Henning 1938: 555].

[46] Прежде уже Н. Я. Бичурин, комментируя встречающееся далее упоминание сочетания *цзю син ху* 九姓胡, когда, по его переводу, речь идет о *хуэй-хэ* 回紇 [1950: 324, 325], писал: «По *Ганму тйелэских девяти прозваний,* т. е. девяти владетельных линий, ойхорского [хойхуского] Дома» [Там же: 323, прим. 995]. Э. Шаванн и П. Пельо тоже предполагали, что под *цзю син ху* 九姓胡 понимаются «Toghuzghuz, aux “neuf Oγuz” (ouigours)» [Chavannes, Pelliot 1913: 268–269, note 3]. Все же речь здесь о согдийцах.

дельным объединением, как и ряд известных по китайским и тюркским источникам племен, в т. ч. и сами уйгуры (см.: [László 1942: 108–109; 1950: 42–43])[47].

Этот момент в источнике обусловил дискуссию вокруг проблемы соотношения наименований, усложненную затем упоминанием в памятнике Могойн Шинэ Усу в одной конструкции *on ujγur toquz oγuz* ‘десять уйгуров (и) девять огузов’ (МШУ, Сев, стк. 3(3)) и встречающимся ниже *säkiz oγuz* ‘восемь огузов’ (МШУ, Вост, стк. 1(13), 3(15)). Следует отметить еще факт использования формулировки *on uγγur* в древнеуйгурских документах из Восточного Туркестана [Hamilton 1962: 39–40; Katayama 1981: 47; Zieme 2000: 208; Cheng Fanyi 2012: 95].

Согласно докладу арабского посланца Тамӣм б. Баҳра, посетившего ок. 808 г. резиденцию кагана *туґузгуз*ов, т. е. уйгуров[48], этот каган имел войско в 12 тыс. чел., вокруг его лагеря группировались 17 подчиненных вождей *(qā‘īd)*, каждый из которых имел 13 тыс. воинов [Minorsky 1948: 281, 284][49]. Э. Дж. Пуллиблэнк рассматривал эти восемнадцать племен соответственно как десять уйгурских и восемь огузских, частью которых, собственно, уйгуры и были, составляя девятое племя [Pulleyblank 1956: 40–41]. К. Цегледи, нашедший в повествовании арабского путешественника указание на то, что девять уйгурских племен были такими уже мощными, как восемь огузских, раскрывал всю картину племенной организации, отраженной, по его мнению, именно в формулировке *On Uyγur – Toquz Oγuz*, где только девять кланов уйгуров были компонентом девятиплеменного огузско-

[47] Примечательно отметить и факт использования формулировки «девять фамилий» (*цзю син* 九姓) в других контекстах [Pulleyblank 1956: 320–322, note 1: 334, note1: 345, 353; Czeglédy 1949: 292–293. o.; 1972: 276–277; Ekrem 2015: 194–195].

[48] Об использовании понятия *туґузгуз* в мусульманских источниках см.: [Minorsky 1948: 287; Sümer 1979: 68].

[49] По переводу Ф. М. Асадова – «приблизительно в двадцать тысяч человек» у *ẖāḳāна* и у его предводителей – «при каждом три тысячи воинов» [Арабские источники 1993: 48]. В литографии, опубликованной в статье В. Минорского [Minorsky 1948: 281]: относительно *ẖāḳāна* – *naḥū min ’ṯna ‘ašr alf raǰul*, т. е. ‘около двенадцати тысяч человек’, относительно вождей – *ṯaliṯah ‘ašr ’lfa*, т. е. ‘тринадцать тысяч человек’.

го объединения и включали также один десятый элемент *(toquz oγuz)* [Czeglédy 1972: 278–279; Vásáry 2003: 85. o.]. В последующем К. Цегледи счел возможным говорить о наличии девяти собственно уйгурских племен, одного племени кагана и восьми племен огузов [Czeglédy 1982: 92, anm. 4]. Иное видение предложил А. Рона-Таш. В составе девятиплеменного объединения (конфедерации) «девяти огузов» *(тоқуз огуз)* племя *уйгур* считалось девятой единицей, но само состояло из девяти единиц. Поэтому при перечислении в источниках девяти племен всего объединения, когда перечень доходит до ведущего племени, то называются девять входящих в него единиц, что в итоге дает в общей сумме семнадцать единиц; однако, с другой стороны, девять составляющих могут рассматриваться как девять «малых племен», присоединяющихся к единице более высокого таксономического порядка, являющегося одним из девяти племен всего объединения, что дает восемнадцать в сумме. При этом, когда все объединение выступало как единое целое, племя *уйгур* контролировало «девять огузов» [Róna-Tas 1999: 341–342, fig. 68]. А. Катона-Кисс предложил решение, согласно которому было девять собственно уйгурских племен и восемь огузских, но из первых выделилось еще собственно «каганское» племя, считавшееся наряду с династийным племенем такой же социальной единицей [Katona-Kiss 2007][50].

Сегодня есть возможности представить понимание специфики социально-политической организации кочевнических народов, учитывая опять же дискуссионность и относительность применяемых исследователями дефиниций [Khazanov 1994: 119–122; Хазанов 2002: 217–219]. Исследователями отмечался факт, что политические группировки *хуэй-хэ* 回紇, *пу-гу* 僕骨/僕固, *тун-ло* 同羅 и *ба-е-гу* 拔也古/拔野古 локализуются в местности долин рек Селенги и Толы

[50] Различия в понимании фрагмента, данного в ТХЯ (цз. 98) и далее в других источниках (ТПХЮЦ, цз. 199; СТШ, цз. 217а), включающего перечень «девяти фамилий» (*цзю син* 九姓) собственно *хуэй-хэ* 回紇, привели к появлению новых интерпретаций [Katayama 1981: 39–55; Senga 1990: 59; Cheng Fanyi 2012: 101]. Так, «девять фамилий» уйгуров (*цзю син хуэй-хэ* 九姓回紇) рассматривались Катаяма Акио и Сенга Тору как фамилии племенных предводителей, позже ставшие наименованиями племен. Но такое предположение вызывает больше вопросов, нежели предлагает какие-либо решения [Ekrem 2015: 217–218].

[Marquart 1898: 21; Hirth 1899: 37; Ögel 1955: 370–371], что дало повод еще Ф. Хирту охарактеризовать их как «Die Tola-Gruppe», и именно их, благодаря косвенным данным китайских источников, можно рассматривать как основу будущего объединения, известного затем в китайских источниках как «девять фамилий» (*цзю син* 九姓), в древнетюркских – *toquz oγuz* [Ögel 1955: 375; Ekrem 2015: 199].

Эти «девять фамилий» (*цзю син* 九姓) впервые упомянуты в источниках в 630 г., в период разгрома Се-ли 頡利 кагана, в ЦТШ и СТШ [Graff 2002: 51; Vásáry 2003: 84. o.; Ekrem 2015: 190]. Известны разные точки зрения на состав этого объединения[51], который прямо нигде не регистрируется, и там, где о нем косвенно упоминается, просто пишется сочетание *те-лэ цзю син* 鐵勒九姓.

Есть некоторые проблемы с тем, с каких пор мы можем отсчитывать самостоятельную политическую историю какого-то сплоченного формирования из племен *те-лэ* 鐵勒. Был ли этот момент связан с восстанием против Да-тоу 達頭 кагана, погибшего в 603 г., когда упоминаются *сы-цзе* 思結, *хунь* 渾, *тун-ло* 同羅 и *пу-гу* 僕骨[52], или это уже восстание против Чу-ло 處羅 кагана, начавшееся в 605 г.[53], воз-

[51] Лю Мао-цай считает возможным отнести к *цзю син* 九姓 племена *сы-цзе* 思結, *ба-е-гу* 拔野古, *пу-гу* 僕骨, *тун-ло* 同羅 и *хунь* 渾, а у Дин Цянь 丁謙 в «Пэн-лай сюань ди-ли сюэ цун-шу» 蓬萊軒地理學叢書 к этому ряду отнесены еще *се-янь-то* 薛延陁 и *хуэй-хэ* 回紇 [Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 212; Bd. II: 592, Anm. 831]. Цэнь Чжун-мянь считал, что к ним относятся *хуэй-хэ* 回紇, *ба-е-гу* 拔野古, *тун-ло* 同羅, *пу-гу* 僕骨, *а-де* 阿跌, *бай-си* 白霫, *ци-би-юй* 契苾羽, *сы-цзе* 思結, *хунь* 渾 [1958: 712, 714]. По мнению А. Г. Малявкина, уже в 10-х гг. VIII в. в составе этого племенного союза упоминаются *сы-цзе* 思結, *ху-се* 斛薛, *ци-би* 契苾, *се-янь-то* 薛延陁, а также *ба-е-гу* 拔野古, *тун-ло* 同羅, *хуэй-хэ* 回紇, *пу-гу* 僕骨 [1980: 122, прим. 105: 123, 124]. Как полагает А. Г. Малявкин, СТШ называет входящие в «девять фамилий» (*цзю син* 九姓) поколения (*бу* 部), среди которых *хуэй-хэ* 回紇, *пу-гу* 僕骨, *хунь* 渾, *ба-е-гу* 拔野古, *тун-ло* 同羅, *сы-цзе* 思結, *ци-би-юй* 契苾羽. В ЦТШ (цз. 38:17а, 17б) они упомянуты как *цзю син бу-ло* 九姓部落 (ср.: [Там же: 123]).

[52] См.: [Chavannes 1903: 50, note 4; Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 108; Bd. II: 558, anm. 555].

[53] Обсуждение датировки см.: [Грумм-Гржимайло 1926 т. II: 236–237; Боровкова 1992: 102; Ôsawa 2006: 492, 496].

главляемое племенами *ци-би* 契苾 и *се-янь-то* 薛延陁, завершение которого относят к 611[54], 613[55], 618[56] или даже к 620 г.[57], когда их вожди сложили с себя полномочия и подчинились Шэ-гуй 射匱 кагану или его преемнику[58].

В биографии А-ши-на Шэ-эр в ЦТШ (цз. 109) говорится, что он руководил племенами *хэ-гу* 紇骨, *тун-ло* 同羅 и другими (*дэн* 等) племенами (*чжу-бу* 諸部) *те-лэ* 鐵勒, но в соответствующем месте в СТШ (цз. 110) говорится о его руководстве такими племенами (*чжу-бу* 諸部) *те-лэ* 鐵勒, как *хуэй-хэ* 回紇, *пу-гу* 僕骨 и *тун-ло* 同羅 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 174, 787–788][59], т. е. в ЦТШ при написании *хуэй-хэ* 回紇 и *пу-гу* 僕骨 выпущено по первому иероглифу. В первой половине 628 г., когда Се-ли 頡利 каган потерпел поражение, *хуэй-хэ* 回紇 отправили посольство к танскому двору [Малявкин 1980: 107, прим. 18]. Согласно двум разным фрагментам СТШ, относящимся соответственно к тюркам (цз. 215а) и *ба-е-гу* 拔野古 (цз. 217б), в 629 г., предводители *ба-е-гу* 拔野古, *тун-ло* 同羅, *пу-гу* 僕骨, *си* 霫 и *си* 奚 прибыли к танскому двору [Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 194; Bd. II: 640, anm. 1094; Taşağıl 2004a: 151]. Отсутствие в источниках как упоминаний о конфликтах между *хуэй-хэ* 回紇 и *се-янь-то* 薛延陁 в период 630–646 гг., так и сведений о контактах между *хуэй-хэ* 回紇 и Танской империей в 630–640-х гг., активизировавшихся после упомянутого периода, позволяет исследователям делать предположение, что это было время укрепления позиций *хуэй-хэ* 回紇, занимавших по отношению к

[54] См.: [Taşağıl 1999: 33; Камалов 2001: 61].

[55] См.: [Боровкова 1992: 103].

[56] См.: [Грумм-Гржимайло 1926а: 243; Гумилев 1967: 57].

[57] См.: [Цянь Бо-цюань 1992: 98–99].

[58] Видимо, с последним событием связано упоминание в СТШ, что племена *хуэй-хэ* 回紇, *ба-е-гу* 拔野古, *а-де* 阿跌, *тун-ло* 同羅, *пу-гу* 僕骨 и *бай-си* 白霫, помещенные у горы Юй-ду-цзюнь 郁督軍 (*Ötükän), подчинились восточно-тюркскому Ши-би 始畢 кагану (609–619) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 95–96, 684–685; Chavannes 1903: 95; Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 354; Bd. II: 721, Anm. 1793; Taşağıl 1999: 33, 99; Қазақстан тарихы 2006: 368б.].

[59] См. также: [Chavannes 1903: 174; Liu Mau-Tsai 1958: Bd. I: 263; Bd. II: 672, Anm. 1369; Taşağıl 1999: 50, dipnot 90].

се-янь-то 薛延陁 не подчиненное, но союзническое положение [Малявкин 1980: 111–112] (ср.: [Ekrem 2015: 198–199]).

В СТШ (цз. 217а) при описании созданных Танской империей на территории Центральной Азии округов иероглиф *бу* 部 следует только за названиями первых шести племен (*хуэй-хэ* 回紇, *до-лань-гэ* 多濫葛, *пу-гу* 僕骨, *ба-е-гу* 拔野古, *тун-ло* 同羅, *сы-цзе* 思結, вероятно, самых крупных на тот момент [Ögel 1971: c. II, s. 34; Малявкин 1989: 26]. Лишь в ТХЯ (цз. 98, с. 2б) прямо пишется: 其九姓一曰回紇二曰僕固三曰浑四曰拔野古五曰同罗六曰思結七曰契苾 (ср.: [Ekrem 2015: 191–192]). Исходя из данных ТХЯ, сначала они составляли «племя семи фамилий» (*ци син бу* 七姓部), появившись на исторической арене лишь во времена Тан [Pulleyblank 1956: 39]. Аналогично в ТПХЮЦ (цз. 199) [Цэнь-Чжун-мянь 1958: 714; Кюнер 1961: 33; Зуев 2002: 83–84][60]. В период 713–741 или 742–756 гг.[61] к ним присоединились *а-бу-сы* 阿布思[62] и *гу-лунь-у-гу-сы* 骨崙屋骨思[63].

Таким образом, итоговый список «девяти фамилий», наиболее точно отраженный в ТХЯ (цз. 98), обычно принимают в таком виде [Pulleyblank 1956: 39–40; Hamilton 1962: 24–25; Mackerras 1990: 320][64]. О вхождении тех или иных племен в состав объединения, име-

---

[60] См. также: [Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 212; Bd. II: 592, Anm. 831; Ekrem 2015: 191–192].

[61] Согласно Э. Экрему, в 715 г. [Ekrem 2015: 208–210]. См., однако: [Зуев 2002: 84].

[62] Н. В. Кюнер и Ю. А. Зуев указывают на чтение *а-цзе-сы* 阿結思 в ТПХЮЦ, при том второй поправляет на более правильное *а-бу-сы*. В издании источника, которым мы пользовались, находим, однако, написание *а-бу-сы* 阿布思 и второе наименование – *гу-лунь у-гу-сы* 骨崙屋骨思 (цз. 199: 10б) [Сун-бэнь тай-пин хуань-юй цзи 1999: 368]. Ср. A-pu-ssu 阿布思 и Ku-lung-wu-ku 骨崙屋骨 [Pulleyblank 1956: 39]. См. также: [Цэнь Чжун-мянь 1958: 714; Ekrem 2015: 193, dipnot 13].

[63] Так по ТПХЮЦ, в ТХЯ *гу-лунь-у-гу-кун* 骨崙屋骨恐 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 714; Ekrem 2015: 193, dipnot 13], т. е., вероятно, *гу-лунь у-гу-си* 骨崙屋骨悉; у Н. В. Кюнера *гу-лунь-ши-гу-сы* ошибочно) [1961: 33–34]. Ср. у Ю. А. Зуева: *гу-лунь-у-гу-сы* 骨崙屋骨思 < **kuət-ljuĕn `uk-kuət-si* < * *külün oyuz* «кюлюнские огузы» [2004 № 2: 4].

[64] По замечанию Ю. А. Зуева, основанному на сообщении ТПХЮЦ, именно семь первых племен и входили в «девять фамилий», и позже, с тан-

нуемого в китайских источниках *цзю син те-лэ* 九姓鐵勒 или *цзю син чи-лэ* 九姓敕勒, имеются только косвенные данные касательно конкретных временных периодов. Среди них *хуэй-хэ* 回紇, *сы-цзе* 思結, *ба-е-гу* 拔曳固 / 拔野古, *ту-гу* 僕骨 / 僕固, *тун-ло* 同羅, *до-лань-гэ* 多濫葛 в период 660–663 гг. [Ekrem 2015: 207–208], в то время как на 715 г. это *а-бу-сы* 阿布思[65], *сы-цзе* 思結, *цы-би-юй* 契苾羽, *хунь* 渾,

---

ского периода, с эры правления *тянь-бао* 天寶 (742–756) стали относить еще два племени. Э. Экрем соглашается с мыслью, что в составе *цзю син* 九姓 не было девяти племен до создания Уйгурской империи в 745 г. [Ekrem 2015: 195]. Другие исследователи также соглашаются с тем, что состав этого объединения и число входивших в него племен были гибкими и динамичными [Katona-Kiss 2007: 239–240. o.; Батсүрэн 2009 т. 36–37; Cheng Fanyi 2012: 99–102, 103].

[65] Связь А-бу-сы 阿布思 с «девятью фамилиями» можно объяснить следующим образом. Под 715 г. источники упоминают, что Мо-чо 默啜 сражался с предводителем «девяти фамилий» (*цзю син шоу-лин* 九姓首領) А-бу-сы 阿布思, «девять фамилий» «разрушились» (*да куй* 大潰), погибло много людей и скота, А-бу-сы 阿布思 с несколькими людьми бежал и покорился империи Тан [Цэнь Чжун-мянь 1958: 548, 571, 600, 1036; Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 170; Taşağıl 2004a: 70]. ЦФЮГ (цз. 986, с. 26б), имея в виду лидера восстания, убитого в 753 г., упоминает, что «А-бу-сы – предводитель “девяти фамилий”» (*а-бу-сы цзю-син шоу-лин е* 阿布思九姓首領也), ниже еще он называется А-бу-сы *дунь*-(< **се*-)*ли-фа* 阿布思頓(< *頡)利發, т. е. *элитбер* (ср.: [Bombaci 1970: 18]), как раз бежавший с каганской семьей в 742 г. (см.: [Цэнь Чжун-мянь 1958: 460, 576, 604). Можно подумать, что в ЦТШ (цз. 9) он именуется «внуком» (*сунь* 孫) Мо-чо 默啜 [Taşağıl A. 2004b: 78], но это слово относится не к нему (突厥阿布思及默啜可汗之孫; ср.: [Цэнь Чжун-мянь 1958: 458; Liu Mau-Tsai 1958, Bd. I: 261]). В науке есть дискуссия, один ли и тот же это человек, как считают Э. Дж. Пуллиблэнк и Цэнь Чжун-мянь, или нет, как возражает Лю Мао-цай [Pulleyblank 1955: 167–168; Цэнь Чжун-мянь 1958: 1036 сл.; Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 327; Bd. II: 700–701, Anm. 1655]. Цэнь Чжун-мянь видит в его имени звучание **aybaš* [1958: 482]. К. Цегледи, восстанавливая его имя как **Abuz*, пытается видеть его в *b.z q(a)γ(a)n* орхонских надписях [Czeglédy 1973: 266, note 26]. Племя *а-бу-сы* 阿布思 упоминается среди телэских племен в 647 г. К. Макеррас написал, что «the A-pu-ssu was originally a subtribe of the Ssu-chieh, and the Ku-lun-wu-ku a combination of two

хуэй-хэ 回紇, *тун-ло* 同羅 [Ekrem 2015: 208–212], а на 717 г. – *хуэй-хэ* 回紇, *хунь* 渾, *цы-би* 契苾, *тун-ло* 同羅, *пу-гу* 僕骨 / 僕固, *се-де* 跋跌 [Ibid. 2015: 212–215][66].

В общем-то в конечном виде союз оформился, по-видимому, ранее – по меньшей мере, ко временам Капган кагана. Это подтверждает эпитафия принцессы Сянь-ли Пи-цзя 賢力毗伽 (723 г.), где *цзю син* 九姓 уже упоминаются [Цэнь Чжун-мянь 1958: 810; Chavannes 1912: 83, note 4], а также эпитафии А-ши-на Пи-цзя тэ-цинь

---

tribes» [Mackerras 1990: 320]. Дело в том, что при описании администрирования Танской империей принявших подданство *тел*эских племен в обеих танских историях упомянуто племя *сы-цзе* 思結, для которых организован их округ (*чжоу* 州) Лу-шань 盧山 [Малявкин 1981: 36, 144, коммент. 172], но ниже в ЦТШ (цз. 195) названо *а-бу-сы* 阿布思 их округ Гуй-линь 歸林 (ошибочно вм. Дай-линь 蹛林 как в СТШ, см. далее) [Там же: 36, 145, коммент. 174], но в ЦЧТЦ (цз. 198, с. 27а) и СТШ (цз. 217а) написано вместо этого племенного названия *сы-цзе ли-бу* 思結別部, т. е. ‘часть племени *сы-цзе*’ [Цэнь Чжун-мянь 1958: 249, 708, 717; Chavannes 1903: 91, note 3], в ЦФЮГ (цз. 170, с. 15а) приводится просто название *сы-цзе* 思結. Если все же А-бусы 阿布思, упоминавшийся в 715 г. и затем в 742 г. и далее – один и тот же персонаж, внук Мо-чо 默啜, т. е. Капган кагана, то выходит, что в 715 г. он руководил *токуз огуз*ами, в 742 г. занимал должность западного *йабгу* в Восточно-Тюркском каганате, можно было бы допустить, что при Мо-чо 默啜 он руководил *тел*эскими племенами. В тех же текстах, где говорится о 715 г., упоминается о прибытии к танскому двору многих племенных предводителей и бегстве многих вождей, в т. ч. собственно тюркских [Цэнь Чжун-мянь 1958: 548, 571, 600, 1036; Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 170; Taşağıl 2004a: 70]. Если эта гипотеза верна, можно предположить, что на тот момент *токуз огуз*ы входили в восточнотюркское объединение как цельная военно-административная единица.

[66] В качестве лучшего примера может быть, пожалуй, появляющееся неожиданно в текстах под 788 г. и затем резко возвысившееся в 795 г. племя **ädiz* (*се-де* 跋跌, *а-де* 阿跌 / 阿咥 / 阿耋, *хэ-де* 訶咥) [Малявкин 1983: 21–22; Mackerras 1990: 320] (см. также: [Chavannes 1903: 87–88, note 3]), хотя известное и ранее, но появляющееся эпизодически [Малявкин 1981: 28, 85, коммент. 29].

阿史那毗伽特勒 (681–724) [Iwami 1992: 57, 59, 69–70, endnote 28][67]. Кроме того, упомянутые в тибетском манускрипте № 1283 из коллекции П. Пельо (стк. 15) *Dru-gu rus dgu* དྲུ་གུ་རུས་དགུ་ ‘тюрки девяти костей’ дополняют возможности в сопоставлении *цзю син* 九姓 и *toquz oγuz* [Iwami 1992: 57, 59, 69–70, endnote 28, note 5].

В орхонских памятниках *тогуз огузы* фигурируют как враги тюрков, имея своего Баз кагана (КТб, стк. 14 = БК, X, стк. 12: *baz qaγan toquz oγuz bodunï jaγï ärmiš*)[68]. Также тюрки отдельно борются против *уч огузов (üč oγuz)* (БК, X, стк. 32)[69] и огузов (КТб, стк. 28 = БК, X, стк. 23; Кб, стк. 6, 7, 8; БК, X, стк. 32, 33, 34), в тексте Могой Шинэ Усу упоминаются *säkiz oγuz* ‘восемь огузов’ (МШУ, Вост, стк. 1(12), 3(14)). В надписи Тоньюкука в уста кагана огузов вкладывается самоидентифицирующая фраза: «…нас, огузов…» (Тон, I, Южн, стк. 3(10): *bizni oγuzuγ*). После победы над огузами Тоньюкук констатирует, что

[67] Как заметила И. Тоган, ТД, наиболее ранний источник танского времени, описывающий интересующие нас события, и опиравшийся на тексты, скомпилированные в период 730–740 гг. в «Чжэнь дянь» 政典, не содержит никаких упоминаний о существовании подобного объединения «девяти фамилий» *цзю син* 九姓 [Togan 2015: 92]. Исследовательница отмечает, что сведения о «девяти фамилиях», заключенные в наших основных источниках, ЦТШ (945 г.) и ТХЯ (961 г.), датируются не ранее середины X в. Она, по-видимому, склоняется к гипотезе Т. Сенга о том, что разделение уйгуров на девять кланов могло осуществиться уже в период после того, как они заняли доминирующие позиции в Центральной Азии, хотя оставляет вопрос открытым, отмечая упоминание *toquz oγuz* в памятниках древнетюркской руническ ой письменности [Ibid.: 92–93]. Но, по-видимому, не только этот факт, но и упоминание «девяти фамилий» (*цзю син* 九姓) в названных эпитафиях позволяет отвести все сомнения.

[68] Наличие этого сочетания в другом источнике исключает возможность толкования *baz* как «чужой» [Кононов 1980: 215], а также возможность предложенной П. Б. Голденом трактовки *baz qaγan* как ‘vassal qağan’ [Golden 1980: 41, note 111; Golden 1982: 57]. В словаре Абӯ-Хаййāна слово толкуется как ‘sulh’ [Donuk A. 1988: 67]. В Хангидайской надписи персонаж с таким именем носит титул *qan*, а его сын, мемориант данной надписи, назван просто *элигом* [Баттулга, Кормушин 2009]. Ср. перевод ‘bağımsız, tâbi’ [Şirin User 2009: 180, 305] (ср.: [Divitçioğlu 2005: 162]).

[69] По-видимому, ошибочная трактовка. См. о ней ниже.

«все огузы покорились» *(kälti)* (Тон, I, Южн, стк. 8(16)), затем мы уже не видим их противниками тюрков, но тюргешский каган произносит потом: «…тюркский народ [находится] в смятении… […] и огузы тоже в рассеянии» (Тон, I, Вост, стк. 5(22): *türᵘᵘk bodun jämä bulγanč ol …* […] *oγuzï jämä tarqïnč ol*)[70]. В надписи Тоньюкука Бильге каган предстает как правитель тюрков счастливого народа и народа огузов (Тон, II, Сев, стк. 4(62): *türᵘᵘk bilgä qaγan türᵘᵘk sir bodunuγ oγuz bodunuγ igidü olorur*) ‘Тюркский Бильге каган, тюрков счастливый народ (и) огузов народ возвышая, восседает [правит]’). Кроме того, в памятнике Бильге кагана ясно говорится, что «в [возрасте] тридцать четыре года (мои)[71] огузы, убежав, (в) табгач[ей состав] вступили; сожалея [об этом], воевал (я) [с ними]» (БК, X, стк. 35: *otuz artoqï tört jašïma oγuz täzip tabγačqa kirti ökünüp sülädim*)[72]. В одном из фрагментов текста Бильге кагана *türᵘᵘk bodun* и *oγuz bodun* упомянуты синтаксически равноправно (БК, X, стк. 33). Таким образом, в текстах Кюль тегина, Бильге кагана и Тоньюкука самостоятельно употребляется как *toquz oγuz bodun*, так и *oγuz bodun* (см.: [Şirin User 2009: 159–160]), причем второе явно имеет расширительное значение по сравнению с первым[73].

Позже, в эру правления *тянь-бао* 天寶 (742–756), видимо, после войн 744–754 и 746–756 гг. соответственно [Камалов 2001: 89–90], к этим девяти присоединились еще два племени – *басмылы* и *карлуки* (часть их, та, что покорилась)[74], которые, однако, не были равноправными. Согласно ТХЯ (цз. 98, с. 2б), «имеется одиннадцать *ду-ду*; “девяти фамилий” племена в одном племени ставят одного *ду-ду*; от главенствующего клана избирается некто по [своему] авторитету, который для этого [назначения] устраивается»[75], и далее: «покоренные басмылы и карлуки, оба получили по одному племени, каждое [из

[70] По поводу *tarqïnč* см.: [Rybatzki 1997: 54, 55, Anm. 145].

[71] Период 16.02.717–04.02.718 [Bazin 1991: 188].

[72] Касательно трактовки *ökün-* как ‘сожалеть’ см.: [Tekin 1994: 256b].

[73] Контексты употребления слова *огуз* в орхонских памятниках см., напр.: [Айдаров 1971: 109].

[74] По ТХЯ (цз. 100, с. 11а). См. также: [Камалов 2001: 90].

[75] 有十一都督九姓部落一部落置一都督于本族中選有人望者為之.

них] установило *ду-ду* одного человека; всякий раз, когда ряды строятся в сражении, тогда эти два гостевых племени на острие»[76]. ЦТШ (цз. 195) также указывает, что имеются одиннадцать *ду-ду* 都督, далее, после перечисления племен, отмечается: «каждое одно племя – один *ду-ду*» (每一部落一都督) и далее: «разбитые басмылы получили одно племя, разбитые карлуки получили одно племя, каждое [из них] установило *ду-ду* пять человек; общее название “одиннадцать племен”; всякий раз, когда ряды строятся в сражении, обычно эти два гостевых племени в авангарде»[77] [Цэнь Чжун-мянь 1958: 712].

ТХЯ (цз. 100, с. 11а) различает *гэ-лу* 葛祿, т. е. карлуков, и племена «девяти фамилий» (*цзю-син бу-ло* 九姓部落) [Там же: 467]. СТШ (цз. 217б) также различает *цзю син* 九姓 и *гэ-ло-лу* 葛邏祿, т. е. карлуков [Там же: 759; Бичурин 1950: 347; Chavannes 1903: 85–86, note 4; Taşağıl 2004a: 154]. Карлуки, следуя источникам, разделялись на три «рода» (*сань цзу* 三族) или три «фамилии» (*сань син* 三姓) [Hirth 1899: 43–44][78], что подтверждается китайской частью Карабалгасунской надписи, где упомянуты «три фамилии» (*сань син* 三姓) карлуков [Schlegel 1896: 27, 28; Васильев 1897: 22; Камалов 2001: 194], и чему соответствует *üč qarluq* древнетюркских рунических надписей Уйгур-

---

[76] 破抜悉蜜及葛邏祿皆收一部落各置都督一人每行止戰鬬以二　客部落為鋒. В ТПХЮЦ (цз. 199) написано: 有十一都督九姓部落　一部落置一都督於本族選有人望者為之, и далее: 被 (< *破)抜悉密及葛羅祿各收一部落各置都督一人每行止戰鬬以二客部落為軍鋒 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 714]. В переводе Н. В. Кюнера: «Главный управитель находится в основном племени (цзу), выбирает людей для наблюдения, велит им охранять. Басими и Гэлолу каждое собрало одно поколение, каждое учредило по одному управителю. Всякий раз, как начинают и прекращают войну, из двух чужеземных поколений делают авангард войска» [Кюнер 1960: 33].

[77] 破拔悉密收一部落破葛邏祿收一部落各置都督五人統號十一部落　每行止鬥戰常以二客部落為軍鋒.

[78] См.: [Chavannes 1903: 85–86, note 4; Малявкин 1989: 21, 119, коммент. 36, с. 40, 168–170, коммент. 250–252, с. 42, 43].

ского каганата[79] (МШУ, Сев, стк. 11(11), Южн, стк. 1(25), 4(28); Тар, Сев, стк. 3)[80].

Басмылы в 743 г. включали сорок «фамилий» (*син* 姓) [Schlegel 1896: 28; Васильев 1897: 22], однако все размышления по поводу этимологии их названия[81], а в связи с этим и их формирования и состава[82] снимаются в связи хотя бы с тем, что в ЦТШ они упоминаются в 744 г. как *цзю син* 九姓, хотя полностью сочетание звучит как *ту-цзюэ цзю син ба-си-ми* 突厥九姓拔悉密 (цз. 103, с. 16а, цз. 9, с. 13а, цз. 83, с. 6а)[83]. В ЦФЮГ (цз. 965, с. 3б) под 7-м месяцем 3-го года эры правления *тянь-бао* 天寶 (13.08–10.09.744) упомянут *цзю син е/шэ-ху* 九姓葉護, т. е. ‘*йабгу* девяти фамилий’, Ху-люй 賀獵, под которым должен пониматься Ху-люй Пи-цзя 賀獵毗伽可汗 каган, предводитель *басмылов* [Там же. 1958: 465]. Из других источников при этом известно, что в 742 г. только *уйгуры* и *карлуки* провозгласили себя соответственно правым и левым *йабгу* [Там же: 719]. Возможно, здесь

[79] Это сочетание, кстати, еще больше ослабляет версию об отождествлении карлуков с *сань цзу* 三族 китайских источников и *уч огуз (üč oγuz)* орхонских надписей (БК, Х, стк. 32) [Hirth 1899: 43–44; Грумм-Гржимайло 1926а: 289, прим. 6(4); Гумилев 1961: 21; 1967: 61], на шаткость которой, впрочем, уже неоднократно указывалось [Бартольд 1968а: 303, прим. 112; Giraud 1960: 40; Cheng Fanyi 2012: 91–92]. Последнее сочетание встречается в контексте повествования о нападении тюрков на огузов и их упорном сопротивлении: *ilki sü taš*[*iq*]*miš ärti ekin sü äbdä ärti üč oγuz süsi basa kälti* ‘первое войско отправившими были (они), второе войско дома было; три огузских войска, нападая, пришли’. Подобный перевод предлагался еще В. Томсеном [Thomsen 1896: 125].

[80] Поскольку в случае с Тариатской (Терхинской) надписью порядок строк остается предметом дискуссии [Кляшторный 2010: 34], здесь и далее мы избегаем обозначения общей нумерации.

[81] Впрочем, казус давно снят П. Пельо [Pelliot 1959: 47–51].

[82] См.: [Аристов 1896: 365 (написано: 465, опечатка); Грумм-Гржимайло 1926а: 256; Гумилев 1967: 213, прим. 19, с. 266, прим. 31]. Об истории *басмыл*ов см. теперь: [Golden 2006–2007].

[83] При этом в цз. 103 здесь (видимо, по ошибке) написано *ши син* 十姓. А. Ташагыл переводит данные из цз. 103 и цз. 9 разными конструкциями, хотя в оригинале тексты разнятся незначительно (см., напр.: [Taşağıl 2004b: 77]).

как раз пример того, что объединение *цзю син* 九姓 представлялось поздним китайским авторам чем-то непостоянным по своему племенному составу. Тот же источник (ЦФЮГ, цз. 975, с. 25а) под 3-м месяцем 3-го года (31.03–28.04.743) называет *цзю син шоу-лин хуэй-ху* 九姓首領回鶻 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 468], т. е. ‘предводителя девяти фамилий [который из] уйгур’.

ТХЯ (цз. 94, с. 10б–11а) на 647 г. отдельно упоминает *се-яньто* 薛延陁 и *те-лэ цзю син* 鐵勒九姓 (ср.: [Кюнер 1961: 46]). К этой коалиции трудно, вопреки однозначным утверждениям [Малявкин 1989: 124], отнести, например, *ба-е-гу* 拔野古[84], упомянутых также как *цзю син ба-е-гу* 九姓拔曳固 (ТД, цз. 198, с. 11б; ЦТШ, цз. 194а, с. 28а) или (в ином написании) *цзю син ба-е-гу* 九姓拔野古 (СТШ, цз. 215а, с. 35б) [Там же: 396][85]. В ТД, ЦТШ и ВСТК под 715 г. мы встречаем *цзю син* 九姓 и их вождя А-бу-сы 阿布思 [Там же: 571; Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 170; Лю Маоцай 2002: 82], однако в другом разделе ЦТШ с племенами *цзю син* 九姓 здесь отождествлены *тун-ло* 同羅 и *ба-е-гу* 拔野古 [Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 212, 327; Bd. II: 591, Anm. 831]. По-видимому, последние также упоминаются в ЦФЮГ (цз. 975, с. 26а) под 749 г. как *цзю син бо-е-гу* 九姓勃曳固. Так или иначе, это соответствует *toquz* **bajarqu* Тариатской (Терхинской) надписи (Тар, Сев., стк. 4) [Tekin 1983: 48]. Этот момент отмечался исследователями [Senga 1990: 61, note 14] (ср.: [Ekrem 2015: 213]).

Еще Ханэда Тору указал на возможность толкования *цзю син хуэйхэ* 九姓回紇 как «уйгуры, принадлежащие к девяти фамилиям», так и «уйгуры, состоящие из девяти фамилий» (цит. по: [Pulleyblank 1956: 38]). Интересно, что в ЦФЮГ мы встречаем также такие сочетания, как *цзю син тун-ло* 九姓同羅 (цз. 971, с. 3б–4а) и *цзю син сы-цзе* 九姓思結 (цз. 974, с. 19б; ср.: [Ekrem 2015: 209]). В обеих танских ис-

[84] Р. Жиро также считал *байарку* частью *огузов* [Giraud 1960: 185].

[85] При этом данное сочетание, по-видимому, вызывало определенные проблемы у переводчиков, ср.: “les *Pa-ye-khou*, une des neuf familles” [Visdelou 1779: 105]; “neuf familles ou hordes (des Pa-ye-kou)” [Julien 1864, vol. IV: 457]; “neuf familles (hordes) des Pa-ye-kou” [Ibid.: 458]; «девять родов» и «байегу» отделены точкой [Бичурин 1950 т. I: 273]; “Pa-i-ku (= Pa-ye-ku) der Neun Stämme” [Liu Mau-Tsai 1958, Bd. I: 258].

ториях в биографии Хунь Чжэнь 渾瑊 сам он именуется *те-лэ цзю син бу-ло чжи хунь бу* 鐵勒九姓部落之渾部, где *бу* 部 стандартно употреблено с этнонимом, но употребление *бу-ло* 部落 показывает возможность перевода «[из к] *те-лэ* девяти фамилий подразделениям [принадлежащего] племени *хунь*». Также в помещенной в танских историях (ЦТШ, цз. 121, с. 1а; СТШ, цз. 224а, с. 1а) версии биографии Пу-гу Хуай-энь 僕固懷恩 сам этот деятель именуется выходцем из племени (*бу* 部) *пу-гу* 僕骨 [из] *те-лэ* 鐵勒 (*те-лэ пу-гу бу* 鐵勒僕骨部) и *великим предводителем* «девяти фамилий» *те-лэ* 鐵勒 (*те-лэ цзю син да шоу-лин* 鐵勒九姓大首領) (ср.: [Liu Mau-Tsai 1958, Bd. I: 212; Bd. II: 592, Anm. 831]). В тексте открытой недавно эпитафии Пу-гу Иту 僕固乙突 (678 г.) мемориант происходил из «людей [местности] Цзинь-шань» (*цзинь-шань жэнь* 金山人, где *цзинь-шань* 金山 буквально обозначает «золотые горы», но, видимо, должно быть *Цзинь-*[*вэй-*]*шань* 金[微]山 (ср.: [Ян Фу-сюэ 2012: 168–169]), являющихся «отдельным племенем из *те-цинь* 鐵勤 (< **те-лэ* 鐵勒) (*те-цинь* *чжи* *бе-бу* 鐵勤之別部).

Рассматривая в некоторых случаях конструкцию *цзю син* 九姓 как детерминатив, гипотетически возможно было бы более точно утверждать о принадлежности определенных племен, в частности упомянутых *тун-ло* 同羅 и *сы-цзе* 思結, к этому союзу. Точно так же с интерпретацией сочетания *цзю син ху* 九姓胡, упоминание которых относится к эпизоду, связанному с переворотом 759 г. (ЦТШ, цз. 195, с. 19б; СТШ, цз. 217а, с. 14а; ЦЧТЦ, цз. 226, с. 19а; ЦФЮГ, цз. 965, с. 9а), позволяющим вполне уверенно трактовать это сочетание как «согдийцы [принадлежащие к] девяти племенам». Сложнее с *ба-е-гу* 拔野古, поскольку известно конкретное употребление сочетания *toquz* **bajarqu*. Так, среди подобных случаев можно указать на упоминание *цзю син цзянь-кунь цзи ши-вэй* 九姓堅昆及室韋 ‘девяти фамилий кыркызы и *ши-вэй*’ под 747 г. (ТХЯ, цз. 72, с. 19а; ЦФЮГ, цз. 971, с. 19б) и *цзю-син цзянь-кунь чжу фань кэ дэн* 九姓堅昆諸蕃客等 ‘девяти фамилий кыркызы и различные западные варвары’ под 749 г. (ТХЯ, цз. 66, с. 10б) (см.: [Цэнь-Чжун-мянь 1958: 471, 478–479; Ekrem 2015: 215–216])[86]. Снимая противоречия, мы должны предположить,

[86] См. также в связи с этим обсуждение гипотезы А. К. Камалова выше.

что, в частности, в составе *байарку* также было девять подразделений, притом эти минимальные подразделения также могли, по-видимому, откалываться. Судя по всему, уйгуры не сразу укрепили свою власть в степи, о чем косвенно говорит состав населения округов (*чжоу* 州), создававшихся вокруг Ордоса. Их население было немногочисленным и использовалось танским правительством в роли своеобразного буфера со степью, но среди племен (*бу* 部), которые здесь представлены, кроме объяснимого *янь-то* 延陀[87], мелькают такие названия, как *долань-гэ* 多濫葛, *си-цзе* 奚結, *а-де* 阿跌, *хунь* 渾, а также *Цзюэ-ло-у* 掘羅勿, совпадающее с наименованием одного из девяти уйгурских кланов («фамилий»)[88], а кроме того *се-де* 跩跌, *ну-гу* 僕固. Вероятно,

[87] ТХЯ (цз. 72) пишет о «четырех отделившихся» или «ушедших в четыре стороны» (*си-чу* 四出者多) [частях племени (*бу-ло* 部落)] к северу от Ю-чжоу 幽州 [Зуев 1960: 97]. См.: [Цэнь Чжун-мянь 1958: 653; Зуев 1960: 98].

[88] При этом в ТХЯ (цз. 72) наименование, известное среди таких «фамилий», Цзюй-ло-лэ 俱羅勒 (< **цзюй-ло-бо* *俱羅勃) перечислено среди собственно племен (*бу-ло* 部落) – наряду с уйгурами и др. У них, кроме того, имелась собственная тамга. Это племя локализуется к северу от Отюкена (кит. ркп. Тэ-лэ-шань 特勒山 < *Тэ-цинь-шань 特勤山) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 654; Зуев 1960: 98]. К тому же свидетельством того, что это было довольно крупное формирование, является факт создания для них отдельного округа Чжу-лун 燭龍, в 3-й месяц 22-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (29.03–27.04.648) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 1068; Малявкин 1981: 29, 113, коммент. 76]. В 648 г. Цзюй-лу Мо-хэ да-гань Цзюй-ло-бо 俱陸莫賀達干俱羅勃, наряду с упоминавшимся У-хэ 烏紇 назван как подданный предводителя уйгуров Ту-ми-ду 吐迷度 и при этом зять (*сюй* 婿) тюркского Чэ-би 車鼻 кагана; они оба прияли участие в заговоре против Ту-ми-ду 吐迷度 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 263, 708, 718]. По ЦТЧЦ (цз. 199, с. 9а), это событие датируется 10-м месяцем 22-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (22.10–22.11.648). В ЦФЮГ (цз. 974) сообщается, что его сын был утвержден в должности в день *цзя-сюй* 甲戌 (7) 10-го месяца 22-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (28.10.648) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 264]. Согласно той же ЦФЮГ (цз. 974), чуть ранее, в 8-й месяц 22-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (24.08–22.09.648) уйгурский (*хуэй-гу* 回鶻) *чжун-у цзян-цзюнь* 忠武將軍 («командующий верный и воинственный») и «одновременно» (兼) *да сы-цзинь* 大俟斤 Цзюй-ло-бо Тунь Мо-хэ-до Ба-гу-чжэ 俱羅勃呑莫賀咄拔固折 назначен *ю у-вэй да цзян-цзюнь* 右武衛大將軍 («глав-

эти округа создавались в разное время, но о первых свидетельства появляются уже в 21-м году эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (10.02.647–29.01.648). Эти немногочисленные группы представляли собой, вероятно, тех, кто не был удовлетворен положением дел в степи и, возможно, вынужден откочевать ввиду каких-то боевых действий [Малявкин 1980: 115–117; 1989: 20–25]. СТШ (цз. 217б), по крайне мере, фиксирует противоречия между предводителями среди племен *кун* (*хунь* 渾) и *ци-би* 契苾 / *ци-би-юй* 契苾羽 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 739–740, 742][89]. Китайские источники, когда говорят, в частности, об уйгурах, называют в их составе девять «фамилий» (*син* 姓). В любом случае, это, по-видимому, свидетельства изменения таксономической иерархии социальных единиц. Но он может быть истолкован двояко. Если мы экстраполируем материал VIII в. на эту ситуацию, можно видеть здесь пример, когда подразделение более значительной единицы добивается статуса равной ему. Однако может быть и иначе, поскольку у нас нет данных, что в VII в. уйгуры также состояли из «девяти фамилий» и вообще состав их объединения включал те же самые подразделения, что столетием позже. Может быть и так, что это равноценное когда-то по своему таксономическому рангу племя впоследствии вошло каким-то образом в состав уйгурских «девяти фамилий».

Еще несколько моментов заслуживают внимания. Само название *юань-хэ* 袁紇 > *у-гэ* 烏護 ~ *у-хэ* 烏紇 > *вэй-хэ* 韋紇 сохранялось, по крайней мере, в первой половине VII в. Так, турфанский документ из гробницы 60.TAM.307:5/3 (содержащей лишь документ с датой 632 г.) упоминает У-хунь мо-хэ 烏渾摩河 [У Юй-гун 1991: 59; Цянь Бо-цюань 1992: 92; Цзян Бо-цинь 1994: 108], первую часть имени которого Цянь Бо-цюань сопоставляет с *у-гэ* 烏護. В 648 г. известен племянник Ту-ми-ду 吐迷度 по имени У-хэ 烏紇, бывший зятем (*сюй*

нокомандующий правой дворцовой гвардии») [Цэнь Чжун-мянь 1958: 264]. Представляется, что речь идет о племени *цзюй-ло-бо* 俱羅勃, уже в начале 648 г. упоминающегося отдельно от уйгуров. Вероятно, незначительный промежуток между этими двумя событиями имеет какую-то логическую связь.

[89] ТХЯ (цз. 72) сообщает о наличии у *кун* (*хунь* 渾) «отделившихся племен» (*фэнь бу-ло* 分部落) [Там же: 656].

婿) восточнотюркского Чэ-би 車鼻 кагана, принявший участие в заговоре против собственного предводителя и дяди, желая уйти к тестю [Цэнь Чжун-мянь 1958: 263, 708, 718]. Ср. еще упоминание первого элемента *'wγwz* [*oγuz] в имени одного из министров (*γw'δwk*) в Карабалгасунской надписи, притом у самого *'yl 'wk'sy*, т. е. *il ögäsi* [Yoshida 2020: 033, 034]. При этом два других идентифицируемых носителей титула *'wk'* имеют первым элементом имени *yγl-'xr* [*jaγlaqar]. Объяснить это можно по-разному, однако и тем способом, что первые элементы отражают принадлежность носителя имени к той или иной племенной группировке, следовательно, два министра принадлежат к клану *йаглакар*, один, при этом более старший, – к *огуз*[90]. Сложно сказать, насколько этот *'wγwz* [*oγuz] имеет отношение к имени *toquz oγuz*, однако употребление двух этнонимов в единой конструкции показывает, что, по меньшей мере, на период ок. 821 г. социальные единицы, которые условно относились бы к племенному и клановому уровню, таксономически равноправны.

В целом можно видеть, что в китайских источниках под наименованием *цзю син* 九姓 зачастую мы сталкиваемся с упоминаниями совершенно разных племен, в которых, безусловно, нельзя однозначно видеть уйгуров или токуз огузов. Известны также случаи косвенного противопоставления этих группировок, указывающие на то, что уйгуры были лишь главенствующим племенем в составе *цзю син* 九姓.

Что касается числа «девять», то Э. Дж. Пуллиблэнк совершенно справедливо отмечал, что подобное разделение на девять частей имеет скорее политический, нежели этнический характер [Pulleyblank 1956: 42]. Такое подразделение племен не раз встречается в древнетюркской истории.

В 9-й месяц 3-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (22.09–22.11.629), по ЦФЮГ (цз. 977), Танской империи сдались девять

[90] Еще более заманчиво связать этот элемент его имени и статус, видя в первом указание на обобщающее название племенного объединения *токуз огузов*, однако это не представляется вероятным. Формальные аналогии формулы имен – в «Maẖrnāmag» *ṭâtâr 'apa ṭkîn*, *čîq̈ ṭûṭû̌y*, *ṭûpa fûśîy bagrâk* [Müller 1912: 9 (Linien 22, 26–27): 11 (Linie 70), 32] (в последнем случае для пехл. *fúśíy* предполагается, вероятно, < кит. *фу-ши* 副使), однако остальные имена не поддаются общей закономерности, поскольку могут содержать и собственно имена, и эпитеты, и топонимы.

тюркских *сы-цзинь* 俟斤. Согласно ЦТШ (цз. 61) и СТШ (цз. 95), среди подвластных Юэ-шэ шэ 郁射設 племен (*бу* 部), таких, как *юй-гу-ни* 鬱孤尼 (?), девять *сы-цзинь* 俟斤 капитулировали [Цэнь Чжун-мянь 1958: 183] (см. также: [Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 318, 398 (ЦТШ); Taşağıl 2003a: 122 (ЦФЮГ)][91]. Соответственно, есть основания думать, что его владения состояли из девяти племен [Мори 1970: 5]. Согласно ТХЯ (цз. 93, с. 4б), к танскому двору являются девять *сы-цзинь* 俟斤 от тюрков, *а также* (*цзи* 及) вожди (*цю-чжан* 渠長) племен *ба-е-гу* 拔野古, *пу-гу* 僕骨, *тун-ло* 同羅, *си* 奚 (ср.: [Кюнер 1961: 185]. По ЦЧТЦ (цз. 193, с. 11б) в 9-й месяц в день *бин-у* 丙午 (43) 2-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (04.09.629) капитулировали «тюркские *сы-цзинь* 俟斤, девять человек», приведя 3000 лошадей, а в день *у-у* 戊午 (55) (04.09.629) покорились со своими людьми предводители (*цю-чжан* 酋長) *ба-е-гу* 拔野古, *пу-гу* 僕骨, *тун-ло* 同羅, *си*. Под 629 г. в СТШ (цз. 215а) упоминаются девять *сы-цзинь* 俟斤, которые передались на сторону Танской империи «с подвластным им народом (*чжун цзян* 眾降)», при этом по тексту неясно, насколько они отделены от прибывших тогда же «великих предводителей» (*цю-чжан* 渠長) «всех племен» (*чжу бу* 諸部) *ба-е-гу* 拔野古, *пу-гу* 僕骨, *тун-ло* 同羅 и также *си* 霫, *си* 奚 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 614–615][92]. По мнению Э. Х. Паркера, их следует рассматривать как одно и то же [Parker 1901: 240, 245–246, note 416]. И все же текст ТХЯ позволяет считать, что девять *сы-цзинь* 俟斤 не имеют отношения к названным далее племенам[93].

---

[91] У Лю Мао-цай – 627 г.

[92] См. также: [Visdelou 1779: 99; Бичурин 1950: 254; Julien 1864 vol. IV: 226; Parker 1901: 240; Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 194]. См. еще замечание к переводу С. Жюльена: [Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 194; Bd. II: 640, Anm. 1094].

[93] В источниках чуть позже фигурируют «тюрки девяти фамилий (*цзю син* 九姓)» в различных формах (*ту-цзюэ цзю син* 突厥九姓, *цзю син ту-цзюэ* 九姓突厥) (см.: [Малявкин 1981: 29, 116, коммент. 86]). Они встречаются в текстах относительно событий 660 г. (ЦТШ, цз. 83: *цзю син ту-цзюэ* 九姓突厥) и 747 г. (ЦФЮГ, цз. 971: *ту-цзюэ цзю син* 突厥九姓) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 279, 471, 1080]. Лю Мао-цай указал на их связь с телэскими *цзю син* 九姓, т. е. с *токуз огузами* [Liu Mau-Tsai 1958 Bd. I: 212; Bd. II: 592–593,

В ТПХЮЦ (цз. 199) тюркский каган Озмыш (У-су-ми-ши 烏蘇米施) назван «каганом девяти фамилий» (*цзю син кэ-хань* 九姓可汗) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 715; Кюнер 1961: 33], а в Тариатской (Терхинской) надписи и памятнике Могойн Шинэ Усу тюркский народ именуется «трехзнаменным» *(uč tuγluγ türᵘᵏ bodun)* (Тар, Вост., стк. 7; МШУ, Сев., стк. 8(8)) [Aydın 2013: 82, 83–84].

Маḫмӯд ал-Ḳāшḡарӣ отмечал, что *ẋāḳāн*ы с большими владениями звались «девятизнаменный хан» *(туḳӯз тӯғлуғ ẋāн)*, они не имели знамен больше, поскольку это считалось добрым знаком [МК 1985: 127; Maḥmūd al-Kāšγarī 1984: 213; Маḫмӯд ал-Ḳāшḡарӣ 2005: 835]. Этим автором приводится какое-то явно народное объяснение, являющееся попыткой осмыслить зафиксированный факт. Как считал Б. Ögel, количество знамен в таких случаях обозначало число племен, входящих в союз [Ögel 1978: c. II: 107]. Интересно, что и ал-Марвазӣ, хоть и путаясь в племенных названиях, именует кагана уйгуров *туғуз ẋāḳāн* [t.ġ.z ẖâqân] [Sharaf al-Zamān 1942: 29 (англ. пер.), 43, *18 (араб. текст)]. Так или иначе, число девять отнюдь не кажется здесь случайным, учитывая его значимость в культуре тюркских народов (см.: [Roux 1965: 39–53; Ögel 1971: II: 146–147, 153–154; 1995: 163–166, 243])[94].

Anm. 831]. В первом случае, где упоминается, например, поход танской армии на Тянь-Шань 天山, противник еще называется просто *цзю син* 九姓, а затем упоминается захват в плен трех младших братьев (*сюн-ди* 兄弟) *е/шэ-ху* 葉護 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 279, 1080]. В ЦЧТЦ (цз. 200, с. 39а) в соответствующем месте написано *те-лэ цзю-син* 鐵勒九姓. События связаны с войной против «девяти фамилий» в 660–663 гг. Под Тянь-Шань 天山, вероятно, следует понимать не современный Тянь-Шань, а хр. Ци-лянь-шань 祁連山 горной системы Нань-Шань 南山, именующийся на европейских картах хребтом Рихтгофена (см.: [Малявкин 1981: 36, 141, коммент. 166]). Вероятно, это тюрки, оставшиеся после 630 г. под властью новых гегемонов степи. Во втором случае речь идет о присылке лошадей [Цэнь Чжун-мянь 1958: 471]. Возможно, это та же ситуация.

[94] На основе употребления в одном турфанском документе числительного «девять» в значении ‘много, несчислимо’, почему на основе также сравнительного материала предполагается, что число девять было когда-то пределом счета для носителей тюркских языков [СИГТЯ 1988: 171]. У. Самолин отмечал, что «the Turks often used toquz (nine) to mean “several” in the sense of

В Тариатской (Терхинской) надписи можно найти прямое свидетельство того, что племена были распределены по подразделениям *töles* и *tarduš*, составляющим, соответственно, левое (восточное) и правое (западное) крылья всего политического образования [Czeglédy 1972: 278]. Так, к *tarduš* отнесены наименования *toŋra*, *qaj* (?), *aba baš* (?), *üč qarluq* и т.д., к *töles – toquz bajarqu*, *aq baš* (?), *qaj* (?), *aba* (?), *basmïl*, *toquz tatar* (Тар., Сев., стк. 3, 4) (см.: [Tekin 1983: 48, 51, 52, 59, 60; Katayama 1999: 170, 172]; ср.: [Кляшторный 2010: 39, 42–43]). Можно также отметить упоминания племенных названий, известных позже в истории тюркских народов Средней Азии, такие как *jaγma* и *igdir* (или *igdär*) (Тар, Сев., стк. 6, Южн, стк. 3) (см.: [Tekin 1983: 48, 52, 54, 60; Katayama 1999: 169, 170–171, 172; Кляшторный 2010: 39, 40, 43, 44]; см. также: [Кляшторный 2006: 511]). Дополнительные сведения предоставляют хотано-сакские документы, в частности, т. н. манускрипт Штайль-Гольштейна, датируемый 925 г.[95], где встречаются десять названий, среди которых наименования уйгурских кланов, в частности правящей группировки *yahäḍaka'rä* < **jaγlaqar*, а также названия известных прежде среди племен *те-лэ* 鐵勒 групп. Здесь важен сам факт употребления имен условных «кланов» и «племен» как эквивалентных социально-политических единиц. В документе они подразделены на две группы – соответственно *ttūlīsä* и *ttarädūsa*, т. е. **töliš* и **tarduš*. Так, наименование *bākū* (*ny-гу* 僕骨 / 僕固) отмечено вслед за *yahäḍaka'rä* в перечне *ttūlīsä*, в то время как *sīkgrä* (*сы-цзе* 斯結 / 思結) упомянуто как первое племя группы *ttarädūsa*, а за ним следует *ttaugara* (< **toγra* < **toŋra*). Однако *байаркy* в форме *ttrūkä bayarkāta* (< **тюркu байаркy*) упомянуты как отдельная единица [Henning 1938: 555–558; Bailey 1951: 3, 19–22; Hamilton 1977: 516–520][96]. Основываясь на этом списке, некоторые исследователи считают возможным предполагать ошибку в китайских источниках, где будто бы перепутаны названия кланов и племен

"about a dozen"» [Samolin 1964: 73]. И. Тоган считает, что упоминание его рядом с этнонимами в китайских источниках служит для обозначения понятия 'many' [Togan 2015: 93].

[95] О датировке см.: [Pulleyblank 1954: 90–97].

[96] Об идентификации *ttaugara* как *toŋra* см.: [Hamilton 1977: 517, 519].

[Katayama 1981: 46–47; Senga 1990: 60]. В действительности же речь может идти просто о результате некоей рокировки племен: какие-то племенные единицы ослабли или распались и были поглощены, какие-то укрепились, позволив себе изменения «таксономического ранга».

Что касается вопроса о числовых обозначениях и их связи с составом племенного объединения, он может быть решен двумя способами. Если даже известные из источников числовые обозначения носят чисто номинальный характер, следует обратить внимание на тот факт, что главенство единицы *йаглакар*, характеризуемой как условный «клан» в составе группировки *уйгур*, являющейся условным «племенем», т. е. объединением других «кланов», делает ее, через его посредство последнего как ведущего «племени», главенствующим над объединением других «племен», т. е. единиц более высокого таксономического ранга. Ясно, что вся эта иерархия таксонов существует только в головах исследователей, для облегчения понимания некоторых процессов, но иногда вредит этому. Тамӣм б. Баḥр, вероятно, уже к 808 г. застал такую картину, что при лагере кагана находятся ставки 17 предводителей, т. е. кроме его собственной ставки и ее коллектива, что дает всего 18. Поскольку каган в это время уже был не из клана *йаглакар*, хотя принял эту «фамилию», а, как мы видели выше, представители этого клана фигурируют в качестве чиновников в Карабалгасунской надписи, можно, следуя А. Катона-Кисс, предполагать, что собственно «каганское» племя, представляющее его двор, должно рассматриваться отдельно от единицы *йаглакар*. В этом случае получается достаточно надежное объяснение числа «18»: 1 «каганское племя» + 9 уйгурских «кланов» + 8 остальных «племен» огузов. Однако, еще одно объяснение может предоставить, как и в случае с восточными тюрками, интеграция согдийцев в состав уйгуров как особого «племени».

Для всего объединения наименование *уйгур*, как можно судить по китайским источникам, стало, вероятно, использоваться в качестве обобщающего политического названия по имени их ведущего племени (чем, быть может, и обусловлено объединение истории *теле*эских племен и уйгуров в составе одной главы СТШ), хотя китайский текст Карабалгасунской надписи (стк. 1, 5) не забывает формулировку *цзю син хуэй-хэ* 九姓回鶻 ‘уйгуры [из объединения] девяти фамилий’ [Yoshida 2020: 092], а также мусульманские и пехлевийские источники

используют название *токуз огуз*. Остальные племена также сохраняли, очевидно, свои собственные имена, идентификацию и при этом внутреннее подразделение[97].

1.2. Татары Внутренней Азии в VIII–IX вв.: некоторые вопросы расселения и локализации

Впервые достоверно этноним *tatar* в таком облике, какой известен нам сегодня, упоминается в памятниках древнетюркской рунической письменности. Изучение конкретных контекстов упоминаний в привязке к хронологии и географии памятников дает возможность конкретизировать территории, которые условно можно называть «местами активности» носителей этнонима *mamap* в соответствующий исторический период.

Сначала сочетание *otuz tatar* – буквально «тридцать татар» упоминается среди перечня «народов» *(bodun)*, «оплакивающих (и) поминающих» *(sïγtamïš joγlamïš)* первых тюркских каганов (КТб, стк. 4 = БК, X, стк. 5) [Şirin User 2009: 164, 446, 455]. Исходя из того, что народы перечислены в порядке вращения солнца, т. е. по часовой стрелке, то *otuz tatar*, помещенных между *üč qurïqan* и *qïtañ*, следует искать севернее орхонской долины, между Прибайкальем и юго-востоком Внутренней Монголии [Haussig 1953: 330, Anm. 180].

Далее сочетание встречается, когда говорится, что после провозглашения каганом Кутлуга (682–691), в самом общем контексте «токуз огузов народ врагом стал, кыркызы, курыканы, отуз татары, кидане, татбы, все врагами стали» *(toquz oγuz bodunï jaγï ärmis qïrqïz qurïqan otuz tatar qïtañ tatbï qop jaγï ärmis)* (КТб, стк. 14 = БК, X, стк. 12) [Şirin User 2009: 164, 447, 456].

К 716 г., уже, видимо, в правление Бильге кагана, относится упоминание сочетания *toquz tatar*, буквально «девять татар», в связи с

[97] Позже Рашӣд ад-Дӣн, излагая предание о ранней истории *уйгуров*, называет жившие соответственно по десяти и девяти рекам два объединения *'wn-'wyğwr* и *twğwz 'wyğwr*, состав племен же, которые он перечисляет, не поддается точному соотнесению с прежними племенами [Рашид-ад-Дин 1952б: 147; Hamilton 1962: 45–48; Cheng Fangyi 2012: 96–100]. Изучение этого материала не входит в наши задачи, но он важен потому, что показывает возможность перестройки племенной структуры во временной динамике.

событием, когда, как говорится от лица тюркского кагана, «огузский народ с токуз татарами вместе напали» *(oγuz bodun toquz tatar birlä tirilip kälti)*. Каган произвел с ними два крупных сражения у Агу(да) (?), победил их войско и «завладел властью (над ними)» *(aγuda eki uluγ süŋüš süŋüšdüm süsin bozdïm elin anta altïm)* (БК, Х, стк. 34) [Şirin User 2009: 164, 459].

Ф. Ласло допускает восстановление слова *tatar* в поврежденном фрагменте малой надписи Кюль тегина, еще хуже сохранившемся в стеле Бильге кагана, где после перечисления должностных лиц, внимающих речи кагана, идет фраза с лакуной: *otuz* ... […] *toquz oγuz bägläri bodunï* (КТ, Хб, стк. 1–2 = БК, Хб, стк. 1) [László 1967: 20. o.].

Следующие упоминания относятся уже к эпохе правления уйгурских каганов. В памятнике Могойн Шинэ Усу от лица Элетмиш Бильге кагана о событиях 749 г. говорится, что «в Бюкегюк (?) я настиг [врагов], вечером, к закату солнца, я сражался и там поразил [их] … ночь наступила; в Бюк(е)гюк (?) секиз огузов[98] и токуз татар не осталось; во второй день новолуния, на восходе, я сражался» *(bükägük*[*k*]*ä jetdim kičä jaruq batar ärkli süŋüšdüm anta šančdïm kün r*[1]*[…] tün tirilmiš bük(ä)gükdä säkiz oγuz toquz tatar qalmaduq eki jaŋïqa kün toγuru süŋüsdüm)* (МШУ, Вост, стк. 1(13)) [Şirin User 2009: 164, 475]. Далее говорится, что каган победил, по воле неба этот народ *(bodun)* стал его «подданными» *(qulum küŋüm)*. Покарав «именитых» *(atlïγ)* и не тронув простой народ, оставил его в покое, рассчитывая, что они признают его власть, но этого не случилось (МШУ, Вост, стк. 2(14)). Здесь прямо не говорится о том, с кем воевал каган, но далее ясно по контексту, где от лица кагана упоминается о том, что, преследуя их, он «настиг их у Бур(у)гу *(bur(u)γu)*», а далее «в четвертого месяца девятый день я сражался и поразил [их]; табуны, имущество, девушек и вдов я привел [от них]; в пятом месяце они пришли; секиз огузы и токуз татары не остались и пришли. От Селенги к западу (букв. ‘сзади’), от Йылун Кол с южной стороны (= с правой стороны), до верхо-

[98] Когда исследователи иногда пишут, ссылаясь на «Худӯд ал-‘Алам», о том, что анонимный персидский автор считает *татар* частью (*джӣнсӣ*) *токуз огузов* (см., напр.: [Зуев 1998, № 2: 4]), ими не учитывается, что в этом сочинении под последними имеются в виду уйгуры. Здесь, скорее, следует видеть указание на то, что татары прежде входили в возглавляемое уйгурами политическое объединение.

вьев [реки] Шып (*вар*. до вершины Шып) войско я повел *(bur(u)γuda jetdim törtinč aj toquz jaŋïqa süŋüšdüm šančdïm jïlqïšïn barïmïn qïzïn qoduzïn kälürtüm bäsinč aj ud*[*u*] *kälti säkiz oγuz toquz tatar qalmadï kälti säläŋä kidin jïlun qol biridin sïŋar šïp bašïŋa tägi čärig itdim)* (МШУ, Вост., стк. 3(15)) [Şirin User 2009: 165, 475–476]. Далее: «По [рекам] Кергю и Шакыш, Шып верховья пересекая (*вар.* Шып вершину перейдя), они пришли… до Селенги войско они вели. В пятого месяца двадцать девятый день я сражался и потом поразил [их]; к Селенге оттеснив, поразил [их]; я раздавил (букв. «распростертыми сделал») [их]; многие [из них] по Селенге вниз ушли; я, через Селенгу перейдя, их преследовал; в сражении захватив, десять мужей послал [к ним] *(kärgün šaqïšïn šïp bašïn jürä kälti… učï säläŋkä tägi čärig itdi bäsinč aj toquz otuzqa süŋüšdüm anta šančdïm säläŋkä šïqa šančdïm jazï qïltïm öküši säläŋä qodï bardï bän säläŋä käčä udu jorïdïm süŋüšdä tutup on är it[t]im)* (МШУ, Вост., стк. 4(16)).

Эти посланники должны были призвать остальных покориться. После двухмесячного ожидания они не пришли и «в восьмой месяц, первый день» каган сам отправился против них в поход (МШУ, Вост., стк. 6(18)). Они выступили навстречу и, как говорит каган, «в восьмой месяц, второй день, у озера Ачыг Алтар (Чыгылтыр?), Кашуй (Касуй?)[99] обойдя, я сражался и тогда поразил [их], и тогда преследовал [их]. В тот месяц в пятнадцатый [день], в верховьях Кейре, [в местности] Уч Биркю, с татарами я столкнулся и разбил [их] *(säkizinč aj eki jaŋïqa ačïγ altar (čïγïltïr?) költä qašuj käzü süŋüšdüm anta šančdïm anta udu jorïdïm ol aj biš jegirmikä käjrä bašï üč birküdä tatar birlä qatï toqïdïm)* (МШУ, Вост., стк. 6(18)) [Şirin User 2009: 121–122, 165, 476, с поправками].

В следующий раз этот каган сталкивается с татарами в 750 г., после того установления ставки в верховьях р. Тэс *(täz)*, на западе от Касара (?) *(qasar qurïdïn)*, летовки там и обозначения границ, каган указывает, что «в тот год на восток я последовал и татар призвал к

[99] Некоторые исследователи вслед за Г. Й. Рамстедтом читают здесь *(a)q sub* [Clauson 1972: 757; Şirin User 2009: 143]. На снимке, приложенном к отчету японско-монгольской экспедиции (Šine-Usu E 2), в частности, предпочтительнее выглядит чтение последнего знака как *-j*^{1}- (ср.: [Moriyasu 1999: 179]).

ответу» *(ol jïl küzün ilgärü jorïdïm tatarïγ ajïtdïm)* (МШУ, Вост., стк. 8(20)) [Şirin User 2009: 121–122, 165, 476].

Другое упоминание встречается в неясном контексте в сильно поврежденной строке: *türk bodunuγ … säkiz oγuz toquz tatar …* [...] (МШУ, Зап., стк. 8(44)) [Şirin User 2009: 165, 478].

В Тариатской (Терхинской) надписи в полуразрушенной строке говорится о событиях 747 г., что «в год свиньи токуз татар…» *(laγzïn jïlqa toquz tatar…* [10–12 знаков] (Тар., Южн., стк. 4) [Ibid.]. Видимо, на основе этого Катаяма Акио восстанавливает в надписи Могойн Шинэ Усу «уч карлук, враждебно мыслив, бежал на запад, к [народу] Десяти стрел присоединился; в год Свиньи (747 г.) токуз татар…» *(üč qarluq javlaq saqïnïp täzä bardï qurïja on oq*[*q*]*a kirti laγzin jïlqa t*[*oquz tatar*]*…)* (ср. вар. последнего слова как *toqïdïm*) (МШУ, Сев., стк. 11(11) [Katayama 1999: 179, 183, 192; Кляшторный 2010: 11, 61] (см. иначе: [Şirin User 2009: 475]).

В другом фрагменте Тариатской (Терхинской) надписи этноним упоминается среди перечисления присутствовавших в момент нанесения надписи (зима 752/753 гг.): «Небесного хана моего именитые токуз татары, семнадцать азских буйруков, тонгра, еде (?) сенгуны, тысяча уйгурского народа; с тегинами моими (вместе) когда я писал это, о мой хан, стражи начальники Кагаш Атачук и Бегзекер Чигши Бойла бага таркан с тремя тысячами стражи стояли» *(täŋri qanïm atlïγï toquz tatar* [*jeti jigirmi az*] *bujruq* [*toŋra äd*]*ä säŋüt bïŋ*[*a ujγur*] *bodunï tegitimin bu bitidükdä qanïm a turγaq ba*[*šï qaγas*] *atačuq bägzäkär*[100] *čigši bïla baγa tarqan üč jüz turγaq turdï)* (Тар, Сев., стк. 2) [Erdal 1991 vol. I: 78, note 102; Katayama 1999: 170, 172, 176; Şirin User 2009: 165, 271, 480].

Последний раз этноним упоминается здесь, когда речь идет об административном распределении племен между двумя крыльями: «(12) Небесного хана моего сын – Бильге Тардуш Улуг Бильге йабгу, *кутлуг* [его] Исиг (вар.: пустынной, горячей) земли, *кутлуг* [его] …, *буйрук* [его] Аз Сыпа Тай сенгун, народы [его]: *тонгра*, *эде* (?), … *баш* (?), *кай*, *аба баш* (?), *уч карлук*; столь многие народы – *йабгу* народ, (13) Небесного *хана* моего сын – Бильге Толес Улуг Бильге чад, кутлуг [его] …, кутлуг [его] Удуркан, буйрук [его] Чабыш сен-

[100] См.: [Katayama 1999: 170, 176].

гун, народы [его]: *токуз байырку*, *ак баш* (?), *кай*, *аба* (?), *басмыл*, *токуз татар*; столь многие народы – *шада* народ ((12) *täŋrim qanïm oγlï bilgä tarduš uluγ bilgä jabγu qutluγï* [i]*sig j*[*ir*] *qutluγï* [...] *bujruqï az sïpa taj säŋün bodunï toŋra ädä* [...]*ïq baš*[101] *qaj aba baš üč qarluq bunča bodun jabγu bodunï* (13) *täŋrim qanïm oγlï bilgä töläs uluγ bilgä čad qutluγï* [...] *qutluγï udurγan bujruqï čabiš säŋün bodunï toquz bajïrqu aq baš qaj aba basmï*[*l*] *toquz tatar bunča bodun čad bodunï)* (Тар, Сев., стк. 3–4) (ср.: [Tekin 1983: 48, 51–52; Şirin User 2009: 130, 165, 481]). То есть татары здесь относятся к народу шада, который управлял крылом *töläš* (Тэс., Зап., стк. 6(6)), т. е. восточным.

Т. Осава восстанавливает *otuz tatar* в несколько более поздней Тэсинской надписи Бёгю кагана в неясном контексте (Тэс, Вост., стк. 3(14)) [Osawa 1999: 160, 161, 165] (см. иначе: [Şirin User 2009: 473]).

Таким образом, вырисовывается общий набор топонимов, который, ко всему прочему, позволяет если не локализовать *mamap* рунических памятников, то, по крайней мере, сделать какие-то наблюдения о местах их активности и охарактеризовать ее в событийном контексте.

Первичная локализация *mamap.* Как уже отмечалось, упоминание *otuz tatar* среди перечня «оплакивающих (и) поминающих» *(sïγtamïš joγlamïš)* среди первых тюркских каганов позволяет говорить об их локализации где-то в северо-восточной части Внутренней Азии. В этом плане непротиворечивым кажется отождествление топонима *Аγu* (БК, X, стк. 34, с аффиксом местного падежа *+dA*) с названием реки *Аγа*, притоком Онона, в Забайкалье. Ср.: письм.-монг. *аγи* > бур. *аӈа*, т. е. здесь подразумевается долина р. Ага [Владимирцов 1929а: 169]. Такое написание типично для старомонгольских письменных памятников (см., напр.: [Летописи хоринских бурят 1935: 5; Сазыкин 1988: 55]). Хотя, как отмечает предложивший эту аналогию Б. Я. Владимирцов, это может быть и другое место – в частности, река с таким же названием *Аӈа* известна в Южной Монголии [Владимирцов 1929а: 170], тем не менее локализация здесь *toquz tatar* не только не проти-

[101] Исследователями знак из составленных вершинами равнобедренных треугольников трактуется по-разному и предпочтительнее интерпретация как лигатуры /LÏQ/ [Rybatzki 1997: 33–35, Anm. 35; Alimov 2014: 18, 26, No. 36: 157–158].

воречит координатам размещения *otuz tatar*, но и позволяет связать эти два наименования.

Упоминание *toquz tatar* тридцатилетие спустя в памятнике Могойн Шинэ Усу связывается с целой серией топонимов, встречающихся в контексте перечня последовательно развивающихся событий (МШУ, Вост., стк. 2(14)–6(18)). После сражения при *bükägü-k[k]ä*, покорения части племен и отступления другой происходит столкновение у/в *bur(u)γu*, снова пауза и поход уйгуров от *bur(u)γu* уже на территорию к западу от р. Селенга, к югу *jïlun qol*, где находилось *šïp bašï*; противник, т. е. *toquz tatar*, выступает навстречу, двигаясь по рр. *kärgü* и *šaqïš*, и переходит через этот самый *šïp bašï*, идя до Селенги; происходит битва и часть противника уходит вниз по Селенге, а уйгуры, в свою очередь, преследуя их, пересекают Селенгу. Далее следует пауза, пока ведутся переговоры о подчинении уйгурскому кагану, и через три месяца каган отправляется в поход; противник вновь выступает навстречу и силы сталкиваются у озера *ČIγLTr*[1] *köl*, притом уйгуры пересекли *qasuj*; противник снова разбит и, преследуя его, через две недели, уйгуры сталкиваются с ним в верховьях р. *Käjrä*, в местности *Üč birkü*.

В дальнейшем *tatar* неопределенно локализуются восточнее долины р. *Täz* (МШУ, Вост, стк. 6(18)), хорошо идентифицируемой с совр. Тэс / Тэсийн-гол [Bazin 1982a: 110] (тув. Тэс-хем) [Кляшторный 2010: 255].

Интересен тот факт, что в географической главе СТШ (цз. 43б, с. 31б–32б), где помещен дорожник конца VIII в., описывающий пути по Внутренней Азии, один из них от [крепости] Средний Шоу-сян-чэн 受降城 (на севере совр. провинции Шань-си) [Mackerras 1972: 16, мар 2], на восток, потом на северо-запад, до ставки *(я-чжан* 衙帳*)* уйгуров *(хуэй-гу* 回鶻*)*, где среди трудно идентифицируемых попутных топонимов, именно как следующее после смены направления с востока на северо-запад, упоминается озеро *Татар *(да-дань-по* 達旦泊*)* (цз. 43б, с. 32б; ср.: [Зуев 2004: 8]). Характерно, что топоним существовал уже, по крайней мере, к тому времени как был основан уйгурский город Бай-балык (в источнике *фу-гуй-чэн* 富貴城) [Он же 2002: 161], а основан он был в 757 г. [Войтов 2002: 120].

Река *bur(u)γu.* Ключевым для различных построений при изучении памятников древнетюркской рунической письменности является

топоним *bur(u)γu* и упоминание р. Селенга, отталкиваясь от которого, возможно осуществить дальнейшие отождествления и/или локализации. Для примерного представления о том, что значил первый топоним, следует обратить внимание на еще один фрагмент Тариатской (Терхинской) надписи (Тар, Зап., стк. 4), где от лица Элетмиш Бильге кагана определяются пределы основных мест кочевания уйгуров и подвластных им племенных группировок. Здесь говорится о нескольких реках, первой из которых названа (1) *s(ä)l(ä)ŋä*. Этому слову предшествует числительное *säkiz*, по-разному интерпретируя упоминание которого, можно предполагать, что либо речь должна идти о восьми реках, либо, как некоторые исследователи, рассматривать как одну конструкцию сочетание *säkiz säläŋä*. Далее перечислены (2) *orq(u)n*, (3) *toγla*, (4) *s(ä)b.*[*n*][102], (5) *t(ä)l(ä)dü*, (6) *q(a)r(a)γa* и (7) *bur(u)γu* (восьми рек не получается). Здесь достаточно легко узнаются названия рек Селенги, Орхона и Толы [Владимирцов 1929а: 171, 173–174].

В частности, С. Г. Кляшторный отмечал, что «восьмиречье» упоминается у Рашӣд ад-Дӣна как *секиз мурэн* [2010: 46; Рашид-ад-Дин 1952а: 113]. В двух последних из перечисленных названий С. Г. Кляшторный видел упоминание «рек Каргы (Карга надписи) и Каа-хема (Бургу надписи?)» [1980: 94] (ср.: [Он же 2010: 255]). Т. Текин отметил некорректность предложенного С. Г. Кляшторным прочтения *s(ä)b(ä)ntürdü* как глагола (ср.: [Там же: 38–41], исправив на два названия, и предложил также следующие трактовки: *s(ä)k(i)z s(ä)l(ä)ŋä* он считал устойчивым выражением со значением ‘the Eight-Selenga’, i. e., ‘the Selenga river with its eight tributaries’, а также

[102] Хотя среди прочих Катаяма Акио также читает здесь три буквы, в том числе последний -n^2- [Katayama 1999: 170, 171], но на снимках, приложенных к отчету японско-монгольской экспедиции (Tariat W2 и Tariat W3), видно, что разлом после -b^2- не дает оснований для того, чтобы различить какие-то формы, как и вовсе предполагать наличие там одного знака или больше. Однако знак, по-видимому, просматривается на снимке, опубликованном С. Г. Кляшторным [1982: 353, fig. 5, p. 355, fig. 6]. Также он начертан на прорисовке у С. Г. Кляшторного при первой публикации надписи 1980: 89]. С. Каржаубай читал там *sub(i)* [2002: 23], что некорректно ввиду наличия переднерядного -*b*- и также предполагало бы графическое обозначение огубленного гласного в первом слоге.

q(a)r(a)γa, отмечая, что “This could be the original form of the name of the present-day river *Xarā*, i. e., *Xarā gol*” [Tekin 1983: 47, 50, 57]. В подтверждение второй идентификации следует привести топоним *qara sub*, упоминаемый в другом месте данного памятника (Тар, Южн., стк. 5), что, согласно Т. Текину, «could it be *Xar us nur* “the Black-W ater Lake” in the Altay region in North-W est Mongolia» [1983: 47, 50, 55]. С. Г. Кляшторный трактовал последнее в значении «родниковая вода» [2010: 49].

В. Е. Войтов, интерпетируя упоминания топонима *burγu* в надписи Могойн Шинэ Усу, предположил, что он «связан или с современным хребтом Бургут, лежащем на водоразделе рек Орхон и Тола в месте их слияния, или с параллельным ему хребтом Бурэнгийн-Нуру в междуречье Орхона и Селенги» [2002: 117, прим. 11]. Про топонимы *q(a)rγa* и *burγu*, явно упомянутые как реки в Тариатской (Терхинской) надписи, он писал, что «это реки левобережной стороны Каа-Хема, расположенные около Пор-Бажына» [Там же: 122, прим. 31]. Таким образом, В. Е. Войтов относит два упоминания топонима *burγu* к разным объектам.

Э. Айдын отождествил *bur(u)γu* с р. Буругу-гол в Монголии [Aydın 2007: 74–75; 2011: 167–168, 174–176], а для *q(a)r(a)γa* предложил варианты отождествления, вслед за Т. Текином, с р. Хараа гол или гор Хара’ун [Aydın 2007: 74; 2008; 2011: 174–175], приводя в сравнение во втором случае упоминаемый в «Тайной истории монголов» (§ 150, 177; далее – ТИМ) топоним *haraun habcal* или *kara’un-kabcal*. По поводу последнего П. Пельо в свое время высказался, что это наименование лесной местности, которую нужно искать, по-видимому, в горах, к северу от Кяхты [Histoire des campagnes... 1951: 258–261].

Здесь нельзя вслед за Пельо не обратить внимание на парный топоним *qrās mwrās*, упомянутый в «Джāмū ат-тавāрūх» Рашūд ад-Дūна аṭ-Ṭабūба, который говорит о битве Чингисхана с меркитами, – местности Карас-Мурас, не доходя до [реки] Кэлурэн, поблизости от реки Селенги, в месте, называемом Монача…» (в иранском издании – *mwrwčh*)[103] [Рашид-ад-Дин 1952б: 111; Rashīd al-Dīn 1373/1994: 364]. Подобно тому, как предстают в парном сочетании Онон и Керулен, П. Пельо восстанавливает здесь два топонима **Qaras-Buras* и иден-

[103] Ср. сомнения П. Пельо: [Histoire des campagnes... 1951: 272–273].

тифицирует первый как р. Хараа-гол, второй – как р. Бура, к югу от Кяхты, полагая, что локализация подсказана контекстом персидского источника [Histoire des campagnes... 1951: 267–271][104]. Косвенно локализация подтверждается упоминанием в персидском тексте топонима **muruča* – ср. в ТИМ (§ 177) *mürüča se'ül* (в «Шэн-у цинь-чжэн лу» 聖武親征錄 – *мо-ча-на-шань* 莫察那山< **мо-на-ча-шань* *莫那察山), что соответствует, по-видимому, местности к востоку от Кяхты [The Secret History... 2004...: 641].

Исходя из близости расположения и формальной логики, вероятнее, таким образом, предполагать идентификации *q(a)r(a)γa* и *bur(u)γu* с совр. Хараа-гол и Бурын-гол, и здесь нужно отметить, соответственно, формы *qara'a* и **bu'ura* (*Ха-ла-ха-хэ* 哈剌哈河, *бу-у-ла* 捕兀剌 в «Шэн-у цинь-чжэн лу» 聖武親征錄, *бу-у-ла* 不兀剌 в ТИМ (§ 105, 109, 152), для первого случая свидетельствующие о, вероятно, сравнительно недавнем образовании от исходного **qaraγa*.

Заслуживает внимания упоминание также в «Ляо ши» 遼史 (цз. 15; далее – ЛШ) эпизода, где полководец племени *ди-ле-дэ* 迪烈得 (ср. племя *matap* ترآت [tr'āt] у Рашīд ад-Дīна) по имени Бо-гуа 勃栝, разбивший в 1015 г. ляоские войска после их переправы через реку *Хэ-ла-хэ* 曷剌河, которую заманчиво сопоставить с названием **qara* [Храпачевский 2015: 116, прим. XXX]. Само же имя этого вождя может быть не только восстановлено как *Buqa* [Там же: 116, прим. XXXI], но и выглядит заманчиво для сопоставления с упоминаемым в древнеуйгурском документе юаньского времени предводителем группировки *altï tatar bodun* по имени *toquz buqa bägär* [Tieshan, Zieme 2011: 134, 136, 139, 141, 143, 148, note 25]. Географическая привязка к конкретному топониму представляется пока преждевременной, но небезынтересно отметить саму гипотетическую фонетическую форму – **qara*, не отсылающую к прототипу **qaraγa*.

Другие топонимы, связанные с событиями 749 г.: *bük(ä)gük*, *jïlun qol*, *šïp bašï*, *kärgü* и *šaqïš*. Слово *bük(ä)gükä*, по-видимому, нужно рассматривать как форму дательного падежа от исходного

[104] Формы с конечным *-s-*, приведенные у Рашīд ад-Дīна, могут быть обусловлены путаницей с письменным уйгурско-монгольским *-n-* [Histoire des campagnes... 1951: 270].

bük(ä)gük (+*kA*) [b^{2}ü^{ü}kgük], ввиду того что дальше встречается форма локатива *bük(ä)gük+dä*.

Г. Й. Рамстедт допускал возможность сопоставления с местностью *büχχaG* недалеко от Урги (ныне Улаанбаатар) [Ramstedt 1913: 48]. Цэнь Чжун-мянь также упоминает о топониме *bükük* вблизи Урги (кит. Ку-лунь 庫倫) [1958: 473].

Э. Айдын трактует как форму множественного числа от *bük* ‘sık ağaçlık, orman’ + +*AGU* [Aydın 2007: 71], притом, как отметил еще сэр Дж. Клосон, это *bük* ‘forest’ неизвестно из текстов ранее, чем чагатайские, и таким наиболее ранним значением может являться ‘thicket’ «and the like» [Clauson 1972: 324]. Каким образом, однако, объясняется финальный -*k*? Теоретически возможно и чтение *bükgük*, что предполагает образование от глагола *bük*-, по поводу которого Дж. Клосон отмечал: “*Kaş.* gives two meanings (1) ‘to bend, bow’, and the like (Intrans.); (2) ‘to feel aversion, be revolted by (something *Abl.*)’, but later usages and the Pass. f. **bükül**- show that it was a Trans. V. w. the Object sometimes understood” [Ibid.: 324] (см. еще: [Erdal 1991, vol. II: 657]. Предполагаемый аффикс -*GOK* образует в таком случае имена со инструментальным значением [Erdal 1991, vol. I: 359–362].

Для топонима *jïlun qol* сложно найти очевидные аналогии для сопоставления. В. Е. Войтов отмечает, что «среди главных притоков Селенги Н. Я. Бичурин упоминает реку Экэ, которая соответствует современному Эгийн-голу [1950: 308, прим. 2], а поскольку июньская баталия 748 г. происходила на левобережье Селенги, то Йилун-гол может быть сопоставим только с р. Экэ, т. е. Эгийн-голом» [Войтов 2002: 117, прим. 12].

Цэнь Чжун-мянь предлагает интерпретировать соответствующую фразу в тексте Могойн Шинэ Усу не как «к западу от Селенги» (*цзы сянь-э-хэ чжи си* 自仙娥河之西), а как «на запад, к Селенге» (*юй-си мянь-чжи сянь-э-хэ* 於西面至仙娥河). Отсюда, он отмечает, что р. Керулен имеет приток (*Цюань-шуй* 泉水) с названием *Dzilun*, а касательно *Šip* он указывает, что значение этого слова – «приток» (*чжилю* 支流) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 474], не называя языка. Наблюдения китайского исследователя любопытны, но поправка грамматически не оправдана. Что касается интерпретации *sip*, зарегистрировано *сеп* тув. ‘проток *(боковой рукав реки)*’, тоф. ‘залив *(небольшой речной)*’, *сип*

хак. id., хак. диал. ‘приток’ [ЭСТЯ 2003: 240], но форма с узким гласным здесь вторична.

Топонимы *šïp bašï*, *kärgü* и *šaqïš*, пожалуй, наиболее трудные для идентификации. Кроме того, что они находились между *jïlun qol* и Селенгой [Ramstedt 1913: 50; Aydın 2007: 78–79; 2008c: 204–205], сказать что-то большее сложно.

Зарегистрированное в двух контекстах *šïp bašï* может обозначать как буквально «вершину [с названием] Шып», так и «верховья [реки] Шып». Согласно Э. Айдыну, топоним может быть образованием, содержащим известное у Маḥмӯда ал-Ḳāшḡарӣ значение *sïp* ‘iki yaşına girmiş olan tay’, также зарегистрированное в контекстах *sïp aqur* ‘hayvan torbası’, *sïp aqurï* ‘hayvan torbası; iki yaşındaki tayın yem yediği yer’ [Aydın 2007: 78–79; 2008c: 204–205]. Исследователь приводит также отмеченную у сэра Дж. Клосона трактовку топонима как ‘the colt’s head’ şeklinde anlamlandırmıştır [Clauson 1972: 375], при значениях *sïp* ‘a one-year-old colt’ и *sïpa* ‘a donkey colt from six months to a year’ ile karşılaştırmıştır [Ibid.: 783].

Для топонима *kärgü* наиболее вероятной аналогией видится современный гидроним Хэрхэ (халх. Хэрхэйн-гол). В настоящее время р. Хэрхэйн-гол берет начало из истоков Хойт-Хэрхэйн-гол и Урд-Хэрхэйн-гол, поворачивая на запад, сливается с р. Тээртууараг (халх. Тээртуурагийн-гол). На картах разного масштаба встречаются также варианты *Тээртууараг*, *Дэртураг*, ср. название перевала *Дэртуруг давваа* на границе Бурятии и Монголии. В слове *Хэрхэ* конечный халх. *-ӗ-* развился, по-видимому, из письм.-монг. *-e-*, соответствующего, в свою очередь, тюрк. *-i-* ~ *-ü-* [Владимирцов 1929б: 326, 320–321, 322, 323], при халх. *-x-* < *-k^{x}-* < *-k-* (во втором случае – после сонорного *-r-*) [Там же: 403–404].

По меньшей мере, это отождествление позволяет утверждать, что татары точно переходили на левый берег Селенги, где, видимо, и велись дальнейшие боевые действия против них со стороны уйгуров.

Река *qasuj*. Топоним *qasuj*, кажется, достаточно легко находит ближайшую аналогию в современной топонимике. Традиционно его отождествляют с р. Хануй-гол [Ramstedt 1913: 52; Цэнь Чжун-мянь 1958: 475]. Б. Я. Владимирцов, интерпретируя топоним *Qasuj* надписи Могойн Шинэ Усу, следовал за Г. Й. Рамстедтом, приводя халх. *хасуй*, ойр. *хасӯ* ~ *хасуй*, < **χasui* < *qasui*, писал, что слово употребляется для

обозначения «китайцев-торгашей из северо-западных провинций»[105], отметил, что причина этого остается невыясненной, как и нуждается в географической проверке предположение Г. Й. Рамстедта о том, что название *хануй* возникло из-за совместного употребления названий р. *χasui* и р. *küne* (> халх. *хуһэ*): *хануй-хуһэ* < **χasui-küne* [Владимирцов 1929а: 171–172].

П. Пельо в заметке к статье Б. Я. Владимирцова отметил возможность сопоставления топонима *Qasui* с названием западнотюркского племени *гэ-шу* 哥舒 (< **Kâ-śi̯*^{w}*o*) [Pelliot 1931: 230], но скорее всего здесь соответствие др.-тюрк. *qošu* [Marquart 1914: 94, Anm. 4].

В интерпретации *Касуй* В. Е. Войтов отмечает, что «в том же списке рек у Н. Я. Бичурина Хасуй назван первым правым притоком Селенги, что соответствует Хануй-голу. Сопоставление гидронимов Хасуй – Касуй – Хануй приводит, со ссылкой на Г. И. Рамстедта, и Б. Я. Владимирцов (Владимирцов, 1929. С. 171–172)» [Войтов 2002: 118, прим. 13].

Проблема имеет на самом деле весьма глубокие корни, подробно остановиться на которой здесь нет возможности. Следует указать, что она связана с путаницей на географических картах и в сочинениях путешественников XIX в. упоминания названий *Хасуй* и *Хануй*.

Так, например, Е. Ф. Тимковский, совершивший путешествие через Монголию в начале 20-х гг. XIX в., дает следующую информацию касательно р. Селенга. Называя шесть ее истоков, из которых северные – *Харатар* и *Буксуй*, которые текут на юго-восток, а из южных – *Эдер*, *Чолуту*, *Улятай* и *Ацзарга*, которые текут на северо-восток, он отмечает: «Протекши около 300 ли, все соединяются в одну реку, которая прошед к востоку более 200 ли, с юго-запада принимает в себя реку *Хасуй*…» [1824: 244–245].

Н. Я. Бичурин, по-видимому, пользовавшийся данными Е. Ф. Тимковского, в первой трети XIX в. в справочном приложении к одной из своих переводных работ писал следующее: «*Селенга*, по-монг. *Сэлэнгэ*, по кит. *Сэлын-кхэ-хэ*; начало принимает от Хангая на северо-западе шестью истоками: *Харатал*, *Буксуй*, *Эдер*, *Цилуту-гол*, *Улкатай-гол* и *Ацзирга-гол*; в течении принимает в себя реки *Хасуй*, *Экэ* и *Орхон* и уходит в пределы России» [Бичурин 1953, т. III: 45]. Ср.:

[105] Ср.: халх. *хасуд* ‘китайцы – мелкие торговцы из с.-з. провинций Китая’ [Владимирцов 1929б: 285].

«***Селенга***, по-монгольски ***Сэлэнгэ***; на китайском ***Сэ-лын-кхэ-хэ***; начало принимает из гор от Хангая на северо-запад шестью истоками: ***Харатал***, ***Буксуй***, ***Эдэр***, ***Цилуту-гол***, ***Улкатай-гол*** и ***Ацзирга-гол***; в течении принимает в себя реки: ***Хасуй***, ***Экэ*** и ***Орхон***; по вступлении в пределы России принимает в себя Чжиду и Чикой…» [Бичурин 2002: 255].

М. Кастрен в 1849 г. упоминал реку *Khasoui* (связывая ее название с samoïède ‘sec, aride’) [Castren 1849: 10]. Г. Н. Потанин регистрирует такой топоним «Хануй, река, приток Хасуя» [1881: 416]. Он отмечал следующее: «Странно, что все монголы, которых нам приходилось расспрашивать о реках, текущих с северного склона Хангая, не знали р. Хасуй, хотя некоторые из них провели свою молодость на его притоке Хануе. С Тамира в Хануй едут через Кутэн-дабан; поднимаются из Тамира по долине Убур-халдзын, спускаются по р. Кутэн-гол, которая впадает в р. Хонин-гол, а этот в Хануй или Хуный-гол, последняя же река по показанию туземцев впадает прямо в Селенгу» [Там же: 246]. Примерно в это же время М. В. Певцов, проходивший здесь в 1879 г., писал лишь о «широкой долине речки Ханын-гол, названной на большой китайской карте Монголии Хануем» [1951: 190].

Впрочем, Д. А. Клеменц, в 1891 г. шедший в составе экспедиции Императорской академии наук маршрутом от Хара-Балгасуна на р. Орхон в Туву и Минусинскую котловину, не нашел реки Хасуй, регистрировавшейся к тому времени на географических картах. Когда исследователь пишет о «Хунейн-гол или в разговорном языке Хуни-гол» или далее «реке Ханын-гол, или Хануй», он отмечает: «Здесь опять мы встречаемся с *qui pro quo* в топографии местности. На картах Хунеин-гол не существует, а показаны Ханын-гол и приток его Хасуй. Певцов очевидно смешал Хуни и Ханын-голъ. Там, где на картах стоит Ханын-гол, следует поставить Хуни-гол или Хунеин-гол как угодно, Хасуй изгнать вон и на место него поставить Ханын-гол или Хануй, так как Хасуй в действительности не существует, а все притоки его именные и безыменные принадлежат Ханую» [Клеменц 1892: 16][106].

[106] С. М. Дудин, бывший в составе другого отряда той же экспедиции, рассказывает, однако, что, перейдя Хойто-Тамир, на другой день они пересекли Хасуй и только на следующий день прибыли в долину Ханын-гола,

В сочинении «Мэн-гу ю-му цзи» 蒙古遊牧記, составленном в Цинской империи в 1867 г. на основе более ранних источников, упоминается *Ха-суй* 蛤綏 или другое название *Ха-жуй* 蛤瑞) [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 364, 365, 378; Цэнь Чжун-мянь 1958: 770, 771].

Уже потом стал известен в найденной позже Тариатской (Терхинской) надписи топоним *q(a)ňuj*, который упомянут в следующем контексте (Тар, Зап., стк. 5): *j(a)jl(a)y(ï)m ötük(ä)n quzï k(e)d(i)n ucï t(ä)z b(a)š öŋdüni q(a)ňuj kün(ü)j b²z*, что в переводе Т. Текина ‘My summer pastures are the northern (slopes) of the ötüken (mountains). Its western end is the head of the Tez (river), and its eastern (end) is Kanyuy and Künüy” [Tekin 1983: 47, 51]. Как писал знаменитый тюрколог касательно *q(a)ňuj*, “This name must be identical with the name of the river *Xanuy* in northern Mongolia. The runic *ň* could easily be mistaken for *nč*”, а “*K*^{u}*ün(ü)y* is modern *Xünüy*” [Ibid.: 57]. Еще Л. Базен, однако, определил здесь, в Тариатской (Терхинской) надписи, *Xasui* “(*Chassui* des cartes allemandes)”, западный приток *Xanui* (*Xanuin-gol*), притока Селенги [Bazin 1982a: 110].

Как указал Т. Текин, упоминание рядом *q(a)ňuj* и *kün(ü)j* не вызывает сомнения в идентификации обеих рек.

В «Мэн-гу ю-му цзи» 蒙古遊牧記 (цз. 8) вторая река называется *Ху-ну-и-хэ* 胡努伊河 [Цэнь Чжун-мянь 1958: 653, 771; Малявкин 1989: 25, 140, коммент. 52][107].

Колофон открытого недавно (2011 г.) текста монгольского перевода *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sūtra*, относящегося, предположительно, к периоду 1678–1702 гг., содержит упоминание места его со-

---

«прямо к развалинами [Хара-Балгасуна]», предварительно обогнув «озерки Ихе-ханын-нор» и «перевалив через небольшой хребет» [1892: 25]. Шедший этим же отрядом Н. П. Левин, между тем, пишет, что «по Хуныну мы шли почти до устья его и вышли на Ханын-Гол около Хара-Балгасуна» [Левин 1892: 48].

[107] Рассматривая сообщение ТХЯ (цз. 72) о том, что племя *тун-ло* 同羅 (< *toŋra*) локализуется к юго-востоку от р. *Хун-но-хэ* 洪諾河, к северу от Цюйюэ-шань 曲越山, к востоку от Ю-лин-шань 幽陵山, первым из перечисленных топонимов Цэнь Чжун-мянь видит р. *Хүнүй* [1958: 771]. Ср. однако, *хунно* 洪諾, пиньин. *hóng-nuò* < ран. ср.-кит. **γəwn-nak*, позд. ср.-кит. **xhəwn-nak* [Pulleyblank 1991: 125, 228] < **(q)ʊnaγ*.

ставления – *qasui künü-yin belčir-e* [Ямпольская 2013: 90], где угадываются названия двух рек – *Хасуй* и *Хүнүй* [Там же: 86] (здесь второе не распознано, допускается чтение *günü*). Этот факт ослабляет гипотезу Э. Айдына об описке в Селенгинской надписи. Кроме того, второй топоним в монгольском источнике явно является фонетической формой *künü* < письм-монг. **künüj*, что соответствует руническому *künüj* (монголизм?). Кроме того, примечательно, что здесь мы также имеем случай парного употребления топонимов.

Следует отметить очевидную однотипность форм *qasuj*, *qaňuj* и *künüj*. Здесь нельзя не вспомнить другой, известный по орхонским памятникам, топоним – *taluj* [Şirin User 2009: 145]): ср. (пра)монг. *dala(y)i* 'sea, ocean' vs (пра)тюрк. **taloj* > др.-тюрк., ср.-тюрк. *taluj*, что, по мнению К. Шёнига, позволяет поставить вопрос о возможном заимствовании из монгольских языков в тюркскую среду [Schönig 2003: 409][108], если это не китаизм (< кит. *да-лэй* 大纝) (см.: [Clauson 1972: 502]). Ср. также: *tūāy* تواي [*twāy*] > **to'ai* (= совр. Туин-гол) у Рашӣд ад-Дӣна выше.

Тождество топонимов *qasuj* и *qaňuj*, исходя из разновременных данных об использовании этих названий, кажется очевидным, однако выявление соотношения двух форм представляет собой некоторую трудность.

Реконструкции известных из китайских источников написаний показывают возможность их соотнесения с данными ранних памятников.

Так, (1) *гэ/ха-суй* 蛤綏 (пиньин. *gé/há-suī* < ран. ср.-кит. **kəp/kap-swi*, позд. ср.-кит. **kap-syj*, манд. **kɔˇ-suj* [Pulleyblank 1991: 106, 296]) < **qasuj*; (2) *гэ/ха-жуй* 洽瑞 (пиньин. *gé/há-ruì* < ран. ср.-кит. **kəp/kap-dzwiðʰ/dzwiʰ*, позд. ср.-кит. **kap-ʂɦyjˋ*, манд. **kɔˇ-ʂujˋ* [Ibid.: 106, 269]) < **qajuj*, **qašuj*.

На основании этого можно полагать, что зарегистрированные транскрипции восходят ко времени не ранее позднего среднекитайского периода, при этом инициаль *ʂɦ-*, по крайней мере для тюркских заимствований, исходя из примера *jabγu* ~ *ǰabγu*, могла передавать как палатальный апроксимант [j], так и спирант [ǰ] [Kasai 2012: 127; 2014: 72]. Ввиду этого возникает возможность гипотетического существо-

[108] Ср. сомнения Л. Кларка [Clark 1977: 153].

вания формы **qajuj* < *qaňuj* > *qanuj*[109]. Можно предполагать, что форма **qanuj*, отраженная в монгольском *хануй*, отсылает к праформе **qajnuj* ~ **qanjuj*. С другой стороны, спорадическое явление *-j-* > *-n-* в интервокальной позиции известно в монгорском языке [Poppe 1955: 129].

Каким образом соотносились эти формы, к тому же, с зарегистрированным, *qasuj* ~ **qašuj*? Чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное исследование. Однако ввиду невозможности подбора очевидного фонетического обоснования отношения последней к остальным, небезосновательной все еще видится гипотеза Г. Й. Рамстедта о том, что ее появлению мы можем быть обязаны такому обстоятельству, как перезаимствование из китайского, которое, однако, должно было произойти в постсреднекитайский период. Форма, зарегистрированная в памятнике Могойн Шинэ Усу, несколько ослабляет эту версию.

Таким образом, пока можно остановиться на гипотетическом: ориг. (?) *qaňuj* > 1) *qanuj*; > 2) **qajuj* > позд. ср.-кит. **qašuj* > др.-тюрк. *qašuj* > письм. монг. *qasuj*.

Озеро *ČIγLTr[1] köl.* Касательно прочтения *ČIγLTr[1] köl* могут быть разные варианты. Ср. у Г. Й. Рамстедта *čįγil̲tir* при возможном *[a]čįγ al̲tir*?, где *[a]čįγ* ‘bitter, salz’ (= монг. *gasigun*, халх. *ɢašūn*) [Ramstedt 1913: 52] (ср.: [Цэнь Чжун-мянь 1958: 475]). Из последних исследований нужно назвать исследование Э. Айдына, который допускает прочтение *ačïγ altar*/*altïr*, но предпочитает *Çıgıltır*. Теоретически при зарегистрированном и потому оправданном значении *ačï-g* ‘bitter(ness), grief’ [Erdal 1991, vol. I: 179–180] проблему вызывает лишь второе слово. Э. Айдын формально сопоставляет с монг. *aldar* ‘ün, şöhret, nam, itibar, gözdelik, tanınmışlık, şan şöhret; isim, ad’, а также *altargana ~altagana*, восходящее, в свою очередь, к < *altan* ‘altın’ *+gAnA*. По этому же принципу и искомый топоним может быть сходен с *Caragana*, что есть название растения *Caragana arborescens*, которое известно в Сибири. Но это гипотетично [Aydın 2007: 81; 2011: 176–177].

[109] Вопросы, связанные с древнетюркским /ň/, обстоятельно рассмотрены в кн.: [Erdal 2004: 71–75], а также на общетюркском фоне: [СИГТЯ 2006: 38–42].

Э. Айдын, локализуя *Çıgıltır Köl* на северо-западе Отюкена, исходит из соображения, что памятник Могойн Шинэ Усу содержит описку в слове *q(a)suj* вместо *q(a)ňuj*, зарегистрированного в Тариатской (Терхинской) надписи [Aydın 2007: 82–83; 2011: 176–178]. Как было отмечено выше, это необязательно.

Реки *käjrä* и *üč birkü.* Представленное ниже отождествление топонима *käjrä* и *üč birkü* предлагается впервые.

В свое время Г. Й. Рамстедт сопоставлял с монг. *kegere* (бур. *χere*), манчж. *Keire* ‘braun (mit schwazer mähne)’ [Ramstedt 1913: 45]. Следующий упомянутый топоним *üč birkü* был сопоставлен Г. Й. Рамстедтом с названием небольшой речки *Birke* в 139 км в северо-западу от Урги (совр. Улаанбаатар) [Ibid.: 45]. Примерно в том же направлении идут рассуждения Цэнь Чжун-мяня, который, в частности, предпринимал попытки его привязки к современным географическим названиям на территории Монголии, содержащим элемент *gurwan*, либо формально сопоставимым фонетически (*birhe*/*birxe*, *ar-birke* и *üwar-birke*), но пришел к выводу о том, что однозначная идентификация невозможна [Цэнь Чжун-мянь 1958: 463].

Э. Айдын согласился с тем, что *käjrä* следует искать к востоку от Селенги, это могла быть какая-то небольшая речка; притом в самом наименовании *üč birkü*, по его мнению, заложено указание на три места, возможно, ставки – так, в этом же памятнике и в смежном месте в Тариатской (Терхинской) надписи, где говорится о войне уйгуров с тюрками, называются рядом четыре топонима – *qara qum*, которые пересек уйгурский каган, и далее – сразу три – *kögür*, *kömür tay* и *jar ügüz* (МШУ, Сев, стк 8(8); Тар, Вост., стк. 7) [Aydın 2007: 68–69]. По крайней мере, *qara qum*, являющийся калькой кит. *Хэй-ша* 黑沙, хорошо локализуется как местность к северо-западу от Да-тун-фу 大同府, в северной части большого изгиба р. Хуан-хэ, у северных склонов хр. Инь-шань [Czeglédy 1962: 57, 58, 63, note 14].

Л. Базэн, в кооперации с Дж. Хамильтоном, определил *jar ügüz* “Fleuve de la Faille” как “le bras le plus septentrional du Fleuve Jaune, qui occupe précisément une faille géologique”, *kögär* “verdoyant” (ср.: *kök* “bleu, bleu-vert”), что соответствует кит. *да-цин-шань* 大青山 – “au Nord de la grande boucle du Fleuve Jaune”, а *kömür tay* “montagne de charbon” – к северо-западу от него, в северо-западной части кит. Хэйшашь 黑山, известная месторождениями угля [Bazin 1982a: 110; 1982b].

В. Е. Войтов лишь также указывает, что «географическое имя Кэйрэ упоминается также в связи с войной между токуз-огузами и тюрками в 740 г. (МШУ, 5–6; Терх., 21)» [2002: 118, прим. 14].

Если Г. Й. Рамстедт прав, то приходится признать *Käjrä* монголизмом и заключить, что процессы *-VGV- > -VjV-* имели место в каком-то из монгольских наречий задолго до XIII в., когда появляются первые достоверные письменные данные об особенностях языков этих групп.

Между тем есть основания предложить отождествление *käjrä* с р. Керулен (халх. *Хэрлэн*), а *üč birkü* – с *тремя* ее притоками, в верховьях этой реки (ср. *käjrä baš*), – имеющими название в современном халхаском *Бүрх* (Зүүн Бүрх, Баруун Бүрх и Дунд Бүрх).

Среди всех известных в исторических источниках наименований р. Керулен (см.: [Pelliot 1934: 166–167; Hambis 1974: 21–26]) следует отметить аутентичное древнетюркскому времени танское (в источниках, восходящих первичными сведениями ко временам династии Тан 唐 (618–907), таких как ТД, ТХЯ, ЦТШ, СТШ и др.) *цзюй-лунь-шуй* 俱淪水/俱倫水 (иногда ошибочно *шань* 山) [Цэнь Чжун-мянь 1958: 180–181, 695, 765, 767; Hambis 1974: 21], который тоже иногда ассоциируют с р. Керулен [Liu Mau-Tsai 1958, Bd. I: 355, Anm. 1799; Bd. II: 722]. Против всех подобных идентификаций, в том числе с рядом более древних форм, выступил Цэнь Чжун-мянь [1958: 769–770][110]. Л. Амби считает, что речь идет о передаче названия оз. *Kölän* [Hambis 1974: 21, 26], в которое впадает р. Керулен. Это косвенно подтверждается употреблением названия как озера: *цзюй-шу-по* 俱輸泊 в ЦТШ (цз. 199б), которому в СТШ (цз. 43б, с. 32б) соответствует *цзюй-лунь-по* 俱倫泊 [Hambis 1974: 26]. Ср.: *цзюй-лунь* 俱淪/倫, пиньин. *jū-*

[110] Есть гипотезы, согласно которым предположительные ранние транскрипции встречаются уже в «Ши цзи» 史記, в частности, *гун-люй-шуй* 弓閭水, *гун-лу* 弓盧 [Сыма Цянь 2010: 38, 353, коммент. 81)]. Известная там же идентификация с *лу-цзюй* 盧朐 поддерживается не всеми исследователями [Материалы... 1968: 60, 150 (коммент. 206)]. Считается, что наименование топонима, связываемое с р. Керулен, впервые достоверно упоминается в ранних источниках под названиями *лу-цзюй-хэ* 臚朐河 (ЛШ), *лу-лянь-хэ* 龍駒河 («Цзинь ши» 金史).

lún/lún < ран. ср.-кит. **kuə̆-lwin*, позд. ср.-кит. **kyə̆-lyn* [Pulleyblank 1991: 162, 203] < **kölXn* / **körXn*.

В суйских сочинениях фиксируются разные формы. Чань Чунь 長春 «Си-юй цзи…» 西遊記 использует старую традиционную форму *лу-цзюй* 盧朐 [Hambis 1974: 22][111]. Сюй Тин 徐霆 в его комментариях к «Хэй-да ши-люэ» 黑鞑事略 употребляет форму Лу-гоу-хэ 瀘溝河, которую П. Пельо считал одной из форм передачи названия Керулена [Pelliot 1934: 166]. В «Бянь хоу цзи син» 邊堠紀行 (или «Сай Бэй цзи син» 塞北紀行) Чжан Де-хуэй 張德輝 зарегистрирована фомра *си-лулянь-хэ* 翕陸連河 (< **kirülän*). [Hambis 1974: 22].

В ТИМ употребляется написание *Кэ-лу-лянь му-лянь* 克魯𠯿漣沐𠯿漣 (< *kälürä mürän*) (ср.: [Там же: 24]). В фактически аутентичных «Шэн-у цинь-чжэн лу» 聖武親征錄 и «Юань ши» 元史 (далее – ЮШ) встречается название *люй-лянь-хэ* 綠憐河 [Histoire des campagnes… 1951: 417–418]. В ЮШ также известны транскрипции *це-люй-лянь* 怯綠連, *кэ-люй-лянь* 客魯漣 [Hambis 1974: 23]. В «Джāмū ат-тавāрūх» Рашūд ад-Дūна аṭ-Ṭабūба топоним обозначен как *k^{a}lūrān* [klwrān] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 2292 (Index)]. В ЮШ также встречается топоним *цилянь-гу* 起輦谷 ‘Vallée de K’i-lien’, для звучания сочетания первых двух элементов в котором П. Пельо допускал реконструкцию **kiräl* [Pelliot 1934: 167]. В «Мин ши» 明史 употребляется анахронизм *лу-цзюй* 臚朐 [Hambis 1974: 24] и др. подобные двусложные формы, как и в других источниках Минского времени [Pelliot 1934: 166–167].

Как давно установлено исследователями, на начало XIII в. мы имеем дело, скорее, с формой **kälürän* (~ *kärülän*, метатеза см.: [Poppe 1955: 158]). В то же время ранние китайские написания восходят, по-видимому, к древнекитайской транскрипции *лу-цзюй* 盧朐, которое, вероятно, представляет собой метатезированный вариант от исходного *цзюй-лу* 朐盧. Реконструкция обеих древнекитайских форм на основе современных методик несколько различается[112], но не позволяет уверенно провести связь с позднейшими наименованиями[113].

---

[111] См. предыдущее примечание.

[112] См.: 1) *гун-лу* 弓盧, пиньин. *gōng-lú*< др.-кит. **kwəŋ-*[*r*]*a* [Baxter, Sagart 2014], преклассич. др.-кит. **k^{w}əŋ-rā*, класс. др.-кит. **kwəŋ-rā*, зап.-хань. **kwəŋ-rā* [Старостин 1991], др.-кит. *kwəŋ-ra* [Schuessler 2006: 255, 365]

Увидеть какое-либо название, находящее соответствие известным китайским транскрипциям в той форме, что зарегистрирована в памятниках древнетюркской рунической письменности, здесь не представляется возможным. Однако в монгольских языках существует возможность трансформации *(*/l/ >) /l/ > */l′/ > /j/* перед другими согласными через ступень сильной палатализации [Владимирцов 1929б: 372; Poppe 1955: 158][114]. В этом случае др.-тюрк. *käjrä* или, как допустимо думать, **käj(ä)rä* может быть вторичной формой: **käjərä* <**käl′(ə)rä*. В таком случае в достоверно известных с XIII в. формах *kälürän ~ kärülän* конечный согласный может быть рассмотрен в связи с монгольским конечным *-n*, употребляющимся в именных основах, при этом достаточно неупорядоченно, ввиду чего не всегда можно однозначно установить его природу, является ли он этимологическим или протетическим [Владимирцов 1929б: 356–357].

Исследователями предпринимались попытки этимологизации гидронима *Керулен*. Так, Э. М. Мурзаев отмечал, что «Керулен не осмысливается монголами, которые произносят Хэрлэн, но удовлетворительно объясняется с эвенкийского: Хэрэлгэн – “широкая долина, низина”» [1966: 48; 1974: 246]. Т. А. Бертагаев раскладывал слово на морфемы *хэр-лэн*, отмечая, что «по-монгольски *хэр* – «лес на северной стороне хребта», *кэру* «северная сторона горы», «к северу от горы», а *-лэн*/*-лан* – именной аффикс от глагольных основ: ср. ср. *хашалан* – «притеснение» от *хашаха* – «притеснять»; х*адалан* – монг., бур. «покос», диал. бур. «жниво» от *хадаха* – «косить», бур. диал. «жать»; *сабшалан* – «покос» от *сабшаха* – «косить»; монг. *зуслан*, бур. *зуһалан* – «летник, дача» от зусах, *зуһаха* – «проводить лето» и т. д.». Как заключает исследователь, «*Хэрүлэн*, *хэрлэн*, следовательно, значило некогда «северянка, северная». Но есть и другой вариант происхожде-

---

< **kuŋ-ra*; 2) *лу-цзюй* 盧胸, пиньин. *lú-qú*< др.-кит.**ra-go* [Schuessler 2006б: 365, 436, 257], соответственно, вероятно, метатеза от **go-ra*.

[113] Соблазн подобрать какие-то формально сопоставимые формы, ориентируясь, например, на материалы праалтайских реконструкций (см., напр.: [EDAL 2003]), вполне может увенчаться мнимым успехом, но, как кажется, скорее будет способствовать порождению довольно спекулятивных гипотез.

[114] Справедливости ради нужно отметить, что из примеров, приведенных Н. Поппе, можно видеть, что этот процесс происходит преимущественно перед *-s-*, *-b-*.

ния этого названия: возможно, от глагола *хэрэх*, который означает в бурятском диалекте (западном) «уйти в сторону от взятого направления»; “пересекать взятое направление”; в монгольском “бродить”, «переходить с места на место»; «смотреть косо»; в «Сокровенном сказании» *кэрэкү* – «скитаться, нищенствовать», «отчаиваться», *хэрэлэн* – «отошедший в сторону» [1980: 126]. Е. В. Сундуева считает возможным уловить в гидрониме образное значение. По ее мнению, образная основа со значением «нечто ровное» восходит к звукоподражательному элементу *kir* / *ker*, связанному с отражением звуков, сопровождающих процесс нарезания чего-либо на равные части. Соответственно, наименование *Хэрлэн* может переводиться как «[река] с ровным, спокойным течением» [Сундуева 2010: 248–249].

Интересно отметить, что в упомянутом выше дорожнике конца VIII в., когда говорится про оз. Цзюй-лунь 俱倫 (*Цзюй-лунь-по* 俱倫泊), отмечается, что «[вокруг] озера со всех четырех сторон [живут] *ши-вэй* 室韋» (СТШ, цз. 43б, с. 32б). В связи с этим кажется возможным вернуться в будущем к вопросу о выяснении соотношения между ними и носителями этнонима *tatar* в данный исторический период.

Обратимся ко второму из обсуждаемых топонимов – *üč birkü*. В «Мэн-гу ю-му цзи» 蒙古遊牧記 также отмечается впадение в Керулен реки *Бай-лэ-кэнь* 白勒肯 (ср. хребет Бирха – *би-эр-кэ-лин* 畢爾喀嶺) [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 398], что П. Пельо сопоставил также с *bürgi-ärgi* (кит. *бу-эр-цзиэ-эр-цзи* 不兒吉額兒吉) ССМ – местность, где Тэмуджин провел детство [Histoire des campagnes... 1951: 388–389] (см. также: [The Secret History... 2004: 392–393]).

Трансформация *birkü* в ср.-монг. *bürgi* (где *-g-* выступает как аллофон *-k-* [Владимирцов 1929б: 123–124], если это не описка [Poppe 1955: 141, 143]) и далее в халх. *бүрх* обосновывается при помощи законов монгольской фонетики. Гласный первого слога, содержащий *-i-*, на монгольской основе подвергается перелому – ассимиляции под влиянием гласного второго слога, оказывавшегося в ударной позиции, соответственно, на месте гласного первого слога возникает тот же гласный, что и в следующем слоге (ср. в халха-монгольском), потому мы имеем изменение гласного *-i-* > *-ü-* [Владимирцов 1929б: 176, 177]. Финальный письм.-монг. *-i-* нормально соответствует тюрк. *-ü-* [Он же: 322, 323], тогда следующий этап – редукция финального

письм.-монг. *-i-* > халх. *-ĭ-* [Там же: 326], с дальнейшим исчезновением [Там же: 331–333].

Если предложенная идентификация верна, это, кроме всего прочего, важное свидетельство того, что перелом гласного *-i-* в монгольских языках имел место в монгольских языках уже, по крайней мере, к концу XII в.

Нужно учесть, что путь в ходе преследования уйгурами татар от *Qasuj* до *Käjrä* занял две недели (со «второго» по «пятнадцатый» день месяца), что теоретически также не противоречит предложенной идентификации.

Долина р. Керулен с древности являлась одним из основных мест расположения кочевий и ставок номадов Внутренней Азии. Так, в хуннское время в долине Керулена располагалось несколько городов-крепостей. В настоящее время известны такие городища, как Тэрэлжийн дөрвөлжин, Бурхийн дөрвөлжин, Хүрээт дов, Гун галуут (Өндөр дов), Гуа дов, Цэнхэрийн голын балгас, Барс хот-II, Баруун дөрөөгийн хэрэм [Пэрлээ 1957; 1961; Шавкунов 1972; Цэвэндорж, Батсайхан, Төрбат 1994; Данилов 2004; Төрбат, Гантогтох 2010; Данилов 2011; Danilov 2011; Эрэгзэн 2013; Данилов и др. 2016; Крадин, Ивлиев, Васютин 2018].

Особо следует отметить относительно высокую концентрацию городов хуннской эпохи в верховьях Керулена. Наиболее высоко расположенным является городище Тэрэлжийн дөрвөлжин, находящееся в долине р. Тэрэлж, притока Керулена [Данилов, Симухин, Цыденова 2011; Данилов и др. 2016; Крадин и др. 2017; Крадин, Ивлиев, Васютин 2018; Эгиймаа 2019]. В 14 км от городища Тэрэлжийн дөрвөлжин находится городище Бурхийн дөрвөлжин, расположенное в местности Ганц Мод в долине реки Зүүн Бүрхийн гол, притока Керулена [Ивлиев и др. 2017]. Южнее на р. Баруун Байдлаг гол, притоке Керулена, вблизи Багануура располагается городище Хурээт дов, далее вниз по течению Керулена располагается городище Гун Галуут (Өндөр дов), а следом – городище Гуа дов [Пэрлээ 1957; 1961; Эрэгзэн 2015; 2017; Эгиймаа 2019]. Все эти городища находятся в Центральном аймаке, в истоках Керулена, вблизи слияния с ним его правых притоков. В низовьях Керулена пока известны городища Цэнхэрийн голын балгас в Хэнтэйском аймаке, Барс хот-II и Баруун дөрөөгийн хэрэм в Восточном аймаке [Данилов и др. 2016].

Определенная плотность городов хуннского времени именно в верховьях Керулена, близость верховий Керулена с верховьями Толы, а также с притоками Орхона позволяют сделать вывод не только об освоенности этой территории, но и о значимости этого региона для древних кочевников Внутренней Азии.

Посетивший в 1895 г. в рамках специальной экспедиционной поездки эту местность Д. А. Клеменц писал следующее: «Как окрестности Урги, так и местность вверх по Толе уже не имеют степного характера. Восточная часть Гентейского нагорья, высокие точки которого приблизительно доходят до 6–7 и 7500 футов, а долина нигде не ниже 3,800, 4 и 4,500 футовъ, отличается хорошими, просторными пастбищами, где степная флора уступает место луговой. Рядом с этим склоны гор, обращенные к западу и северу, облесены лиственницей, а берега таких рек, как Тола и Торильджа, обросли тополем. Монголы уверяли меня, что некоторые вершины и горные проходы освобождаются от снега только с половины июля до первых чисел сентября. Гентей богат зверьем: встречаются соболь, белка, рысь, дикий козел, изюбр. На Керулен забегают с востока, а на р. Ира дзерены с запада. В высоких и сырых лесных долинах держится кабан. Это, стало быть, одна из местностей, где скотоводство идет рука об руку со звериным промыслом. Она должна была напоминать зашедшим сюда тюркам дорогие им “лесные горы”, тайгу, о которой они говорят как о своей прародине в известной надписи на памятнике *Кюлъ-Тегина*. Что касается системы верхнего Керулена и его притоков, то здесь степной характер местности выражен гораздо резче. За Керуленом Гентей сильно понижается, долины становятся шире и суше, лес сохраняется только в виде отдельных, небольших рощиц на северо-западных склонах более высоких хребтов; местность эта, принадлежащая уже к аймаку Сецен-хана, носит характер неровной травяной степи или, если так можно выразиться, гористой степи. Она, подобно многим местностям Северной Монголии, может служить отличным возражением против мнения, высказанного недавно, что равнинный характер местности составляет необходимое условие существования степей. От других степей Монголии Керуленские отличаются малым развитием солончаков. Климат здесь довольно суровый, некоторые явления указывают на существование вечной мерзлой почвы; но так как заметка моя касается только археологических памятников, то об этом вопросе

я распространяться не буду. Он заслуживает особой статьи» [Клеменц 1896: 42].

Население здесь Д. А. Клеменц нашел более редким, чем на Хангае. Кроме того, исследователь отметил следующее: «Сношения с местностями, лежащими на восток и на север от Керулена и Толы, производятся беспрепятственно, к западу; через нагорье Гентея проходимых дорог нет. Этим он отличается от Хангая. Вероятно, и в древности главным путем сношений были долины Толы и Керулена и обратный путь, лежащий к западу от Гентея, ведущий в Забайкалье по системе притоков Селенги» [Клеменц 1896: 43].

Однако именно в этой местности, к северо-востоку от изгиба Керулена, двигаясь по р. Цэнхэрийн-Гол, исследователь обнаружил сначала два поминальных сооружения древнетюркской эпохи, а далее, в урочище Бургасын-ама, им была найдена двустрочная наскальная надпись древнетюркским руническим письмом [Там же: 49–50]. Сегодня она известна как Хэнтэйская надпись или надпись Цэнхэрмандал, гласящая: (1) *iči öz (i)n(a)nčü qïr(ï)γ(ï)m* (2) *küsgü jïlqa qont(ï)m* (см.: [Кляшторный 1978: 156–158, рис. 2; 1998: 142–143], другой перевод). Поправляя чтение С. Г. Кляшторного, следует, во-первых, исправить упомянутое личное имя – написание *öz (i)n(a)nčü* без графического обозначения инициального узкого гласного во втором слове регистрируется в Девятой Таласской надписи [Alimov 2014: 117, 118]. Во-вторых, в написании *qIr^{l}γM* можно видеть слово *qïrïγ* – «край, конец, грань, предел» [ЭСТЯ 2000: 225–227, 245–247]. Перевод звучит следующим образом: «(1) Старший родственник [по мужской линии] Оз Инэнчю, граница [кочевья] моя; <тамга> (2) в год крысы останавливался [здесь] я».

В Тариатской (Терхинской) надписи в перечне состава девяти «великих *буйрук*ов» уйгурского Элетмиш Бильге кагана (Тар, Зап., стк. 6–7) [Tekin 1983: 47–48; Katayama 1999: 170, 172, 176; Şirin User 2009: 257–258, 275, 480] упомянут «Оз Ынанчу пяти сотен глава Улуг Оз Ынанчу» *(öz ïnanču beš jüz bašï uluγ öz ïnanču)*. Слово *ïnanču* имеет другое написание, в т. ч. в обозначении рядности, что отмечено в двух надписях Хойто-Тамир [Aydın 2017: 8–10] и Девятой Таласской надписи [Alimov 2014: 117, 118]. Было бы столь же заманчиво, сколько и рискованно отождествить этих двух персонажей. Связанная с надписью тамга пока, насколько нам известно, не имеет прямых аналогий на территории Монголии.

Независимо от этого, надпись, по-видимому, обозначает пределы пастбищных территорий какого-то влиятельного лица. По мнению С. Г. Кляшторного, надпись следует датировать второй половиной VIII – началом IX в.

В заключение можно, таким образом, сказать, что как в хуннскую, так и в древнетюркскую эпоху верховья р. Керулен, по-видимому, далеко не были периферией культурной политической жизни Внутренней Азии. Предложенные идентификации названий *käjrä* и *üč birkü*, безусловно, нуждаются в дополнительном обосновании, в особенности с точки зрения исторической фонетики алтайских языков. Однако сейчас отношение к некоторым фонетическим явлениям и процессам как анахронизмам уже не вызывает однозначного отношения. Причиной тому, видимо, надвигающийся в связи с недавними прочтениями А. Вовиным выполненных письмом брахми надписей на одной из стел Хуюс-Толгой и надписи на четвертой стороне Бугутской стелы [Vovin 2018, 2019a, b], пересмотр истории не только алтайских языков, но и их носителей.

***

В целом картина, складывающаяся за счет комплексного использования данных исторической географии и филологии, позволяет не только реконструировать места исторической активности носителей этнонима *mamap* в определенные исторические периоды, но и попутно предложить новые интерпретации в топонимике Внутренней Азии древнетюркского периода. По крайней мере, можно выдвинуть смелую гипотезу о локализации основной территории проживания *otuz tatar* на вторую половину VI в. и *toquz tatar* VII – начало VIII в. на одних территориях, что является аргументом в пользу мнения об исторической связи и даже преемственности этих племенных объединений. Второй момент – это именно *активное* участие *mamap (toquz tatar)*, которые не входили в токуз-огузское племенное объединение в войне степных племен 748–750 гг. VIII в. против установления политической гегемонии уйгуров.

Судя по реконструируемому маршруту их передвижений, можно говорить о том, что они действовали, вероятно, из своих коренных земель и, потерпев поражение в «западном походе», отступали туда же, но были у Керулена застигнуты уйгурским войском и разбиты. После этого они (или какая-то их часть), судя по всему, вошли в со-

став уйгурского политического объединения, пробыв там, по крайней мере, до самого крушения власти уйгуров, что косвенно подтверждает упоминание среди подданных уйгурского кагана некоего *Tatar Apa Tekin* [ṭatâr ’apâ ṭqîn] во фрагменте манихейского текста *Maḥrmâmag* на среднеперсидском [Müller 1912: 9, Linie 22], написанного в период 808–821 гг. [Rybatzki 2000: 255–256].

В IX в. история носителей этнонима *татар* становится более запутанной, поскольку они начинают фиксироваться также на территории Гань-су и Восточного Туркестана. Что это за *татары* и каково их отношение к *татарам* Внутренней Азии – остается дискуссионными вопросами. Однако ясно то, что из самой Внутренней Азии носители этнонима никуда не исчезли и фактически в этой же местности, с которой увязывается их локализация в VI и VII вв., они фиксируются и позже, в период XI–XII вв. При этом важно указать, что привязка этих «поздних» *татар* к местности у оз. Буир-Нур и Далай-нор отнюдь не исключает того, что уже в более ранний период, в частности во время противостояния с уйгурами, отдельные группы носителей этого этнонима не оставались на каких-либо территориях пути их передвижений и тем более не переселялись с них на примыкающие земли впоследствии.

Как можно заметить из всего сказанного, далеко не все топонимы на настоящий момент могут найти точное отождествление и частично были в общем виде локализованы предшественниками. Авторы настоящей работы также не претендуют в данном исследовании на решение всех вопросов, число которых, к тому же, множится за счет выхода на ряд смежных проблем (исторических, лингвистических), каждая из которых заслуживает специального рассмотрения.

1.3. Опыт идентификации племенных названий татар Внутренней Азии

Настолько же, насколько древнюю историю имеет этноним *татар*, многочисленна и литература, посвященная вопросам его происхождения, значения, лингвистической идентификации его носителей в те или иные исторические периоды и их взаимосвязи (см., напр.: [Бартольд 1968б; Мэн-да бэй-лу 1975: 45, 89–91, коммент. 2; 37; Rashīd al-Dīn 1373/1994: 2058–2062; Golden 2000; Yıldırım 2012;

Кляшторный 2013]). История употребления слова *татар* в домонгольское время в различных источниках суммирована недавно, в частности, С. Г. Кляшторным [2013]. В отношении носителей этнонима *татар* домонгольской эпохи фрагментарные и не всегда определенные сведения, разбросанные по источникам различного происхождения и относящиеся к широкому периоду VIII–XIII вв., не дают возможности сложить их в какую-то цельную картину. В связи с этим в историографии получило место условное деление *татар* домонгольской эпохи на «восточных», связанных с территорией в основном этнической Монголии, и «западных», регистрирующихся в источниках в Гань-су и Восточном Туркестане [Храпачевский 2015: 28].

Авторы данной работы хотели бы коснуться именно «восточных» татар, обратив внимание на исторический период, непосредственно предшествовавший образованию в степях Внутренней Азии империи Чингисхана. Основное внимание уделено нами разбору этнонимов, зарегистрированных источниками в отношении татар. В связи с историческими событиями XII–XIII вв. главнейшими из них остаются два – ТИМ и «Джāмӣ ат-тавāрӣх» Рашӣд ад-Дӣна аṭ-Ṭабӣба.

Специальную попытку соотнести друг с другом татарские этнонимы, встречающиеся в этих двух источниках, предпринял в свое время П. Пельо [Histoire des campagnes... 1951: 2–9], однако и он признал некоторые вопросы дискуссионными. В дальнейшем к отдельным этнонимам обращались другие исследователи, однако, насколько нам известно, столь же серьезных попыток, подобных П. Пельо, не предпринималось.

Первое упоминание здесь племенных группировок *татар* встречается в эпизоде ТИМ (§ 53), повествующем о том, что монгольский Амбакай ха'ан выдал свою дочь замуж к *Ayiri'ud Buiru'ud tatar* (кит. *та-та-эр* 塔塔兒 *А-и-ли-у-ти* 阿亦里兀惕 *Бэй-лу-у-ти* 备鲁兀惕), жившим на реке *Urši'un* (кит. *у-эр-ши-вэнь* 兀兒失温)[115], между озерами *Buyir* (кит. *бу-е-эр* 捕鱼兒, см. ниже) и *Kölän* (кит. *Ко-лянь* 阔连, см. ниже), но был захвачен *tatar *ǰü'in irgän* (кит. *чжу-инь и-эр-цзянь* 主因亦兒坚) [The Secret History... 2004: 10]. Два наименования – *Ayiri'ud* и *Buiru'ud* употреблены в тексте нераздельно, потому неясно,

[115] Совр. р. Урсун [Histoire des campagnes... 1951: 3].

одно это племя, имеющее двойное название, или два разных племенных названия [Ibid.: 299].

Этот эпизод есть у Рашӣд ад-Дӣна, где говорится, что Амбакай посватал за сына дочь предводителя племени *чаган татар* (ркп. *джаʓӑн-тӑтӑр*) *ḳāīrḳȳt-ʔȳʔrȳḳȳt* (в переводе восстановлено как *Кайрикут-Буйрукут*) [Рашид-ад-Дин 1952б: 23, прим. 5, 6][116].

В другом эпизоде ТИМ (§ 153) называет в 1202 г., при битве при **Dalan Nemürges* (кит. *да-лань не-му-эр-гэ-сы* 答阑捏木兒格思, букв. ‘Seventy Felt Cloaks’, 47° 18 СШ, 119° 30 ВД) племена **ča’a’an tatar* (кит. *ча-а-хань та-та-эр* 察阿安塔塔兒), **alči tatar* (кит. *а-лэй-чи та-та-эр* 阿勒赤塔塔兒)[117], **duta’ud tatar* (кит. *ду-та-у-ти та-та-эр* 都塔兀惕塔塔兒) и **aluqai*/*aruqai tatar* (кит. *а-лу-хай та-та-эр* 阿鲁孩塔塔兒) [The Secret History... 2004: 76, note 1: 567]. После названия **duta’ud* (кит. *доу-та-у-ти* 都塔兀惕) при его первом употреблении в тексте не стоит расширительный этноним *tatar* (кит. *та-та-эр* 塔塔兒) [Ibid. 2004: 566].

Рашӣд ад-Дӣн, когда говорит о *татарах*, называет шесть племен (قوم [q^{a}wm]), перечисляя их. В крупнейших изданиях труда персидского автора варианты их названий, приведенные в перечне, выглядят следующим образом:

татары-тутукулӣут, *татары-алчи*, *татары-чаган*, *татары-куин*, *татары-терат*, *татары-баркуй* [Рашид-ад-Дин 1952а: 103];

توتوقليوت تاتار [twtwqlywt tātār], آلچی تاتار [ʾālčy tātār], چغان تاتار [č.ğān tātār], کويين تاتار [kwyyn tātār], ترآت تاتار [t.rʾāt tātār], برقوی [b.rqwy tātār] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 79].

Tutuqli’ut Tatar, *Alchi Tatar*, *Chaghan Tatar*, *Küyin Tatar*, *Nira’ut Tatar*, *Buruqui Tatar* [Rashiduddin 1998: 44].

Как видно, названия, представленные в разных изданиях, не сильно отличаются, а имеющиеся разночтения легко объяснимы ввиду

[116] Мы не смогли обнаружить это место ни у У. М. Тэкстона, ни в критическом издании М. Рошана и М. Мосави, поэтому не имеем возможности проверить перевод и написание.

[117] Ю. А. Зуев пишет про *ča’an alčin tatar* как один этноним [2002: 238], однако такое написание в источниках не встречается.

особенностей графики и орфографии арабского письма[118]. Однако, так или иначе, из данных списков видно, что далеко не все шесть названий Рашӣд ад-Дӣна могут найти явные параллели в ТИМ.

В связи с упоминанием у Рашӣд ад-Дӣна шести племен *mamap* следует указать на один древнеуйгурский текст юаньского времени из Кочо. Здесь упоминается известный по памятникам древнетюркской рунической письменности этноним *toquz tatar bodunïn* [twqwz t'tr pwdwnyn] – букв. «народ девяти татар» (10 r), в качестве восставшего против уйгурского правителя [Tieshan Zieme 2011: 133, 135, 137, 141], но дальше – *altï tatar bodunï* [''lty t't'r pwdwny] – букв. «народ шести татар», как подчиненный «китайскому государству» (*qïdaj elkä sanlïγ* [qyd'y 'yl k' s'n lyq]). При этом упоминается, что он «возвысился» или «возник» (форма деепричастия *törüp* [twyrwp] (14v(45)) [Ibid.: 134, 136, 139, 141, 143, 148].

Не решая вопроса о соотношении между собой встретившихся здесь наименований *toquz tatar* и *altï tatar*, как и *otuz tatar* и *toquz tatar* в памятниках древнетюркской рунической письменности, следует указать, что *altï tatar* хорошо соотносится со сведениями Рашӣд ад-Дӣна. Кроме того, мы можем сделать вывод о том, что числовые маркеры в этнонимах указывают именно на количество племен в конкретной обозначенной им группировке[119].

---

[118] В примечаниях издатели отмечают варианты разночтения в разных рукописях и возможные варианты иной реконструкции, их мы коснемся позже.

[119] В связи с эти нельзя принять выдвинутую недавно гипотезу А. К. Камалова, согласно которой в наименовании *otuz tatar* в эпоху раннего Тюркского каганата и *toquz tatar* в последние годы Восточно-Тюркского каганата и в начальный период Уйгурского каганата числительное отражает соответственно факт инкорпорирования *mamap* сначала в тридцатиплеменной союз, возглавляемый тюрками, а затем – в токуз-огузский союз, возглавляемый уйгурами (создан после 630 г.). Аналогично упоминание приставки *девять* по отношению к различным племенам токуз-огузского союза в китайских источниках (*цзю син тун-ло* 九姓同羅, *цзю син ба-е-гу* 九姓拔曳固 / 九姓拔野古) обозначает принадлежность последних к девятиплеменному союзу [Камалов 2016: 199–202]. Согласиться с такой интерпретацией не позволяет также невозможность субстантивации числительного и использования его качестве управляющего определения в изафетной конструкции в тюркских языках.

Рашīд ад-Дīн отмечает, что «наиболее конкретный» (مخص‌وص‌تر [mhṣwṣtr]) *йурт* упомянутых им шести татарских племен был в районе озера باوور بويور [bwywr nāwwr] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 76]. Соответственно, уже исходя из контекста, совершенно невозможно согласиться с С. Г. Кляшторным, видевшим у персидского автора указание на владения *матар* в других частях Внутренней Азии [Кляшторный 2013: 25, 30].

Признавая, таким образом, сведения Рашīд ад-Дīна достоверными, именно его данные предлагается взять за основу для идентификации племен, упомянутых в ТИМ.

***Тотоқли'ут*:** توتوقليوت [twtwqlywt], варианты написания в разных рукописях (см.: [Рашид-ад-Дин 1952a: 103, прим. 4; с. 108, прим. 5; Rashīd al-Dīn 1373/1994: 1578]) не оставляют сомнения в правильности реконструкции.

П. Пельо предложил сопоставить этноним с древнетюркским титулом *tutuq* [Histoire des campagnes... 1951: 5–6, 7, 272, 274–275] (правильно – *totoq*, что подтверждается тибетской транскрипцией *to-dog* [Rybatzki 2006: 341, приведена литература]). П. Б. Голден и Ю. А. Зуев [Golden 2000: 371; Зуев 2004, № 2: 18] представляли слово как *tutuq* + тюрк. *+lï* + монг. аффикс множественности *+Ut* – букв. «имеющие [своим военноуправителем] тутука». Однако поскольку облик аффикса *+lX* в значении обладания, принадлежности и т. п. фиксируется не ранее XI в., здесь можно ожидать также форму *+lXG*, т. е. **totoq-lïγ*/**tutuq-lïγ* + *+Ut* > **tutuqlïγut* > *tutuqli'ut*. Упоминаемые в ЮШ в составе личных имен слова *То-то-ли* 脱脱里 *(< *totoqli / *totoγli)*, *То-то-ли-тай* 脱脱里台 *(< *totoqlitai / *totoγlitai)* (см.: [Histoire des campagnes... 1951: 6–7]) передают полуширокий огубленный гласный -о- в первом и втором слогах.

П. Пельо не исключал возможности формального сопоставления этнонима с *duta'ut* (кит. *ду-ма-у-ти* 都塔兀惕) ТИМ (ср. в «Алтан тобчи» [Altan Tobči 1952: 115]) *dutaγid*, который можно рассматривать как форму множественного числа от *duta'u/n* ‘incomplet’, ‘insuffisant’ (ср.: [Poppe 1966: 166]) либо восстанавливать в монгольском источнике **tota'ut* = **toto'ut*, **tutu'ut* , что как будто подтверждается встречающимся в ЮШ написанием *то-то-тэ* 脱脱忒 < **Totōt* < **Toto'ut* = **Tutu'ut* [Histoire des campagnes... 1951: 5, 7].

В китайской транскрипции *ду-ма-у-ту* 都塔兀惕 первый иероглиф совпадает с таковым в обозначении должности *ду-ду* 都督 (> др.-тюрк. *totoq*) в танскую эпоху: 都, пиньин. *dū* < ран. ср.-кит. **tɔ*, позд. ср.-кит. **tuə̆*, ран.-манд. **tu* [Pulleyblank 1991: 82]. В китайско-монгольской надписи 1362 г. слово *do-doγ*, обозначающее титул, в написании уйгуро-монгольским письмом соответствует *до-до* 朵朵 в китайской части [Rybatzki 2006: 340]. В «Алтан тобчи» *-d-* и *-t-* на письме регулярно различаются [Altan Tobči 1952: xi]. Хотя графика старомонгольского письма не знала различия между узким *-u-* и полуширокими *-o-*, однако раннемандаринское звучание иероглифа указывает на узкий гласный, который, видимо, нужно восстанавливать и в ТИМ, и в «Алтан тобчи». В том наречии, на котором сложился, по крайней мере, письменно-монгольский язык, в непервом слоге наличие фонемы *-o-* было невозможно – на месте лабиализованного в твердорядных словах могло быть только *-u-*, и так же в заимствованиях [Владимирцов 1929б: 315–316]. Вариативность обозначения гласного непервого слога, оказавшегося в безударной, слабой позиции, также известна в старомонгольских памятниках [Там же: 109–110]. Появление вторичного *-u-* на месте ожидаемого *-o-* в первом слоге также может найти объяснение на монгольском материале (см., напр.: [Рассадин 1982: 13–14]). Возможна позднейшая контаминация с монг. *duta'u/n*, но нужно признать, что уже к XIII в. формы **totoqli'ud* / **totoγli'ud* и **totoγud* (<* *tutaγud*), **tuta'ud* (< **tutaγud*) > **dutaγud* ~ *duta'ud* (> *dutaγid*) существовали параллельно.

Л. Беше предлагает поправить чтение на *tutaγut* и видеть здесь форму множественного числа от слова *tutaq*, сопоставляемого с осм. 'handle; pot holder; pincers, tongs, hostage', а также в значении эвфемизма 'vagina' [Bese 1988: 38]. Ван Пэнлинь пишет об образовании этнонима *tūtūqlīūt* в результате редупликации < *tūtū-* [Wang Penglin 2018: 59], но какое слово он берет за основу, неясно. Р. П. Храпачевский [2015: 36] сопоставляет эту группу татар – *тутукулйут* (по русскоязычному изданию 1952 г.) с монгольским *тутқалу* – «охрана, пограничники», где *+ут* – аффикс множественного числа.

***Алчи*:** الچی [ʾālčy], вар. انجی [ʾnjy] [Рашид-ад-Дин 1952а: 103, прим. 5; Rashīd al-Dīn 1373/1994: 1578], что четко соотносится с **alči* (кит. *а-лэй-чи* 阿勒赤) [The Secret History... 2004: 76].

П. Пельо обосновывал ошибочность второй транскрипции, указав на возможную трактовку только как *alči* ‘celui qui prend’, что, однако, сам подвергал сомнению, ввиду мысли о невозможности наличия тюркского слова у оз. Буир-Нур в тот период. В качестве формальных аналогий он приводил этнонимы *alčin* у узбеков и среди племен младшего жуза казахов [Pelliot 1943: 56–57, note 4; Histoire des campagnes... 1951: 4–5] (ср., напр., список узбекских племен в «Маджму‘ат-тавāрūх», где آلچين [’ālčyn], и «Туҳфат ат-тавāрūх-ū хāн-ū», где الچين [’lčyn] [Султанов 1982: 29, табл. 1; с. 40, табл. 2]). Л. Беше предлагает сопоставить с др.-тюрк. *alčï* ‘crafty’ [Bese 1988: 35].

В качестве одного из вариантов можно предположить также рассмотрение *alči* как палатализованной (на монгольской основе) формы от изначального тюркского *altï* ‘шесть’ > **alčï* > *alči*, уже без осмысления слова как числительного.

***Чаҕāн*:** چغان [č.ğān] [Рашид-ад-Дин 1952a: 103; Rashīd al-Dīn 1373/1994: 76], что соответствует *ča’a’an* (кит. *ча-а-хань* 察阿安) (< прамонг. *čaγaγan*) [The Secret History... 2004: 76, 566] (ср.: [Владимирцов 1929б: 248]) – буквально монг. «белый». П. Пельо отмел все возможности мнимого сопоставления этого наименования с китайским названием *бай да-да* 白鞑靼 – букв. «белые татары», как именовали *онгутов* [Histoire des campagnes... 1951: 4; Мэн-да бэй-лу 1975: 45, 92, коммент. 6] (ср. интерпретацию Б. Ögеля: [1979: 50, 52–55]).

Однако к этой версии возвращается Л. Беше, трактующий монг. *čaγan* ‘white; pure, good; noble’ не как эквивалент тюрк. *aq*, имеющего в отличие от монгольского синонима значение ‘western’, а именно как его перевод. Соответственно, **Aq Tatar* означает ‘Southern Tatars’ или ‘Western Tatars’ либо здесь имеются в виду *онгуты*, жившие южнее и немного западнее оз. Буир-Нур [Bese 1988: 37].

Выше упоминалось об эпизоде роковой поездки Амбакай ха’ана к татарам, жившим между оз. Буир-нур и Далай-нор (= Kölän) (§ 53), по Рашūд ад-Дūну, именно к *чаҕāн татар*.

Следует отметить, что среди чахаров *(цахар)* Внутренней Монголии существует племя *цагаан татар* [Очир 2008: 173]. По устным сведениям, цагаан-татары есть в составе онниутов, расселенных к востоку от чахаров.

В связи с тем что в этом двусоставном наименовании первое слово должно обозначать более малую общность, принадлежащую к более широкой, обозначенной вторым словом (ср. ниже *тэрээт*, которое

употребляется в китайских источниках относительно более ранней эпохи без расширительного наименования), нельзя не обратить внимание на то, что само выражение «чагаан татар» может интерпретироваться двояко: и как племя *чаган*, принадлежащее к объединению/общности *татар*, и буквально как *белые татары*. Интересно, что этноним *сагаан* – букв. «белый» обнаруживает широкое распространение среди бурят. Так, одним из одиннадцати племен *хори* является *сагаан*/*сагаангууд* [Цыдендамбаев 1972: 179]. В русских документах 1652/53 г. упоминается «Цаганского роду князец Багун с ево улусными людьми» [Сборник документов... 1960: 198]. Багунова сотня, как было отмечено Б. О. Долгих, впоследствии распалась на несколько административных родов: булагаты родов Онгоева, Колтубаева, Онкотоева, Бараева, Ноетского и Иркидеева [1960: 289]. Действительно, бурятские этнографические и фольклорные материалы, собранные в XIX–XX вв., не упоминают среди булагатов племени *сагаан*, однако имя *Сагаан* как эпоним распространено во всех версиях булагатских родословных (см.: [Балдаев 1970]). Персонифицированный образ этого племени как предок Сагаан в генеалогиях является предком таких племенных группировок, как *батлай* (батулинцы) и *обогон* (*обогони олон*, «багунова сотня»). В XVII в. именно группа племен обогон была записана как «Цагановский род». О происхождении Обогона существует несколько преданий, не имеющих явных противоречий [Там же: 130–132]. Один из авторов настоящей статьи предлагал гипотезу о связи бурятского эпонима *Обогон* с якутским эпонимом *Омогой* [Нанзатов 2017: 148]. Однако в разрезе данного исследования можно допустить и возможную связь с наименованием *цагаан татар*, что в принципе не противоречит и якутской версии о предках якутов долины Туймада, произошедших от Омогоя и Эллея. Отцом Эллея, по якутским генетическим преданиям, является Татаар-Тайма [Эргис 1960: 76–84]. С другой стороны, в одной из версий преданий об Омогое говорится о татарах как о разжигателях войн, избегая которых бурят Омогой покинул свои земли и ушел вниз по р. Лене [Там же: 59–69]. В этом случае возможна связь и с эхиритской группой племен, предком которой был hуудаг Сагаан, от чьих сыновей (Сэхир и Сахир) произошли племена *тогто*, *олзон* и *баяндай*.

Кюйин: كويين [kwyyn] (вар. [nw??n]) [Рашид-ад-Дин 1952а: 103, 111, прим. 3; Rashīd al-Dīn 1373/1994: 76, 1583]). Только формально

оно может быть сопоставлено с **ǰü'in* (кит. *чжу-инь* 主因) (§ 53) [The Secret History... 2004: 10; Зуев 2002: 141–142]. Следуя П. Пельо, слово **ǰü'in* встречается в ТИМ пять раз (§ 53, 247, 248, 266 [2 раза]), и только один из них – в отношении какой-то общности, находившейся между монголами и татарами и захватившей в плен Амбакая. В остальных случаях это слово употреблено в связке с этнонимами *qara-kitad* и *ǰürčäd*, т. е. киданями и чжурчжэнями. Что касается иероглифа 糺, по предположению П. Пельо, он должен был звучать как *яо*, но в некоторых словарях дается чтение *ди*. Даже допуская возможность интерпретации второго варианта как результата палатализованного произношения, например, в иноязычной среде, и соглашаясь считать племенные названия *чжу-инь* 竹因, *чжу-вэнь* 竹溫 и др. записью такого искаженного варианта, исследователь признает, что соотнесение их с كويين [kwyyn], *Küyin* ~ *Güyin* Рашīд ад-Дīна имеет некоторые сложности. Даже если рассматривать иероглиф 糺 в качестве сокращения от *цзю* 糾, употреблявшегося в ляоских, цзиньских и юаньских текстах, при цзиньском произношении *gü* само объяснение чередования *-j-* и *-g-* остается без объяснения [Pelliot 1928: 128–129; Histoire des campagnes... 1951: 9].

П. Пельо указал на идентичное написание названия реки كويين [kwyyn], которую сопоставляют с двумя гидронимами: 1) р. Куин-гол, правый приток р. Тола; 2) р. Хойн-гол (Куй-гол), левый приток р. Имин-гол в Барге [Рашид-ад-Дин 1952a: 73, прим. 3; Rashiduddin 1998: 23, note 12; Rashīd al-Dīn 1373/1994: 40]. Французский востоковед предлагал исправление كويين [kwyyn] > كويتن* *[kwytn], т. е. **Küyitän* > **Küitän*. В качестве формальных примеров он приводит имя персонажа ТИМ (§ 58) *Kötön-Baraqa* (кит. *ко-туань ба-ла-хэ* 闊端巴剌合), которому в «Алтан тобчи» соответствует *Küyitän-Barqa-ba'atur*. Рашīд ад-Дīн упоминает человека по имени كويتى [kwyty] *Küitäi* из этого племени (см.: [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 89]), хотя теоретически имя восходит к форме *Küi*. Также П. Пельо указывает на отмеченного в «Алтан тобчи» *Küitäi-Säčän* (или *Kütäi-Säčän*). В качестве одного из вариантов решения дилеммы исследователь предложил развести название реки, возводимое к монг. *köyitän* > *köitän* "froid", и этноним *küyitän*, выступающий как множественное число от *küyitäi* [Histoire des campagnes... 1951: 7–8].

И. де Рахевильц, также отмечая возможность сопоставления термина *Küyin* / *Jüyin* (кит. *куй-инь* 奎因) с кит. *цзю-цзюнь* 糾(= 糾)軍, служившим названием особых войск, набранных из иноплеменников, допускал считать слово производным от глагола **ǰüyi-* (> **ǰüi-*) ‘to assemble, put together from various pieces, arrange according to colour; to attach to’ + отглагольный аффикс *-n*. Тогда *ǰüyin* значило бы ‘something assembled (i. e. put together, combined) from different sources *or* made up of different kinds’. Это соответствует значению иероглифа *цзю* 糾 (= 糾) ‘to join, band together, unite (in a group, confederacy, etc.)’ [The Secret History... 2004: 300–302] (см. также: Ibid. 2004: 892–894]).

Ю. А. Зуев произвольно пишет о *куян/куин-татарах*, предлагая различные сопоставления для формы со вторым широким гласным [2004, № 1: 21].

Вероятно, некоторый ответ может дать привлечение списков узбекских племен. Так, в «Маджму‘ат-тавāрūх» приводятся наименования *джсыйыт* جيت [jyt] и *джуйут* جويوت [jwywt], в «Туҳфат ат-тавāрūх-ū хāн-ū», – *джсыйыт* جيت [jyt] и *джуйут* جيوت [jywt], которые должны соответствовать *джид* и *джуют* из списка Н. В. Ханыкова, и также *хеит* и *чуют* у Ч. Ч. Валиханова [Султанов 1982: 30, табл. 1; с. 40, 41, табл. 2; с. 48][120]. Однако здесь в последнем случае скорее ожидать описку в случае с [h] и [j], графически различающихся лишь точкой.

***Тэрээт*/**тэрэит* (?)**: ترآت [t.r’āt] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 79], ترايت* *[t.rāyt]? (< نرايت [nrāyt]) [Рашид-ад-Дин 1952a: 103, прим. 6] (ср.: نرائت [nrâst] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 1578], У. Тэкстон отмечает и варианты *nira’ut* < نراوت [n.râwt] или *ayira’ut* < ايراوت [’yrāwt] [Rashiduddin 1998 : 44, note 2]. Последнее формально очень заманчиво сопоставить с монг. **ayiri’ud* (кит. *а-и-ли-у-ти* 阿亦里兀惕 [The Secret History... 2004: 10]), о которых см. ниже.

Слишком явным кажется соответствие известным китайским транскрипциям *ди-ле* 敵烈 (ср. Tereits? [Wittfogel, Fêng Chia-shêng 1949: 96]) и *ди-ла* 敵剌 [Histoire des campagnes... 1951: 8], что отмечено не-

[120] Т. И. Султанов, наоборот, сопоставляет *джийит* с *чуют*, а *джуйут* – с *хеит*.

давно также Р. П. Храпачевским [2015: 36–37, 43–44]. В ЛШ известно также название *ду-ле-дэ* 敵烈得 и варианты *ду-ле-дэ* 迪烈得, *де-ле-дэ* 迭烈得 [Wittfogel, Fêng Chia-shêng 1949: 90, 107; Храпачевский 2015: 115, прим. XXV; с. 146, прим. CXXII, CXXIV]. Трактовка «трехсложных» вариантов форм множественного числа необязательна. Реконструкция «кратких» форм (*ду-ле* 敵烈, пиньин. *dí-liè* < позд. ср.-кит. **thiajk-liat*, ран.-манд. **ti´*-[*ljɛˋ*] [Pulleyblank 1991: 75, 193], *ду-ла* 敵剌, пиньин. *dí-lá* < позд. ср.-кит. **thiajk-lat*, ран.-манд. **ti´*-[*laˋ*] [Pulleyblank 1991: 75, 181]) показывает, что обе транскрипции передают звучание, которое ближе к позднесреднекитайскому и которое при этом содержит конечный элемент *-t-*. Соответственно, они отражают полные формы, а написания с третьим иероглифом связаны уже с произношением эпохи Ляо 遼, когда отпадение согласных элементов финалей обусловило необходимость увеличения количества иероглифов для усиления точности транскрипций иноязычных слов (см.: [Тишин 2018: 814–817]).

Реконструируемое, таким образом, на основании двух источников наименование **tärāt* (< **tärād*) может быть рассмотрено как форма множественного числа от **tärä'ä/n* < **täräga/n*. Также возможная форма *ترایت** *[trāyt] (< ркп. نرایت [nrāyt]) показывает **tärä'id* < **täräyid*, что отсылает к форме единственного числа **täräi̯* (ср., напр.: كرایت [krāyt] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 2920; Histoire des campagnes... 1951: 207–209] < **käräyid* < *käräy* + *+d* [Bese 1988: 25–26]), либо **täräyi/n* < **täräg-i/n* (поскольку процесс образования дифтонгов в монгольских языках из комплекса -VyV- (также < -VGV-) начался задолго до XIII в. [Владимирцов 1929б: 193, 215–216]). Однако оба написания могут лишь отражать вариации произношения монофтонгизированного дифтонга /äyi/ как долгого -ā̈- с сильно редуцированным вторым гласным, способным приобрести i-образный облик (см., напр.: [Рассадин 1982: 59–65]). Гипотетическое написание *تراوت** *[trâwt] (< ркп. نراوت [nrâwt]) также может быть формой множественного числа **tärä'üd* от **täräg* + *-Ud*, **tärä/n* + *-GUd*, **tärägün*. Впрочем, этот вариант ненадежен. При формальном рассмотрении элементы *-äi̯* и *-yi/n* могут быть интерпретированы как аффиксы родительного падежа [Poppe 1954: 74], отсылающие, соответственно, к гипотетическим именным основам **tär* и **tärä/n*, однако достоверных типоло-

гически близких этнонимов, образованных как форма генитива, неизвестно.

Нельзя не заметить, что восстанавливаемый облик сопоставим с реконструкцией известного в суйско-танскую эпоху наименования *me-лэ* 鐵勒, пиньин. *tiě-lè* < ран. ср.-кит. **t^{h}ɛt-lək*, позд. ср.-кит. **t^{h}iat-ləăk* [Pulleyblank 1991: 184, 308], *mэ-лэ* 特勒, пиньин. *tè-lè* < ран. ср.-кит. **dək-lək*, позд. ср.-кит. **thiəăk-ləăk* [Ibid.: 184, 304]. За неимением альтернативы в историографии чаще всего по умолчанию принимается гипотеза Дж. Хамильтона [1962: 25–26, 51, note 6], согласно которой *me-лэ* 鐵勒 < ср.-кит. **t'iet-lək*, *mэ-лэ* 特勒 < ср.-кит. **d'ək-lək* < **tägräg* 'cerceau, grande roue légère'. Ее слабость состоит лишь в том, что реконструируемое «алтайское» слово ни в какой форме нигде достоверно не зарегистрировано [Golden 1992: 93–94]. Между тем возможность ассимиляции в среднекитайском звучании финали *-t* перед инициалью *l-* следующего иероглифа позволяет видеть здесь и **täräk* ~ **täräg*.

Воздерживаясь от каких-либо поспешных интерпретаций, можно думать, что в предполагаемых **tärägä* или **tärägi* отражена какая-то монголизированная форма того же слова с характерным звонким консонантизмом ауслаута и «удлинением» за счет добавочного гласного.

Этот же этноним, по-видимому, отражает этноним *тэртэ* у западных бурят (ср.: [Нанзатов 2005: 57]). Данная форма явно образовалась, когда слово осмыслялось как цельная конструкция, а его изначальное значение было утрачено. Порядок фонетических трансформаций объяснить можно лишь гипотетически, но, по-видимому, они происходили с формой, уже имевшей во втором слоге стяженный гласный, и обусловлены его попаданием в слабую позицию и нахождением между сонорным и шумным согласными.

В XIX в. носители этого этнонима были компактно расселены на левобережье Ангары, в среднем течении р. Иркут, в долине р. Джида, в долине р. Унга. Этноним *тэртэ* в русских документах употреблялся как *тыртеевский/тыретский* – по отношению к тункинским и закаменским бурятам и *тыретский* – по отношению к унгинским. От последнего произошел топоним *Тыреть*.

Примечательно в этой связи, что у Рашīд ад-Дīна встречается упоминание о том, что когда *татары* объединились с племенами *дöрбэн*, *салджиут* и *катакин*, все они жили по рекам, при слиянии

образующим реку آنقره موران [’ānqrh mwrān] [Рашид-ад-Дин 1952a: 101–102; Rashiduddin 1998: 43], т. е., по мнению комментаторов русскоязычного перевода, имеются в виду левобережные притоки р. Ангары [Рашид-ад-Дин 1952a: 102, прим. 1], вблизи страны Баргуджин-тукум. Действительно, описание этой местности в тексте не позволяет предполагать здесь ошибку. Места расселения бурятских *тэртэ* в долинах рек Иркут и Унга, впадающих в Ангару с запада, соотносятся с этими сведениями.

Однако у персидского автора сама эта информация, судя по всему, относится к периоду, когда племена *икирэс*, *королас*, *матар*, *катакин* и *салджиут* провозгласили Джамуху *гурхан*ом [Рашид-ад-Дин 1952a: 165; Rashiduddin 1998: 88]. В ТИМ (§ 141) само событие датируется 1201 г. и локализуется в местности *Alqui Bulaq* (‘Sarsaparilla Srping’), где р. Кан (совр. Гэнь-хэ 根河) впадает в р. Эргунэ (Аргунь) [The Secret History... 2004: 62–63, 515–517; 2013: 88–89]; представителем *матар* здесь назван *J̌ali/n Buqa* из *алчи матар* [Ibid.: 62, 516–517].

ЛШ именует рассматриваемую группировку полностью *ба-бу ди-ле-дэ* 八部敵烈得 (цз. 13, 15, 23, в 997 и 1014 гг.) [Wittfogel, Fêng Chia-shêng 1949: 262, 585, 587; Храпачевский 2016: 112, 115, прим. XXVI] или *ди-ле ба-бу* 敵烈八部 (цз. 33) [Wittfogel, Fêng Chia-shêng 1949: 48, 92, 592], т. е. ‘тераиты восьми племен’ или ‘восемь племен тераитов’. Перевод может быть уточнен, поскольку в другом месте (цз. 23, 46) они именуются как *ба ши-ле ди-ле* 八石烈敵烈 (цз. 23, в 1073 г.), т. е. ‘тераиты восьми *ши-ле* 石烈 (= «подплемен»)’ [Ibid.: 97, 444–445; Храпачевский 2016: 123, 191, коммент. 36; с. 148, прим. XXXVI]. В последующем эти искусственно созданные образования могли стать как самостоятельными племенами [Wittfogel, Fêng Chia-shêng 1949: 48], так и сохраниться в составе племени *ди-ле* 敵烈 в качестве социальных единиц низшего таксономического ранга.

Первое их упоминание относится, по-видимому, к 965 г. [Ibid.: 581]. Локализовать их принято около р. Урсун и оз. Хулун-Нор в Хэйлун-цзяне [Ibid.: 90, 262, note 84][121]. В цз. 33 ЛШ упоминаются *де-лу*

[121] Ср. выше локализацию *Ayiri’ud Buiru’ut tatar* в ТИМ. Прежде здесь, у оз. Цзюй-лунь 俱伦, локализовалась *ши-вэй* 室韋, самая западная группа которых в эпоху Уйгурского каганата граничила с уйгурами [Зуев 2004, № 1: 4].

ду-ле 迭魯敵烈, где 迭魯, пиньин. *dié-lǔ* < позд. ср.-кит. **thiat-luə́*, ран.-манд. **tjɛ́-lɔ* [Pulleyblank 1991: 79, 200] < **tälüg* (?). Эта группа локализуется, предположительно, к северо-западу от г. Жэхоль [Wittfogel, Fêng Chia-shêng 1949: 90, 554, note 95]. В источнике упоминаются также *бэй ду-ле* 北敵烈, т. е. «северные», локализуемые, предположительно, в современной восточной Внешней Монголии [Ibid.: 91].

В связи с ними интересно упоминание вождя, возглавившего летом 1003 г. все племена *цзу-бу* 阻卜, по имени *Те-ла-ли* 鐵剌里, что Р. П. Храпачевским восстановлено как *таралик* [2015: 113, прим. XXXVI]. Ср., однако, пиньин. *tiě-là-lǐ* < позд. ср.-кит. **tʰiat-lat-li*, ран. манд. **thjɛˇ-[laˋ]-liˇ* [Pulleyblank 1991: 308, 181, 188], что все же при учете передачи первым иероглифом мягкорядного слова [Histoire des campagnes... 1951: 9, 175] должно дать что-то близкое к **tärlig* ~ **tärälig* (ср. иначе: [Тишин 2018: 818]), вероятно, сопоставимое с др.-тюрк. *tärlik* ‘something which absorbs sweat’, монг. *terlig* ~ *terelig* ‘cotton-padden gown’ [Khabtagaeva 2009: 204]. Судя по контексту источника, его группировка не тождественна *да-дань го цзю бу* 達旦國九部 – «государство татар девяти племен», приславших посольство с миром к ляоскому двору летом 1005 г., на несколько дней позже, чем *Те-ла-ли* 鐵剌里 [Храпачевский 2015: 113, прим. XXI].

Заслуживает упоминания также полководец племени *ду-ле-дэ* 迪烈得 по имени Бо-гуа 勃栝, разбивший в 1015 г. ляоские войска после их переправы р. Хэ-ла 曷剌 < **qara* [Там же: 116, прим. XXX]. Его имя может быть не только восстановлено как *Buqa* [Там же: 116, прим. XXXI], но и сопоставлено с упоминаемым в древнеуйгурском документе юаньского времени предводителем *altï tatar bodun* по имени *toquz buqa bägär* [Tieshan, Zieme 2011: 134, 136, 139, 141, 143, 148, note 25].

***Баркуй* (?)**: برقوی [b.rqwy] > بیرقوت* *[byrqwt] [Rashiduddin 1998: 44, note 2] (ср.: بوقوی [ywqwy], نرقوی [n.rqwy] [Рашид-ад-Дин 1952a: 103, прим. 7], которые допускал П. Пельо [Histoire des campagnes... 1951: 8–9]). Это племя Рашӣд ад-Дӣн упоминает лишь один раз, не сообщая никаких дополнительных сведений. Возможны несколько сопоставлений.

Во-первых, слово сопоставляется с монг. *buiru’ut* (кит. *бэй-лу-у-ти* 备鲁兀惕) [The Secret History... 2004: 10] и *?ӯ?рӯқӯт* в сочетании *қāӣрқӯт-?ӯ?рӯқӯт* [Рашид-ад-Дин 1952a: 23, прим. 6]. В «Алтан тоб-

чи» предводитель татар, которому Амбакай (в тексте – Амагар) отдавал свою дочь (sic!), именуется «нойон всех родов *(уруг) büyirüküd*[122] татарского народа» *(bügüd uruγ noy(a)n büyirüküd tatar irg(ä)n-ä)* [Altan Tobči 1952: 20].

П. Пельо предлагает связать это название с древнетюркским титулом *bujruq*, что давало бы “Tatar du buiruq”, учитывая достаточную встречаемость этого титула в личной ономастике эпохи (ср.: Буйрук хан у найманов, Маркуз Буйрук хан, Хурча’уз Буйрук хан у кераитов [Histoire des campagnes... 1951: 233]). Ср. касательно *Buiru’ut* перечень узбекских племен в «Туҳфат ат-тавāрūх-ū хāн-ū», где بويرك [bwyrk], т. е. **büyrük* (ср. в другом списке بويراك [bwyrāk], т. е. **büyräk*) [Султанов 1982: 41, 42, табл. 2; с. 48, табл. 3]).

П. Пельо предпочитает трактовку *Ayiri’ud Buiru’ut* не как двух этнонимов, а как этнонима с эпитетом, не сумев, однако, подобрать значение для **Ajïrïq* (> **Ayiriq*) или **Ayiri’un* [Histoire des campagnes... 1951: 3–4].

Возможна трактовка наименования по территории проживания. Следует отметить, что уже П. Пельо выразил сомнения по поводу сопоставления лежащего в основе слова *bujruq* корня *bujur-* и названия озера *buyir* [Ibid.: 238].

Л. Беше все же рассматривает первое слово как этноним, сопоставляя его с тюрк. *ajrïq* ‘other; separate, independent’ и отмечая некоторую синонимичность с др.-тюрк. *öŋi* ‘other than, different’, уйг. *öŋü* ‘other, different’, вычленяемым им в *önggüd ~ önggüt* [Bese 1988: 36, 31].

В отмеченном у Рашīд ад-Дīна *қāйрқӯт-?ӯ?рӯқӯт* первое слово может рассматриваться в соответствии с явлением спорадического падения в монгольских формах инициального *-q-* [Pelliot 1944]: **qayïrïγud ~ *qayiriγud > ayiri’ud* с исходной формой **qayiriγ* либо **qayiriγun* < **qayiri-* + *-GUn*. В основе может лежать глагол *qajïr-* (~ *qajrï-*) ~ *qaδïr ~ qazïr* – «сгибаться, гнуться, поворачиваться, поворачиваться назад» с диалектной переходностью [ЭСТЯ 1997: 194–196]. Это коррелирует с тем, что Маҳмӯд ал-Ҡāшғарī относит язык *mamap*, у него являющихся тюрками, к *j*-диалекту [Maḥmūd al-Kāšγarī

[122] В рукописи *büyirügüd*, но восстанавливать *-k-* предполагается исходя из ожидаемого *-ügü- > -ü’ü-*.

1982: 85]. При такой трактовке семантически интересно соотношение значений обоих глаголов, лежащих в основе элементов сочетания: *qajïr-* (~ *qajrï-*) – «сгибаться, гнуться (‘гнуть, сгибать»?) и **bujur-* (> **buyir-* > **büyir-*) – «приказывать, отдавать приказы».

Скорее всего, учитывая контекст, это не племенное название, а наименование правителя или правящей группировки (исходя из показателей мн. ч.) у *чаҕāн матар* (см. выше).

В написании у Рашīд ад-Дīна возможно предложить другие трактовки: برقوی [b.rqwy] > يرقوی* *[yrqwy], что дает интерпретацию **jarquj* или **ïrquj* или даже برقوی [b.rqwy] > لرقوی* *[’rqwy] или لروقی* *[’rwqy], возвращающую к **aruqai* (кит. *а-лу-хай* 阿鲁孩) из ТИМ [The Secret History... 2004: 76]. Восстановить именно форму с *-r-* позволяет «Алтан тобчи», которая в соответствующем фрагменте дает написание *aruqai* [Histoire des campagnes... 1951: 3; Altan Tobči 1952: 115; Ligeti 1962: 158 (153 jeg.)]. Уже П. Пельо отметил ошибочность восстановления *naruqai*, связанного с особенностями монгольской старописьменной орфографии, где *-a-* и *-n-* отличаются точкой [Histoire des campagnes... 1951: 8–9].

По-видимому, лишь гипотетическое исправление написания у Рашīд ад-Дīна является единственной возможностью найти сопоставление для этого последнего этнонима, упомянутого в ТИМ и оставшегося «без пары». Можно предположить, что написание برقوی [brqwy] было продиктовано неосознанной ассоциацией со сходным написанием названия племени **barqu/n* (множ. *barqut*): برقو [brqw], برغو [brĝw], برقوت [brqwt], برغوت [brĝwt] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 2819 (Index)].

П. Пельо затруднялся в этимологизации этого этнонима, отметив лишь формальные *aruqai* и *aruuqan*, “agréable” [Histoire des campagnes... 1951: 5].

Л. Беше предложил сопоставить с др.-тюрк. *aruq* ‘tired out; exhausted; emaciated, weak for the lack of food’ *+j* – древнетюркский аффикс диминутива, что дает общее значение для *aruqai* ‘little exhausted’ [Bese 1988: 35–36]. Последний в древнетюркскую эпоху достоверно не зафиксирован, потому логичнее предположить монгольский отыменный аффикс *+Ai*, зарегистрированный в словах тюркского происхождения [Khabtagaeva 2009: 279].

Если исходить из явно «монгольского» облика слова, которое мы можем восстанавливать и в ТИМ *aruqai* или **aruγai* (поскольку руко-

пись «Алтан тобчи» нерегулярно различает написание увулярного *-q-* и фрикативного *-γ-* [Altan Tobči 1952: xi] и нерегулярно отражает графически дифтонгизацию комплекса *-VγV- > -V'V-*, ср. выше *dutaγid*), тогда и в **arqui* (~**arγui*) «Джāмū ат-тавāрūх» следует обратить внимание на морфемный состав слова.

В первом случае нам не подходит отглагольный аффикс, обозначающий имена со значением результата действия, который имеет форму *-qai* при добавлении к основам на *+ra-* (с падением гласного при присоединении морфемы), и *-γaį* при добавлении к основам на *+Vji-* (который отбрасывается) [Poppe 1954: 45], почему остается либо отыменный аффикс, обозначающий имена со значением качества *+qaį* [Ibid.: 42], либо аффикс +**qai* (< адвербальный аффикс *+ki* + аффикс мужской аффикс генитива *+Ai*), дающий значения ‘of the [производящая основа]’ [Kempf 2006: 203].

В случае с персидской формой можно предполагать формально либо аффикс *+γuį*, добавляющий к именам «женские» значения [Poppe 1954: 42], либо *-quį*, образующий в ранних памятниках отглагольные имена со значением потенциального действия, в классических текстах четко обозначая объект или предмет действия [Ibid.: 94]. Нельзя не отметить встречающееся в надписи Тоньюкука неясное *arquj* в сочетании *arquj qarγu-γ* (вин. падеж) – «стража Аргуя / в Аргуе (?)» (Тон, II, Вост., стк. 3(53)) [Rybatzki 1997: 121, Anm. 317]. На тувинской стеле Бай-Булун I, предположительно, читается *arγuj* (E 42, стк. 6), толкуемое И. В. Кормушиным по аналогии как «дозорная стража» [1997: 167–168; 2008: 130]. Ср. др.-уйг. маних. *arqu*, карах.-уйг. *arγu* ‘valley’ [Clauson 1972: 215][123]. К. Рёхборн отмечает, однако, в одном из древнеуйгурских манихейских текстов форму [’’rwqw], что предполагает объяснительный характер этимологии, сделанной на основе толкования Маḫмūд ал-Ḳāшғарū [Röhrborn 1981: 178].

Больше всего подходит сопоставление с монг. *aru*, отраженным в халх., калм., даг. *ар*, бур. *ара* – «задняя или теневая сторона, зад; спина, ‘*(топонимич.)* северный» [ЭСМЯ 2015: 58], что соотносится с тюрк. *arqa* ‘originally “the back” of a person, animal, or thing; hence

[123] Ср. у Маḫмūд ал-Ḳāшғарū *qïrγuj* ‘Sperber’, возможный монголизм [Rybatzki 2011: 373–374]. В тюркских памятниках подобный облик конца слов может объясняться как вторичный: ср.: *qarγuñ > qarγu:j > qarγu:* ‘a watch-tower with a beacon on the top to give raid warnings’ [Clauson 1972: 653].

metaph. “a backer, someone who stands behind and supports a person [Clauson 1972: 215], и , как добавляет Ф. Рыбацки, “auch: “Schar, Gruppe, Gemeinde (buddh. oder man.), Partei; alle ganz” ” [Rybatzki 2006: 151]. «Географическая» семантика нашла распространение только в монгольских языках. Нельзя ли это сопоставить с *бэй ди-ле* 北敵烈 (см. выше)?

Представленный опыт соотнесения наименований племен татар Внутренней Азии, по крайней мере, на период второй половины XII – начала XIII в., встречающихся в двух главных источниках – ТИМ и сборнике летописей Рашӣд ад-Дӣна – не является безупречным и содержит, по меньшей мере, одно допущение, которое представляется пока единственной возможностью решить вопрос о соответствии числа наименований, представленных в обоих текстах, которое подтверждено древнеуйгурским документом.

1.4. *Байырку* и *баргу*: конец одного мифа

В ряду вопросов, касающихся этногенеза бурят, особое место занимает дискуссия о возможности генетической связи современного бурятского населения Байкальского региона с исторической общностью, известной в научной литературе как *байырку*. Историками была сконструирована версия, молчаливо принимаемая сегодня большинством исследователей, об этнической преемственности населения региона – от *байырк*у к современным бурятам, в которую в качестве промежуточной ступени оказалась также вплетена общность *баргу*. Надо отметить, что эти построения базируются лишь на сопоставлении ареалов расселения названных сообществ и лингвистических спекуляциях[124]. Подгоняемые под эту схему «этногенетические» построения не выдерживают критики с точки зрения методологии, поскольку этническая преемственность в отношении тех или иных групп кочевнического населения, объединения которых всегда имели прежде

[124] Ввиду широкого распространения этой гипотезы едва ли имеет смысл указывать какие-либо отдельные работы, поэтому мы ограничимся ссылками на два сравнительно недавних крупных издания: «Буряты», изданное в рамках серии «Народы и культуры» в Институте этнологии и антропологии РАН [Нимаев 2004: 23, 24], и “Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire” К. Этвуда [Atwood 2004: 34].

всего политическую основу, а также сегментированную социальную организацию, текучую по составу и, соответственно, гибкую по структуре [Németh 1991: 29–47. o.], неочевидна.

Байарку ~ байырку. Первое упоминание племенного названия *ба-е-гу* 拔也古 / 拔野古 восходит к периоду династии Суй 隋 (581–618 гг.), встречаясь в перечне племен (*син* 姓) группы *те-лэ* 鐵勒, который дается в цз. 99 БШ 北史 (*ба-е-гу* 拔也古), цз. 84 СШ 隋書 (*ба-е-гу* 拔也古), цз. 199 «ТД 通典 (*ба-е-гу* 拔野古), цз. 198 ТПХЮЦ 太平寰宇記 (*ба-е-гу* 拔野古) и затем повторяется в цз. 344 ВСТК 文獻通考 (*ба-е-гу* 拔也古). Этноним *ба-е-гу* 拔也古 / 拔野古 упоминается здесь среди группы племен, живущих к северу от р. Тола (*Ду-ло-хэ* 獨 洛河); в эту группу входили также *пу-гу* 僕骨 (< **buγut*), *тун-ло* 同羅 (< **toŋra*), *вэй-хэ* 韋紇 (< **ujγur*), *фу-ло* 覆羅 [Позднеев 1899: 38; Chavannes 1903: 251, note 2; Цэнь Чжун-мянь 1958: 678, 692–693; Liu Mau-tsai 1958, Bd. I: 127–128; Bd. II: 566–570, Anm. 654–664; Кюнер 1961: 38; Taşağıl 2004a: 131, 194 (ТД: 1080/a), 138, 199 (ВСТК: 2698/a); Қазақстан тарихы 2006: 54б.].

Г. Шлегель изначально дал для встреченного в «Цзю Тан шу» 舊唐書 написания *ба-и-гу* 拔曳固 транскрипцию *Poat-i-kou* [Schlegel 1892: 23, note 6][125]. В следующей работе он транскрибировал форму *ба-е-гу* 拔野古 как *Bayirku* [Schlegel 1896: 1, 137]. В. Томсен сопоставил это с *Bajyrqu* древнетюркских рунических надписей из Хушо-Цайдама [Thomsen 1896: 73, note 3, p. 155, note 41; p. 197]. Ф. Хирт, взявший за основу кантонский диалект, обосновал транскрипцию *ба-и-гу* 拔曳固 как *Pa-jyt-ku* < *Bajyrku* [Hirth 1899: 6], отметив также форму *ба-е-гу* 拔也古 [Ibid.: 36]. Эти идентификации были приняты другими исследователями [Аристов 1896: 365; Chavannes 1903: 87–88, note 3; Pelliot 1949: 187; Hamilton 1955: 2, note 2(8)].

В памятниках древнетюркской рунической письменности, относящихся к началу – середине VIII в., фиксируется орфографическая форма $b^1j^1r^1\underline{g}^u\upsilon$ 𐰉𐰃𐰼𐰍𐰇 [Şirin User 2009: 155]. Тот факт, что гласный

[125] Здесь и далее мы сохраняем орфографию цитируемых изданий, чем вызвано, прежде всего, разночтение в написании знака, обозначающего сонант *-j-*: в российской традиции он обычно передается символом *-j-*, в зарубежной – символом *-y-*.

второго слога не выписан, должен указывать на то, что речь идет о широком неогубленном гласном: *b(a)j(a)rqu*.

В рукописном фрагменте рунического текста из Дуньхуана засвидетельствована форма мн. ч. $b^{1}j^{1}Ir^{2}qvl^{1}r^{1}$ 𐰉𐰚𐰼𐰀𐰴𐰍𐰚 [Thomsen 1912: 186, 189. Pl. I, 1a], т. е. $b(a)jir^{2}qu\text{-}l(a)r$, с выписанным гласным второго слога, на месте которого представлен узкий неогубленный звук (он также оказал влияние на палатализацию *-r-* [Pelliot 1949: 187, note 1]).

В тибетском документе из коллекции П. Пельо (*Pelliot tibétain 1283*) встречается форма *ba-yar-bgo* [Bacot 1956: 147, 152; Clauson 1957: 14]. В хотаносакских документах IX–X вв. фиксируются формы *ttrrūkḭ bayarkāva* [Bailey 1939: 87; 1949: 29, 30, 34, 47], *ttūrkḭ bayarkāta* [Bailey 1937: 883, 884, 885; 1939: 87; 1951, 3, 22; Henning 1938: 553, 555, 558; Hamilton 1977: 516–517].

Тибетские и сакские формы привели П. Пельо к мнению, что правильная форма – именно *bayarqu* [Pelliot 1949: 187; Bacot 1956: 152], с широким гласным второго слога. П. Пельо отметил также, что транскрипция *ба-е-гу* 拔野古 должна передавать $*b^{w}at\text{-}i̯a\text{-}kuo$ < **barjaqu* [Pelliot 1943: 46, note 5; 1949: 187, note 1; Hamilton 1955: 2, note 2(8)].

С. Е. Яхонтов, основывавшийся на системе реконструкции Б. Карлгрена, рассматривал вариант китайской транскрипции *bá-yě-gŭ* 拔野古 (< **bhuât ia kuo*) как свидетельство того, что, во-первых, в среднекитайском при передаче иноязычных слов конечный *-t-* ассимилируется перед *-i-*; во-вторых, нулевой согласный в финали второго слога свидетельствует о том, что «иностранные конечные *-r-* и *-l-* китайцы иногда не передавали вообще», что подкрепляется другой транскрипцией *bá-yě-gù* 拔野固 < **bhuât iät kuo*, где явный *-t-* в конце теоретически обозначает какой-то согласный [1970: 115, 118–119, прим. 32].

Ю. Касаи, напротив, учитывая в транскрипциях финаль *-t-* в звучании первого иероглифа и ее отсутствие во втором, считает допустимой гипотезу П. Пельо о том, что китайские транскрипции отражают чтение **baryaqu*. Ю. Касаи дает следующие реконструкции форм:

bá yě gŭ 拔也古 (K: *b'wăt i̯a kuo*, EMC: *bəit*/*bɛ:t jia' kɔ'*, LMC: *pha:t jia´ kuə´*);

bá yě gù 拔曳固 (K: *b'wăt i̯äi kuo*, EMC: *bəit*/*bɛ:t jiaj^{h} kɔ^{h}*, LMC: *pha:t jiaj` kuə`*);

bá yě gǔ 拔野古 (K: *b'wăt ja kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia' kɔ'*, LMC: *pha:t jia´ kuə̌*);

bá yě gù 拔野固 (K: *b'wăt ja kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia' kɔ^h*, LMC: *pha:t jia´ kuə̀*).

Однако Ю. Касаи отмечает, что такие формы нигде не зарегистрированы [Kasai Yukiyo 2012: 110; 2014: 101][126].

В. Томсен сравнил название *bajyrqu* с *bajyr* чаг. 'désert, plaine', осм. 'coteau, colline' [Thomsen 1896: 155, note 41]. Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926a: 250, прим.], основываясь на буквальном восприятии китайского звучания, сопоставил название племени с костями *баиға* у камасинцев и *баиғул* у чулымских татар. В. И. Сосновский [1928: 105, прим. 9] этимологизировал этноним *байыркy* как словосложение, где элемент *бай* значит «богатый, *resp*. многолюдный»; для второго элемента – *ыркy* (мн. *ыркут*) автор находит аналогии в различных созвучных топонимах и этнонимах. Несколько позже А. Н. Самойлович бегло указал на связь этнонима со словом *baj* – «богатый» [2005: 301]. По-видимому, Б. Б. Бамбаев [1929: 131] первым предложил соотнести историю сообщества *байыркy* с позднейшими *баргутами*, помещая тех и других в Приангарье.

П. Пельо предложил этимологизацию этнонима от глагола *bayïr-* 'devenir riche', допуская и искаженную форму (une mauvaise forme) монг. *bayarqa-* 'se prévaloir de sa richesse', ср. телеут. *payïrqa-* 'то же', кирг. *bayïrqa-* 'то же'. При этом форма *bayarqu* как раз может подтверждать метатезу от исходного **baryaqu*. Французский востоковед предположил также, что имя могло быть двухэлементным, отметив и возможность вторичного образования формы *barγu* [Pelliot 1949: 187, note 1], видимо, подразумевая **barγu* < **baryaqu*, хотя никак не обосновал это. В другой работе он указывает на возможное сопоставление *bayïrqu* с топонимом *Bargu* [Pelliot 1959: 76–77].

---

[126] В ЦЧТЦ наряду с *ба-и-гу* 拔曳固 встречается форма *бо-и-гу* 勃曳固 [Pelliot 1929: 216, note 7] (см. также: [Малявкин 1989: 25, 141, коммент. 53; Қазақстан тарихы: 376, 425б., 518 нұсқ.]). Форма *бо-и-гу* 勃曳固 реконструируется следующим образом: пиньин. *bó-yě-gù* < ран.-ср.-кит. **bət-jiaj^h-kɔ^h*, позд.-ср.-кит. **phut-jiaj`-kuə`* [Pulleyblank 1991: 40, 369, 111] < **borjaqu*.

Г. М. Василевич [1948: 57–58] упоминает тюркское племя *баjырк (sic!)*, монгольское племя *баит* (в составе «ойротской группы»), название группы якутов в Верхоянском и Калымском наслегах *Баіда*, название рода якутов в Калымском наслеге *Баіды уса ~ Байдыма* в сопоставлении с названием рода сымских эвенков *Бая-ки ~ Бая-кшин*, занимавших различные территории между Обью и Енисеем[127]. А. Н. Бернштам писал о генетической связи этнонима *байырку* и топонима *Баргузин* [1947: 63]. Г. Н. Румянцев прямо отождествил *байырку* с наименованием *баргут*, впервые упомянутым у Рашид-ад-Дина, стремясь обосновать идею о том, что речь идет о монголоязычном племени [История Бурят-Монгольской АССР 1954: 42, сл.; Румянцев 1962: 133, 244]. Ю. А. Зуев, комментируя в ТХЯ (цз. 72,

[127] В языковом отношении они принадлежат к «шипящей подгруппе южной сибилятивной группы диалектов эвенкийского языка» и по крайней мере к XVIII в. кочевали по обоим берегам Енисея, видимо, вплоть до устья Ангары; по разным данным, группы *Бая-ки* кочевали по территории Обь-Енисейского водораздела и к востоку от Енисея [Василевич 1948: 56–57]. Для сопоставления Г. М. Василевич приводит русифицированную фамилию *Баишины* у эвенков-ламутов Верхоянского района Якутии, она же известна как название одного из родов (в отписках охотских казаков), а также как родовое название ульчей на Амуре – *Байуксели* и идентичное название рода ороков на Сахалине [Там же]. По сведениям Л. А. Штернберга, некоторые орочские роды в верховьях р. Тумнин ведут свое начало от эвенков рода *Baja*, живших на Амуре. Среди маньчжурских родов одним из самых древних считается *Баяра*; на всей территории расселения эвенков встречается название *Бая-гир*. Кроме того, селькупы, живущие по р. Турухан, называются *Баихинские*. Г. М. Василевич приводит «маленькую заметку на карте России 1562 г. времен Ивана Грозного» рядом с названием местности *Баида*, помещенной, как и страна *Colmak*, к востоку от Оби [Там же: 57–58]. Где можно говорить о реальном единстве происхождения приведенных названий, а где – видеть лишь совпадения на основе созвучия, нужно разбираться специально. Так или иначе, Г. М. Василевич сделала вывод о том, что элемент *Бая-* свидетельствует о названии когда-то существовавшего «большого племени, или народности», или «древней племенной группы», чьи потомки позже разошлись по всей территории расселения тунгусских племен. Исследовательница предположила, что изначально территорией их расселения были районы от Оби до Байкала [Там же: 17, 58, 59]. Ср. эвенк. *баjагир*, *баjакӣ* – название рода, при *баjан* – «богатый», *баjакӣт* – «богатая чем-то местность», *баjан* – «богатеть» и др. [ССТМЯ 1975: 65].

с. 1305, стр. 3) описку в названии гидронима *Чжан-е-гу хэ* 杖曳固川 вместо *Ба-е-гу хэ* 拔曳固川 [1960: 97, 105, коммент. 6], отождествил *Баргузин* с *Баргуджин-токум* Рашид-ад-Дина, что этимологизировал как «Баргу-джин = Байырку-чин = река Байырку», т. е. сблизил формы *байырку* и *баргу* [Зуев 1960: 97, 105, коммент. 9]. С. М. Абрамзон осторожно указал на возможность сопоставить с *байырку* зафиксированный им в ходе полевых исследований эпоним *Байгур*, известный в преданиях о происхождении уйгуров как предок таранчи, или *Байгыр* как предок уйгуров [1971: 54–55]. Ц. Б. Цыдендамбаев [1972: 279] считал, что *байырку* выступает как тюркская калька монгольского *баргу*, приводя в пример явно мнимо созвучное кирг. *байыркы* – «примитивный, стародавний» (по словарю К. К. Юдахина) и халх. *барга* – «грубый, примитивный; патриархальный, стародавний».

Сейчас уже трудно сказать, с чьей конкретно подачи, но отождествление *байырку* и *баргу* как форм одного этнонима стало настолько распространенным в историографии, что превратилось в своего рода «устоявшуюся истину» и кочевало из работы в работу, не подвергаясь критике, пока один из авторов [Нанзатов 2005: 20] не обратил внимание на фонетические трудности, возникающие при отождествлении этих этнонимов. А. К. Камалов, выступивший с критикой тенденций вписать *байырку* в этническую историю бурят, основывающихся на привязке к *байырку* средневековых археологических культур Забайкалья, сделал акцент на историческом обосновании – откочевке *байырку* в Восточный Туркестан после поражения в войне с уйгурами в 750-е гг. [Kamalov 2001][128].

Не имея сейчас возможности коснуться вопросов локализации племен и их политической истории, рассмотрим вероятные варианты этимологизации этнонима на тюркской основе.

Как отмечает М. Эрдал, глагол **bay-* в тюркских языках не засвидетельствован, есть только *bayu-* < *bay* + *u-* ‘to be or become rich’, который в древнетюркских и среднетюркских (караханидско-уйгурских) памятниках выступает как отыменное образование от имени *baj* ‘rich’ + *+U-* – аффикс непереходного глагола [Erdal 1991, vol. II: 475]. Рассматривая, в частности, слово *bayan*, М. Эрдал указывал, что если

[128] Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить А. К. Камалова за возможность ознакомиться с его работой.

предполагать его образование при помощи аффикса *-xn*, ожидать гласный *-a-* во втором слоге не следовало бы. Поэтому он склонен объяснять форму *bayan* как образование от основы *bayu-*, являющейся глагольным дериватом от прилагательного *bay* + *+U-*, однако и в этом случае характер второго гласного остается без объяснения [Erdal 2007: 78–79, note 14].

В словаре В. В. Радлова отмечены каз., казан. тат. *бајы*, як. *баі* – «богатеть», осм. *бајыр* – «то же» [1911, ч. 2, стб. 1468, 1469]. Форма с узким гласным регистрируется также в словаре Ибн Муханны и в чагатайских и кыпчакских памятниках [Clauson 1972: 384–385] (см. также тур. диал., кум., к.-балк., кирг., каз., к.-калп., тат., башк., алт., тув., хакас. [ЭСТЯ 1978: 29])[129]. Эти факты свидетельствуют о существовании исходной общетюркской формы с узким аффиксальным гласным, который мог иметь как огубленный, так и неогубленный вариант: *baj* + *X-* (ср.: [Pelliot 1949: 196]).

Тексты на брахми позволяют выдвинуть предположение о возможности расширения и делабиализации форманта *+U-* > *+A-* [Erdal 2004: 90, note 155]. Однако форма переходного глагола от *bay* *+-u-* образуется путем прибавления аффикса *-(X)t-*, а не *-(U)r-* (с зарегистрированным алломорфом *-(A)r-*)[130]: *bayu-t-* ‘enrich, to make rich’ [Clauson 1972: 385; Erdal 1991, vol. II: 478, 765]. Последний факт не позволяет предполагать в основе этнонима глагол типа **bajïr-* или совсем гипотетического **bajar-*.

Орфография древнетюркских памятников, преимущественно на брахми, а также нескольких ранних манихейских текстов иллюстрирует процесс расширения *-ï-* ~ *-i-* в соседстве с *-r-*, *-l-*, а также *-g-* ~ *-γ-*, хотя последнее известно уже в орхонских памятниках [Erdal 2004: 16, 61, 91–92]. Известен и обратный процесс – сужение широких неогубленных гласных перед плавными *-r-* или *-l-* [Ibid.: 92]. В первом случае форма *bajïrqu* (> *bajarqu*) выступает как первичная, во втором первичной является *bajarqu* (> *bajïrqu*).

---

[129] Составители ЭСТЯ, приводя форму *baya-*, ссылаются на грамматику А. фон Габэн [1950: 301], где она вычленяется, видимо, в *bayaγu* ‘Begüterter’, однако здесь *+(A)gU* – аффикс со значением собирательности [Erdal 1991, vol. I: 93–97, 82].

[130] Например, в среднекыпчакских языках (см.: [Berta 1996: 601]).

Кроме того, древнетюркские памятники не знают аффикса *-*KU*. Речь может идти только об аффиксе -*GU*, при помощи которого образуется отглагольное имя, являющееся по сути лексикализованным причастием, указывающим на потенциальное «запрограммированное» действие, обозначенное в производящей глагольной основе [Erdal 2004: 303–305]; в отдельных памятниках аффикс образует отглагольные имена со значением инструмента [Erdal 1991, vol. I: 357, 359] (см. также ниже). Соответственно, в нашем случае можно предполагать нерегулярное оглушение *-g-* ~ *-γ-* после сонанта *-r-* (см.: [Erdal 1991, vol. II: 870 (Index); 2004: 112, 119–121, 287, note 477]).

С учетом всего сказанного есть две версии, касающиеся этимологии этнонима и трансформации его облика:

1) **baj + u-r-γu* ? > **baj + a-r-γu* ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’ > *bajarqu* (~ **barjaqu* ?) > *bajïrqu*;

2) *baj + ï-r-γu* ? > *baj + a-r-γu* ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’ > *bajarqu* (~ **barjaqu* ?).

Находящийся в первом слоге широкий *-a-* не может оказывать ассимилятивного влияния на расширение *-u-* [Erdal 2004: 91], хотя это явление отмечается в некоторых ранних древнеуйгурских памятниках, для которых М. Эрдал осторожно допускает огузское влияние [2004: 14, note 28].

Как отмечают авторы СИГТЯ, в большинстве случаев соответствие *-ï-* и *-a-* в тюркских языках, если речь идет о гласном непервого слога, наблюдается в соседстве с *-j-*; сравнительный анализ материала позволил Л. С. Левитской прийти к мнению о вторичности вариантов с *-ï-* [СИГТЯ 1984: 58–65]. По ее мнению, в древнетюркскую эпоху также должен был происходить переход *-a-* > *-ï-* «перед сонорными и в окружении *j*» (как общетюркское явление, в т. ч. в многосложных словах в безударном слоге) [Там же: 61].

Это позволяет считать первичной именно форму *bajarqu*, наиболее распространенную в письменных памятниках. Как и в случае с *bajan*, здесь есть все основания предполагать существование (диалектного?) варианта глагола **baj +-a-*, если только *bajan*, достоверное соответствие для которого в тюркских языках есть только в чув. *půjan* – «богатый» (< **pujă-*?), не связано, как и другие формы этого слова, отраженные в греческой передаче или китайской транскрипции, с санскр. *puṇya* [Erdal 2007: 78–79, note 14].

Формально можно рассматривать *bajan* как глагол, выступающий в форме императива ([см.: Rásonyi 1962]), являющийся, собственно, образованием с медиальным значением, при помощи аффикса *-(X)n-* [Erdal 1991, vol. II: 584–639]: **baj* + *a-n-* (ожидалось бы **baj* + *u-n-*) – букв. «обогатись, сделай себя богатым».

Вероятно, такая же вариативность гласного второго слога отражена в различных формах этнонима *bajundur*, *bajandïr*, *bajindïr* [Németh 1991: 92, 102. o.; Pelliot 1949: 195–196], также, по-видимому, восходящего к глаголу *baju-* ~ *bajï-* [Pelliot 1949: 196–197; Rásonyi 1962: 234–235], с присоединением медиального *-(X)n-* [Erdal 1991, vol. II: 584–639] и каузативного *-tUr-* [Erdal 1991, vol. II: 799–830, особенно p. 819–825; Ermers 1999: 152, notes 98, 99; p. 154, 388], что дает возможность интерпретировать слово как форму императива – букв. «сделай богатым». Форму *bajundur* нужно считать исходной, и, судя по всему, точно так же следует предполагать исходный вариант для *bajarqu* в форме **bajurqu*. В этом случае вариант *bajïrqu* может выступать и как равноправный с ним (диалектный?), и как вторичный от *bajarqu*.

Байыркy ~ байаркy ≠ баргy. Хотя этнонимы, как правило, являются достаточно консервативными образованиями с точки зрения своего фонетического облика [Clauson 1963], если все же говорить о гипотетической связи формы *bajïrqu ~ bajarqu* со словом *barγu* – независимо от того, принимаем ли мы за исходную форму с узким или широким неогубленным гласным (даже если принять последний элемент в озвонченном облике **-γu*), – ни на тюркской, ни на монгольской основе никакой фонетический процесс не может в данном случае привести к изменению элемента *-ajï-* или *-aja-* в *-a-* (*-ā-*?).

Теоретические основания для допущения различных фонетических процессов, приводящих к образованию вторичных долгот, дают данные тобаских языков (тофаларский) [СИГТЯ 2002: 608–609][131]. Для комплекса *-aja-* подобных примеров не выявлено, но в тофаларском языке комплекс *-ajï-* образует долгий гласный *-ээ-* или дифтонг *-эй-* (в кириллической транскрипции В. И. Рассадина) [2014: 66, 144, 173], при этом важной чертой является характерное опереднение гласных под влиянием среднеязычного *-j-* [Там же: 20], не имеющее аналогов

[131] Следует отметить, что оглушение сонантов после смычного здесь тоже имеет спорадический характер [СИГТЯ 2002: 631].

в тюркских языках. В. И. Рассадин, отметивший сходство этих явлений с фонетическими чертами говоров, территориально близких к тофаларам западных бурят, не исключал здесь именно влияния последних [Там же: 173].

Чисто гипотетически можно предполагать редукцию *-ï-*, находящегося в безударной позиции в форме *bajïrqu*: > **bajirqu* > **baịrqu* ~ **bə̀ĕrqu*, уже на монгольской основе [Владимирцов 1929б: 265, 275, 278, 281, 282, 283, 310, табл. 14][132]. В ойратских диалектах в первом слоге комплекс *-aji-* развился в [*ā̆*] [Санжеев 1953: 79, 81][133]. В бурятских говорах образования с комплексом *-aji-* чаще демонстрируют в первом слоге произносительные варианты, варьирующие по рядности и подъему от [*aĕ*] до [*ā̆ⁱ*], [*æ*] и [*ā̆*] [Рассадин 1982: 59–61] (в особенности в западнобурятских говорах сильна тенденция к развитию монофтонгов [Там же: 63, 65–66]), но с явной тенденцией к опереднению слогового согласного. Хотя процесс опереднения гласных под влиянием последующего *-i-* является общемонгольской тенденцией, наиболее последовательно он прослеживается в ойратских диалектах, поэтому есть основания полагать, что с их влиянием связан ход этих же процессов и в западнобурятских говорах [Там же: 65, 68, 118]. По мнению Б. Я. Владимирцова, неразличение *-ï-* и *-i-* в среднемонгольских языках имело место уже к XIII в., после чего *-ï-* динамично исчезает из языка [1929б: 176]. В письменно-монгольском комплекс *-aji-* имеет одинаковое письменное отражение как в собственно монгольских, так и в заимствованных словах [Там же: 290–291]. Долгие гласные в монгольских языках являются позднейшими образованиями из дифтонгов, в свою очередь возникших только в период письменно-монгольского языка [Там же: 305].

Исходя из этого, теоретически ожидаемая на монгольской основе форма, которая могла бы получиться из *bajïrqu* (~ **bajïrγu* ?) при сохранении вторичного ударения на последнем слоге (иначе это приве-

[132] Вслед за Б. Я. Владимирцовым мы оставляем над *-a-* диакритический знак, обозначающий опереднение гласного, что менее ярко выражено в халхаском по сравнению с остальными монгольскими языками, где качество гласного с точки зрения рядности и подъема варьирует.

[133] В новописьменных памятниках, созданных среди ойратов и монголов Южной Монголии, наблюдалась тенденция к обозначению посредством комплекса *-aji-* фонемы [*ä*] [Владимирцов 1929б: 294–295].

ло бы к ослаблению и возможной редукции финального гласного) [Владимирцов 1929б: 110–112; Рассадин 1982: 26–37], все равно предполагала бы дифтонгоидный элемент в корневом слоге. Учитывая сложность этих процессов, едва ли – даже при всех допущениях – монофтонгоидный элемент в формах типа **bārqu ~ *bāryu*[134] следовало бы ожидать в то время, когда слово **barqu ~ baryu* впервые регистрируется уже в XIII в. (см. ниже).

Все это говорит о том, что слово *baryu* имело самостоятельное происхождение и проникло в монголоязычную среду уже в таком виде.

Баргу. В ТИМ (§ 239, с. 14b) встречается форма **barqu/n* (*ба-эр-хунь* 巴儿浑). У Рашид-ад-Дина слово фиксируется в написании برقو [b.rqw], برغو [b.rĝw], برقوت [b.rqwt], برغوت [b.rĝwt] [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 2819 (Index)]. В поздней «Юань ши юй-цзе» 元史語解 встречается транскрипция *ба-ла-ху* 八剌忽 [Histoire des campagnes... 1951: 289]. Сопоставляемое с ним современное этническое название фиксируется в следующих формах: халх., бурят. *барга*, даг. *баргу* [ЭСМЯ 2015: 78].

Реконструкции на основе китайской транскрипции не вносят ясности, но, поскольку у Рашид-ад-Дина наряду с формами преимущественно с *«каф»* [Rashīd al-Dīn 1373/1994: 2819 (Index)] встречается форма с *«гайн»* [Там же: 43, 1561, 2073], есть основания полагать, что здесь отражено явление, близкое к халх. *-γ- > -x-*, где [*x*] соответствует п.-монг. *-q- > -χ-* [Владимирцов 1929б: 388]. Соответственно, в нашем случае, как можно вывести из китайских транскрипций, глухой вариант подразумевает вторичный фрикативный.

---

[134] Исходя из известных закономерностей употребления гласных в западномонгольских языках (также в западнобурятских говорах) [Санжеев 1953: 85], ожидалось бы **bārgä*. Вместе с тем халхаский язык демонстрирует очень редкие случаи образования в позиции перед согласным монофтонгов из бывших дифтонгов, восходящих к комплексам *-aji-* и даже *-aja-*, т. е. *> -aị- > -ā-* [Владимирцов 1929б: 293, 294, 308, табл. 14]. Однако правила акцентуации, предполагающие ударение на первом слоге, не позволяют использовать этот материал для попыток обоснования превращения *bajïrqu ~ *bajïryu* ? во что-то типа **bārqu ~ *bāryu*, поскольку ожидалось бы скорее **bā́ɬ̈rχʁ ~ *bā́ɬ̈rgʁ* [Там же: 326–327, 345, табл. 14].

Г. Й. Рамстедт предложил связывать монгольское *bargu* ’die Jenseitigen’ (alter Name mongolischer Stämme) с тунгусской именной основой *ba* ’die andere Seite’ и, соответственно, *bargi* ’jenseitig’, bargigan ’der von der anderen Seite, Nachbar gegenüber, jenseits des Flusses’, приводя в качестве примеров монг. *nargu* ’diesseitig’, *esergü* gegensätzlich, widrig’, *qojirgu* 'zweifelhaft’ и др. В качестве возможно родственной для тунгусской основы исследователь приводил монг. *bara-* ‘beendigen, verschwenden’, *baragsan* ’arm’, тюрк. *bar-* ’einen Weg zurücklegen, gehen’, чув. *pur-*, *pi̯r-* id. [Ramstedt 1957: 56–57]. Эта версия принимается в ЭСМЯ, где ср. также халх., калм. *бар-*, бур., даг., дунс. *бара* – «кончать, исчерпывать» [ЭСМЯ 2015: 78]. В другом разделе Г. Й. Рамстедт говорил о гомогенности отыменных аффиксов, образующих прилагательные тунг. *-gi* ~ *-gi*, *-gu* и монг. *-gui* (>*-gū*, см.: [Владимирцов 1929б: 298]), приводя в пример тунг. *bargi dā* ’die entgegengesetzte Seite’ (ср. *bargigan* ’Nachbar auf dem gegenüberliegenden Ufer des Flusses’) [Ramstedt 1952: 235].

Н. Поппе выделяет общую основу **bar-* для тунг. **bargi* ‘the opposite side’ и монг. *bar-a-γūn* ‘right, west’ [Poppe 1977–1978: 419]. На основе анализа слов, обозначающих направления пространственной ориентации в алтайских языках, он приходит к следующему выводу: “If *sulilā (solilā)* is ‘upstream’ and ‘east’, and if ‘east’ is also ‘left’ in Mongolian, the opposite side, Ev. *bargī*, should have something in common with ‘right’, cf. Mo. *baraŋūn*, Kh. *barūŋ* ‘right’, ‘west’ (see **bar-*). In this connection, it may be assumed that Ev. *bargī* ‘a place behind a river’ might be the etymon of the name of the north-western part of Manchuria and the name of a Mongolian tribe, Mo. *barg̰u*. The names *barg̰udai* (a personal name) and *barg̰uǰin töküm* (the name of a vast area) are already attested in the XIII century. It is not impossible that *barg̰u* was the name of a tribe which lived ‘on the other side’ of some river” [Poppe 1977–1978: 420].

Эта гипотеза основывается на локализации *barguǰin töküm*, исходя из привязки к современному гидрониму *Баргузин*, однако есть также мнение, что эта местность должна находиться не к востоку, а к западо-юго-западу от Байкала (см.: [Грумм-Гржимайло 1926б: 188, прим. 1; Нанзатов 2018: 265–267]).

Еще в XIX в. сэр Генри Хоуорс, решившись затронуть вопрос о прошлом бурят, отметил, что “they are otherwise known as Barga

Buriat" («они иначе известны как барга буряты»), и, обсуждая другие известные ему версии происхождения этнонима, предположил, что упоминание у Рашид-ад-Дина племени *Bargu* объединяет с ним историю бурят [Howorth 1876/1965: 683]. Ученый заметил, что Абу'л-Гази ошибочно именует их *Turghaut* и, указывая при этом значение "on the other side", полагает, что имя могло быть дано им, поскольку они жили на другой, чем монголы, стороне р. Селенга.

В переводе П. И. Демезона, отметившего в сноске возможность описки хивинского автора, это место у Абу'л-Гази звучит так: "Les Tourghaout, les Qouri et les Toulâs étaient de la même famille que les Ouïrâts dont ils n'étaient que des branches (orouq). Les Tourghaout, dont le nom signifie "*de l'autre côté*", furent appelés ainsi, parce qu'ils habitaient de l'autre côté de la Sélenga qui servait de frontière an pays des Mogols" («Тургауты, хори и толесы были из той же семьи, что и ойраты, для которых они являлись только ответвлениями (орук). Тургауты, чье название означает "на другой стороне", назывались так, потому что они жили на другой стороне Селенги, которая служила границей страны моголов») [Histoire des Mongols… 1874: 46, note 1]. В оригинале у Абу'л-Гази племя называется تورغاوت [twrĝâwt], что, видимо, он перепутал, внося правку, с современными ему *торгоутами* среди ойратов[135], а фрагмент о них звучит так: «turğaut-ning m'nisi ari jaq timäk bolur mºğul jurtï-nïng nariĝi čätini säläkä dirlär bu ellär säläkä-ning ol jüzindä olturïrlar erdi anïng üčün turğaut tidilär» [Histoire des Mongols... 1871: ٤٥], т. е. буквально «*тургаутов* название "другая / противоположная сторона" *(ары йақ)* означает; [от] могулов страны *(йурт)* по ту сторону [находящуюся] границу Селенга устанавливала; эти народы *(эллär)* на той поверхности Селенги жили (букв. "сидели"); вследствие этого [их] "тургаутами" называют».

Таким образом, Абу'л-Гази, хотя и путает сведения, видимо, не совсем разбираясь в предмете своего повествования, все же дает некоторые уникальные данные, отличные от тех, что имеются у Рашид-ад-Дина, трудом которого он пользовался. Представленная этимология, явно относящаяся не к تورغاوت [twrĝâwt], а к برغوت [brĝwt], соотносится с результатами изысканий, касающихся монгольско-

[135] Впрочем, подобная непоследовательность в написании характерна и для Рашид-ад-Дина [Rashiduddin 1998: 55, note 2].

тунгусской основы **bar-* и ее проявления в тунгусо-маньчжурских языках.

Наиболее вероятными соседями монгольских племен, обитавших в Прибайкалье в рассматриваемый исторический период, были представители эвенкийского населения, потомки которых принадлежат к группе носителей сымского говора (см. прим. выше) либо токминского и верхнеленского говоров южного диалекта [Василевич 1948: 89–90], а также представители тех ангарско-прибайкальских групп, которые позже вошли в состав племен подкаменско-тунгусского круга [Там же: 110, 117–118].

Для эвенкийской основы *баргӣ* – «противоположный» [ССТМЯ 1975: 73] регистрирует в подкаменско-тунгусском, сымском, северобайкальском и токминском говорах южного диалекта форму *баргиткӣ* (при общ. эвенк. *баргискӣ* в пространственном значении) – «на противоположную сторону, на противоположный берег»: *баргӣ* + +*ткӣ* (аффикс отправительно-направительного падежа – аллатива).

Хотя тунгусо-маньчжурские заимствования в монгольской среде еще недостаточно исследованы, насколько можно судить по примерам других языков, форма с узким гласным, являющаяся нормальной для эвенкийских языков рассмотренной территориальной группы, если бы она заимствовалась в монгольскую среду, скорее всего, не изменила бы своего фонетического облика, т. е. отразилась бы как **bargi*.

Ближайшие формальные аналогии следующие. Название племенной группы *баргы* в составе тянь-шаньских киргизов (племя *адигине*) сопоставляют с монг. *баргут* [Аристов 1894: 438; Грумм-Гржимайло 1926б: 188, прим. 1; Петров 1961: 41, 42, 65, 66, 67, 85; Абрамзон 1971: 47]. Название киргизской группы коррелирует также с могульским племенным названием بارقی* *[bārqy] (< ркп. یارقی [yārqy]) [Абрамзон 1971: 49; Юдин 2001: 79].

В этом случае мы можем отметить зарегистрированный в древнетюркских памятниках формант *-GI*, выступающий как алломорф *-KI* с основами, оканчивающимися на сонант типа *-r-* или *-n-*, – аффикс образования форм существительных и прилагательных, обозначающих объект действия переходных глаголов, но преимущественно предмет действия непереходных [Erdal 1991: vol. I, p. 320–322]. Вполне возможно, что он выступает как алломорф аффикса, в древнетюркских

памятниках имевшего облик *-GU*, учитывая зарегистрированные, по крайней мере в кыпчакских языках, фонетические варианты, распределяющиеся по диалектам как *-GX* и *-GI*, образуя здесь имена со значением инструмента [Berta 1996: 433, 555–561]. В этом случае этимология киргизского этнонима, как и его вероятного прототипа, кажется вполне прозрачной, если применительно к глаголу *bar-* рассматривать аффикс в изначальной функции обозначения носителя действия.

В качестве аргументации для озвученных выше сопоставлений можно указать на зафиксированное соответствие в ранних памятниках п.-монг. *-u-* в непервых слогах тюрк. *-u-* (~ *-ï-*), в т. ч. в последнем открытом слоге [Владимирцов 1929б: 318–319, 322]. В этом случае мы можем иметь дело с формой **bar-γu ~ *bar-γï*, проникшей в монгольскую среду как морфологически неразложимая единица с обликом **barγu*.

Зафиксированное в уйгурской версии дестана об Огуз кагане (XV в.) слово *barγu* (орфогр. *b'rq̈w*, один раз как *b'rqw*), по-видимому, является отглагольным образованием в результате добавления аффикса *-GU* и, будучи употреблено в значении 'goods', коррелирует с др.-тюрк. *barq* 'movable property, household goods' [Clauson 1972: 359], образованным также от глагола *bar-* 'to be' при помощи аффикса *-(O)K* [Danka 2016: 182, 309][136].

М. Эрдал, объясняя этот случай, предполагает, что после *-r-* огубленный гласный выпадал в подобных ситуациях с односложными примерами [Erdal 1991, vol. I: 22, 224]. Другая проблема в том, что начиная с ранних тюркских памятников глагол *bar-* фиксируется в значении 'to go', иногда 'to go away', в ряде языков в последующем демонстрируя долготу гласного [Clauson 1972: 354; ЭСТЯ 1978: 61–63]. Имя *bār*, обозначающее наличие, присутствие [Clauson 1972: 353; ЭСТЯ 1978: 61–63], В. Банг в свое время предложил рассматривать как стяженный вариант от **bar-ïr* (см.: [ЭСТЯ 1978: 61–63]). По-видимому, несмотря на скептицизм Э. В. Севортяна, долгота все же это подтверждает. В другом месте М. Эрдал указывает для *bar-* первичную форму **barï-*, основываясь на форме аориста [Erdal 2004: 238]. В этом случае гипотеза об образовании *barq* от **barï-q*, с выпа-

[136] Перевод в контексте дестана об Огуз-кагане 'добыча', предложенный А. М. Щербаком и подходящий контекстуально, приходится признать относительным [1959: 44, 52, 53, 55; Древнетюркский словарь 1969: 83].

дением узкого гласного между сонорным и шумным, не утрачивает вероятности.

М. Эрдал, рассматривая др.-тюрк. *bar-ïm go* ‘property, wealth’ [Clauson 1972: 366], справедливо указал на происхождение последнего от *bar-* ‘to go’ + *-(X)m*, поскольку речь идет, в первую очередь, о скоте как об основном движимом имуществе кочевника [Erdal 1991, vol. I: 292–293].

В монгольских языках с тюрк. *barq* коррелирует п.-монг. *baraγa/n* «имущество, скарб, пожитки», демонстрирующее, согласно Б. Я. Владимирцову, пример соответствия на алтайском уровне кластеров тюрк. «сонант + шумный + гласный» = монг. «сонант + гласный + шумный» [1929б: 324, 338]. Б. Я. Владимирцов объяснил это как свидетельство существования между сонорным и шумным «очень краткого редуцированного гласного» на праязыковом уровне [Там же: 339].

В письменно-монгольских памятниках наблюдается соответствие монгольского *-a-* в непервых слогах тюркскому *-ï-* ~ *-u-*, в т. ч. в образованиях с аффиксом *-(O)K* (~**(X)K*), восходящее, следуя Б. Я. Владимирцову, к праязыковому гласному неполного образования наподобие *-a-* [Там же: 317–318, 322].

В ЭСМЯ [1: 76] для халх., бурят. *бараа(н)* – «скарб, пожитки; ткань, материя; товар», калм. *баран* – «скарб, пожитки; почетное место в юрте; богатство в доме», бурят. диал. *бараа(н)* – «сундук со скарбом» отмечается основа **bara-*. В EDAL [I: 329] для *baraγa* берется значение ‘cloth’, несомненно по́зднее, и сопоставляется с тюрк. **bẹr* ‘cloth, linen’, но в качестве исходной формы дается праалт. **bāÃri-*. Ср. также: тув. *barān* ‘wares, goods’ < монг. **barān* < п.-монг. *baraγa(n)* < **barX-* + *-GAn* [Khabtagaeva 2009: 219] (отглагольный аффикс, см.: [Poppe 1954: 45; Khabtagaeva 2009: 285]).

Вариативность написания второго гласного отмечается в памятнике XVIII в. «Халха Джирум» в парном сочетании *qaruγiqu baruγiqu* (I, 141; VII, 203) [Пюрбеев 2012: 197, 212], *qaruγiqu baraγiqu* (VI, 203, 205) [Там же: 212]. Колебание *-a-* ~ *-u-* показывает наличие здесь редуцированного гласного [Владимирцов 1929б: 107–110, 313–315]. А. Серрюи, возражая против перевода «движимое и недвижимое имущество» как не соответствующего историческому контексту [Serruys 1972: 122], сопоставил второе слово с *baraγa* ‘object éloigné’;

baraγatai ‘vu de loin, visible, remarquable’; *baraγala-* ‘voir au loin; voir de loin; regarder’ [Ibid.: 123], в итоге придя к выводу о гомогенности двух основ: *baraγa* означало “first the shape of things as seen from a distance, and then the things themselves” [Ibid.: 124].

В ЭСМЯ [2015: 77, 79] *barayi-* (~ *baruyi-*), отраженное в халх., бурят. *барай-*, калм. *бари* – «затемняться, неясно виднеться», сопоставляется с незарегистрированной основой **bara-*, ср. бурят. *хара бара* – «темно, сумрачно» [ЭСМЯ 2015: 76]. В [EDAL 2003: 352] прамонг. **baraγa* ‘shape, silhouette’ возводится к праалт. **bi̯or[a]* ‘color, shape’.

Соответствию тюрк. *bar-q* и п.-монг. *baraγa/n* – «имущество, скарб, пожитки», давшему указанные выше поздние формы, следуя закону *-aγa- > -aγa- > -ā-* [Владимирцов 1929б: 194, 231], противостоит п.-монг. *bariγa* – «захват скота для того, чтобы заставить владельцев его выполнить обязательства, которые, по мнению захватчиков, они имеют право требовать» (ср. тюрк.: чаг. *baranta*, каз. *барымта* – «разбойничий набег, баранта») [Владимирцов 1929б: 240], развившееся в халх. *b̯ärʲā* по закону *-iγa- > -ija- > -ʲā-* [Там же: 198], т. е. с узким гласным второго слога основы.

В качестве соответствия тюрк. *bar- < *barï-* может также предполагаться монг. **bari-*, ср. *bari-* в халх., бурят. *бари-*, калм. *бәр-*, дунс., мнгр. *бәрi* – «держать, почтительно, подносить; ловить; строить» [ЭСМЯ 2015: 78]. В EDAL [2003: 328] приводится прамонг. **bari-* ‘to take, hold (брать (руками), хватать)’, ср. калм. *bärχɒ*, *bäŕЇχə* ‘in der hand halten od. mit der hand greifen’ [Ramstedt 1935: 38].

Уже в памятниках старописьменного периода известно явление выпадения гласного, независимо от его качества, между сонорным и шумным согласным, представленным смычным или проточным [Владимирцов 1929б: 334, 335] (т. е. в нашем случае *-q-* или *-γ-*). Пример письменно-монгольского языка также демонстрирует наличие в непервых слогах, по крайней мере в одном из диалектов среднемонгольского периода, некоего краткого, склонного к редукции гласного, имевшего в памятниках облик *-U- ~ -I-* [Там же: 312–314]. Старописьменные памятники знали различие между *-ï-* и *-i-*, в т. ч. в непервых слогах [Там же: 318–319, 322], что одновременно может свидетельствовать об определенной архаичности предполагаемого образования **barγu < *barï-γu* и объяснять отсутствие палатализации *-r-*, предшествующего узкому неогубленному гласному.

Соответственно, не обязательно связывать искомый этноним с тюркским примером из дестана об Огуз кагане, предполагая для образования *bar-γu* ожидаемое значение «идущий, двигающийся, могущий / способный отправиться, перемещаться и т. д.» Слово **barγu* может быть рассмотрено как достаточно раннее монгольское образование, возникшее посредством присоединения отглагольного аффикса *-γu*/*-gü*, обозначавшего качество, полученное в результате действия, заложенного в производящей основе [Poppe 1923–1927: 95; 1954: 46], к корню **bara-* или **barï-* (> **barǐ-*), вопрос о соотношении которых не может считаться решенным. При этом халх., бурят. *барга* – «грубый, неотесанный», также в контекстах бурят. *барга харанхы* – «совершенно темный», *хара барга* – «темная масса, темнота» [ЭСМЯ 2015: 78], неразложимое морфологически, может являться как тем же словом с переносным значением, восходящим непосредственно к этнониму, так и гомогенным образованием.

1.5. *Баргу* и *Баргуджин-токум*

Проблема исследования этногенеза бурят, как, собственно, и ряд других вопросов в этнической истории тюркских и монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири, многими исследователями признается слабоизученной, ввиду недостатка основательного фактического материала. В частности, все еще актуальными являются вопросы этимологии этнонима *баргу* и этнотопонима *Баргуджин-токум*.

Сочетание *Баргуджин-токум* стало известно в монгольское время. Однако распространение носителей этнонима *баргу*, по мнению К. И. Петрова, началось раньше становления Монгольской империи. Современная география распространения этого этнонима в Евразии очень широка. Носители этнонимов *баргу*, *булгачи*, *керемучи,* непосредственно связанные с Енисейско-Байкальской областью, оказались вовлечены в ойратскую волну миграции на юго-запад, где впоследствии вошли в состав тянь-шаньских киргизов [Петров 1961: 67]. По сведениям Рашид-ад-Дина, представители племени баргут отмечались среди монгольской знати в государстве Иль-ханов [Рашид-ад-Дин 1952а: 121]. По-видимому, потомками тех баргутов являются *barγūt* в составе моголов Афганистана, общая численность которых в начале

XX в. была зафиксирована в пятьсот семейств [Ramstedt 1908: 13]. Якутский этноним *боргон*, по мнению В. В. Ушницкого, представляет собой фонетический вариант этнонима *баргу*, носители которого оказались на средней Лене [2011: 5–10].

Наиболее широко этноним представлен среди монгольских народов. Прежде всего это баргуты Хулунбуира [Нимаев 2010: 124; Ринчен 1979: 23]. Наиболее информативной работой о движении баргутов по Монголии является статья китайского исследователя Дж. Буяндэлгэра, основывающаяся на монгольских и китайских источниках, где подробно говорится о постепенной миграции баргутов через Западную Монголию на восток, вплоть до Ляодуна, об отделении небольшой группы ляодунских баргутов и переселении их в район Хулунбуира [2012]. Впоследствии эта группа стала известна как *хуучин барга* или *чипчин барга*. Непосредственная близость к Бурятии, расселение преимущественно среди монголов позволили им сохранить язык и историческую память о миграции из Прибайкалья. Среди ордосских монголов три подразделения сохранили в своем названии этноним *баргу*: *Bargudūt*, *Bargudžun*, *Bargut* [Mostaert 1968: 52]. Наличие трех этнонимов отражает разновременность миграций их носителей, а этноним *Bargudžun,* вероятно, отражает наиболее ранних пришельцев из Прибайкалья. Необходимо отметить, что на севере Хэнтэйского аймака также был отмечен этноним *bargudžin* [Ринчен 1979: 64].

Баргуты, расселившиеся вблизи Ляодунского полуострова, являющиеся основным ядром баргутов, мигрировавших с запада Монголии в период XIV–XVI вв. и закрепившихся в составе основных знамен маньчжуров, утратили монгольский язык, перейдя на маньчжурский, а впоследствии на китайский. Очерки после посещения баргутов Ляонина в сентябре 2005 г. опубликовал Янагисава Акира [Yanagisawa A. 2008]. Одной из последних работ, посвященных этой этнической группе, является статья Хэй Лун [2013].

В генеалогических мифах бурят Баргудай является отцом Элюдэя, Бурядая и Хоридоя [Хангалов 1960: 107]. Таким образом, этноним *баргу* в виде эпонима *Баргудай* отражает происхождение трех ветвей бурятского народа: *сэгэнут*ов от Элюдэя (Илюдэр-Тургэна), э*хирит*ов и *булагат*ов от Бурядая, *хори* от Хоридоя. В то же время на территории Бурятии сохранился этноним *баргу* в составе аларских *шаранут*ов в Приангарье [Затопляев 1890; Далиев 1927: 58].

Большая разбросанность этнонима *баргу* в среде монголов, тюрков и маньчжуров свидетельствует о его происхождении в период, предшествующий Монгольской империи. Так, этноним *баргуджин* среди ордосцев мог оказаться там задолго до появления его сокращенной формы в виде баргут и формы с двойным монгольским аффиксом мн. ч. *баргудут*.

По сведениям письменных источников, на территории области Баргуджин-токум был расселен ряд племен, в числе которых упоминалось и племя баргут. Письменными памятниками, в которых упоминается эта область, являются Mongγol-un niγuča tobči-yan («Сокровенное сказание монголов»), написанное анонимным автором, предположительно, в 1240 г. [Козин 1941; Cleaves 1982; The Secret History... 2004] в форме köl-barγučin-tögüm / *barqujin-tökům* и *baryut* / *barqut* / *barqun*. Вторым источником является «Джами ат-Таварих», в русском переводе известный как «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина, крупного политического деятеля времен Газан-хана и Олджайту-хана, а также известного историка [Рашид-ад-Дин 1952а, б; Rashīd al-Dīn 1373/1994; Rashiduddin 1998], в текстах которого встречаются обе формы – برقوجينتوكوم [b.rqwĵyntwkwm] и برقوت [b.rqwt].

Фиксация этнотопонима *Баргуджин-токум* в источниках монгольского времени позволяет лишь констатировать наличие уже сложившейся области, которую населяли, по крайней мере, несколько племен. Время становления этнонима *баргут* и этнотопонима *Баргуджин-токум* остается неизвестным. Однако следует иметь в виду тот факт, что ко времени становления Монгольской империи история земли Баргуджин-токум уже овеяна седой стариной, так как из этой области произошли легендарные предки Чингисхана по материнской линии. В связи с этим Чингисхан возвысил эту землю наряду со своим коренным юртом в глазах современников, объявив: «Каждый мальчик, родившийся в местности Баргуджин-Токум, на Ононе и Кэлурэне, будет мужественным и отважным, сведущим и сметливым [от природы] без наставлений и выучки. И каждая девочка, которая там родится, будет хороша и прекрасна лицом без убранства, причесывания [машаг] и румян и будет безмерно искусна, проворна и добродетельна» [Рашид-ад-Дин 1952а: 264]. Таким образом, возникает несколько проблем: периодизация ранней истории

Баргуджин-токума, выяснение первичной формы термина, легшего в основу этнотопонима.

Монгольской эпохе в Центральной Азии предшествовали киданьская (Ляо) и древнетюркская, отмеченная существованием I и II тюркских каганатов, а также Уйгурского и Кыргызского каганатов. По нашему мнению, истоки Баргуджин-токума следует искать в более отдаленном и протяженном периоде господства тюркских каганатов. По танским хроникам и древнетюркским эпитафиям, на территории Прибайкалья был расселен народ, известный как 𐰋𐰇𐰚𐰃 курыкан по памятникам древнетюркской рунической письменности [Малов 1951: 36, 38; Tekin 1968: 264] и 骨利幹 гулигань китайских текстов [Бичурин 1950: 348–349; Кюнер 1961: 283–284, 292; Малявкин 1989: 24, 134, коммент. 47].

Нами уже выдвигалась гипотеза о формировании уч-курыкан во времена I Тюркского каганата как дистрикта, на территорию которого были переселены группы кочевников и земледельцев, очевидно, представлявшие группы тюркского, монгольского и согдийского населения. Тунгусские, самодийские и кетские племена, очевидно, представляли местное охотничье и оленеводческое население [Нанзатов 2002: 20–26]. Прибывшие в Прибайкалье тюркские и монгольские племена со временем стали доминировать в регионе и ко времени II Тюркского каганата представляли собой некое объединение, возглавляемое двумя *иркин*ами (кит. *сы-цзинь* 俟斤) [Зуев 1960: 98, 104, коммент. 1]. Несмотря на определенную протяженность существования в Прибайкалье области *уч-курыкан* в древнетюркский период, это название со временем исчезает как наименование территории, сохраняясь лишь в одном из бурятских этнонимов как *хурхат*, в свою очередь, давших названия местностям, разбросанным в Приангарье, в долинах ее притоков Оки, Белой, Китоя, Иркута, Куды, Балея, а также в долине р. Джида и в Приольхонье.

Локализация заповедной земли Баргуджин-токум в Прибайкалье сегодня не вызывает сомнений. Исключением является лишь предположение Г. Е. Грумм-Гржимайло, который отождествлял земли расселения лесных племен Баргуджин-токума с территорией между Саянами и северными пределами Хангая [1926а: 415–416]. Споры вызывают взгляды исследователей на месторасположение Баргуджин-токума в пределах Прибайкалья. По мнению П. Пельо, Л. Амби,

И. де Рахевильца, область Баргуджин-токум связывается лишь с долиной р. Баргузин [Histoire des campagnes... 1951: 288; Pelliot 1959: 78; The Secret History... 2004: 246]. Н. Н. Поппе и Т. Д. Скрынникова помещают ее непосредственно вблизи оз. Байкал [Poppe 1956: 33–34; Скрынникова 1993: 43]. Б. Б. Барадин считал Баргуджин-токумом земли к востоку от Байкала [Барадин 1927: 45]. Г. В. Ксенофонтов полагал, что слово «баргуджин» происходит от эвенкийского *баргииджин* – букв. «та сторона». «Той [завоеванной] стороной» он считал западное побережье Байкала [1937: 425].

Значительно шире территорию Баргуджин-токума представлял А. П. Окладников [1937: 310]. По его мнению, в эту область входило Прибайкалье, включая долины Ангары и низовья Селенги. Г. Н. Румянцев несколько изменил его границы, включив в эту область долины Ангары, Лены, Баргузина [1953: 49]. По мнению Д. Г. Савинова, это область включала южное Прибайкалье, западное и центральное Забайкалье, вплоть до Яблонового хребта [1973: 26]. Еще шире границы Баргуджин-токума располагал Н. Ф. Егунов [1984: 240–241], расширяя Прибайкалье вплоть до Енисея, а также включая западное Забайкалье. Близкой позиции придерживается и Б. Р. Зориктуев [2011: 131].

Автором настоящего раздела также была предпринята попытка определения границ области Баргуджин-токум на основе анализа распространения топонимов, имеющих в основе корень *баргу*. Анализ топонимики этнической Бурятии позволил выявить помимо р. Баргузин еще три гидронима – р. Ара-Баргутай, р. Убэр-Баргутай, впадающих в Оку, и р. Баргутку, впадающую в Уду. Самым западным гидронимом является р. Баргу, впадающая в Кан, приток Ангары. Помимо гидронимов корень *баргу* зафиксирован в названии пика в Восточных Саянах – Баргутан-Саридаг и двух местностей – Баргадай в среднем течении Оки и Баргутуй на Селенге. Таким образом, исходя из того, что топонимы, происходящие от этнонима, зачастую находятся в периферийной зоне, – буквально вблизи границ этнической территории носителей того или иного этнонима с другими этническими общностями, – можно очертить границы Баргуджин-токума как Прибайкалье, включая долину Ангары, вплоть до Кана, верховья Лены, долину Баргузина, долину Селенги от впадения Чикоя, долину Уды.

Отмеченная нами территория, в свою очередь, очерчивает границы другой области, известной ранее, – Уч-Курыкан. По нашему мнению, подобное совпадение не может быть случайным. Появление наименования *Баргуджин-токум*, скорее всего, связано с периодом расцвета древнетюркской эпохи в Центральной Азии.

Как нами уже отмечалось, словом, легшим в основу этого наименования, является *barγu*. Этот термин известен по уйгурской версии легенды об Огуз кагане [Pelliot 1930: 317; Щербак 1959: 44, 52, 53; Древнетюркский словарь 1969: 83]. Слово *barγu* дано в значении «добыча»: *köpuluγ ölüg barγu köp tęlim ṭirig barγu ṭüšü boldï* – «в его ставке стала прибыль от многочисленной мертвой добычи (имущество), многочисленной живой добычи» [Древнетюркский словарь 1969: 83]. Так, словосочетание *ölüg barγu* переводится как «имущество (*букв.* мертвая добыча)» [Там же: 384], а *tirig barγu* – букв. «живая добыча» [Там же: 83].

Что касается тюркского термина *barγu*, то он состоит из двух частей: глагольной основы *bar* и аффикса *-γu*. Слово *bar*, согласно ЭСТЯ, имеет несколько значений: 1) «находящийся налицо, наличный, имеющий место, существующий; 2) существование, нахождение налицо, наличие, присутствие; 3) все, весь, целый; 4) все то, что имеется, существует (в чьем-либо распоряжении и достоянии); 5) каждый, всякий» [ЭСТЯ 1978: 61–63]. Следуя сэру Дж. Клосону, исходным значением для сновы *bar* является «существование или присутствие» [Clauson 1972: 353]. Глагольная основа *bar-* имеет значения «идти, ходить, вести» [ЭСТЯ 1978: 64], «приобретать, добывать добро», легшая в основу образования *баргу* со значением «военная добыча, трофей» [Ахметьянов 1988: 110]. Аффикс *-γu* (*-gü*, *-qu*, *-kü*) в древнетюркском языке образовывал существительное в значении орудия действия или предмета действия [Древнетюркский словарь 1969: 654]. Таким образом, термин *barγu* развился как *bar* + *γu* в значении «добыча».

Использование в «Сокровенном сказании…» архаичной версии этого топонима как *köl-baryučin-tökürm* позволяет предположить, что исходным сочетанием был термин *köl-barγu*. Основным значением слова *köl* является «озеро» [Древнетюркский словарь 1969: 313]. Также существует гипотеза, что этот термин присутствовал в титулатуре уйгурских ханов – 'köl Bilgā qaγan' в значении «обширный, всеобъемлющий» [Bazin 1981; Roux 1999: 227–228; Kara 2001: 99].

Хотя существует и другая точка зрения, по которой в древнетюркских памятниках в личной ономастике указан не *köl*, а *kül* в значении ‘ein fester, standhafter, tapferer Mann’ [Barthold 1935: 90], т. е. «твердый, стойкий, храбрый человек». П. Пельо и Л. Амби пытались отождествлять *köl* с монгольским «нога; устье (реки); подножие (горы)» [Histoire des campagnes... 1951: 287–288]. Б. Р. Зориктуев допускает для köl значение «центр, центральный» [2011: 132]. П. Б. Коновалов и Д. В. Цыбикдоржиев склонны видеть вместо *köl* слово *qol* в значении «дальний» [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 132]. По мнению Т. Д. Скрынниковой, основным является исходное значение «озеро» [1993: 47].

По нашему предположению, исходной формой является тюркский термин *köl* в его втором значении. Исходя из этого значения, возможна трактовка термин *köl-barγu* как «обширная/всеобъемлющая добыча», что, в свою очередь, может включать обе известные нам категории – *ölüg barγu* и *tirig barγu*.

Суффикс *-jin* в слове *Barγujin* исследователями трактуется неодинаково. П. Пельо, Л. Амби, А. Мостарт, Ф. У. Кливз, Н. Поппе, Ф. Рыбатцки поддерживают версию этнонимообразующего аффикса, отражающего принадлежность к женскому роду [Histoire des campagnes... 1951: 287; Mostaert, Cleaves 1952: 462, 49]. Т. Д. Скрынникова считает, что в данном случае *-jin* должен переводиться как *-ский* [1993: 43]. Однако, по нашему мнению, прибавив к *köl-barγu* показатель деятеля *-čin*/*-jin*, можно реконструировать *köl-barγučin* как «добытчик или тот, кто добывает обширную добычу». Если же под термином *köl-barγu* воспринимать как добычу землю со всеми ее богатствами и населением, возможна трактовка «завоеватели».

В связи с тюркской трактовкой слова *barγu* необходимо вернуться к монгольскому значению этого термина. В монгольских словарях обычно дается два значения этого термина: 1) этноним; 2) «грубый, неотесанный» [ЭСМЯ 2015: 78]. Т. А. Бертагаев предложил гипотезу, что это презрительное наименование лесных степными соседями [1958: 173–174]. Его поддержал Г. Д. Санжеев [1983: 47–49], однако впоследствии он отказался от этого предположения. Коллективом авторов ЭСМЯ справедливо отмечено, что значение «грубый, неотесанный» является производным от этнонима [ЭСМЯ 2015: 78]. Таким образом, этимология данного термина может сводиться только к его тюркскому значению.

Еще одной проблемой термина *barγu* является его предположительная связь с термином *bajïrqu* (см. напр.: [Бернштам 1947: 63]). Подобной точки зрения придерживался Г. Н. Румянцев [1962: 133]. В доказательство близости этнонимов обычно приводится мнение Ц. Б. Цыдендамбаева о том, что «тюрки имели обыкновение называть инородные им племена путем перевода их самоназваний на тюркский язык». Также он утверждал, что тюрки называли баргутов *байыркы*, исходя из семантической близости тюркского (киргизского) слова *байыркы* – «примитивный, стародавний» и монгольского *баргу* с подобным значением [1972: 279]. В последующих работах, связанных с этнической историей баргутов и бурят, эта гипотеза поддерживается рядом исследователей (см. напр.: [Дашибалов 1995: 168; Нимаев 2000: 77; Коновалов, Миягашева 2012: 177–178; Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 136–137]). Подвергая критике мнение об исходной монголоязычности народа *байыркy*, Б. Р. Зориктуев [2016: 58–60] все же склонен видеть в *байыркy* монголизированных предков баргутов, не приводя лингвистических доказательств возможности замены этнонима *байыркy* на *баргу* при смене языка с тюркского на монгольский.

По нашему мнению, замена корнеосновы *-baj* на *-bar* в этнониме невозможна, а возможна лишь замена суффиксов. Необходимо также отметить, что среди тюркских и монгольских племен этнонимы с корнеосновой *-baj* широко распространены *(баяут, баяндур, баяндай, баят, баягут)*. Этноним *байыркy* вполне возможно к монгольскому времени развился в *баяут*, известный у племени, расселенного в долине Джиды, что примерно совпадает с расселением части *байыркy* древнетюркской эпохи.

Слово «токум» в транслитерации *tökü̈m ~ tögü̈m* также вызывает дискуссии. А. Мостарт и Ф. У. Кливз переводили его как *depression* или *lowland*, т. е. «впадина или низменность» [Mostaert, Cleaves 1952: 462, 49]. П. Пельо допускал значение *plain* – «долина» [Pelliot 1959: 78]. Т. А. Бертагаев полагал что *тухум* и *турхэм* являются разночтениями одного термина в значении «родственники жены» [1958: 173–174]. Эта гипотеза впоследствии была поддержана П. Б. Коноваловым и Д. В. Цыбикдоржиевым [2017: 133], так как подходила к их основному тезису о Баргуджин-токуме как родине баргутов – родни Чингисхана по женской линии, что, по нашему мнению, не согласуется с тем, что область была известна задолго до правления

Чингисхана. Т. Д. Скрынникова справедливо обратила внимание на термин *тухум* со значением «семя» в работе М. О. Косвена [1963: 100]. По ее мнению, именно иранский термин лежит в его основе [Скрынникова 1993: 47]. Она отметила примеры использования этого термина у балкарцев и кумыков. В свою очередь, можем добавить его распространение и у кыргызов [Радлов 1887: 21; Петров 1961: 67], что, по-видимому, подтверждает его локальное использование в древнетюркской среде наряду с тюркским **uruγ* [СИГТЯ 1991/2001: 115–117; 2006: 527]. В древнетюркский язык термин *töküm*, вероятно, проник из согдийского, в котором он употреблялся в форме *toxm* и имел значения «семя, потомок, семья». В свою очередь, согдийская форма *toxm* является результатом развития авестийского *taoxman* [Gharib 1995: 387].

В итоге суммирования результатов исследования термина *köl-barγujin-töküm* складывается картина его формирования в древнетюркскую эпоху на территории области, прежде известной как *üč qurïqan*. Его основное население – курыканы были кочевниками (тюрками и монголами), покорившими местные охотничьи племена. В дальнейшем, в связи с ослаблением центральноазиатской доминанты, а именно сильной централизованной власти, до времени возникновения Монгольской империи внутри этой общности, включавшей уже наряду с воинами вновь прибывающих монголоязычных кочевников и покоренное население, происходили различные процессы, результатом которых был распад курыканского союза и появление на исторической арене новых этнических объединений. В среде курыкан, вероятно, возникли новые внутриэтнические подразделения. Наименованием одного из них стал термин *köl-barγujin* – «те, кто добывает обширную добычу». Наличие среди ордосских и хэнтэйских монголов этнонима «баргуджин» является фактом существования данного праэтнонима в период, предшествовавший появлению его формы «баргут», хорошо известной в истории Центральноазиатского региона. Вероятно, впоследствии произошел ряд упрощений этнонима *barγujin*: сначала исчез *köl* перед *barγujin*, а затем к корню *barγu* вместо суффикса *-jin* было добавлено монгольское окончание мн. ч. *-d*, т. е. *barγu-jin* > *barγu+d* = *barγud*/*barγut*.

Литература

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 404 с.

Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Наука, 1971. 380 с.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 614 с.

Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / пер. Ф. М. Асадова. Баку: Элм, 1993. 204 с.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. III–IV. С. 391–486.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Т. 6. Вып. III–IV. 1896. С. 277–456.

Ахметьянов Р. Г. Устойчивые словосочетания и служебные слова в «Огуз-наме» (Эпическое сказание тюрков) // Истоки татарского литературного языка / сост. и ред. Х. Р. Курбатов. Казань: Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, 1988. С. 107–111.

Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 252б., 144 бет жапсырма (Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. II т.).

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Эхириты и булагаты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 363 с.

Бамбаев Б. Б. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Бурятиеведение. Научно-краеведческий орган Бурят-Монгольского ученого комитета и Бурят-монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. Вып. I–II (9–10). 1929. С. 115–132.

Барадин Б. Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.

Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники // Сочинения. В 9 т. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968а. С. 284–311.

Бартольд В. В. Татары // Сочинения. В 9 т. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968б. С. 559–561.

Батболд Г. Мартагдсан Пүгү аймаг (Дундад эртний Төв Азийн нүүдэлчдийн түүх, археологийн судалгааны асуудалд). Улаанбаатар: [Б. и.], 2017. 244 т.

Батсүрэн Б. Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI–IX зуун). Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2009. XI, 252 т.

Баттулга Ц., Кормушин И. В. О поминальной надписи на скале в Хангидае (Центральная Монголия) // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / редкол.: С. Г. Кляшторный (предс.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит-ра РАН, 2009. С. 5–13.

Бернштам А. Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии // Советская этнография. 1947. № 2. С. 60–66.

Бертагаев Т. А. Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум // Филология и история монгольских народов: памяти акад. Б. Я. Владимирцова: сб. ст. / отв. ред. Г. Д. Санжеева. М.: Наука, 1958. С. 219–227.

Бертагаев Т. А. О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока / отв. ред. Э. М. Мурзаев. М.: Наука, 1980. С. 124–129.

Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / ред. текста, вступ. ст., коммент. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. LXXXVI. 384 с.; Т. II. 1953. 334 с.; Т. III. Приложения. 336 с.

Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи. М.: Восточный дом, 2002. 464 с.

Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам). М.: Наука, 1992. 184 с.

Буяндэлгэр Дж. Этническая история баргутов (XV–XVII вв.) // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3 / отв. ред. М. М. Содномпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 183–206.

Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1948. 352 с.

Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб.: Типогр. Имп. акад. наук, 1897. С. 1–36.

Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 128 с.

Васютин С. А. Киданьское городище Хэрмэн Дэнж и Тогу-Балык кошоцайдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 4. С. 63–71.

Владимирцов Б. Я. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // Доклады АН СССР. 1929а. № 10. С. 169–174.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.; Л.: Изд-во Вост. ин-та, 1929б. XII. 436 с.

Войтов В. Е. К вопросу о летних и зимних резиденциях первых уйгурских каганов в Монголии // Материальная культура Востока. Вып. 3 / отв. ред. Л. М. Носкова. М.: Гос. музей Востока, 2002. С. 109–133.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. VI. Л.: Гос. рус. геогр. об-во, 1926а. 900 с.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Тип. Главного ботанического сада, 1926б. IV. 426 с.

Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Ч. 1. Доклады за 1958–1961 гг. Л., 1961. С. 15–26.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.

Далиев Д. Д. Родословная шаранутского рода // Бурятоведческий сборник. Вып. III–IV. Иркутск: Издание бурят-монгольской секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, 1927. С. 57–58.

Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Данилов С. В. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 15–30.

Данилов С. В., Симухин А. И., Цыденова Н. В. Черепица из хуннского городища Тэрэлжин дэрэвэлжин (Центральный аймак Монголии) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 30–51.

Данилов С. В., Именохоев Н. В., Нанзатов Б. З., Симухин А. И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 74–93.

Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: РИО БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.

Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. XXXVIII. 714 с.

[Дудин С. М.] [Приложение II] Предварительный отчет поездки из Эрдэницзу в Кяхту С. М. Дудина // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб., 1892. С. 24–27.

Егунов Н. П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 285 с.

Затопляев Н. Кость шаранут // Сказания бурят, записанные разными собирателями: сборник научных трудов / примеч. Г. Н. Потанина (Записки Вост.-Сиб. отд. Императ. рус. геогр. об-ва. Т. 1. Вып. 2). Иркутск, 1890. С. 89–90.

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.

Зориктуев Б. Р. К вопросу об этнической принадлежности общности байырку // Вестник Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Т. 25. № 3. 2016. С. 55–62.

Зуев Ю. А. Киргизская надпись из Суджи // Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 133–135.

Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (пер. из кит. Соч. VIII–X вв. Танхуйао) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / ред. кол. В. Шахматов (отв. ред.), С. К. Ибрагимов. (Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Т. VIII). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. С. 93–140.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Зуев Ю. А. Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // Shygys. 2004. № 1. С. 11–21; № 2. С. 3–26.

Ивлиев А. Л., Крадин Н. Н., Харинский А. В., Очир А., Васютин С. А., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследований хуннского городища Тэрэлжийн-дурвулжин // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2(18). С. 118–136.

История Бурят-Монгольской АССР. В 2 т. Т. I. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. П. Г. Хаптаев. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. 496 с.

Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.

Камалов А. К. К интерпретации этнополитонимов *отуз-татар* и *токуз-татар* древнетюркских рунических текстов // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф. памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (16–17 февраля 2015 г., г. Санкт-Петербург) / отв. ред. С. Чулуун. СПб.; Улан-Батор, 2016. С. 195–204.

Каржаубай С. Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах (по материалам рунических надписей). Астана: Фолиант, 2002. 204 с.

[Клеменц Д. А.] [Приложение I] Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб.: Типогр. Имп. акад. наук, 1892. С. 13–23.

Клеменц Д. А. Отдельная экскурсия в Восточную Монголию // Известия Императорской академии наук. Т. IV. № 1. СПб., 1896. С. 41–51.

Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии (Тэс, Гурвалжин-Ула, Хангита-хат, Хэнтэй) // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С. Е. Малова / ред. кол.: А. Н. Кононов (отв. ред.), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер. М.: Наука, 1978. С. 151–158.

Кляшторный С. Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.

Кляшторный С. Г. Д. А. Клеменц и открытие памятников древнетюркской письменности // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца) / под ред. И. В. Дубова. СПб.: Лань, 1998. С. 139–146.

Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.

Кляшторный С. Г. Древние государства татар в Центральной Азии // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 22–35.

[Козин С. А.] Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I / введ. в изучение памятника, пер., тексты, глоссарий С. А. Козина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 170 с.

Коновалов П. Б., Миягашева С. Б. К проблеме этногенеза баргутов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. Востоковедение. С. 174–182.

Коновалов П. Б., Цыбикдоржиев Д. В. Исторический Баргуджин-токум – исконная родина бурятского народа // Известия Иркутского государственного университета. Т. 19. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. С. 129–150.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 220 с.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А. Империя хунну и начала степной урбанизации // Труды института востоковедения РАН. 2018. № 7. С. 226–240.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А., Харинский А. В., Очир А., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л. Раскопки городища Тэрэлжийн-Дурвулжин и некоторые итоги изучения хуннской урбанизации // Актуальные вопросы

археологии и этнологии Центральной Азии: мат-лы II Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 163–175.

Ксенофонтов Г. В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. 572 с.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961. 312 с.

Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. IV том. Эулеттік тарихи жылнамалар. 2-бөлім / Қытай дерекмелерин аударған, түсіндірмелері мен ескертулерін жазған Б. Еженханұлы, Ж. Ошан; ғылыми редакторы М. Қ. Әбусейітова. 480б.

[Левин Н. П.] [Приложение IV] Предварительный отчет члена Орхонской экспедиции // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб., 1892. С. 41–49.

Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандан Юмсунова / изд. текста Н. Н. Поппе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935, X. 172 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / пер. с нем. В. Н. Добжанский и Л. Н. Ермоленко; отв. ред. Д. Д. Васильев] // Бюллетень (Newsletter) общества востоковедов. Приложение 1. М.: Изд-во ИВ РАН, 2002. 126 с.

Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1974. 210 с.

Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века / отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1980. С. 103–126.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981. 336 с.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.

Маҳмӯд ал-Ҡāшҝарӣ. Дӣвāн Луғāт ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой; индексы сост. Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.

Мори М. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии // XIII Международный конгресс исторических наук (16–23 августа 1970 г.). М.: Наука, 1970. 8 с.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 384 с.

Мурзаев Э. М. Южносибирские топонимические элементы в Монголии // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. 1966. С. 47–51.

Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Факсимиле ксилографа / пер. с кит., введение, коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М.: ГРВЛ, 1975. 288 с.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. 584 с.

Нанзатов Б. З. Этническая история западных бурят (VI–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 190 с.

Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: Радиан, 2005. 160 с.

Нанзатов Б. З. Идинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Т. 20. 2017. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. С. 136–156.

Нанзатов Б. З. Интерпретация значения Баргуджин-токум: древнетюркские корни // Тюркологический сборник 2015–2016: Тюркский мир Евразии / ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит-ра, 2018. С. 263–274.

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Байырку и баргу: конец одного мифа // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–189.

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. К истории татар Внутренней Азии: опыт идентификации племенных названий // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 1. С. 8–27.

Нимаев Д. Д. Этнические общности XI–XIV вв. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 13–24.

Нимаев Д. Д. Дауры и баргуты: проблемы этнической истории // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2. С. 122–127.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 424 с.

Очир Т. А. Монголчуудын гарал, нэршил. Улаанбаатар: IISNC. 2008. 294 х.

Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии / под ред. и с коммент. Я. А. Марголина. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1951. 283 с.

Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961. 211 с.

Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. LXIII. 162 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненнаго в 1876–1877 годах по поручению Императорскаго Русскаго географическаго общества. Вып. I. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-З. Монголии. [2], XVI, 495, [2] с. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1881.

Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012. 270 с.

Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. 1957. № 3. С. 43–53.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар: [Б. и.], 1961. 157 с.

Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1887. 26 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1911. Т. IV. Ч. 2. Стб. 1117–2230, 107 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.

Рассадин В. И. Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 218 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и прим. А. А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952а. 222 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952б. 316 с.

Румянцев Г. Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Вып. XVII. Улан-Удэ, 1953. С. 30–61.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 268 с.

Савинов Д. Г. К вопросу этногеографии севера Центральной Азии в предмонгольское время // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2 / отв. ред. В. А. Ежов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 23–33.

Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука, 1988. 508 с.

Самойлович А. Н. *Богатый* и *бедный* в тюркских языках // Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Вост. лит-ра РАН, 2005. С. 291–330.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 237 с.

Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимики и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов / редкол.: Г.-Н. Заятуев, Т. М. Михайлов, Д. Д. Нимаев. Улан-Удэ: [Б. и.], 1983. С. 47–49.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1 / под ред. Г. Н Румянцева, С. Б. Окунь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 494 с.

Скрынникова Т. Д. Этнотопоним Баргуджин-Токум // История и культура народов Центральной Азии. Источниковедение: сб. ст. / отв. ред. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: [Б. и.], 1993. С. 41–50.

Сосновский В. И. К вопросу об образовании бурятской народности // Бурятиеведение. Научно-краеведческий орган Бурят-Монгольского ученого комитета и Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. Вып. IV (8). 1928. С. 97–108.

СИГТЯ, 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 488 с.

СИГТЯ, 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.

СИГТЯ, 1997/2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 800 с.; 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

СИГТЯ, 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.

СИГТЯ, 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

ССТМЯ, 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. В 2 т. Т. I. А–Ң / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 672 с.

Старостин С. А. 1991 // http://starling.rinet.ru/.

Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.: Вопросы этнической и социальной истории. М.: Наука, 1982. 133 с.

Сундуева Е. В. Семантическая реконструкция монгольских гидронимов *Керулен* и *Селенга* // Монгол судлал өөрчлөгдөн буй ертөнцөд: хөгжлийн хэтийн төлөв: ОХУ-ын нэрт Монголч эрдэмтэн Н. О. Шаракшиновагийн мэндэлсний 95 жилийн ойд зориулагдсан олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл / эрхэлсэн С. Хөвсгол. Улаанбаатар, 2010. Т. 246–254.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. IX / пер. с кит., коммент., ред., вступ. ст. А. Р. Вяткина. М.: Восточная литература, 2010. 623 с.

Таскин В. С. Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. С. 3–62.

Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 3. Возвращение в Россию и взгляд на Монголию. СПб.: Тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. 488 с.

Тишин В. В. Рецензия на книгу: Храпачевский Р. П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам // Золотоордынское обозрение. Т. 6. 2018. № 4. С. 807–828.

Тишин В. В., Нанзатов Б. З. Татары Внутренней Азии VIII–XII вв.: некоторые вопросы исторической географии // Золотоордынское обозрение. Т. 8. № 1. 2020. С. 8–31.

Төрбат Ц., Гантогтох Г. Хүннүгийн хот суурины судалгааны асуудалд // Acta historica. T. XI. Fasc. 3. 2010. Т. 26–30.

Ушницкий В. В. Племена Баргуджин-токума и проблема происхождения народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2(3). С. 5–10.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 421 с.

Храпачевский Р. П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. Материалы китайских источников X–XIV вв. М.: Перо-Lidergraf, 2015. 318 с.: 16 с. ил.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Цэвээндорж Д., Батсайхан З., Төрбат Ц. Сюннүгийн хотсуурины асуудал // Шинжлэх ухааны мэдээ. 1994. № 3–4. Т. 77–85.

Шавкунов Э. В. Обследование гуннских городищ в Монголии // Археологические открытия 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 506–507.

Щербак А. М. Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М.: Восточная литература, 1959. 170 с.

Эгиймаа Ц. Сравнительный анализ строительных материалов хуннских городищ Тэрэлжийн дурвулжин и Гуа дов // Россия и АТР. 2019. № 1(103). С. 62–81.

Эргис Г. У. Саха былыргы сэһэннэрэ уонна кэпсээннэрэ = Исторические предания якутов. В 2 ч. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 323 с.

Эрэгзэн Г. Хэрлэн голын сав дахь Хүннүгийн хотууд // Монголын археологи-2012 хурлын эмхтгэл. Улаанбаатар, 2013. Т. 201.

Эрэгзэн Г. Хэрлэн голын сав дахь Хүннүгийн хот, суурины тухай // 中国北方及蒙古、贝加尔、西伯利亚地区古代文化 // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири / Умард Хятад, Монгол болон Байгалын Сибирийн эртний соёл. Илтгэлийн эмхтгэл / Ancient Cultures of the Northern China, Mongolia and Baikalian Siberia. Т. 2. Пекин [北京]: 科学出版社, 2015. Т. 649–656.

Эрэгзэн Г. Новые гипотезы о назначении и конструктивных особенностях хуннского городища Гуа дов // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: мат-лы II междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П. Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.) / отв. ред.

Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 245–255.

ЭСМЯ, 2015 – Этимологический словарь монгольских языков. Т. 1 (А–Е) / сост. Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина; науч. ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.

ЭСТЯ, 1978 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Қ» ~«К»). Вып. 1-й / отв. ред Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

ЭСТЯ, 2000 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Ҕ» ~«К»). Вып. 2-й / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. 261 с.

ЭСТЯ, 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.

Этнолингвистический атлас МНР / сост. Б. Ринчен. Улаанбаатар, 1979. 244 с., 145 л.

Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 384 с.

Ямпольская Н. В. О малоизвестном халхаском переводе сутры Аштасахасрика Праджняпарамита // Монголика-XI. Сборник научных статей по монголоведению, посвящ. 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883–1943) / редкол.: И. В. Кульганек (предс.), Л. Г. Скородумова, Т. Д. Скрынникова, К. В. Орлова, Н. С. Яхонтова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 85–90.

Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. 1970. № 2. С. 110–120.

Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya: Kömen Yayınları, 2014. (5), 262 s.

Altan Tobči: A brief history of the Mongols by BLo-bzaṅ bsTan-’jin, with a critical introduction by A. Mostaert; an editor’s foreword by F. W. Cleaves. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1952. XXVI, IV, 161, 193 p.

Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. X, 678 p.

Aydın E. Şine Usu Yazıtı. Çorum: Karam Yayıncılık, 2007. 6, 145, 7 s.

Aydın E. Bilge Kağan Yazıtındaki Karagan Kısıl Adı ve Yeri Üzerine Düşünceler // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2008a. Cilt 23. S. 55–62.

Aydın E. Ongi Yazıtı Üzerine İncelemeler // İlmî Araştırmalar. 2008b. Sayı 25. S. 21–38.

Aydın E. Şine Usu Yazıtında Hayvan Adlarıyla Kurulmuş Yer Adları Üzerine İncelemeler. Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları. 2008c. Vol. 3. No. 1. Dede Korkut Dosyası. S. 202–208.

Aydın E. Şine Usu Yazıtı'ndaki Bazı Yer Adları Üzerine Düşünceler // 38. ICANAS (Uluslararası Asya ve Kuzey Afrika Çalışmaları Kongresi) 10–15 Eylül 2007 Ankara / Türkiye: Bildiriler: Uluslararası İlişkiler / 38th ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies) 10–15 September 2007. – Ankara / Turkey: Papers: International Relations / Yay. haz., ed.: Z. Dilek, M. Akbulut, Z. C. Arda, Z. B. Özer, R. Gürses, B. K. Taşkın. Cilt 1. Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Başkanlığı, 2011. S. 167–181.

Aydın E. Uygur Kağanlığı Yazıtları ile Yenisey Yazıtlarında Türk Adının Kullanımı Üzerine // Belleten. 2013. Cilt: LXXVII. Sayı: 278. P. 81–87.

Aydın E. Hoyto-Tamır (Tayhar-Çuluu) Yazıtları // Türkbilig. 2017. Sayı 33. S. 1–14.

Balogh M. Az ujgur birodalomalapítás előzményei – Yaγlaqarok, ujgurok és tiele / oguz törzsek a kínai és a türk hatalom közt // Kultúrák találkozása és kölcsönhatása a Selyemút mentén: Ecsedy Ildikó születésének 80. Évfordulójára / szerk.: E. Dallos, G. Kósa. Budapest: SZTE BTK Altajisztikai Tanszék, ELTE Távol-keleti Intézet, 2018. 23–58. o.

Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIII siècle // Journal Asiatique. 1956. Vol. CCXLIV. Fasc. 2. P. 137–153.

Bailey H. W. Ttaugara // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1937. Vol. VIII. No. 4. P. 883–921

Bailey H. W. Turks in Khotanese Texts // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1939. No. 1. P. 85–91.

Bailey H. W. A Khotanese Text concerning the Turks in Kantsou Asia Major (New Series). 1949. Vol. 1. P. 28–52.

Bailey H. W. The Staël-Holstein Miscellany // Asia Major (New Series). 1951. Vol. 2. Pt. 1. P. 1–45.

Bailey H. W. Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Vol. VII. XV, 147 p.

Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. S. 1–36.

Barthold W. 12 vorlesungen über die geschichte der Türken Mittelasiens / Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel. Berlin, Deutsche Gesellschaft für Islamkunde, 1935. 278 s.

[Baxter W., Sagart L.] Baxter-Sagart Old Chinese reconstruction, version 1.1 (20 September 2014) [2014] // http://ocbaxtersagart. lsait.lsa.umich.edu/BaxterSagartOCbyMandarinMC2014-09-20.pdf.

Bazin L. *Kül Tegin* ou *Köl Tegin* // Scholia. Beiträge zur Turkologie und Zentralasienkunde (Annemarie von Gabain zum 80. Geburtstag am 4. Juli 1981 dargebracht von Kollegen, Freunden und Schülern) / hrsg. K. Röhrborn, H. W. Brands. Wiesbaden, Harrassowitz, 1981. P. 1–7 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. 14).

Bazin L. Histoire et philologie turques // École pratique des hautes études. 4e section, sciences historiques et philologiques. Livret 1. École pratique des hautes études. 4e section, sciences historiques et philologiques. Livret 1. Notice sur la Section. Documents. État de la Section au 1er juillet 1982. Chronique. Fr. de Cenival et G. Posener: Michel Malinine (1900–1977) // Rapports sur les conférences des années 1978–1979, 1979–1980, 1980–1981. Paris: A la Sorbonne, 1982a. P. 109–110.

Bazin L. Notes de Toponymie Turque Ancienne // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982b. T. XXXVI. Fasc. 1–3. P. 57–60.

Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancient. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 571 p. (Bibliotheca Orientalis Hungarica. 34).

Berta Á. Deverbale Wortbildung im Mittelkiptschakisch-Türkischen. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1996. XVIII, 698 S. (Turcologica. Bd. 24)

Bese L. On Some Ethnic Names in 13th Century Inner-Asia // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. T. XLII. Fasc. 1. P. 17–42.

Bombaci A. On the Ancient Turkic Title *Eltäbär* // Proceedings of the Ninth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC). Ravello 26–30 september 1966. Naples: Istituto Universitario Orientale, Seminario di Turcologia, 1970. P. 1–66.

[Castren M.] Voyage Ethnologique dans l'intérieur de la Sibérie, exécuté d'après les instructions et aux frais de l'Académie Impériale de Saint-Pétersbourg, par M. Castrèn. Nouveau, rapport adressé par M. Castrèn à l'Académie. Traduit de l'allemand // Nouvelles annales des voyages, et des sciences geographiques. Paris: Arthus Bertrand, éditeur, 1849. T. IV. P. 5–37.

Chavannes É. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. IV, 380 p.

Chavannes É. Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux / É. Chavannes // T'oung Pao (Second Series). 1904. T. V. P. 1–110.

Chavannes É., Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine // Journal Asiatique. 1913. Ser. XI. T. 2. P. 99–199, 261–392.

Cheng Fangyi. The Research on the Identification Between Tiele (鐵勒) and the Oγuric Tribes / Cheng Fangyi // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2012. T. 19. P. 81–114.

Clark L. V. Mongol elements in Old Turkic? // Journal de la Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1977. Vol. LXXV. P. 110–168.

Clauson G. A propos du manuscript Pelliot tibétain 1283 // Journal Asiatique. 1957. Vol. CCXLV. Fasc. 1. P. 11–24.

Clauson G. The Name Uyğur // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland (New Series). 1963. No. 3–4. P. 140–149.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII, 989 p.

Cleaves F. W. The Secret History of the Mongols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. Vol. I. Translation. LXV, 277 p.

Czeglédy K. A török népek és nyelvek tagolódásának kérdéséhez // Magyar Nyelv. 1949. XLV. kötet. 291–296. o.

Czeglédy K. Čoγay-quzï, Qara-qum, Kök-öng // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. XV. Fasc. 1–3. P. 55–69.

Czeglédy K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXV. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. P. 275–281.

Czeglédy K. Gardizi on the History of Central Asia (746–780 A. D.) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1973. T. XXVII. Fasc. 3. P. 257–267.

Czeglédy K. Zur Stammesorganisation der türkischen Völker // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. T. XXXVI. Fasc. 1–3. P. 89–93.

Danilov S. V. Typology of Ancient Settlement Complexes of the Xiongnu in Mongolia and Transbaikalia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / ed. by U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn, 2011. P. 129–136.

Danka B. The Pre-Islamic Oġuz-nāmä: A philological and linguistic analysis. University of Szeged Graduate School in Linguistics Programme of Altaic Studies. Szeged, 2016. 368 p.

Divitçioğlu S. Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.–VIII. Yüzyıllar. *Kök Türkler*'in Yenilenmiş 3. baskısı. Ankara: İmge Kitabevi, 2005. 288 s.

Donuk A. Eski Türk Devletlerinde İdarî-askerî Ünvan ve Terimler. İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1988. X, 133 s.

Gabain A. (von) Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verbesserte Auflage. Leipzig: Otto Harrassowitz 1950. XVIII, 357, [18] S. (Porta Linguarum Orientalium, Sammlung von Lehrbüchern für das Studium der orientalischen Sprachen, herausgegeben von Richard Hartmann. XXIII).

Gharib B. Sogdian Dictionary: Sogdian-Persian-English. Tehran: Farhangan Publications, 1995. XLII, 517, ٥٧ p.

EDAL, 2003 – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. Pt. I. A – K (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia, vol. 8/1). P. 1–858.

Ekrem E. Çin Kaynaklarında Dokuz Oğuz Meselesi: Sayısal Yapısı // Oğuzlar: Dilleri, Tarihleri ve Kültürleri. 5. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri / ed. T. Gündüz, M. Cengiz. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Arastirmalari Enstitüsü, 2015. S. 189–220.

Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaben: Harrassowitz, 1991. Vol. I–II. XIV, 874 p. (Turcologica. Bd. 7).

Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. XII, 575 p. (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3).

Erdal M. The Khazar Language // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute / ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 75–108 (Handbook of Oriental Studies / Handbuch der Orientalistik. Section 8. Central Asia. Vol. 17).

Erdal M. Ongin Yazıtı // "Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl" konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26–29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabi) / ed. Ü. Çelik Şavk. Ankara, 2011. 1. Cilt. S. 363–372.

Ermers E. Arabic Grammars of Turkic. The Arabic Linguistic Model Applied to Foreign Languages & Translation of 'Abū ḥayyān Al-'Andalusī's *Kitāb al-'Idrāk li-Lisān al-'Atrāk*. Leiden: E. J. Brill, 1999. XV, 435 p. (Studies in Semitic languages and linguistics, vol. 28.)

Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches: eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1936. II. Band: Der Konfuzianische Staat I. der Aufstieg zur Weltmacht. VI, 610 S.; Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1937. III. Band: Anmerkungen, Ergänzungen und Berichtigungen zu Band I und II. Sach- und Namen-verzeichnis. IX, 576 s.

Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale / Illustré de 4 cartes en hors texte. Paris: Librairie d'Amerique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960. 219 p.

Golden P. B. Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. Vol. 1. 292 p.

Golden P. B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 37–76.

Golden P. B. Tātār // Encyclopaedia of Islam. Vol. X. Tā'-U[..] / ed. By P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel and W. P. Heinrichs. Leiden: Brill, 2000. P. 370–371.

Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. XVII, 483 p.

Golden P. B. Cumanica V: Basmıls and Qıpčaqs // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2006–2007. T. 15. P. 13–42.

Graff D. A. Strategy and Contingency in the Tang Defeat of the Eastern Turks, 629–630 // Warfare in Inner Asian History: 500–1800 / ed. by Nicola Di Cosmo. Boston: Brill, 2002. P. 33–71.

Gülensoy T. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: tarihi – yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağızları ve Altay dilleri ile karşılaştırmalı: (etimolojik sözlük denemesi). Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007. Cilt I (A–N). 608 s.; Cilt II (O–Z). 596 s. (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları; 911).

Hambis L. Survivance de toponymes de l'époque mongole en Haute Asie // Mèlanges de sinologie offerts à Monsieur Paul Demiéville. Vol. II. Paris: Presses universitaires de France Paris, 1974. P. 19–41.

Hamilton J. R. Les ouïghours á l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris: Presses Universitaires de France, 1955. 201 p. (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. X).

Hamilton J. Toquz-Oγuz et On-Uyγur // Journal Asiatique. 1962. T. CCL. Pt. 1. P. 23–63.

Hamilton J. R. Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1977. Vol. XL. No. 3. P. 508–521.

Haussig H. W. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzanttion. 1953. T. XXIII. S. 275–462.

Henning W. B. Argi and the 'Tokharians' // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1938. Vol. IX. No. 3. P. 545–571.

Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. S. 1–140.

Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E. J. Brill, 1951. T. I. XXVII, 485 p.

Histoire des Mongols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân / publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1871. T. I. Texte. ٣٨٦, II p.

Histoire des Mongols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân / publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. Saint-Pétersbourg:

Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1874. T. II. Traduction. IV, 384 p.

Howorth H. H. History of the Mongols : from the 9th to the 19th Century. New York: Burt Frankin, 1965 (reprint of London: Longman, Green and Co, 1876). Part I. The Mongols Proper and the Kalmuks. 750 p.

Ḥudūd al-'Ālam: "The Regions of the World", A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. 2nd ed. / with the preface by V. V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky; ed. by C. E. Bosworth. London: Luzac, 1970. LXXXII, 524 p. (E. J. W. Gibb Memorial Series. N.S. XI).

Kamalov A. Some remarks on tribal attribution of the Turkic (Uighur) medieval archeological monuments of Zabaikal'ye in Siberia // Circle of Inner Asian Art, Newsletter of the Department of Art and Archeology, SOAS University of London. 2001. Issue 13. P. 16–19.

Kara Gy. Late medieval Turkic elements in Mongolian // De Dunhuang a Istanbul / ed. L. Bazin, P. Zieme, J. R. Hamilton. Turnhout: Brepols, 2001. P. 73–120. (Silk Road Studies. Vol. V)

Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // "Die Wunder der Schöpfung". Mensch und Natur in der türksprachigen Welt / hgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012. S. 81–141.

Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th–9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] // Studies on the Inner Asian languages. 2014. Vol. 29. P. 57–135.

Katona-Kiss A. Észrevételek a „tokuz-oguz problémá"-hoz // A Wosinsky Mór Megyei Múzeum Évkönyve. 2007. XXIX. kötet. 237–241. o.

Kempf B. On the Origin of Two Mongolic Gender Suffixes // Ural-altaische Jahrbücher (Neue Folge). 2006. Bd. 20. P. 199–207.

Khabtagaeva B. Mongolic Elements in Tuvan. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. XI, 341 p. (Turcologica; Bd. 81).

Khazanov A. M. Nomads and the Outside World / transl. by J. Crookenden; with a foreword by E. Gellner. 2nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. XLIX, 382 p.

Klyashtorny S. G. The Terkhin Inscription // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. T. XXXVI. Fasc. 1–3. P. 335–366.

László F. Die Tokuz-Oguz und die Köktürken // Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata / ed. by L. Ligeti. Budapestini: Simptibus Academiae Litterarum Hungaricae et Societatis A Csoma de Kőrös Nominatae, 1942. Vol. I. S. 103–109.

László F. Dokuz-Oğuzlar ve Gök Türkler // Belleten. 1950. Cilt: XIV. Sayı: 53. S. 37–43.

László F. A kagán és családja // Kőrösi Csoma Archivum. Vol. III. 1941–1943. Leiden: E. J. Brill, 1967. 1–39. o.

Ligeti L. A mongolok titkos története. Mongolból fordította (előszóval, utószóval, jegyzetekkel ellátta). Budapest: Gondolat, 1962. 241 o.

Ligeti L. A propos du 'Rapport sur les rois demeurant dans le Nord' // Études tibétaines dédiées à la mémoire de Marcelle Lalou / ed. by A. MacDonald. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1971. P. 166–189.

Ligeti L. A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 602. o.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. I. Buch. Texte. 484 S. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10); II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. S. 485–831. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10).

Lurje P. B. Personal Names in Sogdian Texts (Iranisches Personennamenbuch. Bd. II.: Mitteliranische Personennamen. Fasz. 8). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. 527 p. (Philosophisch-Historische Klasse. 808. Bd; Iranische Onomastik. Nr. 8).

Mackerras C. The Uighur Empire. According to the T'ang Dynastic Histories. A Study in Sino-Uighur Relations 744–840 Canberra: Centre of Oriental Studies, Australian National University Press, 1972. IX, 226 p.

Mackerras C. The Uighurs // The Cambridge History of Early Inner Asia: From Earliest Times to the Rise of the Mongols / ed. by D. Sinor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Vol. 1. P. 317–322.

Maḥmūd al-Kāšγarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luγāt at–Turk) / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. Pt. I. XI, 416 p.; Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1984. Pt. II. III, 381 p.

Manuscrits ouïgours du IXè–Xè siècle de Touen-Houang / textes établis, trad. Et commentés par J. Hamilton. Paris: Peeters France, 1986. T. I. XXI, 206 p.; T. II. P. 207–352, (2) p.

Marquart J. Die Chronologie Der Alttürkischen Inschriften / mit einem Vorwort und Anhang von Prof. W. Bang in Löwen. Leipzig: Dieterichsche Verlags-Bucchandlung, 1898. VII, 112 S.

Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. S. 25–

238. (Abhandlungen der Koeniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Goettingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1).

Minorsky V. Tamīm ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs // Bulletin of the Oriental and African Studies, University of London. 1948. Vol. XII. No. 2. P. 275–305.

MK, 1985 – Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi. Cilt III / çev. B. Atalay. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1985. 329 s.

Mostaert A. Dictionnaire Ordos. 2nd ed. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. XV, 951 p.

Mostaert A., Cleaves F. W. Trois documents mongols des Archives secretes vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952. Vol. 15. No. 3–4. P. 419–506.

Müller F. W. K. Ein doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḥrnâmag) // Abhandlungen der Königlich Preußischen Akademie Der Wissenschaften. Philolosophisch-historische Klasse. Berlin: Verlag der Königlichen Akademie der Wissenschaften in Commission bei Georg Reimer, 1912. Nu. 5. Abh. V. S. 1–40.

Müller F. W. K. Uigurica III: Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I–VIII) // Abhandlungen der Preußischen Akademie Der Wissenschaften. Philolosophisch-historische Klasse. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1920. Nu. 2. Abh. 2. S. 1–93.

Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397. o.

Okada H., Miyawaki-Okada J. What 'Manchu' Was in the Beginning and When It Grew into a Place-name // Tumen jalafun jecen akū, Manchu Studies in Honour of Giovanni Stary / ed. by A. Pozzi, J. A. Janhunen, M. Weiers. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. P. 159–170 (Tunguso Siberica. 20).

Orkun H. N. Eski Türk yazıtları. 3. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. 963 s. (Türk Dil Kurumu Yayınları. 529).

Ôsawa T. Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday / ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina, 2006. P. 471–504.

Ōsawa T. Revisiting the Ongi inscription of Mongolia from the Second Turkic Qaγanate on the basis of rubbings by G. J. Ramstedt // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2011. № 93. P. 147–203.

Ögel B. Uygurların Menşe Efsanesi // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Dergisi. 1948. Cilt VI. Sayı 1–2. S. 17–26.

Ögel B. Uygur Devleti'nin Teşekkülü ve Yükseliş Devri // Belleten. 1955. Cilt: XIX. Sayı: 75. S. 331–376.

Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1971. Cilt 2. 168 s. (1000 Temel Eser. 50).

Ögel B. Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıkmaları ile destanlar). 2. baskı. Ankara: TTK basımevi, 1995. II. Cilt. XVI, 611 s. (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi – Sa. 102[a])

Ögel B., Temir A., Sümer F. Tatar // İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. Cilt XII.1. Takirat – Tuğrâî. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979. S. 50–61.

Parker E. H. The Early Turks (From the CHOU SHU) // The China Review, or notes & queries on the Far East. 1899. Vol. XXIV. No. 3. P. 120–130.

Parker E. H. The Early Turks – Part IV (From the T'ang Shu; Continued from where it leaves off at Part I) // The China Review, or notes & queries on the Far East. 1901. Vol. XXV. № 5. P. 234–247.

Pelliot P. L'édition collective des œuvres de Wang Kouo-wei // T'oung Pao, Second Series. 1928. T. XXVI. № 2–3. P. 113–182.

Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie central // T'oung Pao. 1929. Vol. 26. No. 4–5. P. 201–266.

Pelliot P. Sur la légende d'Uγuz-khan en écriture ouigoure // T'oung Pao (Second Series). 1930. Vol. 27. No. 4–5. P. 247–358.

Pelliot P. Livres Requs // T'oung Pao, Second Series. 1931. Vol. 28. No. 1/2. P. 129–240.

Pelliot P. [Rev.] E. Haenisch, Die letzten Feldzüge Cinggis Han's und sein Tod nabeh der ostasiatischen Ueberlteferung (Asia Major, IX [1933], 503–551) // T'oung Pao, Second Series. 1934. Vol. 31. No. 1–2. P. 157–167.

Pelliot P. Une tribu méconnue des Naiman: les *Bätäkin* // T'oung Pao, Second Series. 1943. Vol. XXXVII. Livr. 2. P. 35–72.

Pelliot P. Les formes avec et sans *q*- (*k*-) initial en turc et en mongol // T'oung Pao, Second Series. 1944. T. XXXVII. Livr. 3–4. P. 73–101.

Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de *Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ïr (ir)*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949 (Œuvres posthumes de Paul Pelliot; II). 292 p.

Pelliot P. Notes on Marco Polo I. Paris: Imprimerie. Nationale; Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. XII, 612 p. (Œuvres posthumes de Paul Pelliot).

Poppe N. N. Die Nominalstammbildungsuffixe im Mongolischen // Keleti Szemle. 1923–1927. XX. kötet. S. 89–126.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, Otto Harrassowitz 1954. XII, 195 p. (Porta Linguarum Orientalium, Neue Serie 1).

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran, 1955. 300 p.

Poppe N. On Some Geographic Names in The J̌amīʿ al-Tawārīx // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. No. 1–2. P. 33–41.

Poppe N. On Some Proper Names in the Secret History // Ural-Altaische Jahrbücher. 1966. Bd. 47. S. 161–167.

Poppe N. On Some Altaic Designations of Location // Monumenta Serica. 1977–1978. Vol. 33. P. 407–423.

Pulleyblank E. G. The Date of the Stael-Holstein Roll // Asia Major (New Series). 1954. Vol. 4. No. 1. P. 90–97.

Pulleyblank E. G. Some Remarks on the Toquzoghuz Problem // Ural-Altaische Jahrbücher. 1956. Bd. XXVIII. H. 1–2. S. 35–42.

Pulleyblank E. G. The Background of the Rebellion of An Lu-shan. London; New-York; Oxford, 1982 (Repr.: 1955). X, 264 p. (London oriental series. Vol. 4).

Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. VII, 488 p.

Ramstedt G. J. Mogholica. Beitr ä ge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1906. Vol. XXIII. I–IV, 1–60 p.

Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1913. T. XXX. № 3. S. 1–63.

Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. III)

Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft / bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. II Formenlehre. 262 S. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 104: 2).

Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft / bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1957. Teil I: Lautlehre. 192 S. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 104: 1).

Rashiduddin Fazlullah's Jamiʿu't-tawarikh. A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols / Transl. and annotation by Wh. M. Thackston. Pt. 1. Cambridge, MA: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998. XLIV, 244 p.

Rásonyi L. Les noms de personnes imperatifs chez les peuples turques // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. 15 : LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. Fasc. 1–3. P. 233–243.

Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History / trans. by N. Bodoczky. Budapest: Central European University Press, 1999. XXII, 566 p.

Roux J.-P. Les chiffres symboliques 7 et 9 chez les Turcs non musulmans // Revue de l'histoire des religions. 1965. Vol. 168. Nu. 1. P. 29–53.

Roux J.-P. Die alttürkische Mythologie // Wörterbuch der Mythologie / Hrsg. von Egidius Schmalzriedt und H. W. Haussig. Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. 1. Abeilung. Die alten Kulturvölker. S. 175–277.

Röhrborn K. Uigurisches Wörterbuch: Sprachmaterial der vorislamischen türkischenTexte aus Zentralasien. 3. Lieferung: anta – asanke. Wiesbaden: Franz Steiner, 1981. S. 149–229.

Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged: Univ. of Szeged, 1997. 132 s. (Studia uralo-altaica. 40).

Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44/2. P. 205–292.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. XXXV, 841 s.

Rybatzki V. Mongolische Lehnwörter bei Maḥmūd al-Kāšγarī? // Maḥmūd al-Kāşġarį'nin 1000. Doğum Yıldönümü Dolayısıyla Uluslar arası Dįvānu Luġāti't-Turk Sempozyumu 5–7 Eylül 2008, İstanbul / The Dįvānu Luġāti't-Turk International Symposium: In Commemoration of Maḥmūd al-Kāşġarį's 1000thBirthday 5th–7th September 2008, Istanbul. Ayrıbasım / Offprint. Yayımlayanlar: H. Develi, M. S. Kaçalin, F. Kıral, M. Ölmez, T. Çulha. İstanbul: Eren, 2011. P. 367–380.

Rykin P., Telitsin N. An Interpretation of Two Personal Names in the Ninth Line of the Tonyukuk Inscription (Toñ S2) // Journal of the American Oriental Society. 2020. Vol. 140. No. 2. P. 287–299.

Samolin W. East Turkistan to the Twelfth Century. A Brief Political Survey. The Hague, Mouton & Co, 1964. 100 p. (Central Asiatic Studies. No. 9)

Schlegel G. La stèle funéraire du Teghin Giogh: et ses copistes et traducteurs chinois, russes et allemands. Helsingissä: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainossa, 1892. 60 s. (Mémories de la Société Finno-ougrienne. T. III).

Schlegel G. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun. Helsingfors, 1896. XV, 141 s. (Mémories de la Société Finno-ougrienne. T. IX).

Schönig C. Turko-Mongolic relations // The Mongolic Languages / ed. by Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. P. 403–419.

Schuessler A. ABC Etymological Dictionary of Old Chinese. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. XX, 668 p.

Senga T. The Toquz Oghuz Problem and the Origin of the Khazars // Journal of Asian History. 1990. Vol. 24. No. 1. P. 57–69.

Serruys H. The Mongol Word Pair Qarayiqu-Barayiqu // Central Asiatic Journal. 1972. Vol. 16. No. 2. P. 119–124.

Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, Turks and India / Arabic Text (*circa* A.D. 1120) with the English translaton and commentary by V. Minorsky. London:

The Royal Asiatic Society, 1942. I, 170, *53 p. (James G, Forlong Fund. – Vol. XXII).

Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009. 548 S. (Kömen Yayınları. 32; Türk Dili Dizisi. 1).

Sümer F. Dokuz Oğuzlar // İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. İstanbul: Milli Eğitim Bakanlığı, 1979. Cilt XII.1. Takirat – Tuğrâî. S. 420–427.

Taşağıl A. Gök-Türkler II (fetret devri 630–681). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1999. VIII, 128, [12] s. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi – Sayı 160[a]).

Taşağıl A. Gök-Türkler I. 2. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2003. IX, 197, [23] s. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi – Sayı 160[1]).

Taşağıl A. Çin kayanaklarına eski Türk boyları: M.Ö. III – M.S. X asır. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004a. XII, 187, 29 s. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi – Sayı 206[1]).

Taşağıl A. Gök-Türkler III. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004b. IX, 109, [20] s. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi – Sayı 160[b]).

Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington; The Hague: Mouton & Co, 1968. 419 p. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 69).

Tekin T. The Tariat (Terkhin) Inscription // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. T. XXXVII. Fasc. 1–3. P. 43–68.

Tekin T. Notes on *Old Turkic Word Formation* // Central Asiatic Journal. 1994. Vol. XXXVIII. No. 2. P. 244–281.

Tekin T. Hemçik-Çırgakı Yazıtı // Türk Dilleri Araştırmaları. 1999. Cilt 9. S. 5–15.

Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. 2. baskı. İstanbul, 2003. 272 s. (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi. 9).

The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / transl. with historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston: Brill, 2004. Vol. I–II. CXXVI, 1347.

The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / transl. with historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston: Brill, 2013. Vol. 3. Supplement. XXIII, 226 p.

Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896. 224 p. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V).

Thomsen V. Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tun-Huang // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1912. P. 181–227.

Tieshan Z., Zieme P. A memorandum about the king of the On Uygurand his realm // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. Vol. 64. Pt. 2. P. 129–159.

Useev N. Hemçik-Çırgaakı (E 41) yazıtı üzerinde bazı okuma ve anlamlandırma teklifleri // Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler / From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3th – 5th December 2010, Istanbul: Papers / Yay.: M. Ölmez, E. Aydın, P. Zıeme, M. S. Kaçalin. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. S. 379–396.

Vásáry I. A régi Belső-Ázsia története. Második, átdolgozott kiadás. Budapest: Balassi Kiadó, 2003. 196. o.

Ventury F. An Old Tibetan Document on the Uighurs: A New Translation and Interpretation // Journal of Asian History. 2008. Vol. 42. No. 1. P. 1–35.

Visdelou C. Histoire de la Tartarie // Bibliothèque orientale: ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connoître les peuples de l'Orient. Leurs histories et traditions tant fabuleuses que véritables. Leurs religions et leurs sectes. Leurs gouvernemens, politique, loix, moeurs, coûtumes, et les révolutions de leurs empires. Les arts et les sciences … Les vies de leurs saints, philosophes, docteurs, poëtes, historiens, capitaines, & de tous ceux qui se sont rendus illustres par leur vertu, leur sçavoir ou leurs actions. Des jugemens critiques et des extraits de leurs livres, écrits en arabe, persan ou turc sur toutes sortes de matières & de professions, par Mr. d'Herbelot. La Haye: J. Neaulme & N. van Daalen, 1779. T. IV. VI, 679 p.

Vovin A. An Interpretation of the Hüis Tolgoi Inscription // Journal Asiatique. 2018. Vol. 306. Iss. 2. P. 303–313.

Vovin A. Groping in the Dark: The First Attempt to Interpret the Bugut Brāhmī Inscription // Journal Asiatique. 2019a. Vol. 307. Iss. 1. P. 121–134.

Vovin A. A Sketch of the Earliest Mongolic Language: the Brāhmī Bugut and Khüis Tolgoi Inscriptions // International Journal of Eurasian Linguistics. 2019b. Vol. 1. No. 1. P. 162–197.

Wang Penglin. Linguistic Mysteries of Ethnonyms in Inner Asia. Lanham: Lexington Books, 2018. 296 p.

Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese society: Liao (907–1125) / with the assistance of John De Francis, Esther S. Goldfrank, Lea Kisselgoff, and Karl H. Menges. Philadelphia: The American Philosophical. Association; distributed by the Macmillan Company, 1949. XV, 752 p.

Yıldırım K. Tatar Adının Kökeni Üzerine // Türkiyat Mecmuası. 2012. C. 22. S. 171–189.

Yoshida Y. Studies of the Karabalgasun Inscription: Edition of the Sogdian Version // Aratana Ajia kenkyū ni mukete 新たなアジア研究に向けて [Modern Asian Studies Review]. 2020. Vol. 11. P. 001–140.

Zieme P. Das uigurische Königreich in Qočo // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H. R. Roemer with the assistance of W. E. Scharlipp. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000. S. 205–212 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. T. 1; Philologiae Turcicae fundamenta. T. 3).

Гао Ци-ань 高啓安. Дунь-хуан ту-лу-фань вэнь-шу чжун сань дэн цы гун ши вэнь-ти янь-цзю 敦煌吐魯番文書中三等次供食問題研究 // Дунь-хуан себэнь янь-цзю нянь-бао 敦煌寫本研究年報. 2010. 第4期. С. 35–79 (на кит. яз.).

Сун-бэнь тай-пин хуань-юй цзи 宋本太平寰宇記 / (Сун) Лэ ши чжуань (宋)樂史撰. Ин-инь Сун-бэнь 影印宋本. Пекин [北京]: Чжун-хуа шу цзю чубань 中華書局出版, 1999.

Хэй Лун 黑龙. Ба-эр-гу жэнь Цзу-фан Ляо-нин Чжи-цзун-чжи 巴尔虎人驻防辽宁之踪迹 // Си-бу Мэн-гу Лунь-тань 西部蒙古论坛 [Journal of the Western Mongolian Studies]. 2013. № 3. С. 20–24.

Цзян Бо-цинь 姜伯勤. Дунь-хуан ту-лу-фань вэнь-шу юй сы-чоу чжи-лу 敦煌吐魯番文書與絲綢之路. Пекин [北京]: Вэнь-у чу-бань шэ 文物出版社, 1994. 285 с.

Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин [北京]: Чжунхуа шу-цзюй 中華書局, 1958. 1136 с.

Цянь Бо-цюань 錢伯泉. Те-лэ го-ши гоу-чэнь 鐵勒國史鉤沉 // Си-бэй минь-цзу янь-цзю 西北民族研究. 1992. 第1期. С. 91–100.

Ян Фу-сюэ 杨富学. Тан дай пу-гу бу ши-си као – и мэн-гу го синь чу пу-гу ши му-чжи мин вэй чжун-синь 唐代仆固部世系考–以蒙古国新出仆固氏墓志铭为中心 // Си-юй янь-цзю 西域研究. 2012. 第01期. С. 69–76.

Iwami Kiyohiro [著者別表記].「阿史那毘伽特勤墓誌」訳試稿 [A Translation of “The Epitaph of Ashina Bilgä Tigin”] //『内陸アジア言語の研究』. 1992. Vol. 7. P. 55–94.

Katayama A. [片山章雄]. Toquz Oγuz to ‘kyū sei’ no shomondai ni tsuite (Toquz Oγuz と「九姓」の諸問題について) // Shigaku Zasshi 史学雑誌. 1981. Vol. 90. No. 12. P. 39–55.

Katayama A. Tariat Inscription (タリアト碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 168–176.

Moriyasu T. Site and Inscription of Šine Usu (**シネウス遺蹟・碑文**) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (**モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告**) / ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 177–195.

Osawa T. Tes Inscriplion (**テス碑文**) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998

(モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 158–167.

Rashīd al-Dīn, 1373/1994 – رشید الدین فضل الله همدانی [Rashīd al-Dīn Fazl-āllah Hamedānī]. جامح التواریخ [Jāmī al-Tawārīkh]. روشن؛ مصطفی موسوی به تصحیح و تحشیه: محمد [publ. and comment. by Moḥammad Roshan, Mostafa Mousavi]. تهران [Tehrān]: نشر البرز [Nashr āl-barz], ۱۳۷۳. بخش. ص ۲۹۷۷, [87].

Yanagisawa Akira [柳沢明]. Kōgan (Xiuyan) no Barugujin 岫巖のバルグ人 // Hokutō Ajiachiki kenkyū – Shimane kenritsu daigaku [北東アジア研究–県立大学北東アジア地域研究センタ]. 2008. № 3. P. 47–66.

Глава 2
Пространство реальное и мифологическое в представлениях средневековых монголов

Образы географического пространства активно изучаются на протяжении последних десятилетий специалистами в области различных гуманитарных дисциплин, и особое место в русле этого направления занимают историко-географические исследования территорий.

Тюрко-монгольские народы расселились на огромной территории Внутренней Азии, включающей природные зоны от пустыни до тундры, от высокогорья до степных равнин. Освоение кочевниками этого разнородного пространства – одна из насущных проблем истории кочевых обществ, не потерявшая своей актуальности. Для исторической географии особое значение имеет один из этапов освоения монголами Внутренней Азии, отраженный в известном средневековом памятнике «Сокровенное сказание монголов» (далее – ССМ). Определенные сведения о территории этого же периода истории монголов содержатся в сборнике летописей Рашид-ад-Дина. На материалах источников, описывающих события XII в., мы можем определить ключевые топонимы, отражающие видение монголами окружающей природы, и обозначить места, где происходили важные события в жизни основных персонажей сказания – Темучжина и его предков, пытаясь сопоставить их с современной картой данного исторического региона.

Огромный вклад в исследование средневековой топонимики Внутренней Азии по данным «Сокровенного сказания монголов» внес ряд известных исследователей: П. Пельо, И. де Рахевильц [Rachewiltz 2004], Н. Поппе [Poppe 1955], Х. Пэрлээ [1948, 1958]. Характерной особенностью работы С. М. Козина является широкое применение термина «урочище» в отношении разных локусов, что никак не облегчает задачу определения географических объектов. Наиболее точное сопоставление природных объектов из текста ССМ с современной физической картой региона дает Х. Пэрлэ. Его мнение и стало самым авторитетным для И. де Рахевильца, работы которого представляют сегодня наиболее полный и подробный анализ текста «Сокровенного сказания монголов». Свои версии расположения известных по тексту ССМ мест, связанных с разными историческими событиями периода становления Чигисхана как политического лидера, предложили исследователи Д. Базаргур и Д. Энхбаяр [Bazargur, Enkhbayar 1997].

В исследованиях исторической географии особое внимание привлекает терминология, обозначающая гидрографические объекты, поскольку гидрографическая терминология – это весьма древний и устойчивый слой лексики, в образовании которого доминируют изобразительные слова. Весьма древний пласт лексики отражает также терминология, обозначающая растительный покров территории: лесные массивы, чащи, рощи. Не меньший интерес вызывает лексика, отражающая представления кочевников об открытых пространствах и орографических объектах, которые занимали важное место в духовной культуре кочевников как ключевые маркеры родовых территорий.

Наибольший массив терминов, отражающих природное окружение монголов и ключевые локусы исконной монгольской земли, маркированных событиями, сопутствовавшими становлению Чингисхана, концентрируется в первой половине повествования. В контексте реконструкции исторической карты региона ключевое значение имеют топонимы, зафиксированные в источниках.

2.1. Орографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии

В географическом видении пространства Внутренней Азии, где проживают тюрко-монгольские народы, значительную часть ландшафта занимают горы. В традиционной картине мира кочевников гора является полифункциональным и многозначным символом, тесно связанным с жизнью родового коллектива, семантическим центром родовой территории.

Содержание «Сокровенного сказания монголов» показывает, что предки монголов жили в горно-таежной местности с включениями небольших степных участков. Горы, покрытые лесом, были для монголов местом охоты и укрытием в случае нападения неприятеля. Сам Темучжин не раз спасал свою жизнь в лесах массива Бурхан-халдун, Мау-ундурских высот, Цзереновом ущелье [Козин 1941].

Текст «Сокровенного сказания монголов» изобилует топонимами, большинство из которых С. М. Козин обозначает «урочищами», таким образом уходя от более точной характеристики рельефа. Задачи определения отдельных объектов и форм рельефа, представленных в

тексте ССМ, а также их локализации в географическом пространстве средневековой Монголии были поставлены другими исследователями ССМ – П. Пельо [Pelliot 1949], Л. Амби [Hambis 1951], И. де Рахевильц [Rachewiltz 2004], Л. Амби [Hambis 1974], Х. Пэрлээ [1958], Н. Поппе [Poppe 1956] и др., которые опирались на методы фонетической реконструкции, сравнительно-сопоставительного анализа терминов, исторических событий на материалах письменных источников XIII–XIV вв., современной топонимики пространства, в границах которого разворачивались события ССМ. Свои версии расположения известных по тексту ССМ мест, связанных с разными историческими событиями периода становления Чигисхана как политического лидера, предложили монгольские исследователи Д. Базаргур и Д. Энхбаяр [Bazargur, Enkhbayar, 1997].

Реконструкцию ряда образцов ландшафтной лексики в тексте «Сокровенного сказания монголов» выполнила Е. В. Сундуева [2009]. Ее исследования показывают, что 60 % орографических терминов «Сокровенного сказания монголов» восходит к образной лексике [Там же: 140].

Исследование ландшафтной лексики, представленной в «Сокровенном сказании монголов», показало, что 15 % терминов, номинирующих различные формы рельефа, не функционируют в современных монгольских языках [Там же]. В этой связи анализ терминологии, маркирующей разные виды рельефа в ССМ, включал и восстановление ряда терминов, которое было выполнено P. Pelliot, L. Hambis, N. Poppe.

Оронимы и выступающие формы рельефа в тексте ССМ

Как показывают результаты исследований, значительная часть географических названий в тексте ССМ представлена оронимами. Самым известным орографическим объектом ССМ, безусловно, является горный массив Бурхан-Халдун / burqan-qaldun, который «был центром обширного освоенного и организованного пространства, имевшего общемонгольское значение» [Скрынникова 2013: 173].

Все детство и юность монгольского лидера связаны с этими местами. Очевидно, что в пределах Бурхан-Халдуна находились кочевья семьи Темучжина. Бурхан-Халдун как главный сакральный объект в пространстве жизнеобеспечения монгольского социума неоднократно упоминается в тексте «Сокровенного сказания монголов» и в летопи-

сях Рашид-ад-Дина. Это «земля предков» для монголов, где совершались обряды их почитания, спасительное место сохранившее жизнь Темучжину, это место погребения потомков Чингисхана [Козин 1941: 96; Рашид-ад-Дин 1952: 159].

Название Бурхан-Халдун соответствует современному названию горы Хэнтэй хан уул в горном массиве Их-Хэнтэй в северо-восточной части Монголии. В этом же массиве находится другая почитаемая вершина – Эрдэнэ уул. По мнению Д. Базаргура и Д. Энхбаяра [Bazargur, Enkhbayar 1997: 18], первая вершина почиталась монгольским средневековым обществом, а вторая была сакральным местом для другой этнической общности – урянха.

Горный массив Их-Хэнтэй площадью свыше 50 тыс. км^2 образован низко- и средневысотными хребтами и разделяющими их узкими впадинами. В них преобладают уплощенные вершины с остатками древних поверхностей выравнивания. Термин «халдун» в названии сакральной для монголов горы в монгольском языке обозначает скалу или пик [БАМРС 2002: 26].

Этимологический анализ оронима «Бурхан-Халдун» показал, что оба его компонента восходят к изобразительным основам. Термин «бурхан», по мнению Е. В. Сундуевой, может быть связан с лексемой, номинирующей дерево *бургас* – «ива, верба», а второй термин – «Халдун» восходит к архаичной образной основе *халд* – «нечто продолговатое, вытянутое» [Сундуева 2009: 140, 141].

Отмеченные в ряде параграфов (61, 67) урочища Цэкцэр / cekcer и Чихурху / ciqurqu [Rachewiltz 1972: 25] – это места кочевания унгиратского племени, представительница которого Бортэ стала впоследствии женой Темучжина. Под этими топонимами скрываются две горы, местоположение которых все еще считается невыявленным. Наиболее подробное исследование локализации этих гор было проведено П. Пельо и Л. Амби [Pelliot, Hambis 1951]. Одна из них – Цэкцэр часто упоминается в китайских источниках эпохи Мин и Цин [Hambis 1974: 35–36]. Известные сведения позволяют полагать, что гора Цэкцэр находится к западу от р. Уршун на северном берегу оз. Буир Нор. Примерно там же помещает гору Цэкцэр и монгольский исследователь Х. Пэрлээ [1958].

Другие монгольские исследователи – Д. Базаргур и Д. Энхбаяр [Bazargur, Enkhbayar 1997: 14, 26] локализуют гору Цэкцэр к северу от

большого изгиба р. Керулен, а второй орографический объект – гору Чихургу помещают южнее места впадения р. Улз в оз. Тар нур.

В § 77 Бектер – брат Темучжина стерег на холме (hulqun deere) девять соловых меринов. Термин *hulqun/ulqun* – «одинокая гора, неровное место, пригорок, холм» встречается в тексте ССМ только один раз, является устаревшим и в современном монгольском языке не используется. Вероятно, близкими ему являются бурятский термин *улхан* – «наплыв на дереве» [БРС 2010: 296] и некоторые топонимы, сохранившиеся в пространстве этнической Бурятии: Улхансаг даваа (гора) в Закаменском районе Республики Бурятия, с. Верхний Ульхун в Кыринском районе Забайкальского края (на левобережье р. Онон).

Не удалось определить местоположение другого орографического объекта – Хорчухуй болдог / *qorcuqui-boldaq* [Rachewiltz 1972: 34] (в современном монгольском *болдог* – «холм, бугор»), расположенного на небольшом ручье Кимурха / *Kimurqa qoroqan*, у мыса Бедер / *Beder* (§ 88). По сюжету сказания, там нашел своих мать и братьев Темучжин после удачного побега из лагеря тайджиутов. Ручей Кимурха является одним из небольших правобережных притоков Онона, к северо-востоку от ручья Сэнгүр / *Senggür-qoroqan* [Ibid.: 34]. Идентифицировать ручей удалось П. Пельо и Л. Амби [Pelliot, Hambis 1951: 42, 280], однако холм Хорчухуй болдог так и не был найден.

В § 89 Темучжин расположился кочевьем в местности, которая отмечена рядом природных объектов: Хара-Джируген / *qara-jirügen* (совр. монг. *Хар Зурх*), Хүхэ-нур / *kökö-naur*, Сэнгүр / *senggür-qoroqan*, Гүрэлгү / *gürelgü*, Бурхан-Халдун / *burqan-qaldun* [Rachewiltz 1972: 34]. Вероятно, эта местность была зимним кочевьем Темучжина, о чем свидетельствует термин *nuntuqlaju*, используемый в тексте ССМ. Известно, что в монгольской традиции понятие *нутуг* – «родовое стойбище, право пользования которым наследовалось», в кочевом маршруте монгольских народов относится, главным образом, к зимнему поселению [Цэрэнханд 1993: 29].

Среди указанных выше топонимов однозначно из текста ССМ определяется только речка Сэнгүр. Из текста также ясно, что объект Гүрэлгу, внутри которого расположилось кочевье Темучжина, находится южнее горного массива Бурхан-Халдун. И. де Рахевильц полагает, что речь идет о горной местности Гүрэлгү, отделяющей р. Керулен и Сэнгүр от притоков р. Онон. Название *Хүхэ-нур* – «Синее озеро»

определенно относится к небольшому гидрографическому объекту – озеру, расположенному северо-западнее современного населенного пункта Цэнхэрийн мандал сум, у самых истоков р. Сэнгүр. Название «Синее озеро» входит в число самых распространенных гидронимов, используемых для озер в Монголии [Rachewiltz 2004: 382]. Там же находится и небольшая гора Хар Зурх – «Черное сердце». Идентификации и локализации этих объектов посвятил свои исследования Й. Шуберт [Schubert 1970: 525].

Особый интерес вызывают термины, присутствующие в § 115 в сюжете о возвращении Ван-хана домой после победы над меркитами. В тексте С. М. Козина говорится, что Ван-хан двигался по северным лесистым склонам Бурхан-Халдуна, через урочища Хокорту-джибур[137]/qökörtü-jibur, Хачаурату-субчит/qaca'uratu-subcit и Уляту-субчит/huliyatu-subcit [Rachewiltz 1972: 47], попутно совершая звериные облавы.

Из текста ССМ ясно, что долина Хокорту-джибур располагается севернее горного массива Бурхан-Халдун, однако точное ее местоположение выявить не удалось. В современном монгольском языке термин *subcit* отсутствует. Относительно термина *subcit* известно мнение Х. Пэрлээ, который полагает, что данный термин использовался монголами в древние времена для обозначения горного перевала. И. де Рахевильц допускает, что термин *субчит* может быть связан с термином *sübe,* означающим «узкий проход». Сопутствующие *субчит* определения Хачаурату и Уляту указывают на особенности лесного покрова: в первом случае это ели – *гачуур* [БАМРС 2001: 397], во втором осины – *улиас* [Там же: 324].

На карте современной Монголии, по мнению Х. Пэрлээ, Хачаурату субчит соответствует местности Гачуурт (47° с.ш. и 107° в.д.), расположенной недалеко к востоку от столицы страны Улан-Батора, Уляту субчит – местности Улиатайн-ам (49° с. ш. и 107° в. д.).

Термин *субчит* встречается и в другом средневековом источнике – китайской рукописи Юань Ши Синьбянь [元史新編 1936: 29], в которой речь идет о местности, названной «Местность трех субчит», где Толуй посетил своего брата Огодея летом 1229 г. Известно, что Огодей любил проводить лето в горах. Эти сведения позволяют предпо-

[137] Термин *jubur* – «долина» [Козин 1941: 528].

ложить, что искомая горная область находилась к югу от горного массива Бурхан Халдун [Rachewiltz 2004: 436], что может служить подтверждением версии, предложенной Х. Пэрлээ.

В § 129 говорится о перевале Алаут-турхаут / ala'ut-turqa'ud [Rachewiltz 1972: 54], который переходят неприятели Темучжина, собираясь на него напасть. На то, что речь идет о перевале, указывает термин *dabaju* (*давах* «перевалить через гору»[138]; *даваа* – «перевал» [БАМРС 2001: 8–9]).

П. Пельо и Л. Амби [Pelliot, Hambis 1951: 41–42, 52] предположили, что этот перевал разделяет две возвышенности (горы или холмы), называемые Пестрые стражи. Их местонахождение в географическом пространстве Монголии не определено, хотя версии об их локализации были предложены Х. Пэрлэ, исходя из фонетики топонима, предположив, что это горы Эрхэг Тархаг, расположенные в Республике Тыва. Однако это место слишком далеко к западу от места основных событий – битвы Темучжина с Джамухой, которая произошла в местности Далан-Балчжутах в долине р. Онон. П. Пельо полагает, что горы Алаут-турхаут должны находиться в районе горного массива Гүрелгү, где кочевала семья Темучжина.

Темучжин в столкновении с Джамухой потерпел поражение и укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе (Onan-o Jerene-qabciqaya). Термин *хавцал* в монгольском языке означает «ущелье» [БАМРС 2002: 8].

В тексте «Сокровенного сказания монголов» присутствует еще один термин, не функционирующий в современном языке. В § 133 Чингисхан и Ван-хан подавили татар, укрепившихся в урочищах Хусуту-шитуен / qusutu-šitü'en и Нарату-шитуен / naratu-šitü'en. Глубокий анализ текста позволил П. Пельо и Л. Амби определить эти два топонима как «Березовый вал» и «Сосновый вал». Из текста ясно, что действие происходило в лесистой местности, вероятно, в бассейне р. Улз, где татарам удалось построить укрепления, о чем свидетельствует термин *qorqa[n]*.Термин *šitüen* П. Пельо и Л. Амби возводят к *šitu* – «поддерживать» [Pelliot, Hambis 1951: 202]. «Сосновый вал» и

[138] В словообразовании монгольского языка встречается множество глаголов, образованных от существительных, обозначающих разные типы возвышенностей, части горного массива. Например: *бэллэх* – «двигаться по косогору, по склону горы», *гүвээлэх* – «идти по холму» от *гүвээ* (холм).

«Березовый вал», вероятно, были элементами ландшафта, представлявшими природные укрепления.

Холмистая местность Долоон-болдаут / *dolo'an bolda'ut* («Семь холмов») упоминается в § 136. Эта местность, по мнению И. де Рахевильца, расположена между реками Керулен и Цэнхэр и горой Баян Уул к юго-западу от нынешнего сомона Дэлгэрхан. Семь холмов, давших название этому месту, были идентифицированы. Их попрежнему называют Долоон, т. е. «Семь». Кроме того, все они обладают индивидуальными названиями: Дөрвөлж («Куб»), Суул («Хвост»), Их Улаан Толгой («Большая красная голова»), Бага Улаан Толгой («Маленькая красная голова»), Олон Овоо («Множество каменных насыпей»), Тахилгат («Место жертвоприношения») и Гацаа («Гора, с которой стекают нескольких рек») [БАМРС 2001: 454; БАМРС 2002: 395].

Местность Далан Немургес / *Dalan Nemürges* («семьдесят войлочных плащей») также причисляется исследователями к орографическим типам ландшафта. По мнению Х. Пэрлээ, эта холмистая местность располагается в бассейне р. Нөмрөгийн гол в Восточной Монголии. И. де Рахевильц [Rachewiltz 2004: 567] полагает, что это была крупная область, а не конкретное место, поскольку в § 173 говорится, что Чингисхан «вошел» в нее. Возможно, эта холмистая местность является частью западных склонов Хингана. Термин *nemurke* относится к архаичной лексике, который обнаруживает связь с термином *нөмөр* – «прикрытие, укрытие; укрытое от ветра и холода место» в современном монгольском языке. Е. В. Сундуева эволюцию значений в образном корне *нөм* представила следующим образом: «нечто громоздкое» → «нечто укрывающее от ветра, дождя (скала, пещера, чаща)» → «все, что накидывается на плечи (накидка, плащ, попона)». *Далан/долоон* («семьдесят») – это тип номинации, часто используемый в монгольском языке для воспевания гор, рек, песков, животных и растений [2009: 142].

Отдельным орографическим объектом считает И. де Рахевильц урочище, обозначенное в ССМ как *Энеген гуйлету*/e*negen güiletu* – «Единственное абрикосовое дерево». Хотя местность не идентифицирована, судя по контексту, это холм или гора в районе двух уже хорошо известных гор Цэкцэр и Чихургу вблизи рек Халха и Уршун.

Мау-ундурские высоты / mau-ündür, с которыми связывается ряд событий в ССМ, относятся к неопознанной горе недалеко от р. Халха в южном направлении от нее. Название горы, согласно мнению исследователей, определенно связывается с термином *маγи* (в старописьменном монгольском), что означает «зло». Предполагается, что Мау-ундурские высоты означают «Плохая гора» (Муу Ундур) [Rachewiltz 2004: 615]. Термин *үндэр* – «возвышенность» широко используется в монгольских языках по отношению к орографическим объектам, выступая в парном сочетании с именем объекта, например Бархан-ундэр (почитаемая вершина в горном массиве Баргузинского хребта). Согласно Х. Пэрлээ [1958: 11], гора Мау-ундур расположена рядом с р. Халха и р. Нөмрөг (Нөмөргийн Гол).

В районе этой горы упоминается местность Харахалчжин-элет/qala-qaljit-elet [Rachewiltz 1972: 81], где Темучжин остановился передохнуть, а по сведениям Рашид-ад-Дина, принял там бой. В тексте Рашид-ад-Дина в описании племен урут и манхуд местность обозначается как Калаалджин-Элет [Рашид-ад-Дин 1952: 185]. Рашид-ад-Дин ошибочно полагал, что так могла называться река [Там же: 126]. Однако мнения большинства исследователей сходятся в том, что это была песчаная местность южнее р. Халха. Х. Пэрлээ относит эти пески к ареалу южнее места слияния рек Нөмрөг и Халха, где по сей день существуют различные песчаные участки, такие как Хуучдын элс / Xuučdyn Els, Хуран элс / Kuran Els, Удаарт элс / Udaart Els и Мойлт элс / Moilt Els [Пэрлээ 1958: 10]. Разбирались с локализацией этой местности Н. Поппе и Й. Шуберт. Н. Поппе полагал, что местность находится недалеко от р. Халха и р. Улхуй, протекающей вдоль границы Монголии и Маньчжурии; версия Й. Шуберта [Schubert 1970: 524], относившего эту местность дальше на запад, маловероятна [Rachewiltz 2004: 616].

На одной из главных излучин р. Халха располагается также горный массив, обозначенный С. М. Козиным как Орнаунское полугорье *(Qalqa-in Ornau-in)*, И. де Рахевильцем – как *Or Nu'u*, где под наклонным утесом *(хэлтэгэй хада)* был похоронен соратник Темучжина Хуилдар. Хэлтэгэй хада («наклонный утес») вновь упоминается в кампании против найманов в § 191. Место не идентифицировано, но можно утверждать, что во времена Чингисхана этот объект не просто обладал признаками наклонной возвышенности, а был известным са-

кральным местом на р. Халха, названным Хэлтэгэй хада [Козин 1941: 262; Rachewiltz 2004: 634].

В § 162 Коксу-Сабрах разграбил Ван-хана на границе его владений в местности Телегету / Teleketu-amsar, в § 185 Ван-хан был окружен войсками Чингисхана в Чжер-хабчигайской пади Чжечжеерских высот *(Jejeer-ündürün Jer-qabciqai-in amasara)*. В этих обозначениях не вызывает сомнения термин *amasara*, который идентифицируется с перевалом, проходом. В старописьменном монгольском *amasara* означает «отверстие» [Сундуева 2011: 168]. Относительно локализации Чжер-хабчигайской пади известна версия Х. Пэрлээ [1958: 8], который соотносит ее с современной местностью Хабчил Ам в окрестностях сомона Баян Ул (47° N, 109° E). Версию Х. Пэрлээ И. де Рахевильц считает наиболее правильной [Rachewiltz 2004: 667].

В § 191 Чингисхан прерывает охоту в местности Абчжиха-кодегер / Abjiqa- köteger и начинает готовиться к битве с Ван-ханом. Термин *köteger* был определен Г. Дёрфером как «небольшое возвышение», как однокоренное слову *kötöl* (совр. монг. *хөтөл* – «перевал»). Очевидно, что Абчжиха-кодегер – холмистая местность, которую Х. Пэрлээ располагает к юго-востоку от современного г. Чойбалсан. По мнению П. Пельо, поддержанного другими авторами, эта местность входила в состав зимних кочевий унгиратского племени [Doerfer 1963: 473; Пэрлээ 1958: 4; Rachewiltz 2004: 675].

В § 195 Таян-хан, убегая от войск Темучжина, предлагает Джамухе взобраться еще выше, на самую вершину горы (aγula-in horgil-degere γaruya!) [Козин 1941: 467]. В данном предложении появляется еще один орографический термин, обозначающий часть горы, в частности ее вершину/пик – *horgil.* Термин *xorgil* употреблялся в старописьменном монгольском и среднемонгольском языках [Сундуева 2011: 130]. В современном монгольском языке вершина или пик горы обозначается термином *orgil* [БАМРС 2001: 487].

Неоднозначный термин, обозначающий как положительные, так и отрицательные формы рельефа, – *kun*, фиксируется в § 26, 166 и в 199. Анализ лексем с данным корнем и примеров в тексте ССМ позволил Е. В. Сундуевой выделить его основные значения – «впадина, ущелье, овраг» [Сундуева 2009: 142].

С. М. Козин термин kun связал с противоположной формой рельефа – скалой, утесом [Козин 1941: 525]. О допустимости таких значе-

ний свидетельствуют исследования Г. Дёрфера, который, анализируя данный термин, выявляет его следующие значения – «обрыв, утес, скала» [1963: 441].

***

Исследование орографической терминологии «Сокровенного сказания монголов» показывает большое разнообразие терминов, обозначавших виды крупных форм рельефа на территории проживания монгольских народов в XII в. В их состав входят как обозначения положительных форм рельефа, так и их частей:

уула (aγula) – «гора», *ундэр* (undur) – «гора», *orgil* (horgil) – «пик, вершина», *халдун* (qaldun) – «скала, пик», keru – «северная сторона горы», *өвөр* (ebüre) – «южный склон горы»;

хавцал (qabciq) – «ущелье», *хушун* (qošiun) – «мыс», *хада* (qada) – «скала», *болдог* (boldaq) – «холм»;

дабан (daba) – «перевал», *хөтөл* (köteger) – «перевал».

Устаревшие слова: *subčit* – «перевал, узкий проход», *šituen* – «вал», *quŋ* – «утес, обрывистый берег», *kun* – «скала, утес, ущелье», обрыв», *hulqun* – «холм», *amasar* – «ущелье, узкий проход», *quburi* – «хребет».

Ряд слов относятся к устаревшим и не употребляются в современном монгольском языке, однако родственные им термины обнаруживаются, например, в бурятском языке. Следы устаревших терминов прослеживаются и в топонимах на территории расселения монголоязычных народов. Реконструкция терминов ландшафтной лексики «Сокровенного сказания монголов» показывает, что корни ряда устаревших терминов сохраняются в современной терминологии. Так, например, корень *кун* присутствует в *хөндий* – «полость, лощина, пещера, долина, падь, ущелье». Корневой этимон *хон* / хөн / хγн – «пустой, полый» относится к числу древнейших и распространенных во многих языках алтайской общности [Сундуева 2009: 142].

В состав сакральных мест, имевших важное значение для монгольского общества XII в., входят горный массив Бурхан-Халдун, гора Хэлтэгэй хада, расположенная на одной из главных излучин р. Халха. К числу сакральных мест относится и гора на территории первоначального расселения монголов (в месте впадения в р. Эргунэ/Аргунь р. Кан-мурэн/Ган мурэн), где Джамуха – побратим Темучжина был возведен лидерами монгольских племен в гур-ханы.

2.2. Гидрографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии

Особый интерес в исследованиях исторической географии Внутренней Азии представляют гидрографические объекты. Актуальность исследования названий гидрографических объектов обоснована тем, что данная терминология представляет собой весьма древний и устойчивый слой лексики, изучение которого позволит раскрыть не только богатство и выразительные возможности древнемонгольского языка, но и взаимоотношения этноса с миром в древний период. Е. В. Сундуева подчеркивает доминирующую роль изобразительных слов в образовании гидрографической терминологии в монгольских языках и считает, что именно зрительно-слуховое восприятие послужило основой номинации этих реалий [Сундуева 2010: 42, 46]. В своем исследовании мы опираемся на тексты «Сокровенного сказания монголов», переведенного С. М. Козиным, и более позднюю, с новыми данными и обширными комментариями работу И. де Рахевильца, обращаясь также к аналитическим работам П. Пельо, А. В. Дыбо и др.

Пространство, заселенное монгольскими кочевниками, изобилует реками, озерами, родниками. Эти природные объекты наряду с горами становились главным ключевым маркером территории проживания средневековых монголов и опорной точкой, от которой разворачивались траектории новых путей в освоении пространства. Об исключительной значимости водного источника для кочевника свидетельствует вопрос, с которым обращались к чужеземцу: «Где находится земля, где ты “упал” (родился), вода, которую ты пил?» Река, как и земля, упоминается в качестве связующего определенные монгольские сообщества элемента в различных источниках, повествующих о монголах. «Племя куралас обратило в бегство Боту из племени икирас. Уходя разгромленными от них, он присоединился к Чингиз-хану в этом месте…Они там вместе жили и пили воду [реки] Балджиунэ» [Рашид-ад-Дин 1952: 131].

Для средневекового монгольского общества исключительно важное значение как колыбельная земля имела территория трехречья – место, где берут свое начало три реки – Керулен, Онон и Тола. Эта местность идентифицируется и как Бурхан-халдун. В § 179 Темучжин дает своим родственникам Алтану и Хучару наказ защищать искон-

ную территорию монголов, несмотря на их предательство: «Не позволяйте никому селиться у истока Трех рек!» [Козин: 137; Rachewiltz: 648]. Как собственная земля Чингисхана, где находился его двор, трехречье под названием Онанкеруле отмечается в описании путешествия Гильома де Рубрука: «Та земля, в которой они [монголы] были сперва и где находится еще двор Чингисхана, называется Онанкеруле... Наконец в день блаженного Стефана мы въехали на равнину, обширную как море, так что нигде на ней не виднелось никакой горки, а на следующий день, в праздник святого евангелиста Иоанна, мы прибыли ко двору упомянутого великого государя. Когда же мы были еще на пять дней пути от него, тот ям, у которого мы провели ночь, хотел было направить нас по какой-то обходной дороге, так что нам надлежало бы страдать еще более пятнадцати дней. И как я узнал, ему хотелось сделать это для того, чтобы мы проехали через Онанкеруле, т. е. через их собственную землю, в которой находится двор Чингисхана» [Рубрук 1997: 114, 133].

В тексте «Сокровенного сказания» представлены все виды водных источников, отраженные в следующих терминах:

Мүрэн/müren. В монгольских языках термином *мүрэн / müren / mören* обозначаются крупные водные источники – «широкая река» [Сравнительно-историческая грамматика... 2006: 379]. Относительно генезиса термина на данный момент все еще не сложилось единого мнения. Г. Рамстедт склонен связывать этот термин с тунгусо-маньчжурскими языками, сопоставляя *muren* с т.-ма. *му* – «вода»: эвенк., нег., ороч. *му*, ульч. *му*/ *муэ*, чж. *muh* – «вода», уд. *мудэ* [Сундуева 2010: 42]. Привлечение нового материала и новые исследования, выполненные М. Рясянен, дают основания Э. Р. Тенишеву, А. В. Дыбо и другим тюркологам ставить вопрос об исконном характере тюркского названия реки – *мӧрен/бӧрен* [Сравнительно-историческая грамматика... 2006: 380]. Е. В. Сундуева полагает, что лексема восходит к древнему изобразительному корню *mur*/*mör* – «нечто искривленное, изогнутое, извивающееся» [2010: 42]. В «Сокровенном сказании» *muren* – один из ключевых гидрографических терминов. Самой первой крупной рекой под этим термином, отмечаемым в ССМ, выступает р. Онон-мурэн, на берегах которой поселились предки Чингисхана, переплыв море – тенгис. Онон-мурэн фиксируется в ситуации отделения Бодончара от своих братьев. Он поселился на

берегу реки (полуострове или острове Бальжун-арал Baljun-aral) и построил себе шалаш из травы.

В § 53, в эпизоде захвата в плен Амбагай-хана фиксируется крупная река *Uršiun-muren* / Уршун мүрэн, которая присутствует и на современных картах под названием Оршон-гол. Согласно СК, местность, куда направлялся Амбагай-хан, находилась на берегах р. *Uršiun-müren* / Уршун мүрэн между двумя озерами *Buyür-naur* (Буир-нур) и *Kölen-naur* (ныне Далай-нор и Буир-нор в Хулун-Буирском аймаке КНР).

К крупным рекам в средневековье относилась и р. Тола. О *Tuula-müren* говорится в § 104 – на ее берегах находилась ставка Ван-хана. Многократно упоминается в ССМ крупная река Керулен – *Kelurenmüren*, с которой были связаны многие важные события в жизни Темучжина. В ССМ верховья р. Керулен также соотносятся с ареалом *Burqi-erki*, выделенным И. де Рахевильцем.

Три крупные реки, идентифицируемые на современной карте региона, упоминаются в цикле сражений Темучжина, Джамухи и Ванхана с меркитами, отраженных в § 104, 105, 106, 110. Это реки Селенга и Орхон, на месте слияния которых, на острове Талхун – *Talqun aral*, расположился один из меркитских вождей Дайр-усун. Реку *Qilqo-müren*, идентифицированную С. М. Козиным как Хилок, собирается пересечь Джамуха, ставя задачу настигнуть в степи Харачжи Хаатай-Дармалу.

В местности, где в р. Эргунэ – *Ergüne-müren* впадает р. Кан – *Xanmüren*, на вершине поросшей лесом горы произошло возведение в гур-ханы Джамухи (§ 142). Другая известная сегодня река – Халха упоминается в § 175. Места, по которым протекает р. Халха, и место ее впадения в Буир-нур маркированы военной кампанией Чингисхана с Ван-ханом. Общепризнанным считается сопоставление средневекового названия Эргунэ с известным в настоящее время гидрографическим объектом – рекой Аргунь.

Горхон/qoroqan. Наиболее часто в описаниях местности, где проходят юные годы Темучжина, упоминаются небольшие ручьи, стекающие со склонов горного массива Бурхан-халдун. Несколько раз отмечается ручей – *qoroqan* Tenggelik. Согласно исследованиям П. Пельо и поддержавшего его И. де Рахевильца, такая форма написания слова является результатом более поздней транскрипции, пред-

шествовала которой форма Tünggelik [Pelliot 1949: 5; Rachewiltz 2004: 402]. Впервые этот гидрографический объект фиксируется в описании встречи Добун-Мэргэна с семьей Алан-гоа, которую он увидел с вершины Бурхан-халдуна, – в § 5. Этот же ручей упоминается в сюжете бегства семьи Темучжина от внезапно напавших меркитов в § 100. Няня Хоачин, посадив в возок Борте-учжин, спешит вверх по ручью Tünggelik. Этимология названия водного источника, по мнению М. Д. Эвэн и Р. Поп, связана с образом извивающейся змеи – «serpentine» (Even, Pop 1994: 340).

По мнению И. де Рахевильца, Tünggelik/Тенгели входит в ареал местности Бурги Эрки – *Bürgi-erki* [Rachewiltz 2004: 402]. С. А. Козин определяет значение термина *burgi* как «водоворот, стремнины»: *erki-burki*, *burki-ergi* – «подмытый яр, водоворот» [1941: 31]. Термин *burki*, встречающийся в ССМ в составе топонима *Burgi-erki*, в современном монгольском языке не функционирует [Сундуева 2010: 43]. Возможная локализация этого источника сегодня – долина, которая носит название *Түнхэн ам,* расположенная в месте впадения р. Байдлаг в р. Керулен.

Другой небольшой ручей – *Qimurqa-qoroqan*/Кимурха, впадающий в р. Онон, отмечается в «Сокровенном сказании» как место, где укрывались люди Темучжина после нападения тайчиудцев. В § 89 Темучжин, освободившись из плена, отправился искать своих людей. Напав на их след в траве, он двинулся вверх по Онону и обнаружил их на холме Хорчухуй *Qorcuqui boldaq* мыса Бедер (Beder Qosi'un) по берегу речушки Кимурха. Ручей Кимурха является одним из небольших правобережных притоков Онона, к северо-востоку от р. Сенггир (Ценкер). Это левый приток верхнего Керулена. Однако местоположение холма Хорчухуй и мыса Бедер так и не было обнаружено.

После воссоединения семья Темучжина ушла и обосновалась в горах Гурелгу – *Gürelgii* (вар. Рахевильца) / *Kulelku* (вар. Козина) на южном склоне массива *Burqan-qaldun*/Бурхан-халдун. Среди мест, где они кочевали, упоминается ручей Сэнгур – *Senggür* (вар. Рахевильца) / *Sankur-qoroqan* (вар. Козина).

В § 106 «Сокровенного сказания» выделяется местность Ботоган-боорчжи – место, расположенное у истока р. Онон, где должны были соединиться силы Джамухи, Тоорил-хана и Темучжина перед решающим сражением с меркитами. Это место в известных исследованиях

С. М. Козина, И. де Рахевильца не идентифицировано. Согласно предположению Д. Базаргура и Д. Энхбаяра, Ботоган-бооручжи – ручей, стекающий со склонов горного массива на территории Бурятии, недалеко от государственной границы. [Bazargur, Enkhbayar 1997: карта № 12]. Название ручья обнаруживает сходство с бурятским названием солено-грязевых урочищ *бооржо* и, вероятно, восходит к образному корню, характеризующему неровную, бугристую, шероховатую поверхность [Сундуева 2011: 252].

Усун/usun. Довольно редко в ССМ отмечается гидрографический термин *usun*, применяемый по отношению к водным источникам наподобие ручьев, рек. Один из вероятных гидрографических объектов под названием Хачир-усун – *Qacir-usun*, расположенный в Ханхайской местности Qanqai (расшифрованной Х. Пэрлээ как Хангай), отмеченный в § 193, 195, был идентифицирован С. М. Козиным и И. де Рахевильцем [Козин 1941: 146; Rachewiltz 2004: 80] как река. Локализация этого водного источника, по мнению Х. Пэрлээ, соответствует местности, где протекает речка с названием Хоромсго горхи, расположенной в Хангайском ареале на 47° с.ш. и 102° в.д. [Пэрлээ 1948: 7]. Другой известный исследователь – Ван Го-вэй (王國維) ассоциирует Хачир-усун с современной р. Хануй, расположенной между реками Хойто Тамир и Чулуут [Wan Guo Wei 1940: 7]. Однако с результатами фонетического анализа не согласен И. де Рахевильц, считающий, кроме того, что лагерь Таян-хана находился слишком далеко на западе от Хангайских гор. Он подчеркивает, что сложности в идентификацию местонахождения реки вносит упоминание об Алтайских горах, отмеченных в источниках, использованных Рашид ад-Дином, и приводит мнение Н. Поппе, что под термином «Алтай» могут подразумеваться любые заснеженные горы [Rachewiltz 2004: 699]. Таким образом, ясности в определении локализации гидрографического объекта Qacir-usun все еще нет.

В этой же версии обозначения водного источника отмечена также речка Soxoγ-usun, вероятно, стекающая с горного массива Улуг-таг – *Uluγ-taγ* в системе Алтайских гор (§ 158). Полагаем, что термин *usun* в ССМ в большей степени относился к заболоченным местам. Так, например, в тексте § 147 под выражением *čeel usun-i* подразумеваются болотистые, тинистые воды [Козин 1940: 240], под выражением *čegel usun* – ключевые воды в § 72, трясины и топи в § 209 [Он же

1941: 375]. С. М. Козин в комментариях дает следующие определения: *čeel usun* – «глубокие воды»; mo. *cegel usun* – «ключевые воды, низменные места»; *ceel – cegel* – «мочажина, непросыхающее место» [Козин 1941: 544].

Нуур/naur. В ССМ упоминается ряд крупных озер, которые без труда идентифицируются с водоемами современный карты региона. Это озера *Buyür-naur* и *Kölen-naur* (также озеро известно как Далай-нуур в Хулун-Буирском аймаке АРВМ Китая). Одно из них – *Kölen-нуур* сегодня сохраняет два наименования. Обращает внимание название административного аймака Внутренней Монголии, образованное из названий двух озер – Буир-нуур и Хүлүн-нуур.

Булаг/bulaq. В тексте ССМ гидрографический термин *булаг* встречается всего один раз в названии источника Олегай – *Olekai-bulaq*, что на южном склоне горы Джамала ǰalama (§ 128). В этой местности, расположенной недалеко от степи Саари-кеере, брат Джамухи Тайчар отогнал у Чжочи-Дармалы табун.

Гол/γol/qol. В составе гидронимов средневековой Монголии, в материалах «Сокровенного сказания» в значении гидрографического термина *гол* не встречается. Данный термин используется в значении «главный, центральный», например «Великий средний полк». В тюркских языках термин *kol* (кол, гол) означает «рука», «рукав реки, приток» [Сравнительно-историческая грамматика... 2006: 657].

Ряд водных источников в варианте, переведенном С. М. Козиным, не обозначен гидрографической лексикой: С. М. Козин ограничивается только упоминанием названия источника. К таким не определенным с точки зрения гидрографической классификации относятся реки Тамир и Халха.

Особый интерес представляют термины, обозначающие части гидрографических объектов, например устье, исток реки, места слияния рек. В «Сокровенном сказании монголов» такие известные в современном монгольском языке обозначения частей рек, как *адаг* (устье)[139], *эхин* (исток), не встречаются. В § 106 Джамуха назначает встречу войск Темучжина и Тоорил-хана у истока р. Онон – *Onan-muren-no teriun-e* [Козин 1941: 223], где исток обозначен термином

[139] Термин, предположительно, имеет тюркское происхождение и означает – «нога, низовье реки» [Сравнительно-историческая грамматика... 2006: 658].

teriun – түрүүн («начало, голова; первый, передовой») [БАМРС 2001: 273]. Места слияния рек, имевшие важное значение для монголов, как лучшие пастбища, назывались *бэлчир*.

***

Таким образом, исследование средневековой гидрографической карты исторического региона, где происходило зарождение Монгольской империи, показывает, что названия значительной части водных источников средневековья легко идентифицируются с существующими в настоящее время гидрографическими объектами. В основном это самые крупные реки региона – Орхон, Селенга, Керулен, Онон, Тола, Оршун, Хилок и озера Буир-нур, Далай-нур. При этом такой крупный и хорошо известный объект, как озеро Байкал, в ССМ не отмечается. С ним, вероятно, связан гидроним *тенгис-Tenkis* в самом начале повествования. В параллельном этому историческому периоду труде Рашид-ад-Дина география региона представлена более подробно и охватывает земли далеко к северу от территорий, описываемых в ССМ. В этих описаниях присутствуют не только озеро Байкал, но и северные реки, в частности р. Ангара (Анкара-мүрэн). Полагаем, что причиной такого невнимания авторов ССМ было выпадение оз. Байкал из границ актуального для формирующегося монгольского общества пространства.

Обозначения небольших рек и ручьев исторического периода, зафиксированного в ССМ, не сохранились. Локализация небольших гидронимов на современной карте все еще не определена, поскольку существующие версии недостаточно обоснованы и дискуссия все еще продолжается. Нестабильность названий малых рек и ручьев связана с тем, что земли вдоль этих водных источников имели меньшее, по сравнению с крупными реками, хозяйственное, стратегическое значение и менее значимое место в географической картине мира. Замещение населения в этих местах в условиях кочевого образа жизни и частых военных конфликтов, эпидемий, дзудов было, очевидно, регулярным явлением в средневековье.

Привлекает внимание преобладание в ССМ таких гидронимов, как *мүрэн, горхон* над *булаг, усун* и отсутствие распространенного в настоящее время гидронима *гол.*

2.3. Открытые пространства в терминологии «Сокровенного сказания монголов» в контексте исторической географии: образы, локализация

В данном разделе в фокусе внимания будут открытые пространства – степи, пустыни. Образ монгола-кочевника традиционно связывается со степью, да и сами монголы давно уже не представляют свою жизнь в каком-то другом ландшафте. Образ бескрайних степей прочно вошел в их мировоззрение, наполнился богатым символическим содержанием, свидетельством чему является обширный комплекс определений, связанных со степью[140], песен, примет, поговорок[141]. Монголы считают, что не ограниченная горами обширная равнина благоприятным образом воздействует на молодежь и продлевает жизнь стариков. Однако содержание «Сокровенного сказания монголов» показывает, что предки монголов жили в другом ландшафте – горно-таежной местности с включениями небольших степных участков. Горы, покрытые лесом, были для монголов местом охоты и укрытием в случае нападения неприятеля. Сам Темучжин не раз спасал свою жизнь в лесах массива Бурхан-халдун, Мау-ундурских высот, Цзереновом ущелье [Козин 1941]. И только когда Монголия была

[140] С образом степного пространства неразрывно связано понятие «бескрайний, обширный», которое в монгольских языках репрезентируют множество обозначений. Некоторые из них непосредственно передают характерные черты открытого пространства – ширину, простор, необъятность: *удам*, *ужам* – «ширь, просторы»; *тала* – «открытая степь»; *саруул* – «просторный, обширный», *саруул алгасал* – «открытое пространство», *саруул тал* – «открытая равнина», *дэлбэн* – «широкий и плоский», *дэлюун* – «широкий, просторный», *дэлгэр* – «пространный, обширный, широкий, открытый». Другой характерный признак степного ландшафта, сопутствующий понятию «бескрайний, – открытость степных просторов. В свою очередь, понятие «открытый» содержит в себе ряд других смыслов – «хорошо обозримый, видимый», идентичный понятиям «светлый», «солнечный», «белый». Обозначением, отражающим всю совокупность рассмотренных понятий в монгольском языке, является определение *цагаан*. *Цагаан тала* – «открытое ровное пространство», «открытая равнина» [Содномпилова 2009: 75].

[141] Например: «Полагаясь на просторную степь, не зная, что впереди, – не скачи, полагаясь на доброту человека и не зная его мыслей, – не верь» [Там же].

объединена под властью Чингисхана, монголы расположили центр своего государства на р. Орхон, месте, где располагался исторический центр более ранних степных империй [Крадин 2007: 44–45; Крадин 2008: 340]. «Родные кочевья великого монгола мало подходили для этой масштабной задачи, так как располагались вдалеке от степных магистралей» [Дробышев 2012: 11].

К открытым пространствам, с которыми была тесно связана жизнь кочевников, в тексте «Сокровенного сказания монголов» относятся степи – *хээр* [БАМРС 2002: 230], места слияния рек – *бэлчир* [БАМРС 2001: 314], служившие самыми лучшими пастбищами для скота, и пустыни.

В тексте ССМ неоднократно упоминаются урочища Цецкер и Чихургу (Cekcer Ciqurqu qoyar-un jaura) [Козин 1941: 210] – место кочевания унгиратского племени, где произошла знаковая встреча Темучжина и его отца Есугея с унгиратским Дай-сэчэном и где впоследствии татары расправились с Есугеем (§ 61, 67). Текст § 67 показывает, что частью ур. Цецкер выступает степь – *Sira-keere* (Желтая степь). Сочетание в одном месте двух локальных ориентиров – урочища и степи обосновывает раскрытие понятия «урочище». «Урочищем может стать любая часть местности, отличная от остальных участков окружающей местности. Урочищем может быть участок местности, являющийся естественной границей, природной межой» [Евгеньева 1999: 513–514]. Таким образом, отличительной чертой урочища может быть любой географический объект – гора, река, лесной массив, выделяющийся на местности. Согласно исследованиям Х. Пэрлээ, ключевым маркером ур. Цецкер выступает одноименная гора [Пэрлээ 1958: 11], расположенная недалеко от оз. Буир-нор и р. Уршун, у подножия которой и находилась Желтая степь. Эта же местность была предложена Ван Го-вэем, однако с этими точками зрения не согласился П. Пельо. Согласно последним исследованиям И. де Рахевильца, эта равнина все еще считается неопознанной. Примерное расположение Желтой степи, по его предположению, – на западе от р. Уршун, между двумя озерами – Хулун и Буир [Rachewiltz 2004: 337].

Другим крупным открытым пространством, неоднократно отмеченным в ССМ, является *Buura-keer* (§ 105, 109, 152), расположенная в меркитских угодьях по р. Селенге. Название степи означает «вер-

блюд-самец», а сама местность соотносится с долиной одноименной р. Буурин-гол, впадающей в р. Селенгу к югу от г. Кяхта [Rachewiltz 2004: 413]. Х. Пэрлээ [1958: 10] помещает степь Буури в долину р. Буурын-гол, рядом с современными городами Алтанбулаг и Сухбаатар. Очевидно, что это наиболее простое и логичное сопоставление названия степи с одноименным гидронимом. Однако в описании похода Тэмучжина, Джамухи и Ван-хана против меркитов говорится, что нападавшие на пути к меркитским стоянкам пересекли реку Kilqo, сделав плоты. Относительно названия реки исследователи выразили единое мнение, что это современная река Хилок. Однако в предполагаемую Х. Пэрлээ долину р. Буурын-гол не попадешь, пересекая Хилок. Очевидно, что союзники пробивались совсем в другую степь – Buura-keer, расположенную гораздо севернее, на обширных пространствах правобережья Селенги в Бурятии. Такое же мнение выражают монгольские исследователи исторической географии Д. Базаргур и Д. Энхбаяр, выполнившие реконструкцию историко-географического атласа по данным «Сокровенного сказания монголов» [Bazargur, Enkhbayar 1997: 18]. Подтверждением такой локализации меркитских территорий служит параграф 177, в котором Чингисхан напоминает Ван-хану о помощи, которую оказали Ван-хану Есугей и сам Чингисхан, перечисляет совместные боевые действия. В их числе битва с меркитским Тохтоа-беки, которая произошла «при Муруче-сеуле, у горного кряжа Хадыхлих» [Козин 1941: 135] (at Mürüče Se'ül by the Qadiqliq Ridge [Rachewiltz 2004: 99]). Мнения исследователей в данном случае сходятся в том, что речь в тексте идет о местности Мурочи (С. М. Козин и И. де Рахевильц не дают своей версии значения термина). П. Пельо полагает, что это степь [Pelliot, Hambis 1951: 273], прилегающая к горному массиву, расположенному в Кяхтинском районе Бурятии. Очевидно, что локализация этой местности связана с территорией Бурятии, с Кяхтинским районом, где сегодня располагаются два населенных пункта с названием Мурочи. Н. Поппе полагает, что термин *se'ül* в тексте ССМ означает «хвост, конец» [Poppe 1987: 120], что применимо в данном случае к пониженному участку горного массива, переходящему в открытую местность. Допуская возможность использования в старомонгольском языке обозначения «хвост» к оконечности горной гряды, следует признать, что где-то в местности Мурочи в прошлом находился горный массив с одноименным

названием либо река. Однако следует обратить внимание на то, что в тексте ССМ конкретно указана гора *Qadiqliq*, у которой находится Mürüče Se'ül. По мнению Х. Пэрлээ, это место точно неизвестно, но ориентировочно находилось южнее слияния рек Селенга и Хилок на левой (западной) стороне Селенги [Пэрлээ 1958: 10; Rachewiltz 2004: 641].

В контексте реконструкции средневековых топонимов и, в частности, в связи с обозначенной выше проблемой чрезвычайно актуальны рассуждения В. В. Тишина и Б. З. Нанзатова, которые вслед за П. Пельо обратили пристальное внимание на парный топоним *qrās mwrās*, упомянутый в «Джāмū ат-тавāрūх» Рашūд ад-Дūна аṭ-Ṭабūба, который говорит о битве Чингисхана с меркитами, – «местности Карас-Мурас, не доходя до [реки] Кэлурэн, поблизости от р. Селенги, в месте, называемом Монача…» (в иранском издании – *mwrwčh*). Подобно тому, как предстают в парном сочетании Онон и Керулен, P. Pelliot восстанавливает два топонима *Qaras – Buras* и идентифицирует первый как р. Хараа-гол, второй – как р. Бура, к югу от Кяхты, полагая, что локализация подсказана контекстом персидского источника. Косвенно локализация подтверждается упоминанием в персидском тексте топонима *muruča* (§ 177 ССМ) *mürüča se'ül* (в «Шэн-у цинь-чжэн лу» 聖武親征錄 – *мо-ча-на-шань* 莫察那山< *мо-на-ча-шань* 莫那察山), что соответствует, по-видимому, местности к востоку от Кяхты» [Тишин, Нанзатов 2020: 15]. Обозначение местности в китайском источнике подсказывает, что речь идет о названии горы. На современной карте Кяхтинского района Бурятии природных объектов с таким названием нет. Ближайшей горой к населенному пункту Мурочи является священная вершина Кумын *(Хумун-хан)*, однако следует иметь в виду, что карта сакральных мест южных районов Бурятии испытала существенные преобразования с расселением на этих территориях переселявшихся на протяжении XVII–XVIII вв. из Монголии атаганов, хатагинов, сартулов, цонголов, табангутов, а также бурятских племен из Предбайкалья. Они перенесли в новые места своего расселения названия прежних священных родовых локусов[142],

[142] К ним К. М. Герасимова и Л. Л. Абаева относят культ «пяти ханов», среди которых ключевым является культ Бурин-хана. В состав «пяти ханов» входят Хёлго-хан, Хумун-хан, Хугдэй-хан. Имя последнего хана передается

что могло привести к замене прежних топонимов новыми либо к их трансформации.

Термин *se'ül* встречается также в § 159, 177 «Сокровенного сказания монголов» в описании предательства Ван-хана, который зажег огни в долине, а сам ночью ушел вверх по Хара-сеулу, покинув Чингисхана [Козин 1941: 136]. В этом случае П. Пельо соотносит термин *se'ül* с рекой Хара se'ül («черный хвост»)[143]. Противоречивые предположения относительно термина *se'ül* в средневековой монгольской топонимике (оконечность горного массива, река) делают предложенные интерпретации неоднозначными. Необходимо учитывать, что особенностью развития топонимии является тот факт, что крупные орографические системы в прошлом зачастую могли быть связаны с названием ближайших рек и водоемов [Мельхеев 1969: 74]. Связь термина *se'ül* с рекой во втором случае позволяет полагать, что в средневековом монгольском языке он мог использоваться как гидроним, и тогда в ситуации с *Mürüče Se'ül*, возможно, речь шла о небольшой реке в местности между реками Чикой и Хилок. Таковой могла быть слившаяся сегодня с Чикоем речка Степная протока. Упоминание названия *Mürüče* в средневековых источниках говорит о том, что это не мог быть какой-то малозначительный природный объект. Отсутствие в настоящее время связи названия населенных пунктов Мурочи с объектами географического пространства представляет загадку для исследователей.

К меркитским территориям относилась, вероятно, и степь Харачжи *(Qaraji)*, где, по предположению Джамухи, укрывался меркитский Хаатай-Дармала [Козин 1949: 101]. И. де Рахевильц полагает, что эта территория, точная локализация которой все еще не выявлена, должна находиться в обширной области, где р. Орхон впадает в Селенгу, у современной границы между Республикой Бурятия и Монголией [Rachewiltz 2004: 414].

жителями разных районов южной Бурятии различно: Ухэр-хан, Шагтай-хан, Хайранга-хан [Герасимова 1983: 120–124; Абаева 1992: 79].

[143] Кара Сеул («черный хвост») – река, не идентифицированная P. Pelliot [1951: 325], однако есть предположение Х. Пэрлээ о ее локализации: вероятно, это современная р. *Хар* Сүүлийн гол, северо-восточнее р. Заг (47° с. ш., 100° в. д.), река, которая не обозначена на наших картах [Rachewiltz 2004: 585].

Одним из важных мест в «Сокровенном сказании монголов» была степь Саари кеере (§ 177, 193). В этой степи Темучжин расположился после предательства Ван-хана. Там стояло войско Темучжина в ожидании найманов. Согласно тексту ССМ, степь находится у истоков р. Канхархи. Наиболее подробно на анализе термина *Sa'ari Ke'er* остановился П. Пельо [Pelliot, Hambis 1951: 26–27]. Он предложил свою версию значения термина и попытался определить местонахождение объекта в географическом пространстве. Рассматривая мнение Р. Груссе, П. Пельо и Л. Амби много размышляли о существовании нескольких мест (вероятно, трех) с таким названием, однако в итоге пришли к выводу, что степь Саари кеере была одна. Согласно мнению П. Пельо, *Sa'ari Ke'er* – долина в бассейне верхнего Керулена, между этой рекой и Толой, в районе двух озер – Галутай Нор и Ган Нор к западу от большой излучины р. Керулен [Ibid.]. Учитывая ее положение к западу от юго-западной излучины Керулена и близость к «Тульскому темному бору» к востоку от большой излучины Толы, степь Саари иногда идентифицируют с последним. Эта местность отмечена также на карте Северного Китая и Монголии в Юань Ши. У Х. Пэрлээ свое видение относительно местонахождения степи. По его мнению, степь Саари – это современная степь *Khongorjil Tala* (49° с. ш., 101° в. д.), в местности между реками Селенга и Хануй, что расходится с доказательствами, представленными П. Пельо, Л. Амби [Rachewiltz 2004: 471]. Д. Базаргур и Д. Энхбаяр помещают степь Саари хээрэ в долину р. Орхон (междуречье Орхона и Толы), южнее современного населенного пункта Булган [Bazargur, Enkhbayar: 1997: 22], недалеко от локуса, предложенного Х. Пэрлээ.

Значение термина П. Пельо связывает со спиной животного, крупом, точнее углублением между шеей животного и его крупом [Pelliot, Hambis 1951: 26–27]. Интерпретация термина нам также представляется сомнительной. Действительно, зооморфный код в характеристике местности, вероятно, был одним из самых распространенных примеров восприятия и осмысления пространства освоения монголов. Однако такие понятия, как «спина», «шея», «поясница», «круп», как правило, соотносились с возвышенностями. Именно у горных массивов монголы находили шею, гриву, спину: *уулын зоо* – «горный хребет», образованное от *зоо*(*н*) – «поясничная часть спины»; *уул нуруу* – «хребет горы» (от *нуруу* – «спина»), *шил*, *уулын ар шил* –

«гребень горы, верхняя часть горного массива» от *шил(эн)* – «затылок, загривок, шея» [Пюрбеев 2001: 364; 2002: 353]. Гребни гор и вершины в представлениях номадов ассоциировались с гривой – *дэл* и шеей лошади – *далан* [Он же 2001: 25].

Применительно к открытым пространствам такая детализация нехарактерна. Открытые пространства вызывали у кочевников иные ассоциации. Степи оценивались в диапазоне цвета, простора, чистоты. С ними обычно связываются следующие определения: гладкий, ровный, привольный, открытый, спокойный, белый, желтый и др. Небольшие, расположенные преимущественно в горной местности, замкнутые пространства осмыслялись как емкость – *сав* («посуда, сундук, сумка» и др.) [Там же: 63–64].

К открытым пространствам, чрезвычайно важным для кочевников, следует отнести места слияния рек, называемые *бэлчир* [Там же: 314], отличающиеся хорошим травостоем. Эти места считались лучшими пастбищами для скота. В § 156, 159, 177 ССМ упоминается *Байдараг белчир* – область к югу от места, где река Байдарик (т. е. Байдараг или Байдарагийн гол) встречает главный приток Дзаг (Заг гол), к югу от Хангайских гор, называемый в настоящее время *Заг Байдарагийн бэлчир* [Rachewiltz 2004: 583]. Об этой же местности, расположенной во владениях найманов, упоминает Рашид-ад-Дин, отмечая сражение Чингисхана с эмиром Коксу-Субраком. По его сведениям [1952: 113], название Байтараг местность получила по имени девушки из племени онгутов, которую сосватали для найманского государя.

В § 161 «Сокровенного сказания» отмечается Эдер-Алтайский белчир, через который Чингисхан прошел в степь Саари кеере и расположился там лагерем. Местность Эдэр-Алтай упоминается Рашид-ад-Дином в другом событийном контексте: братья Ван-хана (Он-хана) Нилкэ-Сангун и Джакамбу, оба со своими домочадцами и челядью, следовали за Ван-ханом до местности Эдэр-Алтай. «В этом месте есть река и много леса. Кокэсу-Сабрак, идя следом за ним с войском, внезапно настиг их в этой местности, разграбил их достояние. Оттуда он двинулся к границе улуса Ван-хана» [Там же: 114].

В § 188 текста «Сокровенного сказания» упоминается также пустыня Čöl – Гоби, куда забрел Сангум, сын Ван-хана, убегая от войск Чигисхана. По мнению И. де Рахевльца, это участок пустыни Гоби, разделяющий территории, принадлежащие найманам и тангутам

[Rachewiltz 2004: 677]. По-видимому, в средневековой Монголии пространства Гоби не входили в состав кочевий племен и люди заходили туда нечасто. Тем не менее кочевники хорошо ориентировались в пустыне и нередко главы племен, побежденные своими противниками, спасались бегством именно в пустыне. В § 177 подробно описываются эпизоды военных столкновений и поражений, которые потерпел кереитский Ван-хан, его скитания по обширным пространствам Внутренней и Центральной Азии: после поражения в битве с войсками найманского Инанчи-хана Ван-хан пересек пустыню и ушел в Сартаульскую землю, на реку Чуй к хара-китадскому гур-хану. Спасся от Чингисхана в пустыне и его сын Сангум. В тексте «Сокровенного сказания монголов» дальнейшая судьба Сангума не раскрывается, но, по данным Рашид-ад-Дина и «Юань ши», Сангум пересек Гоби, достиг местности Эцийн гол и остался в стране тангутов (Си Ся), где он некоторое время жил, занимаясь грабежами. Затем он скитался в Цайдаме и в конце концов на уйгурской территории был убит местным эмиром. П. Пельо уверен, что Сангум скитался по чужим землям не в одиночестве. С ним скорее всего следовала и часть его людей [Ibid.: 679].

***

Таким образом, исследование средневековой топонимической карты исторического региона, где происходило зарождение Монгольской империи, показывает типичные ландшафты, заселенные кочевниками. Выявлено, что предки монголов, включая семью Темучжина, заселили горно-таежную местность с включениями небольших степных участков и находились вдалеке от открытых пространств. Горы, покрытые лесом, были для монголов местом охоты и укрытием в случае нападения неприятеля. На степных магистралях, на р. Орхон – месте, где располагался исторический центр более ранних степных империй, монголы обосновались после объединения полиэтничного общества Внутренней Азии под властью Чингисхана.

К открытым пространствам, с которыми была тесно связана жизнь кочевников, в тексте «Сокровенного сказания монголов» относятся степи – *хээр*, места слияния рек – *бэлчир,* служившие самыми лучшими пастбищами для скота, и пустыни. Самыми упоминаемыми местами в «Сокровенном сказании монголов» являются меркитские степи,

где не один раз происходили военные столкновения монголов с меркитами. Другим известным местом военных действий стала степь Саари хээрэ. Обозначения открытых пространств связаны с образами животных, цветом, что согласуется с монгольской и в целом тюркомонгольской кочевой традицией обозначения топонимов. Названия открытых пространств, с которыми была связана военная активность монгольского лидера и его окружения в годы его юности, не сохранились, и их локализация на современной карте затруднена. Существующие версии расположения исторических мест все еще вызывают сомнения.

2.4. Образы леса в терминологии «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии

Наибольший массив терминов, отражающих природное окружение монголов и ключевые локусы исконной монгольской земли, маркированные событиями, сопутствовавшими становлению Чингисхана, концентрируется в первой половине повествования. Детство и юность монгольского правителя проходили в местах лесостепной зоны, характерной чертой которой выступают невысокие горные массивы, поросшие лесом на северных склонах. Лесные массивы встречались также в речных долинах. Таким образом, лес можно рассматривать как неотъемлемую часть монгольских территорий в средневековье, и обращение к «лесной» терминологии, отраженной в «Сокровенном сказании монголов», представляется актуальным в контексте реконструкции пространства жизнеобеспечения средневековых монголов.

Терминология, отражающая представления средневековых монголов о лесных массивах, в тексте «Сокровенного сказания» не отличается разнообразием.

Jubur. Одним из терминов, привлекающих внимание, является jubur, присутствующий, в частности, в § 56, описывающем пленение Оэлун:

Onan-muren-ni tolqistala – «Онон-река разволновалась».

Hoai jubur daouristala – «В перелесье эхо отдавалось» [Козин 1941: 209].

С. А. Козин полагает, что *jubur* – это долина [1941: 528]. Э. Хениш склонен считать, что *jubur* означает реку [Haenisch 1939: 93]. Более подробно значение данного термина раскрывает И. де Рахевильц. Опираясь на данные П. Пельо, Л. Амби [Pelliot, Hambis 1951: 268, 387], он полагает, что два слова *hoi jubur* связаны друг с другом, образуя единое целое, и соответствуют словосочетанию *lin ch'uan* (*línchuān* 林川), в котором *ch'uan* (*chuān* 川) означает речную долину. Термин *hoi,* имеющий значение «*лес*», в данном случае выступает в качестве определения *jubur*, как и название *Qorqonaq* для другого известного в «Сокровенном сказании» места *Qorqonaq Jubur*. Таким образом, *hoi jubur* – это «лесистая местность вдоль берега реки» [Rachewiltz 2004: 312]. Е. В. Сундуева считает, что средневековый термин *jubur* сопоставим с современным термином п.-мо. čuburiγ-a; мо. *цувра* «невысыхающий, всегда наполняющийся водой колодец, родник». Современный термин *цувра* восходит к этимону *čub* – «вереница, цепь» > «нечто протяженное, тянущееся вереницей, цепью» [2010: 43]. Вполне вероятно, что эти исходные формы слова *цувра*, сопоставляемого с *jubur*, можно рассматривать как дополнения к описанию средневекового ландшафта, транслируемого термином *jubur*.

Другое словосочетание с термином *jubur*, встречающееся в источнике, маркирует одно из ключевых для монгольского сообщества мест – *Qorqonaq jubur* в § 57, 104, 117. Как и другие упоминаемые в «Сокровенном сказании» места, Хорхонах джибур относится к числу актуальных для функционирования монгольского этноса точек пространства [Скрынникова 2013: 173]. Здесь монгол-тайчиуды возвели хаганом Хутулу и плясали вокруг развесистого дерева, которое выступает отличительным знаком этой местности. На Хорхонах джибуре проводит время Джамуха. Здесь же происходит ритуал побратимства Джамухи и Чингисхана. Единственный раз местность *Hökörtü jubur*, которой проследовал Тоорил Ван-хан, возвращаясь в свою ставку после их совместной с Темучжином и Джамухой победы над меркитами, упоминается в § 115.

Ряд признаков, сопутствующих термину *jubur* в «Сокровенном сказании», а также предположения, выдвинутые Т. Д. Скрынниковой, позволяют говорить, что термин *jubur* не относится к отдельному объекту рельефа (река, долина), как полагали Э. Хениш и С. А. Козин, а подразумевает насыщенную топографическими элементами мест-

ность. Прежде всего, термин *jubur* тесно связан с рекой, речной долиной. Кроме того, в развернутой характеристике священного места Хорхонах джибур говорится о южном склоне Хулдахаркуна – объекта, определяемого по разным признакам (наличие южного склона, термин *кун* в названии объекта[144]) как гора. Таким образом, *jubur* – это местность, расположенная в речной долине, на склоне горы, которая характеризуется также наличием деревьев либо леса.

Hoi. Данный термин, означающий «лес», в современном монгольском языке представлен в форме oi. Встречается hoi в первой части «Сокровенного сказания», в § 12, 56, 79, 101, 105, 112, 144, 149, 155, 202. В определении *hoi-in* – «лесной» характеризуются лесные народы – *hoi-in irgen*. Довольно часто в тексте «Сокровенного сказания» встречается форма *hoilaqu*, что означает «скрываться в лесу», «бежать в лес» [Козин 1941: 544]. Данное слово может дополняться определением *qara* – «черный, темный» – *qara hoi* – «темный лес» (§ 105) и словами, близкими по значению, например *šiγui* / *šiqui* – «густая чаща, густой лес, заросли» (в современном монгольском языке представлена форма *шигүү*) – siγui hoi – «густая чаща» (§ 79).

Siγui / šiqui в значении «густая чаща» также входит в число часто употребляемых терминов «Сокровенного сказания», используемых для описания крупных растительных сообществ, таких как лес, чаща, заросли (§ 80). Этот термин широко распространен в тунгусо-маньчжурских языковых группах. Часто встречается и в монгольских языках (бурятском, калмыцком), что позволило сделать вывод об общем тунгусо-маньчжуро-монгольском происхождении слова [Дмитриева 1984: 168].

Mod; modun в тексте «Сокровенного сказания» встречается в значении «дерево», но преимущественно употребляется как определение разнообразных предметов, изготовленных из дерева (деревянные дубинки, колодки). В мировосприятии монгольских народов образ леса неотделим от образа дерева. В жизни монгольских народов дерево служило материалом, из которого изготавливали детали для жилищ, транспортных средств, бытовые предметы. А в языке мифологии и обрядности обнаруживается теснейшая и даже кровная связь человека и дерева. В мировоззрении монгольских народов дерево выступало

[144] См. подробно: [Скрынникова 2013: 175].

одним из доминантных символов традиционной культуры, в мифологии монгольских народов оно является универсальным образом сакрального центра освоенного пространства, соединяющего слои мироздания, доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенского пространства. Главным сакральным деревом времен объединения монгольского сообщества под властью Темучжина является *saqlaqar modun* – «развесистое дерево», растущее в местности Хорхонах джибур. Это единственное дерево, упоминаемое в «Сокровенном сказании», имевшее особое значение для средневековых монголов.

В значении «лес» термин *modun* встречается в § 174, в изречении одного из соратников Ван-хана Ачих-Шируна, который убеждает Ван-хана в слабости войск Темучжина, спрятавшихся в лесу:

Morin unoya tan, *Вся их тяга – конь,*
Modun nemure ten *Вся защита – лес* [Козин 1941: 253].

Tun. Данный термин присутствует в тексте источника в значении «бор, роща» только в названиях двух значимых для монгольского сообщества локусов. В «Сокровенном сказании» выделяется *Onan-na tun* – Ононская роща, в которой Темучжин скрывался от тайчиудов (§ 81, 82), а его брату Бельгутаю на пиру, ознаменовавшем присоединение к Чингисхану союзников из людей Джамухи, рассекли плечо (§ 130, 131). Другим известным в источнике местом, маркируемым термином *tun*, выступает Tuula-in Qara-tun (Тульский темный бор), место на р. Туула/Тола (современный гидроним), где обосновался кереитский Тоорил Ван-хан. Там состоялся важный для Темучжина обряд его усыновления Ван-ханом, когда Ван-хан назвал его своим сыном. В современном монгольском языке данный термин существует в форме *тун* и имеет значение «темная чаща» [БАМРС 2002: 270].

Buta, означающее чащу, в тексте «Сокровенного сказания» встречается один раз в § 85 в изречении Чимбая и Чилауна, сыновей Сорган-Шира, оказавших помощь пленнику Темучжину: «Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь чаща сама ее и спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который сам к нам пришел?» В современном монгольском сохраняются слова *бут* – «куст, купа, заросль», *бутас* – «кустарники» [БАМРС 2001: 292].

Kerü является архаичным термином, обозначающим лес на теневом склоне гор. В «Сокровенном сказании» слово *kerü* отмечается в § 28, 100, 115, 170. В § 28 люди колена булюк прикочевали на берега р. Тунгэлик *tuiren keru-dača* – «по северному склону гор, из-за темного бора» [Козин 1941: 81]. Следует отметить, что мнения исследователей «Сокровенного сказания» в отношении значения данного слова разошлись. Так, в транслитерации И. де Рахевильца [Rachewiltz 1972: 38] это слово было зафиксировано как *herü*, у Э. Хениша [Haenisch 1939: 75] – *heru*, у Пельо [Pelliot 1949: 8] – gärü. В описании внезапного бегства супруги Темучжина Борте-уджин и служанки Хоахчин от тайчиудов фразу *heru-baru-da* С. А. Козин перевел как «еще темнел бор по северным склонам» [1941: 96], в то время как И. де Рахевильц и Э. Хениш предлагают понимать эту фразу как «в тусклом свете», «в сумерках». В § 28, 115, 170 в версии Э. Хениша этот термин в форме *geru* означает «спина, тень». Фразу «*...Maou-undur-un keru-er kodolurun...*» С. А. Козин переводит как «по северному лесистому склону Мао-ундурских высот» [1941: 371], в варианте Э. Хениша [Haenisch 1939: 50] она выглядит как «в тени горы Мао-ундур».

На наш взгляд, значение слова, предложенное С. А. Козиным, более верно. В современных монгольских языках данный термин представлен как *хэрүү* (монг.) – «мелкий лес, кустарник по северной стороне гор, роща, бор (на северном склоне гор)» [БАМРС 2002: 221]. В мировоззрении монгольских народов, освоивших лесостепные пространства северной части Монголии и Забайкалья, выделяется лес, растущий на северных склонах гор. В этих местах горные склоны южных экспозиций, как правило, представляют собой открытые участки, поросшие степной растительностью и только на северных склонах гор растет лес. Такие характерные для Забайкалья и Северной Монголии объекты ландшафта носят название *убуры, маряны*. В бурятском языке лес, растущий на южных склонах, как правило, более редкий, располагающийся островками на склоне гор, называют *ереэн модон* или *еэрен марян* – «пестрый лес». Лес, растущий на теневых склонах гор – *хүүдэр талда*, называют *ара модон* или просто *ара* [ПМА, Жалцанов], поскольку термин *ара* в монгольском, бурятском языках имеет значение «задний, тыльный, северный, задняя или теневая сторона (горы)» [БАМРС 2001: 116–117; БРС 1973: 54].

***

Таким образом, лесная терминология «Сокровенного сказания монголов» представлена довольно скупо, но все же позволяет воссоздать облик местности, где жили и вели хозяйство племена, составившие впоследствии сообщество монголов. Среди терминов превалируют лишь общие обозначения лесного покрова. Из текста источника нам неясно, как называли монголы отдельные виды деревьев, кустарников. Очевидно, что автора или коллектив авторов мало интересовали такие подробности. Некоторые термины, такие как *jubur* утратили свою актуальность в современном языке.

Лесам отведено важное место в практическом освоении пространства жизнеобеспечения и духовном мире монгольских народов. Лес (иногда отдельные деревья) выступает неотъемлемой частью главных сакральных объектов пространства, заселенного тюрко-монгольскими сообществами, с которыми связываются чрезвычайно значимые исторические вехи в становлении монгольского этноса. В этом пространстве выделяется горный массив Бурхан-Халдун, «покрытый лесом и богатый зверем» (§ 9), где обосновались предки Чингисхана, а сама гора с ее непроходимыми лесными чащами не раз служила ему убежищем. Благодаря укрытию из веток ивы на г. Бурхан-Халдун – *халхасун гэр* («дом защиты»), была сохранена *амин* – жизнь Тэмучжина. Роща на вершине другой горы – Тэргунэ скрывала Тэмучжина от его преследователей-тайчиудов. Говоря о сакральном центре первых уйгуров, Ж.-П. Ру подчеркивает, что «гора (Этуген), покрытая лесом, и настойчивость, с которой об этом говорится, показывает, что лес тоже участвует в сакрализации места … имеет религиозную ценность, так как суверен на ней (горе) осуществляет связь с Небом…» [Скрынникова 1997: 97].

В структуре историко-географических образов главное внимание отводится знакам и символам, которые отражают особенности развития какого-либо региона или пункта [Замятин 2006: 190]. В «Сокровенном сказании монголов» к таким символам, безусловно, относятся не только горы, но и деревья, такие как известное «развесистое дерево» в местности Хорхонах джибур.

Другие сакральные для монголов позднего времени объекты, образ которых тесно связан с лесом и его божеством, дарующим людям изобилие диких животных, например Алтай Хангай, в «Сокровенном

сказании монголов» не фиксируются. Алтай в источнике все еще маркирует чужое пространство – земли найманов и выступает местом ключевых сражений монголов с этим народом.

2.5. Мифологические образы Внутренней Азии: «земля гроз и громовых стрел»

Обширная территория Внутренней Азии, пространство которой включает множество опасных для жизни мест (пустыни Гоби, Такла-Макан, горы, непроходимые леса), нашла отражение во множестве разнообразных образов, далеких от реальности, зафиксированных в китайских династийных хрониках, исторических, географических летописях, арабо-персидских космографиях, в описаниях путешественников средневековья. Многие мифические образы сохраняли свою актуальность вплоть до начала XX в. Одним из известных со средневековья образов, связанных с отдельными территориями Внутренней Азии, является образ «земли гроз и громовых стрел». Актуальность этого образа сегодня подтверждается метеорологическими исследованиями региона.

Территория Внутренней Азии является частью пространства, где грозовые явления наблюдаются наиболее часто. Ее отдельные территории входят в пояс повышенной грозовой активности, протянувшийся вдоль примерно 45–60-й параллелей. В границах этого пояса выделяются два очага с высокой плотностью грозовых разрядов: условно-центральный очаг (50–60° с. ш., 90–110° в. д.) и восточный, максимальная активность которого наблюдается в межгорной котловине между Малым Хинганом и Становым хребтом [Тарабукина, Кононова 2018: 423]. Эти характерные черты климата данной территории фиксируются в источниках разного времени, сопровождаясь интересными обоснованиями причин этих явлений. К числу самых ранних источников, в которых, на наш взгляд, просматривается образ страны северных варваров как места, откуда слышен шум (гром), падают небесные тела (метеориты), относятся китайские династийные хроники, летописи («История северной династии Ци», «Ранняя история пяти династий», «Ранняя история Тан», «Исторические записки» Сыма Цяня). Согласно представлениям китайских летописцев, на севере от Срединного государства расположены огромные равнины и пустыни,

куда нисходит Небесная собака (или находится красная собака, называемая Небесной собакой), принося вооруженные смуты, болезни и другие бедствия. Она возвещает о своем приходе страшным грохотом: «Во втором году Чжунхэ (882), в десятом месяце, с северо-западного края безоблачного неба вдруг послышался гром; это назвали нисхождением Небесной собаки»; «А в третьем году Тунгуан (925), в девятом месяце, с севера донеслись звуки, напоминающие гром, и громко закричали дикие фазаны. Люди называют это сошествием Небесной собаки» [Де Гроот 2000: 96]. Сыма Цянь оставил описание небесного тела, которое иногда достигает земли и имеет форму собаки. «Куда бы оно ни упало, везде вспыхивает огонь; оно подобно огненному свету, подобно пламени, вздымающемуся к небу» [Там же]. Хотя многогранный образ китайской Небесной собаки [Комиссаров, Кудинова 2012] в большей степени связан с небесными телами – кометой, метеоритами, солнцем и луной, мы полагаем, что один из ее образов, локализуемый на северных равнинах и пустынях, связан с кочевой культурой, ее культом волка. Образ красной собаки, нисходящей с громом на равнины, может в определенной степени быть отражением взглядов средневекового Китая и на особенности климатических явлений земли «северных варваров».

Упоминает о стране тюрок как месте, где во время гроз и молний падают медные тела в виде наконечников медных стрел и с выступом, загнутым вверх, в своих трудах Ибн Сина, давая объяснение происхождению небесных предметов [Юрченко 2007: 25].

Метеорологические явления, сопровождаемые громом и молниями, как особенные, присущие огромным степным пространствам кочевников, описываются путешественниками Плано Карпини, Гильомом Рубруком. Дж. дель Плано Карпини отмечает, что «воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей» [Плано Карпини 1997: 32]. В летописи Рашид-ад-Дина уделяется особое внимание стране Могулистан, в которой «холод бывает чрезмерным, а в особенности в той ее части, которую называют Баргуджин-Токум[145]: там непрерывно и последовательно падают мол-

[145] О территории Баргуджин-токум см. подробно: Нанзатов 2018: 263–275.

нии» [Рашид-ад-Дин 1952: 157], говорится о разных племенах монголов, для которых частые грозы являются огромным бедствием.

Намного позднее, в начале XX в., частота и сила грозовых явлений в Забайкалье привлекла внимание исследователя Ю. Д. Талько-Грынцевича, который изучал природу нервных заболеваний и физиологических особенностей организма автохтонов Забайкалья, и в частности женщин – казачек, старожилок и семейских. Он считал, что сильные ветры в вечернее и ночное время, летние бури и грозы наводят страх на девушек и женщин, отчего те подвержены беспокойству, вплоть до истерики. По его мнению, атмосферные явления Забайкалья предрасполагали женщин к нервным заболеваниям [1903: 99].

Уникальные метеорологические явления данного региона стали важной частью повседневной жизни его населения, причиной огромного числа представлений, верований и запретов, легли в основу обрядов, защищающих от молний.

Происхождение грозовых явлений

В представлении большей части населения Внутренней Азии гром и молнии есть порождение мифического существа – дракона Луу. Этот образ был хорошо известен средневековым монголам, о чем писал Рашид-ад-Дин. «У монголов же считается, что молния исходит от некоего животного, подобного дракону, и в их областях жители будто бы видят своими глазами, как оно падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя ... Пользующиеся уважением монголы, слова которых заслуживают доверия, касательно этого настойчиво утверждают, что они де неоднократно видели это сами» [Рашид-ад-Дин 1952: 157].

Согласно этнографическим материалам XIX в., этот образ сохранился у народов Монголии, у бурят Забайкалья, тувинцев. Тувинцы называли небесного дракона Улы-Кайракан и верили, что зиму он проводит на вершинах высоких гор, а летом поднимается на небо. «Места его зимовки недоступны; где он зимует, пар стоит» [Потанин 1883: 139]; «Дракон зимою находится в месте, покрытом снегом» [Традиционная культура тувинцев... 2002: 44].

Образ вызывающего грозу змея или дракона, по мнению исследователей Д. С. Дугарова, Ю. В. Березкина, преимущественно характерен для Восточной Азии, а в Центральной Азии обусловлен восточноазиатским влиянием [Дугаров 1991: 182; Березкин 2013: 119]. Воз-

можно, что его предшественниками являются иные образы, которые сохранились на периферии региона и нередко сливались в той или иной степени с образом дракона. Так, среди ойратов грозовые явления связывались с белым небесным верблюдом. Согласно ойратским преданиям, небесный дракон, упав на землю, превращается в верблюжонка. У монголов и тюрков Южной Сибири громовержцем считалось божество Хайрхан [Бакаева 2003: 73, 74]. Множество фольклорных и этнографических материалов, собранных у тюркомонгольских народов Внутренней Азии, показывают, что этим именем обозначались и небесное божество с функциями творца и громовника, и медведь, и высокие грозные горы. Согласно тексту средневекового монгольского обрядника, Хайрхан-тэнгри почитался в качестве гения-хранителя тюркоязычными кыргызами и уйгурами [Галданова 1995: 105]. Анализ первой части тюркского термина *кайракан* позволил Н. Б. Дашиевой определить этимологию термина *кайр* в древнетюркском языке – термин восходит к понятию «гром/небесный огонь» [2015: 124].

Хакасы верили, что молнии являются оружием громовержца Кугурт-хана. «Кугурт-хан являлся хозяином коней ызыхов белой масти ... Шерсть белого ызыха должна напоминать чистоту снега. Кугурт-хан ездил верхом на белом коне ызыхе, держал в руках чомбур из белых серебряных нитей, был в белой шелковой шапке, в белых сафьяновых сапогах и в таких же перчатках, одежда на нем – из чистого серебра; ... он царь над всеми духами» [Бутанаев, Монгуш 2005: 49]. Тувинцы полагали, что молнии бросает на землю божество Хормусту-Кара-Тэнгир. В бурятской мифологии молнии и гром могли исходить от разных небожителей, включая верховного небожителя – Эсэгэ Малан-тэнгри [Потанин 1883: 142], Хөхөдэй-мэргэна (небесного стрелка), Сарь-Саган-тэнгэри Сахилгата будал [Хангалов 1958: 300].

В числе известных со средневековья мнений относительно причин грома и молний, поражающих деревья, людей, животных, жилища, является гнев божеств, который вызывают неправильные действия людей. В монгольском средневековом обществе строго осуждались и даже наказывались некоторые действия, которые могли привести к поражению молнией. К числу таких действий, которые были зафиксированы Плано Карпини, Гильомом де Рубруком, Рашид-ад-Дином, относится запрет стирать и сушить одежду в период летних гроз: «Платья свои они не моют и не дают мыть, а особенно в то время, ко-

гда начинается гром, до тех пор пока не прекратится это время» [Плано Карпини 1997: 42]; «Платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры, высылают тогда чужестранцев из своих домов, закутываются в черные войлоки, в которые прячутся, пока не пройдет гроза» [Рубрук 1997: 99]. Рашид-ад-Дин пишет о племени урянкатов (урянха): «Если кто-нибудь снимет с ноги войлочный чулок и захочет высушить его на солнце, то случится та же самая упомянутая беда [молния попадет в дом]. Поэтому, когда они сушат свои войлочные чулки, то закрывают верхушку шатра и сушат их в шатре» [1952: 157].

Другим греховным действием средневековые монголы считали пролитие на землю молока и молочной пищи. О существовании этого запрета у монголов в XIII в. писал Дж. дель Плано Карпини: грехом было «проливать на землю молоко или другой напиток» [1997: 37]. Смысл запрета раскрывает в своей летописи Рашид-ад-Дин: «Если прольется на землю вино или кумыс, молоко пресное и кислое, то молния преимущественно падает на четвероногих, в особенности на лошадей. Если же будет пролито вино, то это произведет еще большее действие и молния наверняка попадет в скотину или в их дом. По этой причине монголы остерегаются делать все это» [Рашид-ад-Дин 1952: 157]. Впоследствии данный конкретный смысл этого запрета утрачивается либо изменяется – формируется идея об утрате счастья и богатства, образ которого, как правило, воплощался в стадах домашних животных. Так, хакасы верили, что «если молоко вылить на землю или в воду, то молочный скот держаться не будет (рассыплется его жизненная сила – хут)» [Бутанаев 1996: 111]. В XIX в. молоко стало использоваться как средство, которое оберегает дом от возможного попадания молнии, «уводит» грозу в другое место [Галданова 1987: 19], в связи с чем у многих народов Внутренней Азии стал проводиться при первом летнем громе обряд окропления жилища молоком, поднесения жертвенных даров в виде разной молочной пищи небесным божествам [Потанин 1883: 140; Бутанаев, Монгуш 2005: 49]. Кяхтинские табангуты при первом громе три раза смазывали маслом юрту с наружной стороны [Абаева 1992: 100].

Этнографические материалы XIX в. фиксируют широкое распространение на всей территории Внутренней Азии уже совсем иных

представлений о причинах ударов молний: небесные божества стреляют молниями в определенных животных – белку-летягу, бурундука, сову, чертенка, животных и грешных людей, «которые сделали что-нибудь противное небесным кайраканам» [Потанин 1883: 139]. Известны мнения тувинцев, зафиксированные Н. Ф. Катановым, что небесный дракон луу (гром) «...человеку мужского пола безразлично, делает только зло. Мужчина умирает, если ему сделает зло дракон»; Луу «убивает скот и людей, которых он облюбует. Душа человека, убитого небом (т. е. молнией), возносится на небо» [Традиционная культура тувинцев... 2002: 44, 45].

Верили также, что молнию притягивают к себе домашние животные, которые считались нечистыми, – собаки, кошки. За ними могли прятаться злые духи, за которыми охотился громовержец. Во время грозы кошек и собак обычно выгоняли на улицу. Аналогичным образом поступали и местные русские: русские старожилы в Забайкалье «во время грозы удаляют из избы кошек и собак, думая, что они “притягивают” к себе молнию, или как говорят здесь, “молонью”» [Осокин 1906: 108].

Г. Н. Потанину удалось собрать большой материал на обширной территории Северо-Западной Монголии, Южной Сибири, у бурят Аларской и Тункинской степных дум по поводу грозовых явлений. По мнению информаторов – тувинцев, алтайцев, халха монголов, ойратов, бурят, молния бьет именно в то дерево, где скрывается летяга – *абырган, бабырган* (тюрк.)/*олби* (монг.) или бурундук – *корюк* (тюрк.)/*жирх* (монг.)[146]. По мнению тункинских бурят, «олбо – злой дух, которого тэнгри хочет убить молнией. Олбо во время грома сердится и становится большой, с котел величиной» [Потанин 1983: 142]. Причина, по которой небо гневается на этих зверьков, большинству

[146] Данные термины известны только в ареале обитания этих животных. На территории Внутренней Азии ареал обитания, в частности белки-летяги, ограничен и касается только северных территорий региона, поскольку зверьки предпочитают влажные лиственные леса – березняки, ольшаники. Термин *olbi* в монгольских языках, по мнению А. А. Бурыкина, а конкретно его дублетная форма ob, является старым тюркизмом, при том что в тюркских языках со временем данный термин исчез. Более того, А. А. Бурыкин видит в этом примере отражение «паратюркского» и «парамонгольского» языковых состояний и свидетельство алтайского языкового родства [2013: 33, 34].

информаторов была мало понятна – были распространены мнения, что эти животные «сделали что-то неприятное небу», «бурундук украл у неба корову», летяга «сделала что-то худое сыну неба», «тэнгри мстит ему [летяге] за то, что он выкопал глаза младшему сыну неба» [Там же: 140, 141, 181], «ольби, летяга превозносится перед небом и, поместившись под деревом, раздувается с корову...» [Там же: 343]. Исходным мифологическим сюжетом, к которому привязаны все эти объяснения, вероятно, является алтайский миф о Дьайыке [Ойноткинова 2019: 74–77]. Страхом летяги перед молнией объясняется даже образ жизни этого зверька, который показывается людям только зимой [Потанин 1883: 181].

Буряты-эхириты считали, что громовержец Хуходой-мэргэн стреляет молниями в *ааахан шудхэр* – миниатюрного, сплошь обросшего волосами чертика, который любит дразнить божество: показывая ему кукиш, он быстро прячется под хвост скотины, крылья летяги, одежду человека, под деревянное строение [Манжигеев 1978: 17].

Чтобы сделать приятное небесному божеству и заслужить его милость, многие информаторы считали полезным убивать бурундука или летягу: дархаты сжигали зверька и его пепел развеивали по воздуху, алтайцы убивали бурундука и бросали. Халха-монголы летом опасались иметь в доме шкурку бурундука – считали, что в дом может попасть молния. В летнее время во время дождей и гроз избегали также бродить в лесу, где много бурундуков. Верили, что молния бьет именно в бурундука [Монгол ёс... 1992: 516].

Вместе с тем существовали и совершенно противоположные мнения и действия, особенно в тех местах, куда эти взгляды доходили в трансформированном виде. «Алтайцы считают за грех убивать летягу (абыргань); кто убьет, тому будет худо»; ордосские монголы, наоборот, считали полезным держать в доме бурундука, солонго, якобы они оберегают дом от непогоды [Потанин 1893: 343]. В доме закаменских бурят нам довелось увидеть шкурку белки-летяги, натянутую на палочки и закрепленную на стене. Информатор-охотник объяснил, что он точно не знает назначение шкурки, но, как «говорят люди, шкурки этого зверька предохраняет дом от несчастья» [ПМА: 1].

Многие люди верили, что небесное божество стреляет молниевыми стрелами в злых духов, чертей. Они могли прятаться где угодно, включая и жилище человека. В этой связи у хакасов возник особый

ритуал очищения дома при раскатах первой в новом году грозы. «Гром разгонял чертей и очищал от них землю. При первом весеннем громе все домашние выскакивали на улицу, двери открывали настежь. Помещение освобождали от всех животных, включая собак и кошек. Хозяйка, зачерпнув ковшом айран, обегала три раза по солнцу юрту, стучала по каждому звену решетки ковшом и со словами арабского происхождения «*элем-салам*», т. е. мир над вами, кропила айраном на все стороны, остальные домочадцы, опалив на огне до черноты края черемухового прута или взяв кочергу, садились на них верхом и по солнцу обегали три раза юрту, опоясывая ее невидимым огнем. Подобные действия были направлены против злых сил, которые пугались огненной стихии...» [Бутанаев, Монгуш 2005: 49].

Время гроз в календарной системе тюрко-монголов

Время первой грозы было особенным, сакральным в кочевой культуре, и это явление занимало важное место в календаре кочевников и в ритуальной практике. Первые громовые раскаты, так же как первые звуки кукушки, отождествлялись саянскими тюрками с наступлением Нового года. Тувинцы после того, как в небе отгремели раскаты первого весеннего грома, выходили из юрты, налив молоко в деревянное ведро. Хозяйка разбрызгивала молоко туда, где гремело небо, обходила юрту по солнцу три раза и благословляла: «Владыка! Пришло начало года, змеиная кожа облезла, Владыка!» [Там же]. «Алтайцы приносят жертвы огню после первого грома. При этом колют рыжеголового барана» [Потанин 1883: 89]. Урянхайцы во время грома, делая возлияние молоком, произносят: «*Эдзень-сульдэ*!» [Он же 1893: 340]. Монголы также считают начало лета, когда гремит гром, благоприятным временем. Домохозяева облачаются в нарядную одежду, кладут в чаши простоквашу, молоко и, обходя дом по солнцу, совершают кропление небу и земле, окропляют жилище, приговаривая при этом: «*Зудаа цааш нь, зунаа нааш нь*» («беда от нас, лето к нам»). Так же как и саянские тюрки, ценившие щепки дерева, разбитого молнией, монголы держали дома ветки деревьев и кустарников, которые якобы защищали дом от молний, и даже изготавливали из них части юрты. К таким деревьям относили березу, белый саксаул. В летнее время во избежание поражения молнией в каждой семье хранили кость животного, убитого молнией, ветку саксаула, камень, способный влиять на погоду, – *задын чулуу*, буддийскую молитвенную книгу

«Алтангэрэл» [Монгол ёс... 1992: 528]. Буряты, как дерево, предохраняющее от удара молнии, почитают *сухай/сухай* – красную иву. Оно считается священным *(онгон мод)*. «Если желают уберечь свой дом от молнии, берут палочку чистого сухая и подвешивают к дымовому обручу» [цит. по: Дугаров 1991: 136]. В ритуале западных монголов во время первой грозы отправляли обряд, раскладывая вне юрты жертвенные дары – заколотого барана и 27 видов белой молочной пищи. Молоком обмывали юрту с помощью ритуальной деревянной ложки *цацал* с девятью углублениями. Ритуал очищения жилища и имущества молоком во время грозы, который якобы «уводил» грозу в другое место, исполнялся монголами и в XX в. [Галданова 1987: 19].

Белый цвет предметов (белые одежды, белый войлок, белая пища), адресованных небу во время грозы, Г. Р. Галданова относит к символам солнца, атрибутами которого были молнии [Там же]. Возможно, что в традиции надевать нарядные белые одежды и совершать обряд жертвоприношения небу и земле молочной пищей во избежание поражения молнией людей, животных и жилищ во время первой летней грозы отражаются отголоски воззрений о связи нового временного цикла с первой грозой. В пользу этого предположения говорит и следующий факт: с первой грозой в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии были связаны гадания, которые обычно сопутствуют новогодним праздникам. Когда звучал первый гром, внимательно прислушивались, в какой стороне он гремит. Хакасы считали, что если гром прогремит с южной стороны, то в это лето будут молочными кобылицы, если с северной – то коровы, с восточной – овцы, с западной – собаки [Бутанаев, Монгуш 2005: 49]. Сходное толкование примет, связанных с первым громом, записал Г. Н. Потанин на Алтае: «Когда первый гром гремит, примечают, с какой стороны в юрте его слышно: если с женской – будет хороший удой молока, с мужской – прибыль в звере и т. п.» [1883: 142]. Скорее всего неточностью отличается запись, сделанная М. Н. Хангаловым у унгинских бурят по поводу первого грома: «По словам унгинских бурят, если первый весенний гром бывает на северо-западной стороне, то кобылы будут молочными в это лето, а если первый весенний гром будет на северо-восточной стороне, то коровы не будут молочными в это лето» [Хангалов 1960: 225]. В день первой грозы у неба также просили изобилия молока и увеличения стад. Саянские тюрки произносили

заклинания: «Я услышал раскаты первого грома! Пусть я буду богатым! Пусть мои коровы станут стельными, а двор наполнится скотом!» [Бутанаев, Монгуш 2005: 49]. Подобные просьбы также соответствуют формату новогодних традиций.

Небесные стрелы

Средневековый философ, врач Ибн Сина был убежден, что молния, попадая в землю, «рождает» железные и каменные тела, которые образуются от огня, когда он гаснет. «И происходит это благодаря одной из причин, присущей огненной субстанции, которая, потухая, становится сухой и холодной (т. е. приобретает качества твердого тела). В стране тюрок во время гроз и молний падают медные тела в виде наконечников стрел и с выступом, загнутым вверх» [Юрченко 2007: 24–26]. Аналогичным образом рассуждал и ученый-энциклопедист Шэнь Ко эпохи Сун, сообщавший о культе бога грома Лэй-шеня на полуострове Лэйчжоу. В этой местности издавна случались частые и сильные ливни с грозами. Находки медных и каменных изделий в форме топоров и рубил укрепили местное население в вере в Лэй-шеня... [Там же]. На эти размышления средневековых ученых натолкнули многочисленные предметы, изготовленные руками людей предшествующих веков, – палеолитические, неолитические каменные скребки и рубила, изделия эпохи металла – наконечники стрел, топоры и многое другое.

Очевидно, что подобные суждения имели широкую географию. Полагаем, что они были распространены и по всей территории Внутренней Азии – в XIX в. такие представления обнаруживаются повсеместно у монголов, бурят, тюрков Южной Сибири. Монголы верили, что когда гремит гром, вместе с ним на землю падают бронзовые стрелы, называемые «небесными стрелами». По прошествии трех лет после удара молнии в том месте можно найти небесную стрелу [Арьясурэн, Нямбуу 1992: 531]. Хакасы, считая молнию стрелой громовержца Кугурт-хана, находили на земле каменные наконечники. Они также полагали, что стрела напоминает формой яйцо зеленого цвета. Тувинцы принимали за «небесные стрелы» камни красноватого или коричневого цвета [Бутанаев, Монгуш 2005: 49]. Н. Ф. Катанов полагал, что «стрела дракона» есть фульгурит. Этот предмет (очевидно, по форме) напоминал сердце. Такие стрелы нередко становились атрибутами тувинских шаманов, с помощью которых они лечили

больных. Небесная стрела – *дээр огу,* которая получала название «небесное тело», становилась *ээренем* (духом-помощником) самых могущественных шаманов. Этот предмет, иногда похожий на ржавый гвоздь, нередко находили там, где в дерево ударила молния. Шаманы обычно прикрепляли ээрень – «небесное тело» на шаманском плаще, между лопаток [Кенин-Лопсан 1987: 65, 66]. «Найдя стрелу того господина-дракона, хороший шаман берет ее себе и посвящает за это духу неба самого красного, самого бурого коня. Эту стрелу берет очень хороший шаман, плохие же шаманы ее не берут. Плохой шаман, если у него есть дети и потомство, и сам умирает от этой стрелы, и дети его умирают» [Традиционная культура тувинцев... 2002: 45]. Часто подобные предметы находили на земле бурятские шаманы и простые люди. М. Н. Хангалов указывает широкое разнообразие их форм: «Камни эти бывают различной формы: круглые, ножеобразные, топорообразные, кольцеобразные и даже похожие на человека и других форм» [1960: 144]. Эти камни назывались *буумал шулун* и особо почитались бурятами, как знак особого расположения неба к людям. Эти камни буряты также называли «пуговицами с воротника» Эсэгэ Малаан-тэнгри или же «бортовыми пуговицами» его жены – Эхэ Юурэн-тоби [Михайлов 1996: 16].

Такая «теория» о природе молнии и «громовых стрелах» разделялась и буддийскими священниками. В начале XX в. известный бурятский исследователь Ц. Жамцарано в своих дневниках описал спор с ученым доктором медицины и философии габжу Жигмедом о громе и молниях. Последний был убежден в ложном понимании «безверными» европейцами сущности грома и молнии. Он негодовал по поводу отрицания европейской наукой громовых стрел, которые «тысячи людей видели и держали в своих руках», и взывал к слушателями: «Товарищи, неужели никто из вас не видел собственными глазами громовых стрел? Вы все, десятки и сотни людей, видели стрелы... Такие каленые, заостренные, граненые, похожие на кремний, есть и металлические. Их находят в местах, где ударил гром... Да, видали? Говорите!». «О да, конечно, мы видывали громовые стрелы...» – отвечали слушатели [Жамцарано 2001: 243].

Очевидно, что популярности и живучести такого понимания процесса преобразования молнии в предмет способствовала высокая концентрация на поверхности земли, особенно на открытых степных

пространствах, археологических артефактов разного времени. Львиную долю среди них, очевидно, занимали оббитые гальки, нуклеусы, металлические наконечники стрел и копий, послужившие прообразом «громовых стрел». О большом количестве таких находок свидетельствуют результаты археологических изысканий [Монголчууд... 2018: 22, 23; Ташак 2014]. Многие предметы попадали на поверхность из разграбленных могильников. Однако ассоциации громовых стрел с разновидностями боевого оружия эпохи металла, вероятнее всего, были обусловлены регулярными локальными и более масштабными военными конфликтами на территории Внутренней Азии. Допускаем, что, например, тактика массированной стрельбы, применяемая кочевниками в бою, оставляла множество невостребованных стрел на поле боя. Такая тактика стала возможна благодаря особым плоским наконечникам стрел, которые получили широкое распространение в кочевом мире с начала II тысячелетия н. э. [Харинский, Эрдэнэбаатар 2011: 120].

Особенности поведения во время грозы в традициях разных этнических групп тюрко-монголов

Средневековые путешественники пишут, что многие монголы очень страшились грозы: «во время грозы они не выходят из кибиток и в страхе сидят дома»; «они боятся грома выше меры, высылают тогда чужестранцев из своих домов, закутываются в черные войлоки, в которые прячутся, пока не пройдет гроза» [Рашид-ад-Дин 1952: 157; Рубрук 1997: 99]. В то же время были и те, кто грозы не боялся и бросал вызов небу. Среди таких людей было племя *урянха*, о которых писал Рашид-ад-Дин: «У них есть такой обычай: когда падает много молний, они поносят небо, и тучи, и молнии и кричат на них» [1952: 157]. Свою неуязвимость урянха обосновывали небесным происхождением. Уверенность, что молния их не поразит, представители этой народности пронесли сквозь века и продолжали так поступать и в XIX – начале XX в. Так, в частности, представители рода урянха, проживающего в Бурятии, во время грозы надевали белые одежды, скакали вокруг горы на белых конях и кричали, обращаясь к небу: «Мы происходим от Утай-тэнгэри и от рода урянх-зэмбэ» [Абаева 1992: 100]. Верили в свое небесное происхождение и другие монгольские народы, в частности представители племени *хухыд*, которые в настоящее время рассеялись по территории Монголии. Часть из них проживает в

Селенгинском районе Бурятии. «В основу слова *хухыд* было положено название горы Хан-Хухэй, где проживает и поныне некоторая часть хухыдов» [Зориктуев 1983: 137]. Согласно другой интерпретации, родство хухыдов с небом обосновывается термином *хөх*, имевшим в древнемонгольском языке значения «голубой», «синий», «небо». «Хухыды происходят от голубого неба. Стрелы его молний не будут обращены против нас. Когда гремит гром, надо произносить эти слова» [Там же].

Согласно генеалогическому преданию, повествующему о происхождении представителей Тураева (Подгородного) рода селенгинских бурят, небесное происхождение имели их далекие предки – горлосцы. Родоначальник горлосцев имел двух жен, одна из которых была уроженкой Непала, другая была хорчинской тангуткой. Первая жена от черного тэнгри (неба) родила сына, от которого пошли непальцы. Тангутка от белого тэнгри родила сына, от которого пошли *горлосцы* (бур. *хурлаты*). «Когда они говорят: «отец мой – тэнгри, мать моя – земля» и во время грозовых раскатов неистово кричат, то считают, что этим самым способствуют рассеиванию ударов молнии» [Дылыков 1964: 146].

В родственную связь их племени с небом верили представители *боржигин* у халха, *чонос* и *меркит* у западных монголов. К людям небесного происхождения стали относить, прежде всего, представителей «белой» кости, «небесных детей с белоснежным телом». Монголы считали, что небо не поразит своих детей [Эрдэнэболд 2012: 17, 18].

В силу своего небесного происхождения, люди, принадлежавшие к определенным этническим группам, во время грозы или в случае гибели людей и животных от молнии взывали к небу и вопрошали:

«Я человек искони из урянхов.
Хочешь ли ты, гремя,
Ударить вороного жеребца?
Хочешь ли ты ударить и меня?
Хочешь ли ты, гремя,
Ударить бурого жеребца?
Хочешь ли ударить и меня?» [цит. по: Эрдэнэболд 2012: 16].

Представители «белой кости», князья (ноены, тайджи), прибыв на место, где находился человек, пораженный молнией, соорудив небольшое обо из камней, кропили молоком и представлялись: «С хан-

ской белой костью, тайджа небесного происхождения» (называл свое имя). Затем он начинал упрекать Небо: «Не потерял ли глаз, не ослеп ли ты? Зачем спустился на то, на что не нужно было спускаться? Если хотел спуститься, зачем не спустился на меня?» [Эрдэнэболд 2012: 18].

Представители этнических групп «небесного корня» и «белой кости» прибегали также к «изгнанию» грозы. Люди из рода шарнууд, дархат выкрикивали во время грозы особые слова и били при этом по металлическим предметам [Там же]. Таковы были «возможности» влиять на грозу со стороны некоторых избранных небом родов и племен в XIX – начале XX в.

Однако в прошлом небесное происхождение царственного рода Чингисхана и его многочисленных потомков не освобождало их от страха быть пораженными молнией. Один из царевичей-чингизидов – Ногай, ставший зятем византийского императора Михаила VIII Палеолога (XIII в.), принимая дары от своего тестя, среди которых были и дорогие одеяния – златотканые одежды и расшитые жемчугом головные уборы, интересовался прежде всего магическими и лечебными свойствами таких одежд: «Полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болела?» или «Эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома так, чтобы человек под калиптрою был непоразим?» Узнав, что одежды не обладают такими свойствами, он с пренебрежением отбрасывал их [Почекаев 2017: 77].

Итак, разнообразные источники показывают, что часть монгольского населения Внутренней Азии считала происхождение своего родового/племенного сообщества небесным и в силу этого не опасалась грозы. Однако наравне с ними бросать вызов небу могли этнические группы, которые считали, что Небо в долгу перед их предком. В среде калмыков такой группой считаются *шар меркиты*, предок которых помог вернуться на небо дракону-громовержцу (последний промахнулся, пытаясь ударить меркита молнией, упал на землю и превратился в белого верблюжонка). С тех пор только меркиты могли прикасаться к трупу пораженного молнией [Бакаева 2003: 70]. Сходное по сюжету предание, обнаруженное у хамниган, проживающих среди агинских бурят, объясняет отсутствие страха перед молнией у хамниган: «Как-то раз Лу спустился на землю. Хамниган поймал его за голову и стал называть тугшаном. Другой хамниган схватил его за

хвост. С тех пор хамниганы из рода Залайри не боятся ни грома, ни грозы. Как только сверкнет в тучах грозовых молния и загрохочет гром, хамниганы из рода Залайри громко кричат: “Хээг! Хээг!”» [Небесная дева-лебедь 1992: 200].

У хакасов предок рода сайын когда-то поразил своим выстрелом нечистую силу айна в образе голого, с черным задом чертенка, укрывшегося в расщелине скалы и дразнившего громовержца кукишем. «Последний более 40 лет метал свои молнии в нечистую силу, но не мог его поразить. С тех пор сеок сайын славится громовержцем Кугурт-Чаячы» [Бутанаев 2003: 52]. Стараясь обезопасить себя от поражения молнией, другие хакасы стали во время грозы представляться громовержцу родственниками сеока сайын: «Во время удара молнии, когда человек находился в пути, а также когда было необходимо взять ветви дерева с “небесным огнем”, читалось заклинание: “Я дядя по матери сайынского рода, я племянник по сестре сайынского рода”» [Там же].

Возможность «заслужить» милость Неба выражалась также в распространенном у многих народов региона убеждении, что следует убивать животных, вызвавших гнев Неба, – летягу и бурундука. Так считали дархаты, алтайцы [Потанин 1883: 181].

Буряты рода хангин, согласно генеалогическому преданию, верили, что хангинцы стали неуязвимыми для молний с тех пор, как громовержец Хөхөдөй-мэргэн промахнулся, стреляя в их предка. «В предании о бурятах рода Хангин говорится, что громовержец Хугдомэргэн решил поразить человека молнией. Этим человеком оказался представитель рода хангин, который ехал на чубаром коне. Громовой удар задел только хвост и гриву чубарого коня, а человек из рода хангин остался невредимым. Говорят, с тех пор человек хангинского рода не боится грозы, а чубарый конь навсегда остался с редким подрезанным в грозу хвостом и гривой» [Небесная дева-лебедь 1992: 80].

Некоторые люди просто обращались к Небу с просьбой оберегать их. Кяхтинские табангуты при громе поднимают руки вверх кричат: «Намэ хара!» (Береги меня!) [Абаева 1992: 100]. Аналогичным образом поступали монголы из племени тоодын[147]. Об этом сообщил

[147] Речь идет о хотогойтском племени Дуутан/Дотно. Об этой группе, входящей в состав хотогойтов, упоминал Х. Нямбуу [1992: 143]. В более позд-

Г. Н. Потанину его рабочий Найдын, родом из этого племени. Он рассказал об обычае во время грома кричать: «Тоодын байна! Тоодын байна!» (Тодын здесь!). Поэтому рассказчик полагал, не отсюда ли произошло название его племени [Потанин 1883: 330]. На наш взгляд, это является отголоском былых представлений о родстве этнической группы с Небом и подобные возгласы, по всей видимости, должны были привлечь внимание Неба к этим людям.

Отношение к пораженным молнией

Из этнографических источников XIX – начала XX в. нам известно, что в культуре кочевников сложилось неоднозначное отношение к человеку или животному, пораженному молнией. Буряты, хакасы, тувинцы считали, что человек, убитый молнией, – избранник богов, а животное, пораженное молнией, угодно Небу. У бурят «убитый громом человек считается за какие-нибудь выдающиеся качества взятым на Небо, к божествам грома и молнии, почитается наравне с умершими шаманами, а потомство его получает шаманское утха – будал утха, право быть шаманом» [Михайлов 1996: 16]. Хоронить в земле жертв молний запрещалось – их размещали на специальном помосте.

Однако в средневековье в монгольском обществе отношение к убитым молнией, вероятно, было иным. «И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом чрез огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобное, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое»; «И, говоря кратко, они веруют, что огнем очищается все ... Точно так же, если огонь упадет с неба на стадо или людей, что там часто случается ... то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц» [Плано Карпини 1997: 38–39]. Ритуал прохождения между горящих огней, сохранившийся у монгольских народов до XX в., был направлен на очищение людей, животных и даже имущества (всего, что находилось в ставке, до повозок) от скверны, болезней, злых духов. Очевидно, что пораженный молнией человек рассматривался как источник скверны, сакральной нечистоты, которую он распространял на все, что его окружает, даже на домашнее имуще-

них исследованиях группу тодын в версии, представленной Г. Н. Потаниным, идентифицировал как «дотно» Сампилдондовын Чулуун [2006: 46].

ство. Таким пониманием данного явления и обусловлены сложные обряды очищения от скверны в монгольском обществе, описанные Дж. дель Плано Карпини.

Отголоски именно таких представлений мы видим в погребальном ритуале халха-монголов XIX в., совершаемом в отношении человека, убитого молнией: «Если гром убьет человека, вырывают яму и кладут в нее покойника; затем девять тайджи на белых лошадях в белой одежде ездят кругом и кричат; если этот обряд не совершить, другого кого-нибудь постигнет та же участь. В предупреждение несчастья от грома брызжут над белым войлоком молоком посредством цасыла» [Потанин 1883: 140–141].

***

Исследование представлений и обычаев тюрко-монгольских народов, связанных с грозовыми явлениями, показывает архаичность образа громовержца-дракона, распространившегося с территории южной и юго-восточной Азии; устойчивость представлений о сущности грозовых явлений, процессе трансформации молнии в каменные и металлические объекты (археологические артефакты). Наблюдается разное осмысление причин поражения человека или животного молнией: негативное понимание этого события в монгольском обществе со средневековья до XIX – начала XX в., позитивное – на периферии Монгольской империи – у бурят, тюрков Южной Сибири. Образы грозовых явлений в представлениях отдельных этнических групп тюрко-монгольского мира, совершенно противоположные чувства и действия, испытываемые представителями разных народов в отношении гроз и молний, вероятно, могут пролить свет на социальную жизнь номадов, например внести уточнения в иерархию родов и племен кочевых сообществ.

Литература

Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1992. 140 с.

Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 358 с.

БАМРС – А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба. Большой академический монгольско-русский словарь в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 485 с.

БАМРС – А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба. Большой академический монгольско-русский словарь в 4 т. Т. 2. / под общ. ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 505 с.

БАМРС – А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба. Большой академический монгольско-русский словарь в 4 т. Т. 3 / под общ. ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: AKADEMIA, 2001. 437 с.

БАМРС – А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба. Большой академический монгольско-русский словарь в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 532 с.

Березкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 320 с.

БРС – Бурятско-русский словарь / состак как М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 803 с.

Бурыкин А. А. О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских языков в контексте алтайской теории) // Российская тюркология. 2013. № 1(8). С. 31–36.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. 259 с.

Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005. 197 с.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 114 с.

Галданова Г. Р. Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 94–107.

Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 234 с.

Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят. М.: Наука; Восточная литература, 2015. 239 с.

Де Гроот Я. Я. М. Демонология древнего Китая. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.

Дмитриева Л. В. Этимология географических аппелятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л.: Наука, 1984. С. 130–178.

Дробышев Ю. И. Средневековый Отюкен // Восток (ORIENS). 2012. № 4. С. 5–22.

Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991. 300 с.

Дылыков С. Д. Из истории селенгинских бурят // Краткие сообщения института народов Азии. Вып. 83. Монголоведение и тюркология. М.: Наука, 1964. С. 125–147.

Евгеньева А. П. Словарь русского языка. В 4 т. Т. IV: С – Я. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 800 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 448 с.

Зориктуев Б. Р. К истории рода хухыд // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: РИО БФ СО АН СССР, 1983 (148 с.). С. 134–142.

Карпини Дж. дель Плано. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны; Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / вст. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.

Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. 164 с.

Козин С. М. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niguča Tobčiyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. М.; Л., 1941. 620 с.

Комиссаров С. А., Кудинова М. А. Образ небесного пса в китайской мифологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 11. 2012. № 4. С. 70–79.

Крадин Н. Н. Предварительные результаты изучения урбанизационной динамики на территории Монголии в древности и средневековье // История и математика. Макроисторическая динамика общества и государства. М.: КомКнига, 2007. С. 40–48.

Крадин Н. Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 330–346.

Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 184 с.

Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 110 с.

Нанзатов Б. З. Интерпретация значения Баргуджин-токум: древнетюркские корни // Тюркологический сборник 2015–2016. Тюркский мир Евразии / ред. кол. Т. Д. Скрынникова (предс.), Т. И. Султанов, И. В. Зайцев. 2018. С. 263–275.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

Ойноткинова Н. Р. Обряд освящения покровителя семьи – Дьяйык (Jайык). Этнографические описание // Обрядность в традиционной культуре алтайцев: кол. монография / Мин-во образования и науки Республики Алтай; Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2019. С. 74–77.

Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 304 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1029 с.

Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Потанина 1884–1886. Т. 2. СПб.: Типография Суворина, 1893. 437 с.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2017. 455 с.

Рашид ад-Дин. Собрание летописей. Т. 1. Кн. 1. Л.; М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 221 с.

Рубрук де Г. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны; Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / вст. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Восточная литература, 1997. 216 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. 2-е изд., перераб., доп. и испр. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 384 с.

Содномпилова М. М. Природные и культурные ориентиры жизненного пространства номадов Центральной Азии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 90–112.

Содномпилова М. М. Водные экосистемы в мировоззрении монгольских народов // В мире традиционной культуры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 112–150.

Содномпилова М. М. Атмосферные явления в концептуальной и языковой версиях картины мира монгольских народов // В мире традиционной культуры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. С. 152–202.

Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.

Содномпилова М. М. Гидрографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019а. № 3(35). С. 96–101.

Содномпилова М. М. Образы леса в терминологии «Сокровенного сказания монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии // Mongolica. 2019б. Т. 22. № 2. С. 91–94.

Содномпилова М. М. Орографические объекты «Сокровенного сказания монголов» (Mongyol-un niyuca tobciyan) в контексте исторической географии Внутренней Азии / М. М. Содномпилова // Oriental Studies. 2020а. Т. 13. № 5. С. 1349–1358.

Содномпилова М. М. Открытые пространства в терминологии «Сокровенного сказания монголов» в контексте исторической географии: образы, локализация // Монголоведение (Монгол судлал). 2020б. Т. 12. № 1. С. 122–131.

Содномпилова М. М. «Земля гроз и громовых стрел»: мифологические образы Внутренней Азии // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2(39). С. 72–83.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

Сундуева Е. В. Архаическая ландшафтная лексика в языке «Сокровенного сказания монголов» // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 38. Филология. Искусствоведение. 2009. № 39(177). С. 140–143.

Сундуева Е. В. Изобразительная природа гидрографической терминологии в языке «Сокровенного сказания монголов» // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. С. 42–46.

Сундуева Е. В. Звуки и образы. Фоносемантическое исследование лексем с корневым согласным [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.

Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. Русского географического общества. Т. VI. Вып. 1. 1903. С. 95–135.

Тарабукина Л. Д., Кононова Н. К. Сопоставление грозовой активности в некоторых регионах Северной Азии со сменой атмосферной циркуляции в летние сезоны 2009–2016 гг. // Материалы Всерос. науч.-исслед. конф. «Современные тенденции и перспективы развития гидрометеорологии в России» Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 420–428.

Ташак В. И. Палеолитическое местонахождение Хэнгэр-тын скальная в Западном Забайкалье // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 1(13). С. 75–87.

Тишин В. В., Нанзатов Б. З. Татары Внутренней Азии VIII–XII вв.: некоторые вопросы исторической географии // Золотоордынское обозрение. Т. 8. № 1. 2020. С. 8–31.

Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) / подг. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2002. 224 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 550 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. III. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 420 с.

Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований. 2011. № 6. С. 107–122.

Цэрэнханд Г. Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 196 с.

Юрченко А. Г. Книга камней. Чудеса мира в восточных космографиях. СПб.: Евразия, 2007. 256 с.

Bazargur D., Enkhbayar D. Chinggis khaan (Historic-geographic atlas). Ulaanbaatar, 1997. 56 p.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elements im Neupersischen. I–IV. Band 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 557 p.

Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi). Geheim Geschichte der Mongolen. Leipzig, Otto Harrassowitz, 1939. 191 p.

Hambis L. Survivance de toponymes de l'epoque mongole en Haute A sie, in Melanges de Sinologie offerts a M. P. Demieville. Vol. 2. Paris, 1974. P. 19–41.

Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou. Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E. J. Brill, 1951. T. I. XXVII. 485 p. (In Fr.)

Marie-Dominique Even et Rodica Pop. Histoire secrète des Mongols [Mongghol-un ni'uca tobciyan]. Chronique mongole du XIIIe siècle. Collection Connaissance de l'Orient (n° 85), Série mongole, Gallimard Parution. Paris, 1994. 360 p.

Pelliot P. Histoire secrète des Mongols: Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres 1 à 6 Par Paul Pelliot. Avant-propos par René Grousset. Avertissement par L. Hambis Reliure inconnue. Paris, 1949. 199 p.

Pelliot P., Hambis L. Histoire des campagnes de Gengis Khan. Cheng-wou tc'in-tchen lou I. Leiden, 1951; II by L. Hambis (unpublished manuscript). 485 p.

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1955. 300 p.

Poppe N. N. On some geographic names in the Jami' al-Tawarix // The Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. № 1–2. P. 33–41.

Rachewiltz I. Index to the Secret History of the Mongols. Vol. 121. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.

Rachewiltz, I. The Secret History of the Mongols. Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Trans. with the historical and antr. comm. by Igor de Rachewiltz. Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2004. 1348 p.

Schubert J. 'Der Mittagsrastplatz des Cinggis Xaan' / Mongolian Studies (Bibliotheca Orientalis Hungarica XIV). Budapest: Aekademiai Kiado, 1970. P. 519–527.

元史新編. – 上海:上海書局, 1936. 4759 页 (= Юаньши синьбянь. Шанхай: Шанхайское кн. изд-во, 1936. 4759 с.

王國維 . 海寧王靜安先生遺書. – 上海 : 商務印書館 – 43種 [Wáng Guó Wéi. Hǎiníng wáng jìng'ān xiānshēng yíshū. Shànghǎi: Shāngwù yìn shūguǎn – 43 zhǒng].

Арьясурэн Ч., Нямбуу Х. Монгол ёс заншлын их тайлбар толь. Тэргүүн боть. Улаанбаатар: Суулэнхуу, 1992. 928 х.

Монголчууд: нэн эртнээс XII зууны эхэн. Талын нуудэлчдийн уламжлал. Улаанбаатар: Монсудар, 2018. 263 р.

Нямбуу Х. Монголын угсаатны зүйн удиртгал. Улаанбаатар, 1992. 196 с.

Пэрлээ Х. Монголын нууц товчоо-ны газар усны нэрийн тухай урьдчилсан мэдээ // Шинжлэх уханб. 1948. № 1(16). Х. 58–75.

Пэрлээ Х. Нууц товчооннд гардаг газар усны зарим нэрийг хайж олсон нь (= Анализ некоторых топонимических названий, содержащихся в «Сокровенном сказании монголов»). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэлийн газар, 1958. 11 х.

Чулуун С. Хотогойдын түүх (XVII–XX зууны эхэн үе. Улаанбаатар хот. 2006. 162 с.

ПМА: полевые материалы автора.

Информаторы:

1. Жалцанов Д. Ц., 1906 г. р., пос. Баянгол, Закаменский район Республики Бурятия (2003 г.).

2. Жалсанов Д. Б., 1923 г. р., хонгодор, с. Цаган-Морин, Закаменский район Республики Бурятия (2004 г.).

3. Басхаев Г. В., 1931 г. р., буура, с. Байтог, Эхирит-Булагатский район (2003 г.).

Глава 3
Внутренняя Азия – Сибирь: движение этнонимов

3.1. Ойратско-бурятско-якутские этнические связи: *ögeled / öliyed || *elüdei > ilüder || eldei > ellei*

Исследование этнонимов тюркских и монгольских народов позволяет расширить знания об этнической истории степного пояса Евразии. В данной работе на примере этнонима *олёт*/ *элёт*/ *элют*/ *өлөд*/ *өөлд*/ *ööлöd*/ *ögeled*/ *ügeled*/ *ögälät*/ *öliyed* предпринята попытка установить участие одной из ветвей ойратской общности (олётов и – шире – ойратов) в этногенезе бурят и якутов. В этнической истории ойратов важную роль сыграли олёты, в особенности на ранних этапах развития ойратской общности, поскольку, по общему убеждению исследователей, после распада Монгольской империи они стали главенствующей группой среди ойратов. В разные периоды отмечаются изменения статуса этнонимов «олёт» и «ойрат»: первый распространяется на всех ойратов и, наоборот, олёты становятся частью ойратов. Такая динамика в иерархии этнических общностей нуждается в уточнении событий, повлекших эти изменения. Частично информацию дают письменные источники. Однако следует отметить противоречивость их сведений. В исследованиях этногенеза и этнической истории письменные источники далеко не всегда являются ключевым звеном, что не исключает их использования с известной долей осторожности.

История ойратов достаточно подробно освещена в дошедших до нас хрониках, однако сведения об олётах довольно скудны, так как большинство авторов принадлежали к другим ветвям ойратов (Батур-Убаши Тюмень, Габан Шарап и др.). В статье А. Бирталан по этногенезу олётов указано всего два письменных источника и практически полностью отсутствуют материалы устного народного творчества (генеалогические предания, легенды) [Birtalan 2002]. Необходимо расширить источниковую базу. В данной работе внимание сфокусировано на этнической истории олётов, географии их расселения в целях реконструкции этнической карты Внутренней Азии в разные периоды. Особый интерес представляет идентичность олётов.

Методологической опорой исследования являются историко-сопоставительный и историко-лингвистический методы, применя-

емые в исследованиях по этногенезу, а именно при изучении этнонимов и эпонимов. Продолжительный период со времени падения династии Юань в истории Северной Монголии (включая Прибайкалье, Туву, Хакасию, Западную Монголию) известен как «темный» из-за отсутствия письменных источников. Дошедшие до наших дней памятники XVIII–XIX вв. являются компиляцией несохранившихся сочинений. Осложняет ситуацию утрата западными бурятами и якутами, в состав которых вошли и олёты, письменных традиций. Несмотря на наличие соответствующей терминологии, книг того времени у них не обнаружено. В определенной мере восполнило эту лакуну развитое устное народное творчество, включающее широкий спектр эпических произведений, генеалогических легенд и преданий. В основу предлагаемой гипотезы легли материалы, записанные в первой половине XVIII в. Я. И. Линденау у вилюйских якутов [1983: 18] и в конце XIX в. М. Н. Хангаловым у кудинских бурят [1960: 107–108]. Термин «олёт» упоминается в ойратских хрониках.

В истории ойратов в поздний период правления династии Юань, эпоху Мин и времена маньчжурского владычества отмечены сложные этнические процессы: добровольные и насильственные миграции, смешение и разделение ойратской общности. Все это послужило причиной формирования многоуровневой системы идентичности ойратов. На разных этапах развития ойратской общности этноним «олёт» объединял большинство ойратов и утрачивал свою актуальность (подробнее см.: [Терентьев 2017]). Это обосновывает интерес к этнической истории олётов. Важной задачей видится исследование их роли в этногенезе бурят, занимающих северную периферию монгольского мира.

Дисперсное расселение олётов (по рекам Или, Харашар, Алашань, Кобдо, Хайлар) было вызвано целым рядом причин: конфликтами с другими народами, распрями среди знати, насильственной миграцией в эпоху Цин. По данным Г. Лижээ [2008: 12–14], они являлись одной из групп монгольского населения Синьцзяна и составляли 21 сомон. К настоящему времени известны такие группы олётов, как кобдоские (сомон Эрдэнэбурэн), архангайские (сомоны Хотонт, Улзийт) в Монголии [Дисан 2012: 107]; монгол-хурэ, эмелинские, хутагтын-хурэ, хара-ус (Синьцзян) [Лижээ 2008: 12–14], хулунбуирские (аймак Хулунбуир АРВМ) в Китае [Цыбенов 2015]; сарт-калмаки в Кыргыз-

стане (см.: [Нанзатов, Содномпилова 2012]). Кроме того, небольшие группы олётов широко представлены практически на всей территории Монголии (подробнее см.: [Очир, Дисан 1999: 11–13]), присутствуют среди тувинцев, в частности среди оюннаров и хомушку [Дулов 1956: 130, 134]. В среде дархатов их отметил Г. Д. Санжеев [1930: 12]. Среди западных бурят олёты, также известные как сэгэнуты, наряду с булагатами и эхиритами представляют одно из старейших племенных объединений. В их составе отмечены такие подразделения, как икинат и зунгар [Хангалов 1890а: 88; 1960: 107–108].

Письменные источники. Согласно одной из версий этнической истории ойратов, олёты являются предками чоросов по материнской линии: Оолинда Будун-тайши – дочь олёта Боо-хана, выйдя замуж за хойтского принца, положила начало роду Чорос [Okada Hidehiro 1987: 210]. По письменным источникам этноним «олёт» стал известен лишь на рубеже XV–XVI вв. Так, в одном из них говорится о выделении подданных Хамаг-тайджи (внука Эсэн-хана), имевших этноним *ügeled*/*ööld*, из более крупной к тому моменту общности чоросов *(čoros)* [Oyirad teüke-yin… 1992: 9]. В «Сказании о дорбен-ойратах» сообщается, что «с того времени, когда калмыки, носящие красную нить на шапке *(ulan zalatu xalimaq)*, получили прозвание “ойраты-элёты” *(oyirad öyilöd)*, до нынешнего года “земли – зайца” прошло 382 года» [1969: 17–18]. По расчетам В. П. Санчирова, это событие произошло в 1438 г., когда ойратский правитель Тогон-тайши из знатного рода чорос (цорос) наголову разбил восточно-монгольского верховного хана Адая и стал во главе первого союза дербен-ойратов [Письменные памятники… 2016: 21].

В сочинении Батур-Убаши Тюменя говорится об откочевке олётов к хазалбашам [2003: 127]; откочевка за р. Манхан упоминается в «Истории Хо-Ёрлёка» [Письменные памятники 2016: 31]. Б. У. Китинов [2017] провел исследование миграции олётов на запад в контексте религиозной ситуации у ойратов в XV – начале XVI в. По его мнению, причиной распада олётской общности послужил брак Аш-Темура (Амасанджи-тайши) и дочери правителя Могулистана, главным условием которого было принятие их детьми ислама. Впоследствии между отцом и сыновьями Ибрахимом (亦卜剌因 Yìboláyīn) и Ильясом (亦剌思Yìlásī)* #* (об Ибрахиме и Ильясе см.: [Serruys 1977: 375]). # возник конфликт из-за религиозных разногласий, в результате

чего сначала Амасанджи-тайши ушел в Могулистан (но потом вернулся), а позже его сыновья. Все это случилось, по данным источника «Тарих-и Рашиди», в период с 1469 г. по 1504–1505 гг. [Serruys 1977: 375; Хайдар 1996: 115], а по мнению В. В. Бартольда [1898: 81–82] – в 1472 г. Б. У. Китинов считает, что события, последовавшие за браком Аш-Темура (Амасанджи-тайши, Эсмет-Дархан-нойон), привели к гибели большей части олётов и их правящего рода чорос [Китинов 2017: 378].

В первой половине XVIII в. основная масса олётов была расселена на территории Джунгарского ханства. После его падения в 1757–1758 гг. произошли значительные изменения (подробнее см.: [Очиров 2010]). На завершающем этапе истории Джунгарского ханства понятие «джунгары (jŭ̄ŋar/зүүнгар)» включало все ойратское население. Свидетельством этого является наличие в составе калмыцких зюнгаров таких крупных самостоятельных подразделений, как торгуты, хойты, урянхусы и теленгиты [Митиров 1998: 142; Шантаев 2009: 142; Бакаева 2016: 87]. Но после падения Джунгарии этноним «джунгар (sungar/jüünγar/зүүнгар)» был официально запрещен, а «олёт (eleuths/өөлөд)» стал официальным наименованием большей части ее ойрат-монгольского населения [Fang Chao Ying 1943: 11]. Таким образом, в эпоху Цин зюнгары стали называться олётами, как и прежде. В то же время на территории Синьцзяна (Джунгария и Восточный Туркестан) официально фиксируются торгуты, хошуты, дербеты, чахары, урианхай и захчины [Лижээ 2008: 8–18]. Следовательно, основу населения олётских хошунов и сомонов здесь составили близкородственные олёты и зунгары, а другие группы ойратов проживали отдельно. О том, что именно олёты с 1437 г. стали называться джунгарами, повествуется в сочинении «История Хо-Örlöka»: «...γool dumda ni Qošud čerig, ǰegün bey-e-dü Ögeled-ün čerig-i ǰegün γar-un čerig geǰü nereyidbei... Tegün-eče ekileged, Ögeled-tü J̌egünγar gedeg nere šinggebei, Torγud-tu baraγun γar gedeg ner-e qadaγdabai gedeg» [Письменные памятники… 2016: 27] – «в центре находилось войско хошутов, на левом фланге *(зүүн бийдэ)* – войско элётов, которое назвали *зүүнгарын цэрэг* (войском левого крыла… <...> Говорят, что с того времени за элётами закрепилось название “джунгары” *(зүүн һар)*, за торгутами – название *баруун һар* (правый фланг)» [Там же: 33–34]. Еще одним примером того, как соотносились этнонимы «ойрат» и

«олёт», является ойратский письменный памятник «Илэтхэл шастир», в котором они были взаимозаменяемы [Санчиров 1990: 45–46].

История олётов, оставшихся во Внешней Монголии, подробно освещена О. Оюунжаргал в монографии, впоследствии вышедшей и в переводе на русский язык. Автор, подробно описав события, приведшие к формированию Олётского чуулгана (сейма), на основании «Илэтхэл шастир» и архивных источников пришла к выводу, что в его состав вошли шесть хошунов, в том числе олётов, хойтов и хошутов [Оюунжаргал 2009: 53–74; Она же 2015: 63–83]. Однако по вопросу об этническом составе Олётского сейма существует и другое мнение. Б. Нацагдорж вместо хошутского хошуна указывает торгутский Мэргэн-цорчжи [2015: 183; Natsagdoj 2015]. В любом случае самыми многочисленными были олёты, чьим именем и назван чуулган.

Представленные выше материалы письменных источников, отражающие этапы развития ранней олётской общности, все еще остаются дискуссионными. Следует отметить, что в контексте задач данной работы вопрос о соотношении чоросов и олётов не является принципиальным. Исследование сложного расселения нескольких анклавов разделенной олётской общности представляет интерес с точки зрения участия одной из ее ветвей в консолидации баргу-бурят.

Ӧlöd. Как отметил Окада Хидехиро, маньчжуры использовали *Ӧlöd*, транскрибируемый по-маньчжурски *Ūlet*, в качестве синонима *Oyirad*. Термин *Ӧlöd* был китаизирован как *E-lu-t'e*, от которого произошел европейский вариант *Eleuths* [Okada Hidehiro 1987: 197]. Отметим, что ойратов маньчжуры называли Urūt [Crossley 2006: 80].

Наличие Олётского сейма в составе Цинской империи до завоевания Джунгарии дает возможность разрешить проблему соотнесения терминов *ойрат*/*oyirad* и *олёт*/*ӧlöd* в эпоху Цин. По нашему мнению, последний заместил в глазах маньчжурской администрации понятие «*ойрат*» в связи с формированием первого ойратского чуулгана в составе империи. Сейм, названный по имени крупнейшего ойратского подразделения, стал отправной точкой идентификации всего западномонгольского населения.

Одной из первых европейских работ по ойратам была книга И. Бичурина, вышедшая в 1834 г. Именно в ней указано о существовании разночтения в этнониме: «Князь *Элютэй* был столь славен в Монголии, что по его имени и всему его поколению дано название *элют*.

Слово *Элютэй* по китайскому произношению: *Олотай*, по монгольскому же выговору следует писать *Элютэй*, а от сего *элют* – название поколения» [Бичурин 1834: прим. 20]. Возможно, в основу этого утверждения легла фраза из рукописи В. М. Бакунина, опубликованной значительно позднее: «Но сие достоверно, что в XVI веке калмыцкий народ назывался на их языке ойрот, а по-мунгальски *ойлиот*» [1995: 20]. В. М. Бакунин (1700–1766) как чиновник и переводчик с калмыцкого языка сопровождал китайское посольство к калмыкам в 1731 г. Возможно, именно это событие повлияло на восприятие экзоэтнонима *ойрот (Oyirad)* как *ойлиот (Ölöd)*. Долгое время в монголоведении не было однозначной позиции по данному вопросу, некоторые исследователи считали, что китайское 厄鲁特 *О-лу-тэ*/*Èlǔtè* и есть искаженное *ойрот*/*Oyirad* [Успенский 1880: 127; Bretschneider 1888: 168].

Трудноразрешимой проблемой видится кажущаяся фонетическая близость этнонимов 卫拉特 *(Вэй-ла-тэ/wèilātè)* «*ойрат*» и 厄鲁特 (*О-лу-тэ*/*Èlǔtè*) «*олёт*» в китайском языке цинского времени. Наличие в предшествующие эпохи иероглифических терминов, обозначающих ойратов (斡亦剌惕 *(Во-и-ла-ти/Wòyìlátì)* в юаньское время [Ван Юньу 1936: 58], 瓦剌 *(Ва-ла/Wǎlà)* [Мин ши; Покотилов 1893: 32; Hambis 1969: 93; Pelliot 1960: 6] / 衛拉特 (卫拉) *(Вэй-ла-тэ/Wèilāte)* в минское) [Мин ши (сыку цюаньшу бэнь); Pelliot 1960: 8]), с одной стороны, и отсутствие таковых для понятия «*олёт*» – с другой позволяет допускать, что последнее передавалось тогда китайскими историографами термином *ойрот*/*oyirad*, написание которого изменялось с развитием фонетики китайского языка. Присоединяемся к мнению П. К. Кроссли о том, что недопустимо считать *olot*/*ölöt* возвратной конструкцией к китайскому *elete*/*weilete* [Crossley 2006: 80–81].

Важным остается вопрос об этимологии этнонима *Öölöd*. Существует гипотеза китайского исследователя Алтаноргила о его происхождении от *өөлий* – «крупный, мощный» [Altanorgil 1987: 145]. А. Очир считает, что данный этноним восходит к корню *öge*, указывая в качестве примеров имена из «Сокровенного сказания монголов»: *öge-lün* (eke), *öge-lei* (čerbi), *öge-dei* (qaγan) [Kuribayashi, Choijinjab 2001: § 13, 55, 93, 191, 214, 226, 255, 270]. Далее он предлагает связать развитие *ögeled* в *elēd* со значением «их, ууган, насжуу» – «большой, старший, рослый, пожилой», допуская *öleged* > *eleged* [Очир 2008:

150–151; 2016: 148]. Однако это противоречит гипотезе о корне *öge*, так как возможности перехода VgVlV > VlVgV не отмечено. Г. О. Авляев [2002: 55, 192, 194] связывает этноним «*олёт*» с глаголом *огулэху (өөлэху)* – «обижаться, быть недовольным чем-то». Соответственно, он считает, что этноним имеет значение «обидевшиеся», «обиженные» или «недовольные».

Наиболее достоверной, по нашему мнению, является версия японских исследователей о происхождении этнонима *Öölöd* от *ögelen* со значением «брат по матери, но от другого отца» [Ханеда Акира 1971: 561–565; Okada Hidehiro 1987: 210]. Ханеда Акира обнаружил в монголо-французском словаре А. де Смедта и А. Мостарта сочетания *ögelen köbegün* – «fils d'un autre lit» – «пасынок», *ōlön aχa dū* / *ula aǤa diū* – «frères nés de la même mère, mais de pères différents» – «братья, рожденные от одной матери, но от разных отцов, единоутробные братья», *ula k'adzi diü* «soeurs nées de la même mère, mais de différents pères» – «сестры, рожденные от одной матери, но от разных отцов, единоутробные сестры» [Smedt, Mostaert 1933: 469; Ханеда Акира 1971: 562]. Окада Хидехиро, развернувший доказательства, привлек еще одну работу А. Мостарта, в которой представлено несколько словосочетаний с ögelen/ǒlö: *ōlǒ k'ūu* – «fils d'un autre lit» (= *dagawu̯rk'ūu*) / *ögelen köü* – «a stepson» – «приемный сын, пасынок», *ōlǒ k'ūu 'kχet* – «enfants d'un autre lit» (= *dagawu̯rk'ūu 'kχet*) / *ögelen keüked* – «stepchildren» – «приемные дети», *ōlön e'tš'ige* – «le second mari de la mère» – «второй муж матери» / *ögelen ečige* or *qoyitu ögele* – «a stepfather» – отчим [Mostaert 1942: 531; Okada Hidehiro 1987: 210]. Кроме того, он предложил под термином *ögele(n)+d* понимать родственные связи хойтов и баатутов с чоросами. Одним из подтверждений версии японских исследователей является сочинение «Oyirad teüke-yin durasqal-ud», в котором прямо сказано, что трех князей, правнуков ойратского Эсэна-тайши, сыновей его внука Хамаг-тайши, называли олётами: «…второй сын Эсэна – Онггоца, его сын – Хамаг-тайши. Из трех сыновей Хамаг-тайши старший – Рагнанчинсанг, второй – Нусханай, третий – Онггой (Онгуй). Этих трех князей называют элётами. Став во главе ойратов, они откочевали по наущению Шара шулмы…» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 9; Письменные памятники… 2016: 195–196]. Проблема родственных связей корневой основы *ögele(n)* в монгольских языках с *ög*, *oq* либо иной основой в тюрк-

ских или других языках не решена и является темой отдельного исследования.

Ilüder < Öölödei > Elüdei > Eldei > Ellei. В монгольской историографии решение вопроса о происхождении олётов обычно ограничивается поисками среди лесных племен и указанием на их упоминание в числе дербен-ойратов, например у Батур-Убаши Тюменя и Габан Шараба [Сказание… 1969: 19; Батур-Убаши Тюмень 2003: 127; Габан Шараб 2003: 84]. К сожалению, ни в «Сокровенном сказании монголов» (Mongγol-un niγuča tobčiyan), ни в «Сборнике летописей Рашид ад-Дина» (Jāmī al-Tawārīkh) этноним *Ölöd*/*Öyilöd*/*Ögeled* не упоминается. Отсутствие термина в таких важных письменных источниках позволяет авторам допускать возможность расселения олётов в составе дербен-ойратов в пределах Секиз-мурена (Sekiz-Mören) и Баргуджин-токума (Barqujin-töküm), известных по тем же источникам [Козин 1941; Pelliot 1949; Рашид-ад-Дин 1952; Rachewiltz 2004].

Исследователи упустили один из важнейших источников по этногенезу − устные этногонические легенды и предания. С историей Баргуджин-токума связана легендарная этническая генеалогия бурят. Так, М. Н. Хангалов еще в XIX в. записал и опубликовал предание о Баргу-баторе [1890а]. Весьма примечательным является фрагмент о его старшем сыне: «По кудинскому преданию, родоначальником бурят был Барга-батур, который жил около Тобольска и имел трех сыновей; старшего звали Илюдэр-Тургэн, среднего – Гур-бурят, младшего – Хоредой-мэргэн. Впоследствии Барга-батур со своими двумя сыновьями Гур-бурятом и Хоредой-мэргэном из Тобольска двинулся на восток, а старшего сына, Илюдэр-Тургэна, оставил в Тобольске, сказав ему: “Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье – на старом месте!” Так Илюдэр-Тургэн и остался на старом месте. От него произошли нынешние калмыки, живущие в Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерниях. О том, как потомки Илюдэр-Тургэна переселились из Тобольска на запад, бурятское предание не знает. Некоторые потомки Илюдэр-Тургэна, по-видимому, пришли потом и на восток; по крайней мере, бурятские роды Балаганского ведомства, Зунгарский и Икинатский, считаются из племени калмыков, по-бурятски: өлөд или сэгэнут» [Хангалов 1960: 107–108]. В опубликованной Сумъябатааром рукописи «Бодонгуудын угийн бичиг» («Родословная бодонгутов») агинских бурят, переселившихся в

Монголию, упоминается Өлидэй (Ölidei) – сын Баргу-батора (Barγu baγatur), старший брат Бурядая (Buriyadai) и Хорудая (Qorudai) [Сумъябаатар 1966: 179]. Эта форма наиболее близка якутской Eldei, о которой речь пойдет далее.

Возвращаясь к образу князя Элютэя, впервые упомянутого в работе И. Бичурина, следует отметить, что возник он, вероятно, не на пустом месте. По мнению В. П. Санчирова, автора предисловия к изданию 1991 г., здесь допущена ошибка при транскрибировании имени Аругтай [Бичурин 1991: 17]. Правомерность этого мнения подтверждается А. Серрюи, подробно исследовавшим историю монголов минского времени: ему удалось обнаружить реальное историческое лицо, представителя монгольской знати с именем Aruγtai (阿魯台*А-лу-май/A-lu-t'ai*) [Serruys 1959: 217; 1977: 358]. Полагаем, что причиной ошибки И. Бичурина могли послужить известные ему генеалогические предания, согласно которым часть олётов была уведена «желтым шулмусом» на юг, а другая часть ушла на север, покинув земли Северной Монголии, и обосновалась в Прибайкалье. Возможно, именно этот образ вошел в бурятскую устную традицию, претерпев к XIX в. некоторые фонетические изменения: *Öölödei* > *Elüdei* > *Ilüder* (-*Türgen*). Данное слово могло прийти только от самих олётов, оказавшихся среди предков бурят. В свою очередь, о возможности бытования у олётов этнонима в виде не только *Ölöd*, но и *Ölödöi* косвенно свидетельствует список отоков Джунгарского ханства, где он указан как Öölödei [Atwood 2006: 627]. Еще одним возможным доказательством движения олётов на север является эпоним Эллей у якутов [Эргис 1960а: 57–86], точнее его архаичная форма, зафиксированная в XVIII в. Я. И. Линденау: «Когда она выросла, пришел к ним беженец по имени Ersogotorh, или, как они его еще иначе называют, Elei или Eldei-Bator. Ему отдал Omogon свою приемную дочь, и у них было 8 сыновей и 4 дочери: Antantüik, Barkutai, Kordoi, Kogosuk, Bolotoi, Katamaldai, Tscheriktei, Artbudai. <...> Словом *Elei* или *Eldei-bator* обозначают они воинственного мужчину и законодателя (Gesetzgeber). Имена даны людям по их качествам. Эти сыновья Eldeei-bator'а стали со временем родоначальниками различных, широко разветвленных родов» [1983: 18].

Следует отметить, что в случае с эпонимом *Omogon* у Я. И. Линденау и *Omoγoi* в устных преданиях (бурят, пришедший на среднюю

Лену в долину Туймаада) [Линденау 1983; Ксенофонтов 1977: 29], по нашему мнению, имеется параллель с бурятским эпонимом *Оbоγоn*. Булагатская группа племен, известная как *Обогони олон*, по преданиям произошедшая от предка с таким именем, действительно расселена в долине Ангары и ее притоков Оса, Обуса, Унга. То есть в случае с *Omogon* обнаруживается вполне реальная племенная группа [Нанзатов 2017а, б]. По аналогии весьма вероятно участие в этногенезе якутов племени Ōlöd, представленного эпонимом *Eldei/Eldeei*, фонетическая форма которого соответствует одному из этапов развития – *Öölödei > Elüdei > Ilüder(-Türgen)*. Используемая большинством якутов форма Ellei отражает широко распространенный процесс *ll < ld* (подробнее см.: [Грамматика… 1982: 67].

Открытым остается вопрос о фонетическом преобразовании этнонима *ügeled*/*öölöd* в *Öölödei > Elüdei > Eldei* (якут.) или *Öölödei > Elüdei > Ilüder(-Türgen)* в бурятской среде. А. Очир, предложив версию развития *öleged > eleged*, коснулся важной для нас темы трансформации этнонима в эпоним, известный среди бурят и якутов. По нашему мнению, эта трансформация могла произойти под влиянием фонетически близких, но семантически разных корневых основ. Зафиксированное Б. Х. Тодаевой слово *элээде (элееде)* со значениями «значительный, большой; более чем достаточный, обильный; старший» [2001: 471] вполне могло оказаться основой эпонима, представляющего *старшего* сына Баргу-батора, *старшего* брата Гур-Бурята и Хоредоя. Также можно допустить влияние другого фонетически близкого слова *илдэн* (письм.-монг. *ildeng*, кит. 伊尔登 *yī ěr dēng*, ср. монг. *ilde* – «без занятия, без должности») [Kowalewski 1849: 306], которое в XV–XVIII вв. являлось эпитетом в титулах [Урангуа 2000: 55], например *Dorji-ildeng-noyan* [Dayičin ulus-un… 2013, t. 34], а также неоднократно встречалось в личных именах.

Относительно замены инициального звука ö > e > i можно обратиться к труду Б. Я. Владимирцова, установившего следующие параллели: e : ö = i : o ~ u = i : ö ~ ü [1929: 185–190]. Эпоним образован следующим образом: этноним *Ōlöd* и имяобразующий гендерный аффикс -tai (подробнее о -tai см.: [Kempf 2006]). Что касается суффикса *-dar/-der*, то уже высказывалось мнение о его применении в бурят-монгольской этнонимии как словообразовательного форманта, чаще всего обозначающего масть лошади [Нанзатов, Сундуева 2013]. Пар-

ным с *Илюдэр* является эпитет *Тургэн* – «быстрый». По нашему предположению, трансформация *-dei* > *-der* в имени, т. е. (ö/e)l(i/e/ü)dei > (e/i)lüder, в совокупности с появлением этого эпитета может указывать на факт перевоплощения персонажа в коня в мировоззрении бурят. Сохранение же якутской формы *Eldei* > *Ellei* свидетельствует о том, что к предкам якутов эпоним попал еще до изменения бурятского *Ölidei*. Подробное обоснование трансформации в Ilüder и Eldei требует отдельного историко-фонетического исследования.

Близость якутского *Eldei (Ellei)* к эпонимам, имеющим явные параллели с бурятскими этнонимами, указывает на бурятско-якутские этногенетические связи и участие в этногенезе якутов монгольского пласта, включая баргу-бурятские (ср. Barkutai < Barqutai < Barqu/Barγu, Kordoi < Qoridoi < Qori, Bolotoi < Bolot) и ойратские (Katamaldai < Qatāmal) элементы. Этнонимы *баргу* и *хори* широко известны в монгольском мире, упоминались в «Сокровенном сказании монголов» и у Рашид-ад-Дина [Rachewiltz 2004: 136; Rashiduddin… 1998: 57]. Болот (Болотой) является эпонимом по отношению к предку группы булагатских племен (олзой, муруй и хулмээнгэ) [Хангалов 1958: 102; Балдаев 1970: 161, 163]. Род хатаамал зафиксирован среди кобдоских хошутов [Дорж 2012: 13; Бакаева 2017: 97]. Термин *čerik* широко распространен в тюрко-монгольской среде. Этноним *Kogosuk*, позже зафиксированный как Хордокоосук/Хордой-Хогосуун [Ксенофонтов 1977: 37], возможно, связан с *qo'a~γo'a~qoha* либо *quba~qoua~quu-a~uquv-a~qu-a* (подробнее см.: [Rybatzky 2006: 47, 448] > uwas/qoas у меркитов [Rachewiltz 2004: 39], qoasai/quasai у бурят [Румянцев 1962: 241–242].

Сэгэнуты. В свете этнической истории олётов особый интерес представляет ойратский пласт в этногенезе бурят, основу которого также составляют олёты. В списке бурятских племен, составленном М. Н. Хангаловым, первым стоит сэгэнут, или өлөд [1890б: 88; 1960: 101]. К этому племени исследователь относил Зунгарский и Икинатский административные роды [Хангалов 1960: 107–108]. Бурятский фольклорист и этнограф С. П. Балдаев, на протяжении всей жизни собиравший генеалогические легенды и предания бурят, значительно расширил список сэгэнутских (олётских) подразделений. Так, по преданиям, с сэгэнутами родственными узами связаны такие бурятские племена, как икинат (ихинад), зунгар (зүүнгар), букот (бухэд), дурлай,

тугут, хайтал, торгоут, нойот (ноёд), манхолют (манхалюуд), барунгар (баруунгар). Через брачные связи сэгэнутам родственны курумчи (хурумши), толодой (төлөөдөй), а икинатам – нарат (наратай/нарад) (подробнее см.: [Балдаев 1970: 333]). Здесь обнаруживаются такие ойратско-бурятские параллели, как названия крупных ойратских объединений зүүнгар/зунгар, торгууд/торгоут, а также малых племен: ноён среди кобдоских олётов и нойот (ноёд) у бурят, бухунут (bükünüt, бүхнүүд, бүгүнүд) в составе олётов, дербетов, захчинов [Монгол улсын… 2012: 46, 109, 430; Pelliot 1960: 124] и букот (бухэд) у бурят.

Относительно олётско-бурятских связей можно привести такие параллели, как боролдой у кобдоских олётов и бурят [Нанзатов 2018: 38, 135, 143], хар барга и тольтон барга у первых и параллель у вторых [Очир, Дисан 1999: 81]. Кроме того, и у тех, и у других встречаются широко распространенные среди монголов этнонимы *чоно*с/*шоно*, *авгас*/*абаганад*, *дархад*/*дархат*, *көвхүй*/*хухыт* (*хүүхэд*) (см.: [Очир, Дисан: 34, 43, 56, 61; Нанзатов 2018б: 29, 39, 43]). Свидетельством ойратско-бурятских связей может быть наличие общего мотива (вскармливание младенца совой) в легендах о происхождении ойратских чоросов и бурятской этнической группы уляаба [Авляев 1981: 64].

Есть версии происхождения этнонима *сэгэнут* (бур. *сэгээнүүд*/*сэгээнэд*) от *сэгээн* – «голубой, светлый» [Нанзатов 2005: 55] (ср.: ойр. *cegen*, халх. *cegeen*, бур. *segeen*, ордос. *čigên*, калм. *cegɛ:n* ‘светлый, яркий, прозрачный, белый’. монг. > як. [Kałużynski 1995: 258–259]). Д. В. Цыбикдоржиев связывает его с этнонимами «cingnüt (čingnüt)» и «чикэ», упомянутыми соответственно в хоринской летописи XIX в. Ш.-Н. Хобитуева и «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна [Буряадай… 1992: 95; Балданжапов 1970: 141; Цыбикдоржиев 2012: 140–143].

Олöд, оллет. В составе якутов по переписи 1897 г. в I Чакырском наслеге Батурусского улуса был отмечен *«Олöдский род»* [Патканов 1912: 727]. По-видимому, именно этот этноним подразумевал как *олёт* Ф. Ф. Васильев [1995: 29], как один из известных в среде якутов средневековых тюрко-монгольских этнонимов. Не претендуя на однозначное сопоставление, можно предполагать что *«оллетинский род»* Оймяконо-Борогонского наслега Баягантайского улуса является фо-

нетическим вариантом первого. Гемминизация в данном случае -ll- предполагает наличие второго согласного. Если допустить развитие -ld- > -ll-, что подтверждается примерами [Коркина и др. 1982: 66, 71], то становится вероятной версия развития названия этого рода от *ӧldӱd* (сравн. монг. *өөлдууд*, где -д + -ууд сдвоенное окончание мн. ч.; см.: [Poppe 1955: 180]), ӧldӱd(t) > ӧllӱd(t) + -ïn/-in (род. п.), что в русском языке могло передаваться и в форме «оллетинский».

Действительно, заманчиво видеть в этом этнониме олётов, известных примерно с рубежа XIV–XV вв. К сожалению, данный этноним не представлен в словаре Э. К. Пекарского, не зафиксирован этнографами и фольклористами Якутии, что не позволяет достоверно принять название этого рода как этноним. Однако совпадение названия рода в переписи 1897 г., зафиксированного у Патканова как «Олӧдский», с бурятским этнонимом, записанным М. Н. Хангаловым в конце XIX в., оставляет нам надежду на то, что был найден общий этноним для бурят и якутов, корни которого идут из ойратской среды. В Бурятии этноним *олёт* или *сэгэнут* включал в себя различные этнические элементы (зунгары, букоты, икинаты, торгуты, манхолюты, дурлай, нойоты, зомоты и др.), имевшие ойратское происхождение, а также происходившие из региона Саяно-Алтая.

Следует отметить, что С. И. Николаев при исследовании этнического состава вилюйских якутов в XVII в. в числе плательщиков ясака Средне-Вилюйского зимовья наряду с тагусами, кыргыдайцами, кырыкыйцами, лучинцами, онтульцами и оргутцами отметил олесов, расселенных в районе озер Мастаах-Тысакааччы и Иргин, в настоящее время известном как Олес [1957: 93]. Впоследствии, после массового прибытия на Вилюй алдано-ленских якутов, олесы были поглощены и исчезли из списков административных единиц [Там же: 96]. По сведениям Р. Маака [1887: 34], район оз. Мастах входил в состав Кыргыдайского наслега. Полагаем, что исчезновение олесов из списков административных единиц косвенно указывает на их вхождение в состав кыргыдайцев. Считаем вполне вероятной связь этнонима *олес* с *ӧlӧd* в связи с вариативностью использования монгольского суффикса мн.ч. *-s-* и *-d-* (сравн. вилюйский якутский этноним *атагас ох* и бурятский этноним *атаган* (подробнее см.: [Нанзатов, Тишин 2021]).

***

Обнаруженные параллели между бурятскими олётами-сэгэнутами и ойратами, олётами Монголии и бурятами свидетельствуют о глубоких ойратско-бурятских связях. Главным выводом нашего исследования является то, что ойраты приняли активное участие в этногенезе бурят. Ойратский пласт, отраженный в бурятских этногонических легендах, представляет старшую ветвь ранней баргу-бурятской общности. От нее отделилась группа, оказавшая значительное влияние на этногенез якутов. Ойраты, ушедшие на север, утратили этноним, но сохранили эпоним, оставив след своего присутствия. Таким образом, традиционная теория о южном происхождении (Прибайкалье) предков саха (якутов), которая подробно представлена Г. В. Ксенофонтовым [1937; 1977], сделавшим первые шаги в обнаружении бурятско-якутских параллелей, и поддержана А. П. Окладниковым [1955], получила новое доказательство.

Участие ойратов в этногенезе бурят и якутов позволяет шире взглянуть на проблему взаимодействия тюркских и монгольских народов. Выявленные данные могут быть использованы при составлении карт этнического состава Монголии, Бурятии и Якутии. В этнической истории олётов, оказавшихся разделенными, вошедших в состав других народов, сохранив идентичность, занявших ключевые позиции в этногонических легендах не только дербен-ойратов, но и бурят, якутов, отражены сложные этнические процессы в среде монгольских и тюркских кочевников Евразии.

3.2. Тувинско-бурятские этнические связи: *quu, on, onqot, irkit, qol*

Исследовательский интерес вызывают этноисторические связи бурят с кочевым населением Внутренней Азии и Южной Сибири. Новые перспективы исследования этнической истории тюрко-монгольских народов обосновывают актуальность обращения исследователя к данной проблематике и определяют новизну результатов исследований. Основными задачами работы являются выявление родственных тувинских и бурятских этнонимов, исследование их морфологического и фонетического развития в бурятской среде, отслеживание их дальнейшего участия в этногенезе якутов.

К группе *обогони олон* относятся такие подразделения, как *хоогой, онгой, онхотой, ирхидэй, холтубай, барай*. По генеалогическим преданиям, у легендарного первопредка Обогона было три сына: Хоогой, Онгой, Онхотой, потомками Хоогоя являются Ирхидэй и Холтубай; сыном дочери Обогона был Булут (подробнее см.: [Хадахнэ 1927; Румянцев 1969; Балдаев 1970]. Таким образом, перед нами предстает довольно крупный пласт персонифицированных бурятских этнонимов. В XVII в. эта группа племен фиксировалась как Багунова сотня, находящаяся под управлением князя Багуна (Обогона) с 1672 г., а с 1681 г. под управлением его сына Сосоя Багунова, главы Онгоева рода [Долгих 1960: 289, 291]. В данном случае, вероятно, мы сталкиваемся с еще одним примером записи имени предводителя от этнонима того объединения, которое он возглавлял, т. е. бур. *Обогон* > рус. *Багун*. В XIX в. эти племена составляли отдельные административные единицы – роды в Идинской, Балаганской и Аларской степных думах. Основным местом расселения являлись долины р. Оса и ее притоков и непосредственно долина Ангары по левой стороне напротив впадения Иды, по правой стороне от устья Осы до Уды. Часть онгоевцев и булутов расселялась в долине Унги, часть холтубаевцев – в Нельхайских степях[148].

Как уже отмечалось нами [Нанзатов 2017а, б], общий этноним этой группы имеет непосредственное отношение к якутскому эпониму *Омогой / Омогон*, что нашло отклик и у якутских коллег (см.: [Бравина 2017]). Однако в данном исследовании нам хотелось бы вернуться к рассмотрению этнонимов, являющихся составными частями этой группы.

В нашей статье 2014 г. [Нанзатов, Сундуева 2014] каждый этноним рассматривался отдельно и нами было упущен один важный факт, на который мною было обращено внимание лишь недавно, в связи с типологизацией бурятских этнонимов. Все эти этнонимы имеют суффикс родительного падежа *-ai/-ei/-oi (qooγoi, onγoi, qoltubai)*, характерного не только для бурятского, но и для средне-монгольского языка [Poppe 1954: 74; Бураев 1962: 36], включая и составной суффикс *-dei* в *irkidei* и *-toi* в *onqotoi* (подробнее о суффиксе *-dai* см.: [Kempf 2006]). Исключением является генитив *-i*, фонетический вариант *-ɒ/-ə*

[148] В настоящее время Осинский, Усть-Удинский, Нукутский, Аларский районы Иркутской области.

в *oboγoni olon* [Поппе 1938: 50; 1954: 74]. В связи с этим необходимо еще раз пересмотреть указанные этнонимы.

Quu. Наиболее ранней фиксацией этого бурятского этнонима является упоминание в 1689 г. *Хугуева рода* в числе балаганских ясачных людей. При сравнении этого списка бросается в глаза лишь этот этноним, фонетически отличный от формы *хогой*, зафиксированной в XIX в. М. Н. Хангаловым [1960: 114]. В этом же списке довольно ясно различаются огубленные *-о-* и *-у-* в корневых основах (сравн. *Муруев, Онгоев, Холтубаев, Кулеметский*). В этой связи считаем вполне вероятным использование этого этнонима в бурятской среде как *хуугуй / quuγui*[149] еще в конце XVII в. Ранняя форма бурятского этнонима сближает его с этнонимом *quu*, широко представленным у тюрков южной Сибири в формах *куулар* у тувинцев, *ку-киш/куу-кижи* у алтайцев [Аристов 1896: 278; Потапов 1969б: 57], а также *куу-сёок* у киргизов [Абрамзон 1960: 122] и *куу-суек/куусек/куусиек* у казахов [Тынышпаев 1925: 75; Востров 1962: 87; Востров, Муканов 1968: 83].

Этимологическое значение этнонима *quu* < *quγu/qoγu* прозрачно – «лебедь» [ДТС 1969: 464; Clauson 1972: 608). Повсеместно этот этноним представлен в стянутой форме (*uγu* > *uu*). Происхождение и исходный ареал распространения этнонима, по-видимому, локализуется в Саянском регионе. Распространение его в форме *quu-söök* < *quγu-söŋük* (букв. (люди) лебединой кости) в среде кыргызов и казахов, вероятно, связано с их миграцией из Саянского региона. Бурятская версия этого этнонима отражает движение на восток части его носителей. В бурятской среде этноним *quu* приобрел свою форму путем прибавления суффикса родительного падежа (генитива) *-ai/-ei/-oi/-ui,* широко распространенного в средневековой монгольской ономастике, в т. ч. в составном виде *-d/-t+-ai* (подробнее см.: [Kempf 2006]). В данном конкретном случае мы наблюдаем развитие *quu-γ-ui*, где после долгого гласного добавляется интервокальный *-γ- перед -ui* (сравн. *-гай(-гой, -гэй)* в современном бурятском языке [Орловская 1962: 77]. О расширении u>o в бурятском языке упоминается неоднократно (сравн., напр., *нуму(н) > номо(н), сум(ан) > hомо(н)* [Рассадин 1982: 11]. Таким образом, развитие *quuγui* > *qooγoi* видится как обычное в бурятском языке.

[149] Русские документы XVII–XIX вв., а также М. Н. Хангалов не отмечали долгие гласные (в данном случае *-оо-, -уу-*).

В XIX в. хоогоевцы являлись основой Кахинского административного рода, названного по месту их расселения в долине р. Каха (бур. Хаһаа), притока Осы. Земли Кахинского рода граничили со II Ирхидеевым, IV Готоловым, III Онгоевым и Янгутским административными родами. Другой анклав хоогоевцев был представлен в долине р. Ангары, в долине р. Хайрюзовка, где располагались земли I, II, III Бараевых родов, в основе названия которых лежал этноним одного из подразделений племени *хоогой* (подробнее о численности и расселении см.: [Нанзатов 2017а]). Также хоогоевцы были расселены и в улусах Наймагутском и Эрхидэйском [Хадахнэ 1927: 85]. По фольклорным преданиям, такие подразделения хоогоевцев, как *борой*, представлены среди кудинских в улусах Борой, Бозой, Хандат и Алужин [Балдаев 1970: 136][150], а *ургэдэй* – среди верхоленских бурят в улусе Балтай, где они вошли в состав *бэсэгэн-шоно* [Там же: 137, 360][151]. Представители *хоогой* отмечались и среди селенгинских бурят в составе Бумал-Готольского административного рода [Румянцев 1965; Балдаев 1970: 98][152].

Еще одним вариантом распространения этнонима *qui* среди бурят, вероятно, является этноним *хоодой* / письм. монг. *qoodai* [Цыдендамбаев 1972: 94]. Этот этноним принадлежит одному из подразделений (кукур) хоринского племени *харгана*. В отличие от *qooγoi*, в данном случае этноним образован посредством составного суффикса *-dai*, образующего этнонимические и антропонимические основы в среднемонгольском (подробнее см.: [Kempf 2006]).

Примечательно, что еще одним из кукуров *харгана* является *онхот* / письм. монг. ongqot [Цыдендамбаев 1972: 94], вероятно, связанный с этнонимом *онхотой* в группе *обогони олон*, к которой также принадлежит и *хоогой*.

Оп. В связи с отмеченным нами фактом образования большинства этнонимов, принадлежащих к *обогони олон*, путем слияния корнеосновы и суффикса родительного падежа, предлагаем пересмотреть предложенные нами ранее гипотезы о происхождении этого этнонима [Нанзатов, Сундуева 2014: 18].

На первый взгляд, этноним *онгой* должен быть представлен в виде *оŋγoi*. В таком случае напрашивалась бы связь с термином *оŋ* –

[150] Современный Эхирит-Булагатский район Иркутской области.

[151] Современный Качугский район Иркутской области.

[152] Современный Селенгинский район Республики Бурятия.

«1) удел, доля; 2) правый» [ДТС 1969: 367], что в принципе также могло бы отразиться и в этнониме (к примеру, правое (крыло)). Подобный этноним *(онг)* отражен дважды в перечне названий групп родов и племен Приаралья, составленном Т. И. Султановым [1982: 48].

Однако при сопоставлении с тувинскими этнонимами мы не находим среди них формы на *оŋ*, в то время как обнаруживается этноним, имеющий в основе *он-*, – *ондар*. Исследование грамматики тувинского языка показывает, что для современного тувинского языка окончанием мн. ч. после основы на *-n* или *-ŋ* является *-nar* [Исхаков, Пальмбах 1961: 115]. Данный факт позволяет нам сделать вывод, что суффикс *-dar* относит этноним *ондар* к довольно архаичному пласту тувинской лексики.

По мнению Н. Ф. Катанова, *ондар-уйгуры* или *уйгур-ондары* были прямыми потомками средневековых уйгуров[153] [Письма Н. Ф. Катанова… 1893: 3]. Это мнение было поддержано М. Х. Маннай-оолом [2004: 67], а также У. Т. Ховалыгом [2009: 25].

Действительно, этнографы неоднократно фиксировали этноним *ондар* среди тувинцев. Так, Ф. Я. Кон отмечал, что «*ондар-сумо* делится на сююки *уйгур* и *кыргыз*» [1934: 97]. В другой работе Кон представил четыре подразделения Ондар-сумона: Кара-Ондар, Унгер, Кыргыз, Шагай (по: [Дулов 1951: 65]). Более полную картину, описывающую расселение и состав ондаров, дал Л. П. Потапов на основе результатов экспедиции в район Хемчика. Так, по его сведениям, в памяти народа сохранились названия арбанов Ондар-сумона: *Уйгур-Ондар, Ой-Ондар (Ойлар-Ондар), Кара-Ондар, Шанагаш (Чанагаш), Кыргыс* [1966: 14–15]. В древнетюркском корень *он-* имеет одно значение – «десять» [ДТС 1969: 367]. Вероятно, это значение и легло в основу этнонима *ондар*. В пользу такого значения свидетельствует генеалогическое предание об ой-ондарах, зафиксированное Л. П. Потаповым, в котором говорилось о том, что прежде они жили в районе Чаа-Холя. Во время какой-то войны их осталось всего десять человек, и они скрылись в пещере, а затем перекочевали на Верхний и Нижний Ишкин [Потапов 1966: 15].

[153] В тексте Н. Ф. Катанова, на который ссылается автор, в одном случае указано так: «Ондар-Уйгур или Уйгур-Ондар» [Катанов 1893: 3], в другом – «Ондар-Уиҕур» [Письма Н. Ф. Катанова… 1893: 4], в третьем – «Уиҕур-ондар» [Там же: 14, прим. 12].

Наиболее близкой этнографической аналогией к использованию *он* в тюркской этнонимике является его присутствие в делении кыргызских племен на группы *отуз уул* и *он уул* [Абрамзон 1946: 125].

Вопрос происхождения бурятского варианта этнонима в форме *онгой / оŋуоі* решается довольно просто. В труде Н. Поппе даны примеры использования разных суффиксов, в т. ч. суффикса родительного падежа *-oi*, отражающие наличие *-g- (-γ-)* после *-n*: «<...>*ongud* – «годы» от *он* (слово *он* там склоняется как оканчивающееся на *ŋ,* напр., родительный падеж *ongoi* года»)<...>» [1938: 113]. Яркий пример с использованием монгольского омонима *он* отражает развитие тюркского (тувинского) по происхождению этнонима *он(dar)* в бурятской среде, где вместо окончания мн. ч. *-dar* используется суффикс род. п. *-(γ)oi*. В таком случае наиболее подходящим для перевода на русский язык становится суффикс *-ский*, т. е. «*он*»*-ский* (род / кость).

В Бурятии носители этнонима *онгой* стали частью булагатской племенной группы *обогони олон*. В XIX в. они были расселены в долинах рек Обуса и Каха, где территории I, II, III, IV Онгоевых административных родов образовывали сплошной массив, граничащий с Онхотоевым, Булутским, I Ирхидэевым, II Ноетским, IV Готольским, Кахинским и Янгутским административными родами Идинской степной думы. Онгоев административный род был также представлен в Балаганской степной думе, где они жили разбросанно в долине Унги, на побережье Ангары, на островах Осинском и Муруйском, за исключением небольшого участка на острове Осинском, их земли находились в совместном пользовании с бурятами Булутского, Муруева, Кульметского административных родов (подробнее о расселении и численности см.: [Нанзатов 2018б: 114, 116–119, 137–141, 144–145].

Четыре Онгойских (рус. Онгойский / Ангойский) улуса[154] располагались на территории Верхоленской степной думы в составе II Абазаева административного рода [Там же: 58]. Как отметил Г. Н. Румянцев в баргузинских летописях, *Онгой (Onggoi)* фиксируются как кость в составе рода Абазай (Abazai) [1949: 48]. Таким образом, часть носителей этнонима *онгой* оказалась и среди эхиритов, в

[154] В переписи 1897 г. в первом случае указан как Шаракшанскій (IОнгойскій) [Патканов 1912: 515], в трех случаях как 1 Ангойскій (Катальчинскій), 2 Ангойскій (Нуганскій), 3 Ангойскій (Хуреятовскій) [Там же: 516].

составе племени *абазай*, где их улусы компактно располагались в долине Ишин-гола, притока Куды. Будучи вовлеченными в перекочевки эхиритов через Байкал, онгоевцы оказались в том числе в составе *верхоленских* и *баргузинских бурят* как подразделение *абазай*.

Onqot. Бурятская форма этнонима *онхотой/onqotoi*, как и в случае с *онгой/onγoi*, в соответствии с нашей гипотезой о родственности племен, входящих в объединение *обогони олон*, отражает развитие от раннетувинского *онхот / onqot*. Обсуждая данное предположение, дистанцируемся от известного по историческим хроникам этнонима *онгут/энгут/önngüd/enngüd*, имеющего свои соответствия в среде тюрко-монгольских народов. Следует отметить, что в русских документах XVII–XIX вв. этноним упоминался в формах *онготоев/онкотоев* [Долгих 1960: 216, 220, 287, 289].

При исследовании современного этнического состава тувинского народа этноним *онхот* не обнаруживается. Однако по этнографическим данным в этническом составе сойотов Бурятии наряду с родами *иркит* и *хаасут* фиксируется *онхот* [Дугаров 1983: 98–99; Павлинская 2002: 9, 39; Рассадин 2016: 103]. По мнению Б. С. Дугарова, *онхоты* представляют собой древнее тюркоязычное племя в составе онхотов [1983: 98–99]. Хотя в списках улусов Кайсотской и Саянской землиц нет упоминания улуса, имеющего в названии *онхот*, полагаем весьма вероятным, что это улус Пахинов [Долгих 1960: 262], который мог быть назван по имени их предводителя, что неоднократно встречалось в документах того времени.

Еще одним источником XVII в., где упоминался этноним *онкот*, являются дневники Избранта Идеса: «Берег (Байкала. – *Б. Н.*) и прилегающая местность населены бурятами, монголами и онкотами» [Идес, Бранд 1967: 140]. Автор перевода и комментариев М. И. Казанин пишет, что «онкоты – один из бурятских родов» [Там же: 305]. Однако Е. М. Залкинд немного ранее предложил отождествлять онкотов с тунгусами, так как, по его мнению, «хорошо известно, кто жил у Байкала в 1692 г.: буряты, монголы и тунгусы» [1958: 80]. Далее он подкрепляет свою гипотезу существованием этнонима *онкор-солон*, где якобы окончание *-т*, заменено на *-р* [Там же]. Хотя гипотеза не лишена основания, следует отметить, что И. Идес, двигаясь с запада на восток, с тунгусами встретился раньше, чем с бурятами, и в его текстах по отношению к тунгусам как к западу от Байкала, так и к востоку от него используется этноним *тунгус*, а не *онкот*. Следова-

тельно, можно предположить, что И. Идес имел в виду другую группу населения, которой могли оказаться сойоты, также известные как «яндашские люди», «соётские люди», «соётские, тувинские и урянские люди» [Окладников 1937: 129; Бахрушин 1959: 57; Долгих 1960: 260]. В 1660 г. в верховьях р. Иркут был впервые встречен князь Яндаш со своими людьми. События того времени в долине р. Иркут показывают, что люди Яндаша кочевали в верховьях р. Иркут с 1660 по 1663 г., затем возвращались в Тунку с 1676 по 1695 г. (подробнее см.: [Дулов 1961: 128–129]). В связи с представленными выше материалами считаем весьма вероятным, что указание И. Идеса об онкотах, сделанное в 1692 г., связано именно с сойотами.

Таким образом, весьма вероятно допущение происхождения бурятского этнонима *онхотой* от предположительно раннетувинского этнонима *онкот*, носители которого были длительное время расселены на восточной периферии в местах формирования тувинского народа. Наличие суффикса *-tai* в бурятском этнониме может указывать на период его проникновения в раннебурятскую среду либо в имперский, либо в постюаньский период истории монголов. Дальнейшее его развитие в *-toi* отражает этап его развития в бурятской среде. Отсутствие этого этнонима среди современных тувинцев восполняется его наличием у близкородственных тувинцам сойотов, расселенных в верховьях Оки, в районе оз. Ильчир и в верховьях Иркута (подробнее см.: [Нанзатов, Содномпилова 2017б: 138–139]).

В 1897 г. носители этого этнонима были представлены двумя административными родами – I и II Онхотоевыми в составе Улейского ведомства, выделенного из Идинской степной думы. Они были расселены в долине р. Улей, притока р. Оса. Их земли находились в совместном землепользовании с бурятами Булутского административного рода [Нанзатов 2018б: 114, 120]. Также, по нашему мнению, этноним присутствовал в составе Бумал-Готольского административного рода в форме *онхот* [Цыдендамбаев 1972: 256]. Этот род был составлен из выходцев из Приангарья. Помимо готольского большинства под названием *бумал* предстают осколки племен, прежде расселенных преимущественно в долинах Осы и Унги *(муруй, хулмэд, хоогой, хангин, янгут и др.)* [Румянцев 1965: 98; Цыдендамбаев 1972: 256].

В бурятской среде этноним *онхот/онход* встречается и среди других бурятских племен, что указывает на неоднократное проникновение его носителей в бурятскую среду. Так, *онхоты* были в составе

сартулов [Лумбунов 1890: 118]. В составе двух сартульских отоков Селенгинской степной думы, по подсчетам Г. Н. Румянцева, насчитывалось 26 подразделений, представлявших из себя осколки различных племен Внутренней Азии и Прибайкалья. В контексте темы данного исследования следует отметить, что в числе подразделений сартулов наряду с *онхотами* были отмечены *урянхай (урянхат)* и *хырдык* [1965: 98]. Если этноним *урянхай / урянхат* довольно широко распространен в монгольской среде и может быть наследием миграций не только с верховьев Енисея, то этноним *хырдык* – бур. *хэрдэг* непосредственно связан с тувинцами, среди которых он известен как *хэрдэкъ/хердыгытъ/хертек* [Потанин 1883: 11; Прокофьева 1955: 4; Потапов 1966: 13]. Также *хэрдэг* встречается в Монголии к востоку от оз. Хубсугул [Ринчен 1979: карта 46].

В XVII в. *онхоты* упоминались на р. Ингода на востоке Забайкалья. Важным событием, в связи с которыми они упоминались, был их разгром русскими совместно с гантимуровскими тунгусами после поднятия ими восстания в районе Нерчинска [Паршин 1844: 135–136]. По мнению Б. О. Долгих, в составе тех *онхотов* были известные позднее *узоны* и *уляты*. И, как видно по тексту, *онхоты* противопоставлялись гантимуровским тунгусам [1960: 347–348]. В XIX в. в составе Оловской инородной управы вторым по численности административным родом был *Узонов* род (бур., монг. *үзөн*). По этнографическим данным, основным подразделением узонов были *онхоты,* или *онхот-үзөн*, расселенные также в долине р. Онон (подробнее см.: [Назатов, Содномпилова 2020: 25–26]).

Среди хори-бурят *онхоты* встречаются в составе галзутов и харгана [Цыдендамбаев 1972: 86, 94]. При классификации хоринских кукуров Ц. Б. Цыдендамбаев отнес *онхотов* к группе монголов и омонголившихся этнических элементов [Там же: 215]. По нашему мнению, весьма вероятна связь хоринских *онхотов* с *онхотами*, упоминавшимися в связи с восстанием около Нерчинска. Разгром мог повлиять на рассеивание *онхотов* и их миграции в места расселения хоринцев.

Гипотеза о происхождении *онхотов* из Монголии, выдвинутая Ц. Б. Цыдендамбаевым, основанная на их расселении в Монголии, который основывался на данных, опубликованных Е. П. Лебедевой [Цыдендамбаев 1972: 211], недостаточно обоснована, так как речь идет об *ункотах*, расселенных на востоке Внутренней Монголии. Обращаясь к карте распространения обока *онход (онход, хонин-онход,*

улиар-онход/улайр-онход) в современной Монголии[155], а также к карте из Этнолингвистического атласа МНР [Ринчен 1979: карта 61], можно констатировать, что *онхоты* преимущественно расселены на севере – в Хубсугульском аймаке. Прежде всего, перед нами предстают *онхоты* из состава *хотогойтов* и *дархатов* (подробнее см.: [Нямбуу 1992: 133–134; Чулуун 2006: 46–48]). Два отока – *их онход* и *бага онход* были зафиксированы в составе халха-монголов Прихубсугулья [Нацагдорж 2017: 61]. Весьма вероятно, что ареалом, откуда распространились прихубсугульские онхоты, является долина впадающей в Хубсугул р. Онхолок [Санжеев 1930: 16]. В связи с этим необходимо отметить близкий по форме фонетический вариант этнонима, зафиксированный в Восточной Монголии, – *онхолиг* [Ринчен 1979: карта 61]. Если в данном случае отражено развитие формы от *onqo*+ суфф. *-lïγ* в монгольской среде, получившей развитие *onqoliγ* на востоке и *onqoloγ* у Хубсугула, то, вероятно, здесь отражено влияние тюркской языковой среды, оказавшей влияние на формирование этого этнонима. Необходимо отметить, что, судя по маньчжурско-китайскому письменному источнику «Beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon i bithe» / «亲征平定朔漠方略» (Qīnzhēng píngdìng shuò mò fānglüè – Стратегия усмирения пустыни под личным началом), носители этнонима *онход* причислялись к бурятам (маньчж. *burat,* кит. 布喇特 Bùlǎtè). Как отметил Б. Нацагдорж, практически все онхоты Монголии также считаются потомками баргу-бурятской общности [2016: 132–133].

Также необходимо отметить, что *ункоты*, упомянутые среди монголов в сочинении 1744 г. «Общее обозрение маньчжурских родов, находившихся в составе восьми знамен», были расселены в долине р. Шара-Мурэн (Сира-Моирэнь) и в местности Урут [Лебедева 1958: 220]. Территория отока Уруд, расположенного на востоке Чахара, а также долина Шара-Мурэна находятся в относительной близости к округу Фу-юй, где были расселены восточные урянхайцы (подробнее см.: [Кюнер 1958]), что, возможно, также связывает *ункотов* с урянхайской общностью.

---

[155] https://www.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName/?search=онход; https://www. 1212.mn/ sonirkholtoi/FamilyName/?search=хонин онход; https://www.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName/?search=улиар онход; https://www.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName/?search=улайр онход.

Таким образом, этническая история *онхотов* на ранних этапах была связана с тобасской общностью, откуда еще на раннем этапе произошло вливание *онхотов* в раннебурятскую общность, откуда, в свою очередь, часть *онхотов* двинулась в южном направлении, где они оказывались в составе *хотогойтов, дархатов* и *халха*. Другая часть продвинулась на восток и оказывалась в составе *узонов*, *сартулов*, *галзутов* и *харгана*. Однако строить гипотезы об исходном языке его носителей пока преждевременно.

Irkit. В русских документах XVII–XIX вв. бурятский этноним фиксировался как *иркидеев* [Долгих 1960: 289, 291]. В записях С. П. Балдаева [1970: 22, 144–145] встречаются формы *ирхидэй/эрхидэй*, в записях И. Н. Мадасона – *эрхидэй* [ОППВ ИМБТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 259. Л. 156].

Бурятская форма этнонима *ирхидэй/эрхидэй*, как и в случае с *хоогой*, *онгой, онхотой*, в соответствии с нашей гипотезой о родственности племен, входящих в объединение *обогони олон*, отражает ее развитие от раннетувинского *иркид/эркид*.

Административные роды I и II Ирхидеевы в XIX в. входили в Идинскую степную думу, после упразднения которой вошли в состав Бильчирской инородной управы. I Ирхидеев род располагался в долине Обусы, где граничил с I Онгоевым, II Ноетским, I Холтубаевым, I Онхотоевым и Булутским родами. Территория II Ирхидеева рода располагалась в долине Осы, где граничила с землями I Муруева, IV Онгоева, II Холтубаева, I и IV Готолова, Кахинского (Хогоева) родов [Нанзатов 2017а: 139–142].

Иркитский административный род Тункинской степной думы был представлен в улусах Нурай, Охор-Шибирь, Жемчуг и Тайбачай, где иркиты соседствовали с бурятами шошолоками, хонгодорами и тэртэ. После упразднения Тункинской думы земли Иркитского административного рода вошли в состав Харибятской инородной управы [Нанзатов, Содномпилова 2017б: 133, 136–137].

Иркитский административный род отдельного Окинского родового управления представлял собой сойотское оленеводческое население верховьев Оки. Официально иркиты-оленеводы были представлены в улусах Ильчир и Хончин. По этнографическим данным, обурятченные сойоты, прежде также являвшиеся частью Иркитского административного рода, вошли в состав Окинского административного

рода, где отмечены в улусах Сорок, Боксон, Далан-Туру, Диби, Хорето, Улзыта, Барун-гол [Нанзатов, Содномпилова 2017б: 133, 138–139].

По данным Н. А. Сердобова, этноним *иркит* среди тувинцев встречается практически повсеместно, однако наиболее часто – в Бай-Тайгинском, Эрзинском районах и Шынаанском сельсовете, т. е. на западе и на юго-востоке Тувы [1970: 78]. Если западная группа *иргитов* сближается с *иргитами/иркитами* в составе хакасов и алтайцев и, вероятно, кёк-мончаков, алтайских урянхайцев и тувинцев Китая [Потанин 1883: 11; Radloff 1893: 208; Радлов 1989: 90; Письма Н. Ф. Катанова… 1896: 62; Потапов 1947: 126; 1969: 23, 28; Монгуш 1983: 131; Вайнштейн, Таубе 1984: 234; Монгуш 1995: 38; Маннай-оол 1995б: 59; Бадамхатан, Лхагвасурэн 2012: 369; Айыжы, Конгу 2013а: 39; 2013в: 26; Юша 2017: 106], то юго-восточная группа, расселенная в настоящее время в Шынаанском сумоне Тере-Хольского кожууна, вероятно, близка с *иргитами* в составе цаатанов, дархатов, хубсугульских урянхайцев (уйгуро-урянхайцев), сойотов и тункинских бурят [Castren 1856: 396; Бадамхатан 1965: 74; Маннай-оол 1995а: 65; Rassadin 2010: 8; Айыжы, Конгу 2013б: 5; Нанзатов, Содномпилова 2017б: 136–137].

В этническом составе якутов этноним *эргит* отражен в названии Эргитского наслега Западно-Кангаласского улуса [Патканов 1912: 720, 835]. Этот же этноним в записи фольклориста Г. У. Эргиса [1960a: 140–141; 1960b: 251–258] зафиксирован как *эргис*. Форма этнонима *эргис* – с окончанием мн. ч. *-с* указывает на влияние монгольских языков и, по всей видимости, в свою очередь отражает бурятско-якутские этнические связи. Следует также отметить, что Б. О. Долгих [1960: 374] фиксировал этот этноним как орготский (Урготский, Эргитский). Однако, как гласит перепись 1897 г., у якутов были отражены как *Эргит(ский)*, так и *Оргет(ский)* роды в Восточно-Кангаласском улусе Якутского округа и *Оргот(ские)* наслеги в Верхне-Вилюйском и Средне-Вилюйском улусах Вилюйского округа [Патканов 1912: 720, 721, 785; Ксенофонтов 1937: 190]. Одновременная фиксация этнонимов *өргэт/өргөт* и *эргит/эргис*, а также трудности фонетического развития *өргэт/өргөт* от *эргит/эргис* в якутском языке, вероятно, отражают два разных этнонима (сравн. *ӧрге* в составе сары-уйгуров [Тенишев 1962: 63]).

Отмеченная в работе Кастрена самоедоязычность *иркитов-сойотов* [Castren 1856: 389], ошибочно поддержанная нами ранее [Назатов 2014: 555], вероятно, показывает лишь участие какой-то группы самоедов, оказавшихся в составе иркитов-сойотов, в дальнейшем ими ассимилированных. Широкий ареал распространения этого этнонима в тюркской и монгольской среде, скорее всего, отражает его происхождение в среде тюрко-монгольских кочевников Саянско-Хубсугульского региона.

Мы присоединяемся к версии, высказанной Б. И. Татаринцевым [1988: 195], что этноним мог произойти от *irkän* в значении «собирание, накопление», что в основе этнонима *иркит/иргит/эргит/эргис*, вероятно, лежит значение «собранные» от *irk-/erk-* – «собирать, скапливать» [ДТС 1969: 179, 212; Севортян 1974: 378], близким по значению к которому является и монгольское *irgen* – «народ» [Санжеев и др. 2016: 106].

Судя по географии распространения, можно предположить, что этноним сформировался в тобасском (раннетувинском) ареале. Однако строить гипотезы об исходном языке его носителей пока преждевременно.

Относительно этнонима *ирхидэй/эрхидэй* можно сделать вывод, что его носители оказались в бурятской среде в эпоху возвышения монголов во Внутренней Азии, когда в этнонимике активно использовался суффикс *-дай*. Впоследствии его носители оказались вовлеченными в племенную группу *обогони олон* в составе *булагатского* племенного союза. Наличие в составе тункинских бурят этнонима *иркит* и отсутствие связей с *ирхидэй* отражает неоднократность проникновения его носителей в этнический состав бурят. Якутская форма этнонима *эргис*, вероятно, также отражает проникновение его носителей из раннетувинской среды сначала в раннебурятскую и далее в раннеякутскую среду.

Qol. В русских документах 1681 и 1696 гг. термин зафиксирован как *Колтубаев род*, в 1699 г. как *Холтубаев род* [Долгих 1960: 220, 291, 293], в записях С. П. Балдаева как *холтубай* [1970: 145–149] и *хултубай* [Там же: 140].

В XIX в. административные роды I и II Холтубаев были представлены в Идинской степной думе, позднее в Бильчирской инородной управе, в низовьях Обусы и долине Осы, где граничили с землями I Муруева, IV Онгоева, IV Готолова, I и II Ирхидеева родов [Назатов

2017а: 139–142]. III Холтубаев род располагался к западу от Ангары в составе Аларской степной думы, впоследствии Куйтинской инородной управы, где их соседями были буряты VII Хонгодорского, Ноетского, III Готолова, I Икинатского и Зангеева (Зунгиева) родов [Нанзатов, Содномпилова 2013: 56].

Учитывая, что представленные этнонимы группы *обогони олон* имеют окончания род. п. *-ай*, исходную форму можно восстановить как *холтуба*.

Рассматривая этноним *холтубай<qoltuba* с позиции тюркских языков, его можно представить в виде сложного слова, состоящего из двух основ – *qol* и *tuba*, указывающих на связь с древними *туба* / *тоба* – предками тувинцев (сравн. *тубас*: [Козин 1941: 175; Рашид-ад-Дин 1952: 123–125]). Наличие у тувинцев этнонима *кол/хол/qol*, по устоявшейся традиции переводимого как «*основной*» (для Тоджи) [Кон 1881: 144; Дулов 1956: 128; Вайнштейн 1961: 39; Айыжы, Конгу 2013б: 6]. Подобная интерпретация позволяет предположить, что носители этнонима являются осколком древней общности *туба*/*тоба*. Сложносоставные этнонимы для тюрко-монгольских народов не редкость, в частности привлекает внимание этноним *чаг-тыва*, имеющий явную параллель в словообразовании с **qoltuba* (подробнее о *чаг-тыва* см.: [Татаринцев 1995]).

Что касается гипотезы В. И. Дулова о довольно позднем происхождении названия этого сумона [Дулов 1956: 128], то наличие в бурятской среде этнонима *холтубай*, известного по русским документам в XVII в., позволяет предположить его более раннее существование.

Основным результатом данного исследования является доказательство принадлежности этнонима *холтубай* к раннетувинскому пласту в этногенезе бурят, и нет необходимости подробно рассматривать вопрос происхождения этнонима *туба / тоба / тува / тыва* (подробнее об этнониме *туба / тоба /тува / тыва* см. напр.: [Вайнштейн 1957; Татаринцев 1990]).

***

Ареал распространения исследуемых этнонимов явно отражает их исходную локализацию в Восточносаянско-Хубсугульском регионе, откуда произошло многовекторное движение в разных направлениях, одним из которых было Прибайкалье.

Исследование группы бурятских этнонимов, связанной своим происхождением с одним из персонажей общебулагатской родословной, известного как *Обогон*, в свою очередь, связанного с персонажем якутских генеалогических мифов, известным как *Омогон / Омогой*, позволяет говорить о присутствии в этногенезе бурят раннетувинского пласта. Проведенное исследование в очередной раз подтверждает связи тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, Южной и Восточной Сибири. На примере исследованных этнонимов (*хоогой* < *quu, онгой* < *on(dar), онхотой* < *onqot, ирхидэй* < *irgit, холтубай* < *qol+tuba*) мы видим, как отразился крупный тобаский (раннетувинский) пласт в этногенезе бурят и саха-якутов. Присутствие этих этнонимов в бурятской среде значительно углубляет историю сопоставляемых тувинских этнонимов, в частности этнонима *хол/кол*, фиксируемого в Тодже.

3.3. Хакасско-бурятские этнические связи: *ïγï (*ïqï) // ikinad*

Игинский род хакасов Кызыльской степной думы назван по имени *сӧ̄ка ығы*. Согласно В. Я. Бутанаеву [1994: 23; 1999: 229], подразделяется на *улуғ ығы* и *кічіг ығы*. В начале XVIII в. игинцы проживали по р. Чулым, от впадения р. Урюп и до Ачинска [Очерки истории Хакасии 2008: 200]. По мнению хакасского исследователя, «этноним *ыгы* созвучен с именем якутского рода *эҥэ* – эгинцы. Общность якутской и хакасской этнонимики (хасха, тумат. хоро, кыргыс и др.) отражает их древние историко-культурные связи» [Бутанаев 1994: 23]. Это, однако, видимо, формальное созвучие, не объясняющее разницу в рядности вокализма.

Наличие гуттурального *-γ-* в интервокальной позиции, который по законам хакасской фонетики должен стягиваться, может быть объяснено, однако, особенностями кызыльского диалекта, где глухим согласным литературного языка в интервокальной позиции соответствует звонкий [Доможаков 1948: 7]. Это подтверждается наличием зафиксированной исследователями формы этнонима с глухим – орфогр. *акы*. Вероятно, *ығы ~ ағы* (< **ықы*) является первичным именем от незарегистрированного в хакасском языке глагола **ық-* с основным значением «идти по ветру», вторичным «склоняться», и переносным «поддаваться, уступать, отступать, сдавать свою позицию» и т. п., а также отмеченного в значении «плыть вниз, плыть по течению» и

т. п., что контаминируется с основной **ақ-* «течь, протекать, вытекать» и т. д. [Севортян 1974: 651–652, 118–119].

Существует возможность сопоставления этого наименования с западнобурятским этнонимом *икинад ~ ихинад*, носители которого, согласно преданиям, пришли с Енисея [Балдаев 1970: 320]. В 1654 г. в одном из русскоязычных документов они упомянуты как *игнацкие* татары [Окладников 1937: 94]. В XVII в. икинаты представляли собой крупное племя, расселенное по Ангаре ниже впадения Унги и в низовьях Оки. На их территории был построен первый Братский острог. В XIX в. основная масса икинатов, ушедшая из-под Братского села на юг, входила в состав Балаганской степной думы, где из них были составлены I и II Икинатские и Шолотский административные роды [Нанзатов 2018а: 141, 144, 153]. Значительно меньшее количество икинатов осталось в Братской волости Нижнеудинского округа [Он же 2018в].

Данный этноним образован при помощи аффикса множественности *+nad* (< **+nA+d*), зарегистрированного только в западнобурятских говорах [Poppe 1952: 68]. Сам аффикс известен не только в велярном варианте. Это, исходя из имеющихся немногих примеров, указывает в качестве имяобразующей основы **ixi* (видимо, с позиционно обусловленным вариантом с *-k-*), где *-χ́i-* < **-ki-* < **-qï-* [Poppe 1955: 132, 133; Рассадин 1982: 101–103, 110], а мягкорядность инициального согласного объясняется законами монгольской фонетики.

3.4. Бурятско-якутские этнические связи: *eχirid < *ikires > *ikidei > igidäi*

Расселение. Этноним *игидэй* (в русской орфографии *игидей*) связан с одним из племен, составлявших в XVII в., после прихода русских, отдельную Игидейскую волость наряду с байагантайцами, батурусцами и др. [Токарев 1940: 16; Долгих 1960: 355]. К концу XIX в. игидэйцы оказались разделенными между двумя соседними улусами – Баягантайским и Батурусским, сохраняя компактное расселение в междуречье Алдана и Лены и составляя 4 наслега. Большинство населения этих наслегов составляли собственно игидэйцы, так как названия административных родов преимущественно не демонстрируют связи с какими-либо другими этнонимами. Таковы отмеченные в русских источниках названия Улаханский (як. *улахан*, *улаххан* – «боль-

шой (больший), великий, значительный по размерам, крупный»; (великий, большак, старший по возрасту; важный, знатный, вельможа» и др.), т. е. букв. большой [Игидэй]; Ортоку (як. *ортоку* – «средний», т. е. средний [Игидэй]); Оросинский (як. *оросу*, *оросуо* – «поздний, родившийся позже»), т. е. букв. малый [Игидэй] (см.: [Пекарский 1959в: стб. 2999–3001; 1959б: стб. 1874–1876, 1873]), а также наименования административных родов по местности их расселения, а именно – по названиям рек, озер и урочищ: Бяряйский [Игидэй], Таттинский [Игидэй], Тейтюгинский [Игидэй], Баягинский [Игидэй], Кутаминский [Игидэй], Тёкё [Игидэй] [Пекарский 1959а: стб. 8, 433, 1263, 1264; 1959в: стб. 2583, 2619, 2900; Материалы... 1970: 253, 507], а также, вероятно, по названию патронимий: Абдынский [Игидэй], Согуйский [Игидэй] [Пекарский 1959а: стб. 8; 1959б: стб. 2259; Материалы... 1970: 253, 507].

Исключение составляют названия таких административных родов, как Баягантайский и Мегюренский. Баягантайские административные роды непосредственно связаны с четырьмя баягантайскими наслегами, по имени которых и был назван улус. Следует отметить, что, по преданиям, записанным Я. И. Линденау [1983: 18], Баягантайский улус происходит от сыновей Omogon'a – близнецов Kordoi'a и Kogosuk'a. По другой версии, предком Баягантайского улуса является единственный сын Омогой-бая Баарагай Баатылы [Пекарский 1959а: стб. 410; Гоголев 1993: 59]. Так или иначе, происхождение баягантайцев является бурятским и скорее всего смешанным, т. е., вероятно, в его формировании приняли участие как хоринцы, так и батулинцы-булагаты.

Этноним *мегюрен* – як. *мөҥүрүөн* связан с *Мегинским* (як. *Мэҥэ*) улусом, где его представители смогли составить одноименный наслег, а также административный род [Пекарский 1959б: стб. 1612; Эргис 1960а: 291].

Крупнейшим племенем, расселенным на р. Татта, а также в низовьях Амги и Баяги, являются носители этнонима *Игидэй*. Небольшие группы игидэйцев также разбросаны в Западно-Кангаласском улусе в составе I Мальтанского наслега – 262 чел., II Мытатского наслега – 357 чел., где оба административных рода расселены в долине р. Синя (Сиинэ, Синяя) [Патканов 1912: 719; Серошевский 1896: карта]. Другая группа игидэйцев была отмечена также в составе Борогонского улуса, Бэрт-Усовского наслега – 166 чел. [Патканов 1912: 731]. Таким

образом, учитывая большинство административных родов, за исключением *баягантай* и *мегюрен*, а также учитывая игидэйские административные роды Западно-Кангаласского и Борогонского улусов, можно допустить, что игидэйцев в Якутском округе на 1897 г. было около 4–4,5 тыс. чел., т. е. они составляли довольно крупную общность. Наличие административных родов с таким названием в составе других улусов косвенно подтверждает, что речь идет именно о некоем общем этнониме для населения, уже широко расселившегося, по крайней мере к моменту прихода русских в Якутию.

Вопрос о происхождении этнонима *Игидэй* привлек исследователей лишь недавно. Так, в статье Р. И. Бравиной было высказано следующее соображение: «Имя *Игидэй* нам представляется созвучным названию бурятских племен *эхирид*, *ихирит*, *икирес*, *икинат*. В семантике этого этнонима нет разночтений, он по своему морфемному составу может быть признан тюркизмом – образовавшимся от тюркского *ikire* – «близнецы, двойня» (ср. якут. *игирэ*)» [2017: 51]. Этноним *Икинат* здесь, несомненно, лишний (см. теперь: [Назатов, Тишин 2019: 124]), однако остальные сопоставления в действительности могут основываться не только на созвучии. К мнению о связи этнонимов *игидэй* и *эхирит* также пришел В. В. Ушницкий, основываясь на гипотезе Ф. Ф. Васильева о монгольском происхождении игидэйцев, в свою очередь, впервые зафиксированных С. И. Боло в 1933–1934 гг. в Усть-Алданском, Чурапчинском и Таттинском улусах [Васильев 1995: 32; Ушницкий 2019: 49].

В словаре Э. К. Пекарского в статье *Ігідäі* «1) прозвище одного из близнецов-сыновей Ӑн-Чӑчык-ойӯн-а; по преданию, повитуха, омерячка (ömӱräх), желая произнести ігіріä, произнесла по ошибке ігідäй, каковое прозвище и осталось за мальчиком…»; «2) название наслегов (1-го и 2-го Игидейских) в Ботурусском и Баягантайском улусах (родоначальником считается Харчы)» [1959а: стб. 904][156].

Упомянутое Э. К. Пекарским предание содержит подсказку к этимологии этнонима. Слово *ігіріä*, отмеченное в том же словаре в статье

[156] В сноске также дано следующее примечание со ссылкой на статью П. Рябкова «Полярные страны Сибири. Заметки и наблюдения в Колымском округе» (Сибирский сборник, 1897): «В Средне-Колымске одного “маленького сгорбленного старика – кожа да кости с бессмысленно устремленным вперед взором… прозвали игидейкой, что значит сумасшедший. Он – полуякут, полурусский…”», но этот случай заслуживает отдельного рассмотрения.

ігірä, *ігірі*, *ігіріä* с приводимыми аналогиями в других языках (уйг. *äгіз*, койб. *іккäрä* [письм.-]монг. ᠶᠬᠬᠡᠷᠡ “іккірä”, маньчж. *икири*), регистрируется в значении «близнецы, двойники» [Пекарский 1959а: стб. 904]. Содержащийся в предании мотив близнецов косвенно отсылает к семантике этнонима, позволяя считать фонетическую близость слов *ігідäй* и *ігірiä* не формальной, а обусловленной этимологически.

Ближайшей аналогией, как отмечалось выше, является известный в истории монгольских народов этноним **ikires*, отмеченный в «Тайной истории монголов» (§ 120, 129, 141, 202) в форме *и-ци-лэ-сы* 亦乞𠯿列思, в «Шэн-у Цинь-чжэн лу» 聖武親征錄 – *и-ци-ла-сы* 亦乞剌思, у Рашīд ад-Дīна – ایکراس [’ykrās], ایکیراس [’ykyrās], в «Юань ши» 元史 – *и-ци-лэ-сы* 亦乞列思 (< **ikires*), *и-ци-ли-сы* 亦乞里思 (< **ikiris*), *и-ци-ли-дай* 亦乞里帶 (< **ikiridei*) [Histoire des campagnes 1951: 31–32], а также западнобурятский этноним письм. *ekired* [Востриков, Поппе 1935: 45], *екірід* [Поппе 1933: 64; Санжеев 1986: 95, прим. 2], устн. *ехirid* (рус. *эхирит*)[157]. Конечный элемент бурятского этнонима объясняется тем, что древний общемонгольский аффикс множественности *+s* исторически в бурятском языке отразился как *+d* (~ *+t*), смешавшись с другим общемонгольским аффиксом множественности *+d* [Poppe 1955: 122, 178, 183; Рассадин 1982: 74, 82–83].

Как отмечал также Б. О. Долгих, «когда русские казаки пришли в Восточную Сибирь, они записывали названия бурятских племен и родов в общем довольно точно. Так было в Братском и Удинском острогах, так было и в Балаганском и Иркутском острогах. Но не так обстояло дело в Верхоленском остроге, поставленном среди эхэритов. Здесь транскрипция родовых и племенных названий предков бурят значительно отличалась от общепринятой; например, вместо булагаты – булгудаи, вместо эхэриты – икирежи, вместо ашехабаты – асипугаты, вместо готелы – котелы, вместо хонгодоры – Конготурский род и т. д. Эти особенности транскрипции бурятских родоплеменных названий в верховьях Лены, видимо, объясняются отчасти произношением переводчиков и проводников-эвенков. Но большую роль в своеобразной транскрипции всех верхоленских названий могло играть

[157] Независимо от П. Пельо сопоставление монгольского и бурятского этнонимов было предложено Г. Н. Румянцевым [1951: 93].

и произношение эхэритов, фонетический строй их тюркского языка» [Долгих 1953: 45].

Утверждение, высказанное в последнем предложении, совершенно не категорично[158], о чем будет сказано ниже. В наблюдениях Б. О. Долгих наиболее важно указание на отражение в русской передаче формы с интервокальным смычным *-k-*[159]. Так, Г. Н. Потанин

---

[158] Подобной гипотезе поддался сочувственно цитировавший этот пассаж Ц. Б. Цыдендамбаев, согласно которому эти примеры из тех, что «действительно иллюстрируют тюркский склад произношения информаторов», в частности, форму *икирежи* он объяснял тем, что в ней «содержится древнетюркский показатель множественности -з-, превратившийся в -ж- под влиянием последующего переднеязычного гласного -и-». На основе других подобных примеров он пришел к выводу о возможности говорить о «преобладании тюркских по происхождению родов среди эхиритцев», а также что «эхиритцы в целом с давних пор, не говоря уже о XVII веке, являлись двуязычными» [1972: 290]. Следует лишь отметить, что многие из отмечаемых Ц. Б. Цыдендамбаевым характеристик могут объясняться на основе законов монгольской фонетики или же просто искажением при передаче на другой язык. В частности, можно допустить другое объяснение формы *икирежи*, именно с конечным гласным, изначально не в значении русского множественного числа, переосмысленного так позже (ср. употребление формы *икиреж*). Такое объяснение основывалось бы на предположении, что форма *икирежи* впервые была зарегистрирована как образование от **ikired* с аффиксом родительного падежа *-i-*, типичным для эхирит-булагатского говора и зарегистрированного, по меньшей мере, в середине XVIII в. [Будаев 1978: 216]. При присоединении этого аффикса конечный гласный основы всегда палатализуется [Матхеев 1968: 14]. Отсюда можно предполагать отражение в орфографическом *-ж-* некоего аллофона исходного *-d-* (> **-d'-* > **-ǰ-*).

[159] См. касательно этого замечание И. Д. Бураева: «Первые русские заимствования бурятских слов показывают, что большой пласт бурятской лексики со звуком -х- произносится в русских говорах Забайкалья и Прибайкалья со смычным к, а не с щелевым х… <…> Это еще раз подтверждает предположение о более раннем обособлении и прибытии на территорию вокруг Байкала этих монгольских племен, довольно продолжительное время, вплоть до XVII в., сохранивших в языке смычный -к-» [1987: 61]. Скудные лексические материалы середины XVIII в. позволяют предполагать, что в это время процесс перехода смычного *-k-* в щелевой *-χ-* «в собственно бурятских диалектах происходил, но еще не завершился», по крайней мере, смычный преимуще-

упоминает «нынешний бурятский род Икират» или же «поколение Икирит» [Потанин 1883: 669, 769].

Кроме того, как отмечено филологами, носители качугского говора бурятского языка называют себя *эхирши* [Митрошкина 2001: 142]. Бытование этой формы до настоящего времени подтверждается полевыми исследованиями одного из авторов статьи не только в Качугском, но и в Эхирит-Булагатском, Баяндаевском и Ольхонском районах, где одновременно фиксируются обе формы – *эхирид* и *эхирши* и, более того, что немаловажно по отношению к другому крупному западнобурятскому этнониму *булгад* (рус. *булагат*), также употребляется форма *булгаши* [ПМА].

В бурятском языке отыменный аффикс *+ши* (< письм.-монг. *+či*) зарегистрирован как образующий имена со значением деятеля [Будаев 1978: 138–139]. Однако в данном случае речь, скорее, может идти о диалектном фонетическом варианте аффикса *+хи* (< *+ki*), который «означает определенный признак с оттенком принадлежности чего- или кого-нибудь кому- или чему-нибудь» [Бертагаев 1961: 96]. Он присоединяется к именам, наречиям, числительным, в т. ч. с другими аффиксами, придавая образуемым формам, так или иначе, именно такое грамматическое значение [Поппе 1938: 94–95, 105, 122, 181; Грамматика бурятского языка 1962: 115–116, 132, 300; Цыдендамбаев 1972: 356; Будаев 1978: 125]. Сам переход этимологического *-k-* (> бур. лит. *χ*) > *ś* или *š* ~ *t′*, в позиции перед *-i-*, довольно известен в западнобурятских говорах [Poppe 1955: 22, 142, 143 ff.; Будаев 1978: 30–31, 217, прим. 22; Рассадин 1982: 101–102, 130–131, 150; Бураев 1987: 32, 54][160].

Указанная форма *эхирши* наглядно подтверждает правомерность высказанной впервые, кажется, еще Г. Й. Рамстедтом в отношении западнобурятского этнонима *eχirid* [Ramstedt 1949: 195] и независимо от него П. Пельо в отношении **ikires* [Histoire des campagnes... 1951: 32] гипотезы о родстве последнего с письм.-монг. *ekeri*, *ikere*, *ikeri*,

---

ственно сохранялся в мягкорядных словах и перед *-i-* [Будаев 1978: 217, 245, прим. 128].

[160] Впрочем, это явление отмечается как довольно новое [Поппе 1938: 53]. Ср.: «Эти *s′* и *t′* – явление новое и наблюдаются в языке поколения моложе 35 лет. Несомненно, со временем это произношение станет господствующим и *-s′-* там вытеснит полностью *-x′-*» [Там же: 42].

ikire, *nikeri* – «близнецы» (см.: [Владимирцов 1929: 150, табл. XII: 247, 370; Mongolian-English Dictionary 1960: 401, 583]) и, соответственно, с другими формами слова в монгольских языках. Неоднократно отмечались широкие лексические параллели также в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, дискутировалось их соотношение друг с другом (общеалтайское происхождение или наличие тюркизма в монгольской среде, затем, через ее посредство – в тунгусо-маньчжурской (см.: [Севортян 1974: 252–254; Ligeti 1986: 311–312. o.]). В настоящей работе этот вопрос не затрагивается, поскольку не имеет прямого отношения к рассматриваемому якутскому этнониму.

В отличие от гомогенного *ikki* – «два, двое, пара» (< пратюрк. **eki* id.), слово *iгipä*, *iгipi*, *iгipiä* – «близнецы» является очевидным монгольским заимствованием (касательно як. *-k-* < письм.-монг. *-g-* > бур. *-χ-*, в частности с примером, як. *igirä* ~ *igiri* ‘Zwillinge’ < письм.-монг. *ikire* id., бур. *eχir* id. при тюрк. *ikiz* id., см.: [Kałużyński 1961: 21, 51]).

В этнониме *igidäi* достаточно явно вычленяется монгольский аффикс *+dAi* (< афф. множественности *+d* + афф. генитива *+Ai*), образующий именные формы мужского рода от этнонимов, выступающих в качестве производящей основы [Kempf 2006]. Следует также отметить, что вплоть до 1650 г. в русских документах этноним крупнейшего племенного союза бурят – *булгад* (рус. *булагат*) также фиксировался в орфографических вариантах *булгудаи*, *булгадаи*, *булбудаи* [Токарев 1938: 105], т. е. в форме, также содержавшей аффикс *+dAi*. Этот и другие примеры (ср., напр.: *ирхидэй*, *онхотой*, *улдэй*, *содой* и др.) также подтверждают факт использования этого аффикса в бурятской среде в составе не только личных имен, но и этнонимов.

В якутском языке монгольские личные имена и этнонимы осмыслялись уже как неразложимая основа. Формально этноним *igidäi* может отсылать к исходному, непосредственно бурятскому **ikid* < **ikir*[161]. Бытование последней формы здесь косвенно подтверждает упомянутое выше западнобурятское *эхирши* || *eχirši* < **eχirχi* < **ikir+ki*.

[161] Процесс перехода этимологического инициального *-i-* > *-e-* не в позиции перелома в литературном бурятском предполагается только с конца XIX в. [Дамбуева, Норманская 2018: 38–39].

Выводы. Исследование бурятско-якутских этнических связей имеет большое значение для попыток разрешении проблем, связанных с этногенезом обоих народов не только в контексте субстратного пласта, но и для датирования трансформационных этнических процессов, в результате которых те или иные группы оказались инкорпорированы с окружающим большинством.

В данном случае представители рода *игидэй*, восходящего к бурятскому происхождению и связанного с носителями этнонима *эхирит ~ эхирши*, по крайней мере на XVII в., представляли собой отдельную группу – як. *джон* / *дьон* (см.: [Пекарский 1959а: стб. 834, 840]), в русских документах отраженную как «волость», наряду с Баягантайской, Батурусской и др. А к концу XIX в. игидэйцы оказались разделенными русской администрацией между двумя соседними улусами – Баягантайским и Батурусским, в каждом из которых они составили по два наслега. Часть игидэйцев оказалась в составе Западно-Кангаласского и Борогонского улусов, где из них были составлены административные роды.

Наличие в якутской среде эхиритского пласта позволяет по меньшей мере на один век отодвинуть нижнюю временную границу истории пребывания эхиритов в Байкальском регионе, прежде достоверно отсчитывающуюся только в связи с их фиксацией в русскоязычных документах XVII в. Это, однако, не исключает и более раннего их присутствия здесь. Хотя отсутствие более ранних упоминаний в источниках этнонима *икирес*/*эхирид* (рус. *эхирит*) в Прибайкалье все же пока не позволяет установить точные временные границы появления его носителей вблизи Байкала, на основе общего исторического контекста и по косвенным признакам можно с определенной долей уверенности предполагать, что уже к моменту переселения в Якутию это была некая общность, говорившая на языке монгольской группы, с характеристиками, присущими бурятским говорам эхирит-булагатского типа[162].

[162] Неоднократно поднимаемый исследователями вопрос об изначальной языковой принадлежности носителей этого этнонима (см. напр.: [Histoire des campagnes... 1951: 31–32; Санжеев 1983: 50; 1986: 95 (прим. 2); Цыдендамбаев 1972: 290]) не может быть решен на основе имеющегося материала.

3.5. Бурятско-якутские этнические связи: *qaqsiγud, хахшууд, хагшууд* ‖ *kogosuk, qaqsïq, хахсык*

Находившийся на службе у российского правительства немецкий исследователь Я. И. Линденау в «Описании якутов», составленном на основе материала, собранного им в 1741–1745 гг., впервые фиксирует известную позже в разных других вариантах легенду, где к предводителю по имени *Omogon*, из рода *Batulu*, явился «беженец по имени Ersogotorh, или, как они его еще иначе называют, Elei, или Eldei-Bator. Ему отдал Omogon свою приемную дочь, и у них было 8 сыновей и 4 дочери. Среди сыновей называются следующие имена: Antantüik, Barkutai, Kordoi, Kogosuk, Bolotoi, Katamaldai, Tscheriktei, Artbudai» [Линденау 1983: 17–18].

Позже Г. В. Ксенофонтов привел текст источника, охарактеризованного им как «надпись, иссеченная на могильном камне И. Г. Шадрина им самим в возрасте в 1878 г. 70 лет и заключающая его родословие, начиная от общего предка якутов Эллэя», в 40 км от Якутска в местности Куллаты Аньага (ниже в квадратных скобках дано «правильное» чтение имен, данное со слов его внука И. П. Шадрина): «1575 года во врмя [время] царя Иоанн Васильевич Грозныа от колен Эль-ли [Эллэя]: 1. Кюаван [Кюн-Абаган], 2. Хордокоосун [Хордой-Хогосуун], 3. Додуса-Дархан [Дойдууса-Дархан], 4. Мунтян [Мунньан], 5. Тыгын, 6. 1660 года во время цар Алексей Михайлович Чемчон [Чёмчююн], 7. Тюрюннюй [Тёрюннюй], 8. Ута [Уктаа], 9. Тияса [Туйааса], 10. Мотун [Молтуун], 11. 1770 года во святом крещении наречены Павала Шадр. Алексей Шадр, 12. Галактион Шадр, 13. Иоанн Шадр, 14. Колена Эльля [Эллэя]…» [Ксенофонтов 1977: 37–38]. Имя *Хордокоосун* или *Хордой-Хогосуун* человека, отмеченного как потомок Эль-ли (Эллэя) в третьем поколении, здесь предстает как сочетание двух форм, известных у Я. И. Линденау.

В предании, записанном в 1893 г. известным якутским деятелем П. Е. Готовцевым из Баягантайского улуса, «близнецы» предстают в виде одного персонажа – *Хордой Хойоҕос* (его сын – *Бороҕон*) [Пекарский 1909]. Ср. в словаре Э. К. Пекарского [1959: 3441]: «Хордоі Хоjоҕос один из четырех сыновей Älläi-я, отец Бороҕон-а», приведено в статье *хоjоҕос* – «довольно густой, густоватый» (ср. *хоjдоҕос*).

Имя *Kordoi* традиционно отождествляется с бурятским эпонимом *Xoridoi, Xor'odoi*, а также с *Qorilartai* «Тайной истории монголов», связанными, соответственно, с этнонимами бур. *χori*, *χor'ʊ* и ср.-монг. *qori-tumat* (см.: [Histoire des campagnes... 1951: 59–60, 61–63; Румянцев 1962]). При этом, очевидно, якутская форма *kordoi* демонстрирует адаптацию варианта с редуцированным гласным между *-r-* и аффиксом *+dAi* (< **qor'ʊ*).

Поскольку, как известно, все перечисленные в зафиксированном Я. И. Линденау якутском предании имена сыновей Эллэя представляют собой эпонимы, имя, данное у него в форме *Kogosuk*, в других преданиях предстающее как **-Коосун*, *Хогосуун* и *Хойоҕос*, также логично сопоставить с какими-либо известными якутскими этнонимами, в частности, которые могут быть обнаружены в реестре административных единиц на конец XIX в. по переписи 1897 г., где обнаруживается «Хахсытский наслег» в Западно-Кангаласском улусе [Патканов 1912: 720], а также «Хахсытский род» в составе I Батулинского наслега Верхне-Вилюйского улуса [Справочник... 1911: 88].

В словаре Э. К. Пекарского название соответствующей административной единицы регистрируется в исходной форме *хахсык*, где в статье с таким названием приводятся следующие значения: *хахсык* [от ^{2}*хахсыі* + *к*] «1) «прогорклый; протухлый, затхлый», здесь же приведен топоним *Хахсыккӱӧл* – «урочище Орготского наслега Верхне-Вилюйского улуса», и «2) населенный зимний пункт в Орготском наслеге Верхне-Вилюйского ул. и наслег (Хахсытский) в Зап.-Кангалас. ул. (Якут. окр.)» [Пекарский 1959в: стб. 3148]. В 1732 г. известно упоминание князца Кангаласской волости Мэкчирги Кахсыкова [Софронеев 1972: 111].

Ближайшая аналогия обнаруживается в бурятской этнонимике, а именно в числе одного из старейших хори-бурятских племен – шарайтов. Речь идет об этнониме шарайтского подразделения (бур. *хухур*) *хахшууд*, письм. *qaqšiud* [q'qsywd] , представленного у Ц. Б. Цыдендамбаева как *хакшют* или *хакшют-шарайты* [1972: 92]. По этнографическим сведениям, этноним *хагшууд* также неоднократно зафиксирован у бурят в Монголии [Цэрэнханд 2005: 23], а также у шэнэ-баргутов как хахчууд [Бадмаева 2005: 46].

Этимология этнонима *qaqšiud* формально может быть вычленена следующим образом: *qaqšiud* < **qaqšiγud* < **qaqšin* + афф. множе-

ственности *+γUd*. Гипотетическая исходная форма *qaqšin* может быть интерпретирована как отыменное производное с аффиксом **+šIn* < *+čI+n*, соответственно законам исторической фонетики бурятского языка, где *-č-* > *-š-* перед *-i-*[163]. Параллель, показывающая фонетический облик, приближенный к наиболее архаичной форме этнонима, обнаруживается в ойратской среде, а именно известно подразделение хойтского рода *хахачин* в составе калмыков Хошоутовского улуса [Небольсин 1952: 19].

Нам данная форма известна в русском написании, но представленный здесь орфографический облик, соотносимый с отмеченным Я. И. Линденау именем *Kogosuk*, показывает наличие гласного перед аффиксом. Отсутствие этого гласного в бурятской форме этнонима позволяет предполагать, что речь идет о непервослоговом гласном неполного образования, находящемся в безударной позиции и потенциально склонном к редукции. В письменно-монгольском этот процесс фиксируется уже в XIII–XIV вв. и далее [Владимирцов 1929: 107–109, 312–313]; в калмыцком, судя по записям калмыцких слов европейскими путешественниками, он завершился не ранее XVIII в. [Будаев 1992: 63].

Как, в частности, характеризует отдельные случаи Б. Я. Владимирцов [1929: 328–329] для халхаского, «редуцированные гласные в положении между двумя шумными согласными и особенно в случаях, когда один из согласных оказывается сильным, в халхаском могут произноситься как глухие, без дрожания голосовых связок, потому что весь выдыхаемый воздух идет на образование шума сильного согласного», и далее: «Действительно, чрезвычайно трудно бывает провести разницу между гласным, до неопределенности редуцированным, и гласным глухим; кроме того, глухие гласные обычно появляются лишь во фразах, а не в изолированных словах».

[163] Согласно Г. Д. Санжееву [1953: 93–94, 96], этот процесс произошел «около XIV–XV вв. или несколько позднее, вплоть до XVI–XVII вв.» (см. также: [Рассадин 1982: 75–76]). Между тем, по крайней мере, в записях бурятских слов в XVIII в., отмечается параллельное употребление щелевых *-č-* и *-š-* [Будаев 1992: 49]. Однако, как установлено, в частности, для бурятизмов в якутском с инициальным *-s-*, этот звук мог развиться только из шипящего сибилянта *-š-* [Рассадин 1973: 179].

Якутская форма показывает нормальное развитие письм.-монг. *-q-* > як. /χ/ перед *-a-* [Kałużyński 1961: 51–52][164]. Начальный согласный в записанном Я. И. Линденау *Kogosuk* и в отмеченном наименовании *кахсыков* не вызывает противоречий, ввиду, возможно, отражения здесь нормального произношения *-k^{x}-*. Второй согласный, отраженный в бурятской и калмыцкой форме как **-χ-*[165], но в халхаской как **-g-*, должен отсылать к этимологическому *-q-*[166]. Между тем известно явление, когда этимологический *-γ-* в тех случаях, когда он не выпадал, образуя дифтонги и затем долгие гласные, обычно в позиции перед гласными, иными, чем **-ï-*, давал *-g˂-* в халхаском, бурятском, калмыцком, но в последних двух иногда – *-χ-* [Poppe 1955: 149–150; Рассадин 1982: 113, 151]. Считается, что в бурятском языке спирантизация смычного *-γ-* > *-χ-* в позиции между гласными отмечается не ранее XVIII в. [Будаев 1992: 52–53]. Написание *Kogosuk* отражает нормальное для якутского языка чередование *-γ-* ~ *-χ-* [Коркина и др. 1982: 96]. Вариативность первого гласного в разных вариантах записи основы в якутском объясняется собственно особенностями языка, где фиксируется различное произношение (с огубленной или неогубленной огласовкой) слов, заимствованных в т. ч. из монгольской среды, при этом значительная часть таких случаев варьирования *-a-* ~ *-o-* в

[164] В письм.-монг. развитие смычного *-q-* > *-χ-* регистрируется достаточно рано [Владимирцов 1929: 403]. Бурятский язык знал смычный *-k-* (с увулярным вариантом в твердорядных словах) еще в XVII в. [Бураев 1987: 61]. Другие материалы показывают, что как в бурятском, так и в калмыцком и монгольском языках еще в XVIII в. в твердорядных словах фиксируется параллельное употребление вариантов смычного *-k-* и спиранта *-χ-*. В бурятском языке о полном завершении данного перехода можно говорить к XIX в. [Будаев 1992: 55].

[165] См., в частности, замечание О. А. Мудрака касательно подобных случаев: «Увулярный *-x-* в части диалектов произносится как аффриката в превокальной позиции, и орфографическая норма написания отражает лишь различие увулярных и велярных, а не степень спирантизации» [Сравнительно-историческая грамматика 2002: 661]. Я. И. Линденау регулярно обозначает якутские комплексы *-χa-, -χo-* посредством сочетаний *-ka-, -ko-* [1983: 48].

[166] О развитии в неинициальной позиции письм.-монг. *-q-* в халх. *-g˂-*, бур. *-χ-*, калм. *-χ-* см.: [Poppe 1955: 135–136; Рассадин 1982: 112–113].

первом слоге наблюдается при соседстве гласного с *-x-* [Иванов 1980: 68].

Сказанное позволяет восстановить исходную форму этнонима как **qaγnšin*(< **qaγačin*), где выступать в качестве производящей именной основы может форма, гомогенная с письм.-монг. *qaγas* > *χaγas*, ср.: халх. *хаҕас* – «половина, расколотый надвое» [Владимирцов 1929: 124, 229, 388], калм. *χaγ^{n}s* [qaga+s] ‘diehälfte, halb; durch, entzwei (der-längenach)’ [Ramstedt 1935: 160], халх. *хагас*, бур. *хахад*, *хагад*, калм. *хahс* – «половина» [Санжеев и др. 2019: 19], в записях М. А. Кастрена – бур. (хоринск.) *хахат*, бур. (селенгинск.), *хахас* – «половина» [Будаев 1992: 176][167].

Трудно решить, была ли здесь изначально именно форма **qaγas*, с ассимиляцией финального согласного перед аффиксом вследствие уподобления (см., напр.: [Poppe 1955: 109, 110]) или исходное и для нее имя **qaγa*, но в любом случае наличие аффикса *+*šIn* < +*čI*+*n* в данном случае показывает еще один пример, когда он не только выступает в функции обозначения деятеля[168], а имеет более широкое значение[169].

Следует сказать несколько слов о других формах, предоставляемых якутским материалом. Форма имени *Kogosuk* и наименование *кахсыков*, демонстрирующие финальный **-k-*, вопреки реконструируемому -n-, могут объясняться, вероятно, как следствия уподобления

---

[167] Касательно письм.-монг. **-s* > халх. *-s*, бур. *-d*, калм. *-s* см.: [Poppe 1955: 121–122; Рассадин 1982: 82, 83].

[168] В современном бурятском языке встречается форма с широким гласным, т. е. *+šA*, *+šAn*. Отыменный аффикс *+ši* (< письм.-монг. *+či*), образующий имена со значением деятеля, отмечен в XIX в. [Будаев 1978: 138–139]. Кроме того, форма с конечным *-n-* известна по таким словам, как, например, отмеченное у И. К. Аделунга (XVIII в.) *дундошин* – *«средняя дочь», а также в различных вариациях по диалектам у М. А. Кастрена, как-то: нижнеуд. *айлшен*, тункинск. *айлшен*, *айлшин*, хоринск. *айлшин* – «гость» и нижнеуд., тункинск. *көкшен*, хоринск. *хөкшен*, селенгинск. *хөкшен*, *хөкшин* – «старый» (о живых существах) [Он же 1992: 201, 158, 166].

[169] Ср. замечание Г. Д. Санжеева: «первоначально имена с окончаниями **-чін** обозначали наименования целых коллективов, целых социальных групп и употреблялись, в частности, в качестве родовых и племенных названий (*кремӱчін* ‘керемучины’ от *керемӱ* – «белка», *булагачін* ‘булагачины’ от *булага* – «соболь» и т. д.)» [1953: 138].

исходной формы слову *хахсык*, которое как раз помещено Э. К. Пекарским в одной статье с соответствующим этнонимом. Оно возводится им к глаголу *хахсыі* – «горчить, горкнуть, прогоркать, прогоркнуть», с которым сопоставляются бур. *гашӯӈ* – «горький», письм.-монг. [γasiγun] *гасігун* – «горький, терпкий», маньчж. *госихунь* – «горечь, горький на вкус» [1959: 3148]. Однако вопреки этому сопоставлению здесь, скорее, именно тюркское образование: ср. **қақ* – «сухой, сушеный, высушенный», алт. *қақша-*, ног. *қақса-*, хак. *хахс*а – «сохнуть, рассыхаться», кырг. *қақшы-*, ккалп. – *қақсы-* – «сохнуть, высыхать, пересыхать», чаг. *kakші-* «рассохнуться» и др. [ЭСТЯ 1997: 218–220]. Конечный -n- сохраняют в других версиях генеалогического предания формы **-коосун*, *хогосуун*, но они, как и форма *хойоӈос*, демонстрируют уже вторичные варианты трансформации облика в устной речи эпонима без осмысливаемой увязки с существующим этнонимом *хахсык*.

***

Таким образом, мы получили возможность установить, что эпоним, зафиксированный в якутских генеалогических преданиях как *Kogosuk*, [*Хордо*]*коосун* или [*Хордой-*]*Хогосуун*, а также [*Хордой*] *Хойоӈос,* отражает монгольский этноним, проникший в якутскую среду в фонетическом облике, характерном для бурятского языка, – **qaγnšin*. При этом в самой бурятской среде он впоследствии фиксируется в записи *qaqšiud*, в устной форме – *χaχšūd*, среди бурят Монголии – как *χag̣šūd*. У поволжских калмыков встречен этноним *хахачин* (вероятно, **χaχ″čin*), по-видимому, с аналогичным значением. При этом его фонетический облик не позволяет считать его новообразованием. Все три варианта, отмеченные, соответственно, в якутском, бурятском и калмыцком материале, позволяют говорить о параллельном развитии одной исходной формы **qaγačin*, нигде, однако, не зарегистрированной. Впрочем, вопрос о возможности соотношения этих форм в историко-культурном контексте заслуживает отдельного рассмотрения.

Учитывая неоднократно отмечаемое в научной литературе участие хоринцев в этногенезе якутов, нашедшее отражение, в частности, в распространенности среди последних этнонима *хоро (хоролар)* [Пекарский 1959в: стб. 3505], имеются все основания считать, что исто-

рия носителей этнонимов бур. *хахшууд* и як. *хахсык* восходит к некоей единой исторической общности.

3.6. Бурятско-якутские этнические связи: **ǰimken || *емкон, *жемкон*

Емкон / жемкон. В русскоязычных документах названный якутский этноним начинает упоминаться, предположительно, с 1638 г. или, достовернее, годом позже. В ясачной книге Ивана Галкина (1638 г.) отмечена «Ямская» волость, в ясачной книге Парфена Ходырева (1639–1640 гг.) «Ямконская» волость и в последующем в источниках фигурирует «Емконская» волость [Токарев 1945: 38, 393; Якутия в XVII веке 1953: 87; Долгих 1960: 355, 364; Сафронов 1987: 8–9][170]. В документе 1642 г. упоминаются «ямконцы», т. е., видимо, население соответствующей волости [Токарев 1945: 41]. В ясачной книге 157 года (1648–1649 гг.) фигурирует некий Ивак Емконов как плательщик ясака [Материалы... 1970: 755]. Емконская волость, судя по русским источникам, находилась на р. Ботома (як. Буотама) [Токарев 1945: 40; Якутия... 1953: 89; Долгих 1960: 362] и соответствует территории, где располагаются сегодня Жемконский первый и Жемконский второй наслеги Хангаласского улуса [Токарев 1945: 393; Долгих 1960: 364] (см. также: [Сафронов 1987: 11]). Численность населения волости в обозримый период с середины XVII по первое десятилетие XVIII в. была сравнительно небольшой[171].

---

[170] Кроме того, Б. О. Долгих отметил, что зафиксированная у Парфена Ходырева «Татыкайская волость», вероятно, является искаженным названием Хачикатской волости, названия части емконцев, позднейшего Хачикатского наслега [1970: 355]. Далее Б. О. Долгих назвал их Хачикатским родом емконцев [1970: 376].

[171] По архивным данным, в 1640–1641 гг. в волости числилось 6 податных (ясачных) душ, в 1648–1649 гг. числилось 18 (из них 1 – «сыскной», 1 – «сошлый», т. е. умерший), в 1654–1655 гг. – 42 (явилось 51), в 1655–1656 гг. – 42, в 1661–1662 гг. – 69 (явилось 73), в 1663–1664 гг. – 84 (явилось 82), в 1664–1665 гг. – 83 (явилось 81), в 1666–1667 гг. – 90 (явилось 67), в 1672–1673 гг. – 79 (явилось 71), в 1678–1679 гг. – 95 (явилось 58), в 1680–1681 гг. – 100 (явилось 69), в 1683–1684 гг. – 102 (явилось 69), в 1686–1687 гг. – 100 (явилось 70), в 1694–1695 гг. 112 (явилось 57), в 1699–1700 гг. – 120 (явилось 69), в 1707–1708 гг. – 130 (явилось 79), в 1711–1712 гг. – 137 (явилось 135)

«Емконская» волость фигурирует в «реестре шаманов» 1724 г. [Серошевский 1896: 628, прим. 1]. Уже к 1727 г. «Ямконская» волость, которой управлял «князец» Булбы Сыкиров, входила наряду с Конгаласской (т. е. Кангаласской), Нюрюптейской, Малягарской, Накарской и Подгородной волостями в состав Кангаласского улуса [Башарин 1956: 50; 2003а: 218, 219; Долгих 1960: 373]. Вероятно, это объединение произошло уже к 1726 г. [Сафронов 1987: 13]. На 1767 г. в составе Кангаласского улуса известны две Жемконских волости – под управлением «князца» Нятика Кускина и «князца» Осипа Попова соответственно [Башарин 2003а: 263, табл. 33]. Однако И. Г. Георги, основываясь, видимо, на данных переписи 1750 г., говорит, между прочим, о двух «Шерковских» (sic!) волостях в составе «Кунгалайского улуса» [Георги 1799: 170; Серошевский 1896: 221]. На 1822 г. первый и второй Жемконские наслеги фигурируют в ведомстве Кангаласской инородной управы [Сафронов 1987: 19]. На 1827 г. численность их населения составляла 302 и 388 чел. соответственно [Башарин 2003б: 29]. Впоследствии они оказались в составе Восточно-Кангаласского улуса, образованного в начале 1860 г. [Сафронов 1987: 20].

Жемконский наслег в составе Средне-Вилюйского улуса фигурирует в 1808 г. [Там же: 32]. В ведомости верхне-вилюйского комиссара 1808 г. неизвестный ранее Жемконский наслег упомянут среди волостей, которые своей «землею владеют по наследству доставшимися от предков и ни от кого никаких укреплениев к отводу не имеют» [Башарин 2003а: 341, табл. 29] (ср.: [Башарин 1956: 95, 96, табл. 18]). Возможно, возникновение этого наслега связано с миграциями населения на Вилюй в XVIII в., представители Емконской волости среди которого известны по окладным книгам за 1720 и 1721 гг. [Парникова 1971: 59–60]. Но, по-видимому, это произошло не ранее 1732–1738 гг.

[Долгих 1960: 356–358, табл. 115; Токарев 1945: 39; Парникова 1971: 26, табл. 1]. По подсчетам Б. О. Долгих (по формуле 1 х 4), таким образом, на середину XVII в. приходится в среднем 85 плательщиков и 340 чел. общей численности населения волости, на начало XVIII в. – 135 плательщиков при общей численности 540 чел.

[Башарин 2003а: 61–64], но не позже 1772 г. [Там же: 332][172]. По крайней мере, на 1767 г. подобного наименования в официальных бумагах не значится [Там же: 264, табл. 33].

В нашу задачу не входит рассмотрение всех административно-территориальных пертурбаций и вопросов, связанных с передвижением населения[173]. Отметим лишь, что к 1897 г. в устоявшейся системе расселения якутов жемконцы были расселены в I и II Жемконском и Хачикатском наслегах Восточно-Кангаласского улуса, а также в Жемконском наслеге Средне-Вилюйского улуса [Маак 1887: 36; Серошевский 1896: 681, 683; Патканов 1912: 721, 723, 785].

Г. П. Башарин дает следующие соответствия для обозначения «Емконской волости» XVII в. – як. «Дьоппон ууһа», рус. «Джеппенский уус» [2003, т. 1: 194, табл. 22]. Известные в современной якутской орфографии названия Жемконских наслегов, где для I Жемконского и II Жемконского наслегов Хангаласского улуса принято написание «Дьөппөн», также встречается «Дьөкпөн», «Дьөккөн», для Жемконского наслега Вилюйского улуса – «Дьөккөн», «Дьөмкөн», не соответствуют принятому в русскоязычной среде обозначению (ср.: [Иванов 2014: 93–94]) и показывают, очевидно, уже позднейшую адаптацию фонетического облика.

Что касается соотношения форм *дьөппөн* / *дьөкпөн* / *дьөккөн* / *дьөмкөн*, можно вывести следующие закономерности. У С. Калужиньского нет конкретных примеров с переднерядными словами, но исходя из того, что закономерности, продемонстрированные даже в его книге, в общем-то одинаковы, можно указать на передачу заднерядного монг. *-mq-* > як. *-mp-* [Kałużyński 1961: 63], и из него может возникнуть далее *-pp-*. Также орфографический удвоенный *-pp-* может соответствовать в разговорной речи случаям неассимилированного стечения согласных, как *-pk-* ~ *-kp-*, *-rp-* [Коркина и др. 1982: 66]. Потому форма *дьөкпөн* – вероятно, метатезированная. Удвоение *-kk-* отсылало бы, прежде всего, к исходному *-rk-* [Kałużyński 1961: 65], как и *-rg-*, *-lk-*, *-tk-*, *-tg-*, *-dk-* [Коркина и др. 1982: 66–67; Иванов 1993: 237].

[172] На переселенческий фактор как объяснение совпадения названий наслегов различных улусов указывал Б. О. Долгих [1960: 372, 463].

[173] Это подробно рассмотрено, например, в работах Г. П. Башарина, А. С. Парниковой и Ф. Г. Сафронова.

Возможно, здесь имеет место выпадение вторичного *-ŋ-* (< *-m-*, см. ниже), характерное, в частности, для тюркских языков южносибирского ареала [Коркина и др. 1982: 97]. Тогда в двух случаях речь может идти об адаптации в якутской среде двух разных форм одного слова. Впрочем, во втором случае сюда укладывается отмеченное выше упоминание И. Г. Георги двух «Шерковских волостей». Относительно последнего случая нужно сказать и про звук в начале слова. Как замечал собиравший материал на десятилетие раньше Г. Ф. Миллер [2009: 61], «*Sch*, или русское *ж*, в произношении якутов, так же как и у монголов и бурят, трудно отличить от *-j-*». Речь, несомненно, идет о якутском звуке *-d'-*. В остальном приведенная И. Г. Георги форма является каким-то искажением в русской передаче, возможно, более близкой к произношению, обусловленному какими-то привычными «для русского уха» аналогиями.

Наименование *Дьөппөн* как эпоним упоминается в различных устных преданиях якутов, записанных уже на рубеже XIX–XX вв. Согласно одному такому преданию, записанному со слов информанта из Сатинского наслега Западно-Кангаласского улуса в 1900 г., родоначальником двух Жемконских наслегов был некий Хара Сирэй Дьоҕудай, младший брат Тыгын Муньньана и сын Дойдуһа Дарҕана, сына Хоҕоһууна, сына Дэхси, сына Экин Абаҕана, сына Эллэй Боотура. В одном из преданий, записанных С. Боло, носитель имени Дьөппөн среди прочих родоначальников известен как сын Экин Абаҕана, сына Эллэй Боотура. Его наслег существовал уже к моменту появления на Лене русских в 1632 г. Другое предание называет этого Хара Сирэй Дьоҕуудая, основателя Жемконских родов, младшим братом Тыгын Дархана (собр. и цит. в кн.: [Скрябина 2018: 9–11]). Некоторые исследователи, вслед за С. Боло, принимают данные об этом персонаже (Хара Сирэй Согудай) как достоверные исторические свидетельства (ср., напр.: [Башарин 2003а: 95, табл. 11]). В одном из преданий, записанном в Кангаласском улусе, этот персонаж (записано: Хара Сыра Джогудай) предстает как старший брат Тыгына [Ксенофонтов 1977: 64], в других фигурирует как его соперник [Окладников 1949: 109 (Хара Сирэй Дьогудай); Эргис 1960а: 141–142, 290, прим. 1 (Хара сырай Дьогуудай)]. В любом случае везде он представлен как современник легендарного Тыгына, исторический прообраз которого умер между 1631–1632 гг. [Токарев 1945: 136–139].

Имя *Дьоҕудай* (с вторичным *Дьоҕуудай*)[174], как и прозвище (*Хара сирэй*, диал. *Хара сырай* – букв. «черное лицо»)[175], отсылают к монгольскому происхождению: *d'oγudai* < **ǰoγudai*, ср.: **ǰoγudai* (**ǰoγadai*?) в связи с халх. (< ?), бур. *зоодой* – «карась», бур. (тунк.) «пескарь», бур. (каб.) «небольшой омуль» [Санжеев и др. 2016: 83]. (Ср. наличие подобного имени в личной ономастике бурят [Митрошкина 1987: 83]). Если, конечно, в данном случае не какое-то иное образование с другим безусловным признаком, каким может являться аффикс *+dAi*. И здесь, впрочем, допустимо также реконструировать **čoγudai* < **čaγadai*. Примечательно, что это – форма, проникшая из состояния языка до стяжения комплекса *-VCV-* и образования дифтонга[176]. Форма же прозвища *сирэй* (диал. *сырай*) указывает на заимствование слова в состоянии до «перелома» гласного *-i-* в первом слоге: письм.-монг. *čirai*, халх. *царай,* бур. *шарай,* калм. *чирэ,* даг. *шарā (шарū),* мнгр. *чирē* – «лицо, облик» [Санжеев и др. 2015: 147]. В бурятском материале XVII в. присутствуют слова (в основном личные имена), где представлен не ассимилировавшийся по этому закону гласный, но также зафиксировано и слово, уже отражающее этот процесс [Будаев 1992: 30, 49].

J̌imken. В материалах, касающихся племенной структуры бурят, встречается наименование племенных подразделений, сопоставимое с названием одной из якутских волостей и, соответственно, с названиями трех наслегов.

Согласно «Родословной Худайского рода», имеющейся в материалах Хоринского отряда диалектологической экспедиции 1963 г. Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, одно из восьми подразделений *(küküür)* Худайского рода хоринских бурят имеет название *«зэмхэт» – ǰimked* [ǰymk'd], о котором более ничего неизвестно [Цыдендамбаев 1972: 95].

Сопоставимое наименование кости *(küküür)* известно в племенной структуре бурят галзутов, также в генеалогической традиции фигури-

---

[174] О некоторых случаях появления вторичной, позиционной долготы см.: [Иванов 1993: 129–142].

[175] Об употреблении монголизма *сырай* ~ *сирэй* (< письм.-монг. *čirai*) см.: [Там же: 91, табл. 5].

[176] В бурятском и калмыцком языках этот процесс шел медленнее, чем в халха-монгольском, растянувшись до XVIII в. [Будаев 1992: 30, 60–61].

рующее как эпоним. В «Родословной Галзутского рода» [РО БФ СО АН СССР, инв. № М-I-1205], на которую ссылался Ц. Б. Цыдендамбаев, встречается написание *ǰiŋken* [ǰyngk'n] [1972: 86]. Однако в так называемой «Хронике Вандана Юмсунова» (1875 г.), авторства главы Цаганского рода хори-бурят, дана форма *ǰiŋqan* [jyngq'n] [Летописи хоринских бурят 1935: 92; Летописи хоринских бурят 1940: 69; Бадмаева 2005: 120–121], т. е. с велярным вокализмом.

Н. Н. Поппе собрал сведения, согласно которым на 1932 г. в Баргузинском аймаке БМАССР среди существовавших подразделений рода *(jahaŋ) galzūd* упоминается *jan'x'iŋ* [Востриков, Поппе 1935: 45, прим. 5]. Г. Н. Румянцев позже [1949: 49, 50] зафиксировал это как Яньхин (Jan'x'ing), но был поправлен Ц. Б. Цыдендамбаевым, распознавшим что это «не что иное, как искаженная передача имени Енхэн, от которого берут свое начало все баргузинские галзуты» [Цыдендамбаев 1972: 264]. По приводимому Ц. Б. Цыдендамбаевым сообщению уроженца Баргузина Ж. С. Сажинова, баргузинские галзуты ведут свое происхождение от Енихэна, чье имя уже Ц. Б. Цыдендамбаев сопоставил с *Жинхэн* упомянутой «Родословной Галзутского рода» [1972: 263]. Ц. Б. Цыдендамбаев счел возможным сделать на этом основании столько же ответственное, сколько неоднозначное заключение: «О том, что галзуты Баргузина являются объэхиритившимися хоринцами, косвенно свидетельствует то, что они называют своего предка не Жинхэном, а Енхэном, то есть в начале этого имени они употребляет вместо согласного -ж- согласный -j-, что в языковом отношении весьма характерно для эхиритских бурят» [Там же: 263–264]. Между тем у С. П. Балдаева приводятся записи преданий, сделанные в 50–60-е гг. XX вв., и среди его информантов нет единообразия в употреблении эпонима: представители верхоленских бурят называют Зэнхэн, ольхонских – Зэнхэн, Жэнхэн и Жинхэн, баргузинских – Жэнхэн, Енхэн и Жинхэн [1970: 289–295, 299].

В бурятских записях у нас есть четыре формы: относящееся к худайцам *ǰimked* (очевидно, с аффиксом множественности +*d*, о котором см.: [Poppe 1955: 178–179]), три относящихся к галзутам – *ǰiŋken*, *ǰiŋqan* и фонетически зафиксированная *jan'x'iŋ*[177], кроме того, записа-

[177] По поводу конечного *-ŋ* < *-n* см.: [Владимирцов 1929: 351–352; Poppe 1955: 170; Рассадин 1982: 109–110; Бураев 1987: 63–64].

ны устные формы *zenχen*, *ženχen*, *jenχen* и *žinχen*, последняя из которых может выдавать соответствие этимологического монгольского *-i-* бурятскому *-e-*, проявляющемуся в более закрытом комбинаторном варианте, близком к [ę] [Poppe 1955: 35–36; Рассадин 1982: 15–16, 17, 23]. Процесс этого перехода считается довольно поздним, начавшимся в конце XIX в. [Дамбуева, Норманская 2018: 38–39][178].

Таким образом, *ǰimked* представляет собой наиболее оптимальную форму для сопоставления с якутским материалом. С другой стороны, наличие формы *ǰiŋken* с завершающим первый слог носовым *-ŋ-* не противоречит законам бурятской фонетики, поскольку в бурятском языке этот звук, если он является изначальным, сохраняется перед заднеязычными и увулярными спирантами, соседствующими с гласными иными, чем *-i-* [Рассадин 1982: 107]. Подсказкой в реконструкции фонетического облика, по-видимому, выступает именно якутская форма, указывающая согласный *-m-* на конце первого слога. Здесь, по-видимому, предстает то же явление, известное в письменно-монгольском и в халхаском, т. е. развитие *-m-* > *-ŋ-* ~ *-n-*, в середине слова перед заднеязычными смычными, оказывающими ассимилирующее влияние на предшествующий согласный (см.: [Владимирцов 1929: 347–348]). Соответственно, представленная в галзутской номенклатуре форма *ǰiŋken* может рассматриваться как вторичная по отношению к известной у худайцев **ǰimken*.

Однако вторая и третья «галзутские» формы – *ǰiŋqan* и *jan'x'iŋ* требуют особого объяснения. Оставив обсуждение вопроса о соотношении равноправных в начале разных вариантов аффрикаты и щелевого (см.: [Рассадин 1982: 76–77, 134–149; Бураев 1987: 58–59]), следует отметить, что формально обе они внешне отсылают к велярному вокализму. Безусловно, связь обеих можно было бы фонетически объяснить без привязки к остальным формам[179]. Однако предпочтитель-

[178] Даже в записях XIX в., например у М. А. Кастрена, можно указать на один случай: селенгинск. *шенэ* при нижнеудинск. *шине*, тункинск., хоринск. *шинэ* «новый» [Будаев 1992: 178].

[179] Качество гласных третьей формы может указывать на вторичность к предыдущей второй, если бы первослоговый гласный *-i-* был бы этимологическим, восходящим еще к древнему общемонгольскому **-ï-* (см.: [Владимирцов 1929: 170–171]). В этом случае форма *ǰiŋqan* должна была бы сохранить вокализм еще раннего состояния *(< *ǰïmqan)*. В форме, приводимой

нее было бы более простое объяснение, предлагающее рассматривать написание *ǰiŋqan* как следствие орфографической ошибки – хотя графическое обозначение заднерядных *-q-*, *-γ-* и переднерядных *-k-*, *-g-* в памятниках старомонгольской письменности строго разграничивалось, для бурятских летописей, отличавшихся непоследовательностью орфографии, также были характерны спорадические ошибки, связанные с нарушением сингармонизма, в т. ч. в написании *-q-* и *-k-* (см., напр.: [Востриков, Поппе 1935: 53, 69, прим. 38]).

Относительно формы *jan'x'iŋ* в этом случае можно сказать следующее. Мы не знаем источника, из которого Н. Н. Поппе почерпнул эту форму, однако достаточно того, что она также не находит соответствий в других источниках. Потому можно только гадать, вызвано ли переданное написание какой-либо особенностью восприятия информации, либо вовсе связано с орфографической неточностью. Остальной звуковой состав слова может быть объяснен. Палатализованный характер согласного *-n'-* обычно вызван наличием последующего *-i-* [Рассадин 1982: 90, 119–122], о котором говорит зафиксированная Ц. Б. Цыдендамбаевым, со слов Ж. С. Сажинова, форма *енихэн*, не находящая в этом отношении аналогов у других информантов. С другой стороны, палатализованные *-n'-* и следующий за ним *-χ'-* могли возникнуть вследствие соседства последнего с *-i-* [Там же: 127]. Однако сочетание *-x'i-* могло бы развиться только из *-ki-*, сохранившись при этом без фонетических изменений в бурятских говорах восточного типа, сохраняясь в западных говорах, в частности в верхоленском (качугском) [Там же: 101–102, 129–130]. Впрочем, переход *-ki-* в различных говорах в *-s'i-*, *-t'i-* рассматривается как явление относительно новое [Поппе 1938: 42, 53; Будаев 1992: 58][180]. В обоих упомянутых случаях *-i-*, находящийся во втором слоге, должен быть

Н. Н. Поппе, появление *-a-* в первом слоге объяснялось бы следствием «перелома» гласного.

[180] О развитии бур. *-χ-* из письм.-монг. *-k-* см., напр.: [Poppe 1955: 144–145]. В истории бурятского языка смычный *-k-* (с увулярным вариантом в твердорядных словах) отмечен еще в XVII в. [Бураев 1987: 61]. Известные материалы показывают в XVIII в. в бурятском языке параллельное употребление в мягкорядных словах вариантов смычного *-k-* и спиранта *-χ-*. Касательно бурятского языка о полном завершении данного перехода можно говорить к XIX в. [Будаев 1992: 55–56].

первичным. Кроме того, наличие палатализованного *-n′-* можно объяснить характерной для западных бурятских говоров тенденцией перехода *-n-* > *-j-*, как проявление промежуточной ступени [Рассадин 1982: 91–92]. Между тем написанный *-i-* во втором слоге после палатализованного согласного *-χ′-* может обозначать также редуцированный звук, качественно близкий к гласному первого слога, отражая факультативное чередование с ним, а им в данном случае мог быть только *-e-* [Востриков, Поппе 1935: 54, 70, прим. 59; Поппе 1938: 22, 25].

Емкон, Жемкон / *J̌imken. Учитывая, что упоминание русским передатчиком названия Якутской волости как Ямконская, по-видимому, было навеяно какими-то другими ассоциациями (ср. Ямская), написание в русскоязычных документах XVII в. «Емконская» [**емкон-*], по-видимому, отражает форму, близкую к оригинальной.

В литературном якутском языке сочетание согласных *-мк-* встречается только на стыке морфем [Коркина и др. 1982: 82, 83], хотя оно нормально, например, для русских заимствований [Там же: 86]. Это косвенно указывает на то, что рассматриваемое слово было инородным для якутской среды, а возможно даже воспринималось с учетом его морфологии.

На примере передачи в русских документах личных имен якутов можно убедиться, что здесь отсутствовала какая-либо закономерность в передаче инициального *-дь-*, который мог передаваться йотирующим звуком (сочетания на *-е-*, *-и-*, *-я-*), так и посредством согласных *-г-*, *-д-*, *-ж-*, *-з-* (см.: [Сафронов 1985: 53, 54, 56–64, 155–156]). Безусловно, в каждом частном случае это могло быть обусловлено различными обстоятельствами. Из материала, приведенного Ф. Г. Сафроновым, также видно, что ожидаемая в якутском произношении губная гармония не всегда отражалась здесь корректно, и потому случаи, когда в русской записи отражается лишь огубленный гласный второго слога, а в первом слоге выписывается, например, широкий гласный, не редки. Впрочем, *-дь-* не обязательно должен был отражать аффрикату *-ǰ-*, а не щелевой звук, о чем свидетельствуют, например, передачи русских имен с йотирующим началом: *Д'äкім* < Ефим, *Д'älicäi*, *Däliсäi* < Елисей, *Д'äрäбäi*, *Д'äріміäi* < Еремей, *Д'öгүөр* < Егор [Пекарский 1959а: стб. 808, 809, 812, 815, 817, 850]. Согласно С. А. Иванову [1993: 205], переход *-й-* > *-дь-* «как живое фонетическое соответ-

ствие» в якутском языке характерен только для русизмов и некоторых эвенкизмов.

В выявленных монголизмах якутского языка, в частности в собственно бурятизмах, начальный согласный *-дь-* соответствует бурятским *-ж-*, *-з-*, *-й-*, восходящих к письменно-монгольской аффрикате *-ǰ-* [Рассадин 1973: 171–173]. Но есть ряд монголизмов, где в начале слова этимологическим общемонгольским аффрикатам (и соответствующим спирантам в разных монгольских языках) соответствует як. *-s-*. Развивая наблюдения С. Калюжиньского [Kałużyński 1961: 126], что этот *-s-* не мог непосредственно восходить к аффрикатам и, соответственно, должен был произойти из каких-то промежуточных форм, В. И. Рассадин допускал, что им в данном случае мог явиться бур. *-z-*, в силу географической близости более предпочтительный, чем калм. *-z-* и халх. *-dz-*. Подобные переходы письменно-монгольских аффрикат в спиранты, в т. ч. переход *-ǰ-* > бур. *-z-* завершились в основном в XV в., соответственно, такие слова в якутском должны быть относительно поздними [Рассадин 1973: 177; 1980: 79]. В последующем В. И. Рассадин, отметив группу подобных якутских монголизмов на *-s-* с *-ï-* в первом слоге, соответствующем монг. *-i-*, скорректировал свою позицию, допустив также переход письм.-монг. *-ǰ-* > як. *-s-* через ступень *-č-*, иногда *-š-* (как это отражается в монголизмах ряда южносибирских тюркских языков); это позволило бы значительно расширить нижнюю хронологическую границу таких заимствований [Он же 1980: 79–81, 82]. Впрочем, в материалах по бурятскому языку еще в XVII в. встречается параллельное употребление аффрикат *-dž-* и *-dz-* наравне со спирантами *-ž-* и *-z-*, как и в XVIII в., а в общем предполагается, что процесс спирантизации завершился лишь в XIX в. [Будаев 1992: 30, 49–50].

Изложенное позволяет предполагать, что мы можем иметь дело как с формой, начинающейся на *-ǰ-* (~ *дж-*), так и начинающейся на *-j- (~ й-)*, но не *-dz- (~ дз-)* или *-z- (~ -з-)*. Основываясь на орфографических вариантах, отмеченных в бурятских документах, и на данных исторической фонетики, одна из форм бурятского этнонима может быть, таким образом, реконструирована как **ǰimken (> *d'imken)* и именно она хорошо сопоставляется с якутскими материалами.

Этимология. Реконструируемое бур. **ǰimken* позволяет предположить здесь наличие аффикса *+KAn*, отмечаемого в современных

грамматиках как *хан-*, *-хэн-*, *-хон-*, образующего отыменные имена, которые, в трактовке Н. Н. Поппе, «имеют значение ослабленного качества» и «в большинстве случаев они имеют ласкательный оттенок значения» [1938: 92]. Другие исследователи рассматривают отдельно такой аффикс для отыменных существительных со значением «единичного предмета, выделяемого из однородной массы» [Грамматика... 1962: 70], или «эмоционально-субъективного отношения к предметам или лицам и животным, … <…> со значением уменьшительности и ласкательности» [Дондуков 1963: 14–15] и аффикс образования прилагательных от прилагательных в основном со значением уменьшительности и ласкательности, иногда с преувеличением признака [Грамматика... 1962: 125; Дондуков 1963: 84]. Вся описанная семантика, в т. ч. объясняющая образование форм женского рода, хорошо описана и объяснена Рамстедтом [1957: 186]. Однако Ц. Б. Будаев отмечал отсутствие оттенков уменьшительности и ласкательности у образований с этим аффиксом для западнобурятских говоров в целом [1978: 158]. Например, в нижнеудинском говоре бурятского языка, как отмечает В. И. Рассадин, аффикс употребляется без подобной семантики – здесь он вовсе широко характерен для прилагательных [Трофимова, Рассадин 2013: 114].

Однако для образующей основы в этом случае подходит только одно слово[181].

Так, в ССМЯ отмечено письм.-монг. *ǰim,* при орд. *джим*, бур. *жэм* ‘звериная тропа’, халх. *жим* ‘тропа’, калм. *җим* ‘тропинка; след’. Ср. каз. *жым* ‘след’ [Санжеев и др. 2016: 76].

В «Большом бурятско-русском словаре» указано следующее: «**жэм** I 1) звериная тропа *(по к-рой ходят соболи, выдры, белки в период*

[181] А. Г. Митрошкина приводит для имени *Зэнхэн* довольно формальную случайную аналогию *zäŋi ḥabäš* – ‘эфиоп, чернокожий’ [1987: 140], конечно, не объясняющую его значение, тем более первый элемент в приведенной фразе является арабизмом *zānž*. На каких-то поздних этапах функционирования этнонима и связанного с ним эпонима в устной традиции нельзя исключить контаминацию с формально сопоставимым другим словом: ср. письм.-монг. *ǰingkini* [**ǰing-kini*] (< маньчж. *ǰingkini* ‘истина, справедливый, настоящий, точный’), халх. *жинхэнэ* ‘настоящий, действительный, подлинный’ [Санжеев и др. 2016: 77], отмеченный также в бур. *жэнхэни* ‘настоящий, подлинный’ [Будаев 1992: 96].

спаривания); **жэм бүхэниие мэдэдэг ангуушан** охотник, знакомый с каждой тропой; **жэм дээрэ һаали табиха** *тунк.* ставить лук-самострел на (*звериной*) тропе; **жэмдэ агнаха** *тунк., окин.* охотиться (*на соболей, выдр, белок*) в период спаривания; **шандаганай жэм** заячья тропа; 2) путь, дорожка, след; **санын жэм** лыжня; **жэм гаратар ябаха** протоптать дорожку» [Шагдаров, Черемисов 2010: 364].

Это тот случай, когда общемонг. *-i-* соответствует бур. *-e-* в более закрытом комбинаторном варианте [Poppe 1955: 35–36; Рассадин 1982: 15–16, 17, 23].

Якутская форма, как она отражена в русских источниках, показывает связь с заднерядной монгольской формой (письм.-монг. *-q-* отразился бы как як. *-χ-* (см.: [Kałużyński 1961: 51–52]). Однако здесь требует объяснения гласный первого слога. Монгольский -i- первых слогов, присутствующий в известной форме бурятского этнонима, четко отражается в якутском через *-ï-*, *-i-* [Ibid.: 127]. Однако, как отмечалось выше, соответствие ему в бурятском языке *-e-* считается довольно поздним. Во всяком случае, в якутских монголизмах эта особенность бурятского языка отражения не получает [Ibid.: 21, 124].

Здесь возможно объяснение, связывающее характер первого гласного и одновременно его передачу в якутском (посредством русской записи) с влиянием «перелома» первослогового гласного *-i-*, что хотя не отразилось в орфографии бурятских старописьменных памятников, но нашло место в устной речи, передававшей ассимилировавшийся *-e-* (см.: Зэнхэн, Жэнхэн, Енхэн).

Огубленный вокализм второго слога в записях якутской формы выглядит неестественно. Якутский язык характеризует последовательная лабиальная гармония. Для монгольских языков не характерно употребление полуширокого огубленных *-o-*, *-ö-* после соответственно гласных *-a-*, *-e-* в первом слоге. Исходя из отсутствия закономерностей передачи якутских имен в русских записях, интерпретировать написание **емкон-* (ср.: **ямкон-*) без огубленного гласного допустимо[182], но лишь формально. Огубленную передачу гласного второго слога здесь можно связывать с его нахождением в слабой (безудар-

[182] Ср.: рус. Ербой – як. Эрбэй, рус. Иногон – як. Иҥнэҕэн, рус. Черок – як. Чорох, рус. Экон – як. Экэн [Сафронов 1985: 61, 64, 146, 153]. Ср. еще упоминание «Шерковских» волостей в переписи 1750 г. [Георги 1799: 170].

ной) позиции в исходной форме, с последующей фонетической адаптацией и изменением акцентуации уже в якутской среде.

Начальным согласным мог быть звук, выступающий как шипящий рефлекс аффрикаты *-ǰ-*, давшей в соседстве с узким гласным смычный, характеризующийся переходом к *-j-*, через ступень типа **-d'-*, по гипотезе В. И. Рассадина, близкий к [ɟ] [1982: 148]. Косвенным свидетельством этого выступает сам факт непоследовательной передачи начального звука наименования соответствующей волости якутов – *-й-*, *-ж-*, *-ш-* (последнее – у И. Георги), подкрепленный замечанием Г. Ф. Миллера о трудности отличить передаваемый «русским *ж*» соответствующий звук «у якутов, так же как и у монголов и бурят», от *-j-*. Все это означает, что в якутскую среду этноним проник в той форме, в какой он мог бы функционировать в западнобурятской (эхирит-булагатской) среде.

По поводу природы процесса спирантизации аффрикат в западных говорах бурятского языка высказывались различные мнения. Так, Ц. Б. Будаев, отмечая параллельное употребление в XIX в. в булагатских говорах форм одних и тех же слов с *-ж-* и *-й-* (*йил*, *жил* – «год», *йаргал* – «счастье»), заключает следующее: «Значит, в эхиритских и булагатских говорах процесс развития -ж- > -й- в связи с дальнейшим ослаблением артикуляции начался не раньше XVIII в. и не был связан с влиянием тюркских или других языков» [1992: 50, 52]. Как видно, сегодня мы уверенно можем считать это утверждение, по крайней мере в первой его части, касающейся датировки этого процесса, устаревшим.

Итак, несмотря на всю лингвистическую аргументацию, приходится заметить, что объяснить семантику получавшегося бы в этом случае образования проблематично, тем более в отношении этнонима. Один из выходов состоит в том, чтобы считать его связанным с личным именем. Личные имена бурятских деятелей с уменьшительно-ласкательными аффиксами, в т. ч. *-хан*, широко отмечены в источниках XVII в. [Цыдендамбаев 1976: 14–15]. Известен значительный фонд бурятских имен на *-хан*, толкование которых неочевидно [Митрошкина 1976: 55–56; 1987: 129–131][183]. Для обоснования такой воз-

[183] В перечне имен, данных в работе А. Г. Митрошкиной, смешаны отыменные образования с аффиксом *+qan* и отглагольные образования, этимология которых требует проверки.

можности укажем, что в 1795 г. в документах зафиксировано якутское личное имя *Жемкон* [Ревизские сказки... 2012: 15]. В этом отношении любопытно также упоминание в 1648–1649 гг. некоего Ивака Емконова [Материалы... 1970: 755]. Фигурирующие в русских источниках XVII–XVIII вв. в отношении представителей якутского населения наименования, содержащие элементы на *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, первые прообразы фамилий представляли собой наименования по отцу; эти патронимы не передавались по наследству [Самсонов 1991: 143]. Ф. Г. Сафронов включает название Емконского улуса в перечень тех, которые произошли от «имен родоначальников и других чем-либо прославившихся якутов» [1987: 60–61]. Впрочем, известны якутские фамилии, образованные «от названий местности, где родился или проживает человек» [Самсонов 1991: 145–146]. Так, в примечании к изданию якутского фольклора Г. У. Эргиса есть также следующее указание: «*Дьөкпөн* – местность на правом берегу р. Лены, в 80 км выше г. Якутска, напротив пос. Покровского. Жемконская волость в исторических актах фигурирует с XVII в.» [Эргис 1960а: 124, 125, 287, прим. 2]. Выявляемая семантика формы **ǰimken* больше соответствует топониму. Такая постановка вопроса, не идя в противоречие с фонетическим обликом слова, позволяет углубить нижнюю хронологическую границу его появления в якутской среде.

****J̌imken || Jemäk ~ Jimäk ?***

Есть, однако, еще одна возможность сопоставления этнонима **ǰimken* с этническим наименованием гораздо более ранних эпох, не меняющая ничего в аргументации, касающейся заимствования слова из языка-источника западнобурятского типа в якутский. Речь идет о наименовании *jemäk ~ jimäk*, известном в источниках после XI в. в отношении той же группы тюркских племен, которая в более ранних текстах (исключительно мусульманских авторов) именуется *kimäk* и локализуется на территории бассейна верхнего Иртыша. Соотношение названий *kimäk* и *jemäk ~ jimäk* обсуждается в научной литературе и вопросы этимология, соответственно, не разрешены (обзор см.: [Golden 2002]). Не углубляясь в этот вопрос, отметим лишь то что выявляемая форма бурятского этнонима **ǰimken ~ *jimken* может выступать как соответствие тюркскому *jemäk ~ jimäk* (т. е. с полузакрытым гласным первого слога, допускающим колебание *-e- ~ -i-*) в мон-

гольском облике. В частности, у В. Котвича представлена подборка соответствий в тюркских и монгольских языках, где монгольские формы отличает «удлинение» основы за счет конечного элемента с *-n-*; там же встречаются формы, когда тюркские гласные второго слога не имеют соответствия в монгольских (см., напр., тюрк. *jüräk* – монг. *ǯirüken* – «сердце»; тюрк. *arïγ* – монг. *ariγun* – «чистый, святой»; тюрк. *qoγuš* – монг. *qoγosun* – «пустой», тюрк. *balïq* – монг. *balγasun* «город» и др.: [1962: 41, 42]). Мы не можем здесь решать вопрос, идет ли речь в нашем случае о какой-то общей праформе или заимствовании, считая своей задачей на данном этапе ограничиться лишь указанием на саму возможность сопоставления этнонимов.

***

Резюмируя все вышесказанное, мы должны констатировать очередное соответствие в бурятской и якутской этнонимике, добавляющее еще одно свидетельство участия групп бурятского населения в этногенезе якутов. При этом, как следует из разбора этнонимов, форма, проникшая в якутскую среду, имела, скорее всего, фонетический облик, характерный для говоров западнобурятского типа – с начальным согласным звуком, близким к **-ǰ-* или **-d'-*. Родственные ему «жекающие» и «йекающие» формы эпонима – Жэнхэн, Жинхэн и Енхэн, Енихэн – отражены в генеалогических преданиях различных групп западных бурят. К совершенно иной диалектной традиции принадлежит бытующий с ними вариант произношения Зэнхэн. Таким образом, проделанные изыскания позволяют говорить о существовании этнонима **ǰimken* в среде западных бурят задолго до XVII в., когда его заимствованная форма фиксируется в якутской этнонимике.

Указание на возможную связь бурятского (и, следовательно, якутского) этнонима с этнонимом *jemäk ~ jimäk* может расширить знания в области исследования этнической истории одного из племен кимекского круга: часть носителей могла в какой-то период продвинуться из долины Иртыша на восток в Прибайкалье, где история этой общности получила уже новый виток.

3.7. Бурятско-якутские этнические связи: *salǰi, qaŋgin, sartūl*

Салджиут / Солдьорох / Сыалйы / Сыалдьы. В реестре административных якутских единиц обнаруживаются два названия «*Сольжорохинский род*», «*Сельинский род*», предположительно связанные с монгольским этнонимом *salji'ut*.

Сольжорохинский род был представлен в I Жемконском наслеге Восточно-Кангаласского улуса [Патканов 1912: 721]. Другая форма этого этнонима была обнаружена в Хамагадтинском наслеге Намского улуса (Хамаҕатта нэһилиэгэ Нам улууһа) в форме «*Сыалџа ӯса*» – букв. «род Сыалджа». Кроме того указаны фонетические варианты омонима «*сыалџа*», как *сыалja / сыалыja* со значением «короткие, прикрывающие только детородные части штаны, вроде русских купальных, – делаются по преимуществу из кожи (летние) или из шкуры (зимние); штанишки, панталоны, натазники; брюки, штаны» [Пекарский 1959б: стб. 2424]. В списках Переписи 1897 г. этот род зафиксирован как Сельинский род [Патканов 1912: 739].

Якутская форма этнонима *сольжорох* довольна прозрачно указывает на процесс огубления широкой -а- как в начальной позиции, так и по всему слову, т. е. указывает на влияние окающих говоров якутского языка [Иванов 1980: 68, 71]. Сказанное позволяет восстановить исходную форму этнонима как як. **salǰïraγ* < бур., монг. **salǰi ᵘraγ* и, соответственно, предполагает развитие **salǰïraγ* в ранних акающих диалектах в **solǰuroγ / солдьуроҕ* в поздних окающих (сравн. *хахты – хохту*, хаҥырыы *– хоҥуруу, хаалдьык – хоолдьуук*) [Иванов 1980: 27–29]. Основа делится на две части *salji* – этноним и *uraγ* – широко распространенный в бурятской среде термин со значением «родня, родственники» [Черемисов 1973: 472], а также «племя, род, клан, патронимия», произошедший от *uruγ*, широко представленного как у монгольских, так и у тюркских народов [Владимирцов 1934: 59; ДТС: 615; Санжеев и др. 2018: 203] (сравн. *шоно ураг, нохой ураг, малжи ураг*). В якутской среде этот термин известен как *урӯ* [Пекарский 1959в: стб. 3068]. Запись в русской документации «сольжорохинский» указывает на развитие именно монгольской (бурятской) формы '^{y}*раг′* в якутскую огубленную '^{y}*рох*', где также отражено нормальное развитие письм.-монг. *-γ-* > як. *-χ-*.

В якутской форме «сельинский» обнаруживается формальное сближение этнонима с *salǰiut* по сценарию развития башкирской формы этого же этнонима, известной как *сальют*' (*-j- >-y-*), имеющего также варианты '*нальут / налыйот / нальыут / нальоғот / нальыиғит / налыьғит / налжығот / сольот / солжот*' [Максютова 1976: 172], по мнению Р. Г. Кузеева [1974: 232–233], имеющих прямое происхождение от средневековых монгольских салджиутов. Однако, по сведениям Э. К. Пекарского, форма этнонима *Сыалџа ӯса* сохраняет и близкую к исходной форму, получившую нормальное развитие в якутском языке в акающих диалектах. Также необходимо отметить, что этноним утратил монгольский афф. множественности *+γUd* и не приобрел, в отличие от *сольжорох*, письм.-монг. *uruγ* > бур. ураг > як. *«ʸрах»*. На их месте оказалось традиционное якутское обозначение рода – «ӯса».

Бурятским аналогом является этноним *салжууд / салджууд* < *salǰi'ud* < *salji + Ud,* где *+Ud* – афф. множественности. Во времена Чингисхана это племя было значимым, именно из него потомки Чингисхана зачастую брали жен [Владимирцов 1934: 47]. Местом расселения *salǰi'ud* были низовья рек, впадающих в Ангару [Рашид-ад-Дин 1952: 101–102; Rashiduddin 1998: 43]. Вблизи этих мест известны *салджиуты* и среди бурят, а именно в долине р. Джида, верховья которой примыкают к бассейну р. Иркут, притока Ангары. В верховьях Джиды *салджиуты* в XIX в. были расселены вместе с *долонгутами* и объединены в Ключевский административный род Закаменской инородной управы [Галданова 1992: 28; Нанзатов, Содномпилова 2017а: 156, 165]. В низовьях Джиды *салджиуты* оказались в составе сартульских административных родов Селенгинской степной думы [Румянцев 1965: 98, 110].

Необходимо также отметить, что этноним *салжиуд* известен в монгольском и тюркском вариантах: в монгольском – *salǰi'ut* (кит. 散只兀 San-tche-wou, пиньин Sànzhǐwù) / *салджиуд* и в тюркском – *salǰuq* [Histoire des campagnes...: 399], в русском написании закрепившись в искаженной форме *сельджук* [Кононов 1958: 102]. Во времена Чингисхана монгольские *салджиуты* упоминаются в союзе с *тайджиутами, катакинами, татарами, кураласами, инкирасами* [Рашид-ад-Дин 1952: 165; Rashiduddin 1998: 88]. Как нами уже отмечалось, *салджиуты* во времена Чингисхана расселялись в долинах юго-западных притоков р. Ангара. Этим сведениям вторят сюжеты генеа-

логических преданий монголов, согласно которым *салджиуты* произошли от среднего сына Алан-гоа – Букату-Салджи, что также связывает предков *салджиутов* с Прибайкальем. Вероятно, осколки салджиутов сохранились в юго-восточном Приангарье и вообще в Присаянье со времен средневековья. Часть *салджиутов* сдвинулась в юго-западном направлении и оказалась в юго-восточной Туве, где в XIX в. из них были составлены сомон и хошун. Среди тувинцев *салджиуты* известны как *салджак / салчак* [Потанин 1883: 11; Дулов 1951: 63; Сердобов 1971: 207; Потапов 1969а: 47; Татаринцев 1986: 70–75].

Таким образом, в этническом составе якутов обнаруживается этноним бурятского происхождения, имеющий связи со средневековым *этнонимом salǰi'ut > salǰi uraγ > *salǰiraγ > *salǰuraγ > solǰuroχ > сольжорохинский*. Наличие другой формы предполагает развитие *salji > sʲalyï* под влиянием якутского омонима либо развитие *salǰi > sʲalǰï*, что указывает на монгольское происхождение, но сближает с тувинской формой этнонима *salǰaq / salčaq*. Сказанное позволяет сделать вывод об общности происхождения бурятских салджиутов и якутов сольжорохинского и сельинского родов.

Хангин / Хангын. Не касаясь проблемы взаимосвязей тюркского этнонима *канглы* / qaŋlï (См.: [Аристов 1894: 294–295; 1896: 121; Востров, Муканов 1968: 32–36]), як. *кангалас / qaŋγalas* [Линденау 1983: 17–18; Токарев 1945: 57] и монголизированного *ханглин / qaŋγlin* [Buell 2003: 220] > бурятского *хангин / qaŋgin* [Хангалов 1960: 109; Румянцев 1948: 120], баргутского *хангин* [Цэрэнханд 2005: 24], а также ордосских *хангин* и *хангичууд* [Нямбуу 1992: 169], хотелось бы обратить внимание на якутский этноним *хангын* III Тогуйского наслега Средне-Вилюйского улуса [Справочник... 1911: 90]. В данном случае предстает этноним, получивший нормальное развитие из монгольской (бурятской) формы в якутскую *qaŋγin > qaŋγïn*, где монгольский (бурятский) узкий нейтральный *-i-* трансформируется в тюркский (якутский) *-ï-* в зависимости от закона тюркского сингармонизма.

Таким образом, якутский этноним *хангын* по своему происхождению является монгольским, вероятно, связанным с бурятским *хангин*. Соответственно, по нашему мнению, бурятские *хангины*, в XIX в. составлявшие административный род в составе Балаганской степной думы, и якутские *хангыны* Средне-Вилюйского улуса являются по-

томками единой общности, называемой *ханглин* в средневековой Монголии, которая была частью ранее известных *канглы*, расселенных к западу от Иртыша, в свою очередь, сформировавшихся из конгломерата тюркоязычного (кыпчакского) кочевого населения и выходцев из области *Кангха* (кит. 康居 *Кангюй*), расположенной в Трансоксиании в III в. до н. э. – IV в. н. э (подробнее о связи кангюй и канглы см., напр.: Allsen 1982: 6, 13; Golden 1992: 272–273).

Сартуул / Сортол / Сортогар. О происхождении этнонима *сартуул,* распространенного в монгольской среде, существует две версии. Первой и наиболее известной является гипотеза о происхождении *сартулов* от *сартов* – «бухарцев», среднеазиатов, впервые высказанная Д. Банзаровым [1955: 188]. Наиболее подробно происхождение этнонима от терминов *сарт* и *гур* описал И. Д. Бураев. Развитие этнонима *сартул* им представлено следующим образом: *сарт* – бухарец, хорезмиец + *гур* – государство народ > сартагул > сартуул [1965: 109]. Еще одной гипотезой является версия народной этимологии, ведущая происхождение сартульского народа от местности с названием Сарта уула – букв. «Лунная гора», расположенной ориентировочно в Западной Монголии [Абаева 1992: 37]. Однако следует отметить, что новейшие исследования однозначно трактуют этот термин как производный от **sarta* – «торговец из Средней Азии» (в свою очередь производный от *sart* < иран. < снскр. – «торговец») + *γul* – мн. ч. в среднемонгольском [Rachewiltz, Rybatzki 2010: 161]. В любом случае речь идет о монголизированных потомках переселенцев из Средней Азии.

В контексте задач данного исследования хотелось бы обратить внимание на названия якутского *Сортольского рода* Орготского наслега Средне-Вилюйского улуса и *Сортогарского рода* Хоринского наслега Сунтарского улуса [Справочник... 1911: 89, 94; Патканов 1912: 793]. В первом случае, вероятно, отражается нормальное развитие этнонима в среде окающих говоров якутского языка (подробнее см.: [Иванов 1980]), т. е. *sartūl* > *sortōl*. Несмотря на то, что основная группа сартулов Бурятии расселена в долине р. Джида на юге Бурятии, куда они прибыли из Западной (Тушету-хановский аймак) и Северо-Восточной (Сэцэн-хановский аймак) Монголии [Нанзатов, Содномпилова 2019: 127–131], якутская ветвь сартулов могла быть связана и с западнобурятскими сартулами, известными как *буурхи-һартул*, расселенными среди аларских бурят [Нанзатов 2018б: 170].

Во втором случае, где представлена форма *sortōyar*, можно допустить, что этноним мог попасть не только из Предбайкалья, но и с берегов Онона: вероятность присутствия в якутской среде потомков сартулов из Северо-Восточной Монголии, где сартулы широко представлены как среди монголов [Ринчен 1979: карта 71], так и в числе ононских хамниган [Дамдинов 1962: 175], очень велика. Данный этноним привлекает внимание своим окончанием, имеющим форму *-гар/-гэр* (сравн. *дулигар, келтегер, почегор*). Хотя среди ононских хамниган не сохранилось формы *сартагар*, считаем вполне возможным развитие подобной формы в контактной среде монголов и тунгусо-маньчжуров в зоне сильного влияния последних. Более того, примеры развития эвенкийского суффикса *-гир* в *-гар/-гэр* были зафиксированы и под влиянием бурятского языка (сравн. *managir / manegir* > *maniagar* [Tatar 2006: 353]).

Внести ясность в проблему происхождения народа позволяют и генеалогические предания. На якутские предания о сортолах обратил внимание А. П. Окладников. По преданиям, сортолы представлены как исчезнувший народ, оставивший многочисленные следы своего пребывания в долине р. Вилюй и по обоим берегам нижнего течения реки Лены. Основным занятием этого народа, управляемого военными вождями-богатырями, была охота. Более того, якуты считают сортолов предками тунгусов, но тунгусы не признают сортолов своими предками [1955: 339–340]. В связи с этим версия о хамниганском происхождении сортогаров кажется вполне допустимой.

Таким образом, носители якутских этнонимов сортол и сортогор, по нашему мнению, являются в якутской среде потомками бурятского и, возможно, хамниганского населения.

3.8. Бурятско-якутские этнические связи: **atayai*

Настоящий раздел, изданный ранее в качестве статьи, продолжает цикл исследований в области бурятско-якутских этнических связей [Нанзатов, Тишин 2020а, б]. В данном случае наше внимание привлек этноним, известный как *атаган / атагасох*.

В XIX в. носители этого этнонима были расселены в южной части Бурятии, в долинах Джиды и Иро, впадающих в Селенгу с запада, и вокруг Гусиного озера. В административном плане атаганы были раз-

делены на два рода (отока) [Патканов 1912: 668–669; Румянцев 1965: 105; Нанзатов, Содномпилова 2019: 128, 130–131]. По русскоязычным документам, *атаганы* прибыли из Сайн-нойоновского аймака Монголии в 1665 г., оттуда же в 1684 г. прибыли *ашибагаты* [Румянцев 1965: 89]. Иначе говоря, по сведениям российской администрации, *атаганы* были выходцами с территории Монголии, прежде расселенными в пределах Сайн-нойон-хановского аймака, т. е. в районе Хангайского хребта, где также расселялись *ашибагаты*, массово бежавшие из Западной Бурятии в Монголию в середине XVII в. от притеснений И. Похабова и вовлекшие в это движение группы бурят, также расселенных в долинах Уды, Оки, Унги, Осы и др. притоков Ангары (подробнее см.: [Окладников 1937: 98–138]). В XVII в. *атаган-шарайты* были преимущественно расселены в долине Уды (Чуны). Так, Шараитский (Шеранский, Шураицкий) улус в составе нижнеудинских ашибагатов XVII–XVIII вв. (в документах российской администрации – ашехабаты) отмечался постоянно [Долгих 1960: 249, 256]. Б. О. Долгих [Там же: 249–250] также отметил, что сокращение численности двух родов – Ашехабатского и Шараитского было связано с массовым переселением в долину Джиды в 1727–1735 гг. Кроме долины Уды *шараиты* (Шаратский род) в XVII–XIX вв. также отмечались в составе балаганских бурят на р. Унга [Там же: 216; Патканов 1912: 501]. Судя по названиям улусов, в составе балаганских (унгинских) шарайтов отмечались группы *сагаан-шарайтов*, *тангут-шарайтов*.

Атаган-шарайты, по-видимому, были основной частью населения Шараитского улуса на Уде, откуда значительная часть сначала откочевала в Монголию. Однако позже, как сообщает о них хроника селенгинских бурят, «под предводительством братьев Чикир-батора и Хангин-хошучи вышли из подчинения монгольского Сайн-нойона, будучи недовольными его правлением» [Цыдендамбаев 1972: 104]. В русскоязычных документах *атаганы* отмечались как «атаганы Чакирова рода» [Долгих 1960: 315]. При обращении к монгольским документам обнаруживается Цахир барс-баатар, под управлением которого были выходцы из Бурятии и который довольно ясно сопоставляется с Чикир-батором. Вместе с тем Б. Ц. Нацагдоржем был выдвинут ряд положений, подтверждающих связь *атаганов* монгольских хроник с *атаганами*, расселенными в долинах Джиды, и ключевым по-

ложением было отражение восстановления связи джидинских *атаганов* с *шарайтами* на р. Уда (Чуна) и массовое переселение шарайтов из-под Нижнеудинского острога в долину Джиды в 1727–1735 гг. [Нацагдорж 2013: 141–214].

Еще одна группа атаганов в XVII в. отмечалась в составе *табангутов (табунутов)* как «мунгалы – кочевные люди», среди которых, по мнению Б. О. Долгих [1960: 320], были отмечены атаганы и сартулы, чьи летние кочевья доходили до кударинских степей у берегов Байкала. Пока неясно, были ли эти *атаганы* связаны с нижнеудинскими переселенцами или являлись отдельной группой носителей этого этнонима.

В составе атаганских отоков Селенгинской степной думы были зафиксированы следующие кости: *атаган*, *шарайт*, *жунжэн*, *буин*, *хэнгэлдэр-шоно*, *олзон*, *урянхай*, *абаганат*, *хухыт*, *хотокту*, *харчит*, *чонот*, *дамарин*, *бани*, *алатай* [Лумбунов 1890: 119]. В составе сартульских отоков была отмечена кость *атаган (атагой)* [Там же: 119].

В настоящее время среди населения Монголии отмечаются группы *атаган-цонгоол* в Селенгинском аймаке, *атган* в Хэнтэйском аймаке [Очир, Сэржээ 1998: 37, 50].

Таким образом, сообщения об этнониме *атаган* в бурятской среде появляются не ранее середины XVII в. В связи с этим бурятским этнонимом наше внимание привлек зарегистрированный среди вилюйских якутов в составе Торбоховского наслега Хочинского улуса Атагасохский род [Справочник... 1911: 94]. Якутское *атагасох* при ближайшем рассмотрении может найти полную аналогию с бурятским этнонимом: **ataγasōx* < **ataγas-āx*, где вторая часть этого имени *-āx-* имеет значения множественной собирательности, с семантикой родства.

Так, в словаре Э. К. Пекарского значится «āx [ср. алт. монг. *yk*

род или тюрк. *jak*

сторона; последнее употребляется совершенно в таком же смысле как якут. *āx*].

appositum, присоединяющееся большею частию к именам с суффиксированным именем и дающее этим именам значение собирательных: *aŋam-āx* – «мой отец и вся его семья, весь его дом», *ijaŋ-āx* – «твоя мать и вся ее семья», *aŋatын-āx* – «его отец со всем своим семейством» и проч.; *кынным-āx* – «тесть с тещей и всей их семьей»,

тојонум-āх – «мой хозяин и вся его семья»; *Ӱрӱҥ Уолан-āх* – семейство Белого Юноши; *аҕа-тын-āххa* – его (или своему) отцу со семьей; *буjахтарāрін-āххa баран iсäр* – «эта женщина (уходившая от мужа) идет к мужу и его родным, живущим вместе с [ним]» [Пекарский 1959а: 204].

В основе названия якутского административного рода, таким образом, выявляется основа **ataγas*, которая может быть рассмотрена как форма множественного числа от **ataγa* или **ataγaį* (об использовании аффикса +*s*в письм.-монг. см.: [Poppe 1954: 70]). Решить вопрос о соотношении форм единственного числа можно на основе данных среднемонгольского языка: в памятниках аффикс +*n* заменяет элемент *-i-* в дифтонгах, образуя формы множественного числа, в более поздних памятниках +*n* заменяется на +*s* или +*d* [Rybatzki 2003: 66]. Это позволяет выявить ступени развития фонетического облика исходного этнонима **ataγas* < **ataγaį* > *ataγan* > *ataγad*. Кроме гипотетического аффикса множественности +*s* о раннем облике формы, проникшей в якутскую среду, свидетельствует также нестянувшийся комплекс *-aγa-*.

Трудно сказать, в связи с поздним временем фиксации названия якутского административного рода, лежал ли в его основе этноним или личное имя, хотя первое, исходя из восстанавливаемой морфологии, предпочтительнее: ближайшие формальные аналогии наименованию **ataγaį* мы находим у других тюркских народов.

Некто Атагай-бий *(Атағай би)* фигурирует в *шежере* башкирского рода *Кара кыпчак* племени *кыпчак* [Башкирские шежере 1960: 102, 104, 265]. Также известно наименование подразделения (чаще в литературе именуется «родом») казахского племени *аргын* [*arγın ~ arγïn*] среднего жуза, которое у разных русскоязычных авторов упоминается в форме *атығай* или *атағай* (см.: [Аристов 1896: 362, 364, 374–378, 393; Лезина, Суперанская 1994: 90, 91, 150]). В тексте присяги хана Абулхайра 1742 г. в «Средней Орде» (т. е. Среднем жузе) упомянут Атагайский род [Казахско-русские отношения... 1961: 220]. В «Малой Орде» (т. е. Младшем жузе) здесь при этом отмечен Атгайский род [Там же: 222]. Насколько нам известно, это его единственное упоминание [Султанов 1982: 24; Лезина, Суперанская 1994: 91]. Насколько это название связано с предыдущим, сказать сложно. В описании родоплеменного состава казахских «орд», составленном в 1748 г.

М. Тевкелевым, в составе «Малой Орды» никакого названия *атған* не упоминается, а в составе «Средней Орды» значится «Атаган Аргин», т. е. *ataɣan arɣïn* [Казахско-русские отношения... 1961: 407]. В маньчжурском документе 1757 г., представляющем собой список казахских посланцев к Цинскому двору, это племя значится как *Atagai argan* и *Atagai* [Noda, Onuma 2010: 15, 16, 130–131, note 25]. В другом маньчжурском документе, 1758 г., содержится список казахских племен – *andagai argan* [Қазақстан тарихы... 2006: 39, 164]. Сюй Сун 徐松 в своем сочинении «Си-юйшуй-даоцзи» 西域水道記 (цз. 3: 43б), а затем Ли Гуан-тин 李光廷 в «Ханьси-юйту-као» 漢西域圖考 (цз. 4: 414) упоминают под 14-м годом эры правления Цзя-цин 嘉慶 (1809) казахское племя А-та-хай 阿塔海, т. е. *атағай* [*ataɣai*], где в данном случае для нас имеет значение лишь написание, которое П. Пельо ожидаемо реконструирует в данном случае в *Ataghai* [Pelliot 1960: 41]. В дальнейшем, как видно хотя бы по сводке, приведенной у Н. А. Аристова [1896: 374–378], внутренний состав самого племени усложнялся, что отмечено появлением более мелких подразделений, содержащих в своем названии элемент *атағай* (см. еще: [Pelliot 1960: 97]). В различных генеалогических преданиях казахов название племени фигурирует как эпоним[184].

Здесь нельзя не обратить внимание на фигурирующие в текстах о казахах уже в XVIII в. формы атагай [**ataɣai*] и Атаган [**ataɣan*], однако, по упоминанию второй в одном документе сложно судить, чем она вызвана – реальной практикой употребления или опиской. Более значима вариативность написания *-а-* или *-ы-* во втором слоге в русскоязычных работах, независимо от того, связаны две практики с искажением при восприятии самими исследователями или с какой-то вариативностью в реальном произношении, независимые источники (китайские, маньчжурские) показывают здесь именно широкий гласный. Неясный облик звука второго слога, находящегося в слабой по-

[184] Их сведения были обобщены Ж. М. Сабитовым, который также попытался на их основе реконструировать в общих чертах историю племени, устанавливая в итоге точкой отсчета середину XV в. [2012]. В нашу задачу не входит обсуждение ни его реконструкции, ни самой методики, на которой она основана.

зиции, косвенно мог бы отсылать к монгольскому исходному варианту.

Вопрос о происхождении самого этнонима **ataγai* > **ataγan* достаточно сложен. Предлагавшиеся этимологии для бурятского этнонима *атаган* отличались случайным обоснованием [Malte-Brun 1819: 177; Тубчинов 2003: 210–211].

Некоторый материал для сопоставления предоставляет личная ономастика. «Юань ши» 元史 (цз. 129, с. 9а–9б)[185] упоминает среди известных людей некоего А-та-хая 阿塔海 из народа сюнь-ду-сы 遜都思 (Süldüs). Написание этого имени в источнике идентично зафиксированному много позже способу передачи казахского этнонима, упомянутого выше. П. Пельо восстановил здесь **Ataqai?* [Pelliot 1959: 2]. Ф. У. Кливс, реконструируя А-та-хай 阿塔海 как **A[γ]taqai*, обмолвился о возможности этимологизировать его образование на аффикс диминутива *-qai*, от *aγta* ‘gelding’ [Cleaves 1955: 400, note 260]. Э. Эндикотт-Уэст восстанавливает **Ataqai*, связывая имя с *ata* ‘gelded camel’, ср. халх. *at* ‘a gelded camel over five years of age’ [Endicott 1989: 37, 153 (note 75)][186]. Это кажется наиболее простым и в общем-то безальтернативным вариантом при такой реконструкции звучания – с глухим смычным в начале третьего слога.

«Юаньши» 元史 называет его деда именем *Та-хай ба-ду-эр 塔海拔都兒, в ком идентифицируется известный по «Тайной истории монголов» **Taqai/*Taγaibātur*, упоминаемый еще единожды как **Taki*, он же предстает у Рашīд ад-Дīна как داآقی‌بهادر [dāqyb.hād.r] или طغای [ṭ.ğāy] (см.: [Histoire des campagnes... 1951: 126–128, 254–255; Rybatzki 2006: 355–356]). Как видно, в написании имени *А-ма-хай* 阿塔海 второй и третий элементы идентичны имени *Та-хай* 塔海, для которого предпочтительнее восстанавливать в начале второго слога именно смычный *-q-*, по-видимому, с ударением на первом сло-

[185] Цитируется с пагинацией по изданию в серии «Цинь-дин сы ку цюаньшу» 欽定四庫全書.

[186] Подобные рассуждения, безотносительно к искомому личному имени, можно найти в работе К. А. Новиковой, которая пишет об общеалтайском глаголе **aqta-* – «холостить», с соответствующим именным производным **aqtaγan* * – «холощеный», с дальнейшей фонетической эволюцией: > **aγtaγan* > **ataγan* >*atγan* >*atan* [1979: 130].

ге, в противном случае вариации в написании его имени в источниках ожидались бы иные. В калмыцкой летописи Габан Шараба первой половины XVIII в. также встречается личное имя Атахай [Габан Шараб 2003: 87], т. е. **Ataχai*[187]. В основном в калмыцком *-χ-* восходит к этимологическому *-q-*, однако существуют, как и в бурятском, случаи, когда он восходит к *-γ-* (ср.: [Нанзатов, Тишин 2020б: 28]). В таких случаях это может быть обусловлено ударным характером первого слога комплекса *-VgV-*, обусловившим смычный, а не щелевой характер последующего согласного (т. е. **-g꜀ -> -χ-*), который в итоге не был подвержен выпадению, почему, следовательно, процесса стяжения комплекса *-VgV-* не произошло (см.: [Рассадин 1982: 44–46, 152–153]).

Восстанавливаемое в нашем случае **ataγaį* с этими примерами сопоставлено быть не может. Форма искомого этнонима *атаган* в бурятском и *атган* в халхаском произношении показывает ударение на последний слог и склонность к редукции гласного второго слога, неустойчивость которого отражена, вероятно, в казахском *атағай ~ атығай*. Архаичный облик этнонима как раз отражен в якутском **атағас* (< **атағай*).

Вопрос о соотношении всех приведенных форм этнонимов и личных имен не может быть решен однозначно – какие-то из них, безусловно, могут быть родственными, но какие-то формальные соответствия могут быть случайными. Этимология каждой из них при мнимой простоте в действительности не является прозрачной. Для каждого частного случая можно одинаково предполагать этимологию как на монгольской, так и на тюркской основе, допустив в то же время контаминацию обеих ввиду, например, их смешения в «народном» сознании, без привязки к осознанию исходного значения[188].

---

[187] Нам недоступен оригинальный текст, однако транскрипция даже в переводе может быть интерпретирована вполне однозначно.

[188] Л. Рашони отмечает в статье *Ataγan* личное имя у алтайцев XIX–XX вв., приводя трактовку ‘Shooting (man), shooter’ [Rásonyi, Baski 2007: 84]. Здесь имеется в виду отглагольное образование с аффиксом *-AGAn*. В другом месте исследователь дает имя *Atïqay?*, приводя лишь ряд формально сопоставимых личных имен: у казахов XIX в. *Atγay* [Атгай], у башкир на 1675 г. – *Atikey* [Байдаш Атикеев], на 1735 г. *Atikey* [Атикей Калисевъ], в XVIII в. *Atikey* [Батал (Баттал) Атикеев], на 1769 г. *Atikey?* [Атикей Девлетев], у каза-

Как достоверная форма бурятского этнонима *ataγan*, так и реконструируемая **ataγaị* позволяют допустить восстановление как именной, так и глагольной производящей основы. Единственный из известных в данном случае глаголов отмечен только в калмыцком: *at^{n}χp* [< ^{0}*ata-*] ‘sichanhakenod, anklammern, anheften’ [Ramstedt 1935: 17], (ср.: *am* – «прицепляться, зацепляться, прикрепляться» [Санжеев и др. 2015: 59]. К нему, следуя Г. Й. Рамстедту, восходит как раз *atān* (< *ata-g˳an*) ‘streit, wettkampf, konkurrenz, rivalität, neid’, что соответствует функции аффикса *-γan*, который уже в письменно-монгольском образует отглагольные имена со значением качества, возникающего в результате действия, отраженного в производящей основе; подобное значение имеет аффикс *-γaị* [Poppe 1954: 45]. С другой стороны, мы должны признать существование отыменных аффиксов *+γan*, *+gen* и *+γaị*, *+geị*, которые спорадически проявляются и в именах собственных. Можно отметить, например, *sübegei* ‘«Subtilité»’ < **sübe* [Rybatzki 2006: 660]; одна из возможных версий происхождения имени *sügegei*~ *sükegei* ~ *sükegü* состоит в сопоставлении с этнонимом *sügegen* ~ *sükeken*(< *süke* ‘Beil, Axt’?) [Rybatzki 2006: 684]; другой подобного рода пример – ср.-монг. *gergei* ‘Gattin’ и *gergen* ‘Einzelpersonen, Familienmitglieder’, где вторая форма, предположительно, выступает как множественное число от первой (ср. в бурятском литературном *gergej* ~ *gerge/n* ‘wife’ (есть случаи в других монгольских языках, см.: [Ibid.: 570]). Ярким примером, когда оба аффикса выступают в ономастиконе, являются имена, образованные, однако, от числительного: *yisügei* и *yisügen*, восходящие к *yisü/n* ‘neun’ [Histoire des campagnes... 1951: 2; Rybatzki 2006: 738–739]. Количество таких разрозненных примеров можно увеличить, хотя в общем они не так многочисленны, что в совокупности с дискуссионностью касательно орфографии различных источников для каждого из них, собственно, и создает сложности в интерпретации.

Едва ли таким образом удастся уверенно решить проблему с этимологией бурятского этнонима. Если здесь в начале третьего слога

хов XIX в. – несколько раз из различных источников *Atïγay* [Атыгай], у татар на 1763 г. – *Atïqay* / *Attaqay?* [Аттакаевъ Улла] [Rásonyi, Baski 2007: 86]. Как видно, в некоторых формах здесь не выявляется последовательной палатальной гармонии, а там, где она присутствует, остается неясным качество гласного второго слога.

был бы этимологический *-q-*, он в любом случае отразился бы как *-χ-*. Этимологический среднемонгольский *-γ-* в середине слова, в позициях между гласными (кроме случаев перед *-i-*) в бурятском литературном и в большинстве говоров реализуется как *-g˂-* или *-χ-* [Poppe 1955: 149–150]. Согласно В. И. Рассадину, первое, как и для халхаского, характерно для южнобурятских говоров (цонгольский, сартульский и хамниганский), связанных происхождением с монгольской (в узком лингвистическом понимании) средой, второе – преимущественно для западнобурятских говоров [1982: 113, 151]. Как было указано выше, благодаря исследованию Ц. Б. Нацагдоржа, пришедшие в долину Джиды из Монголии в XVII в. *атаганы* не были чужими для бурятских племен. Иными словами, мы не должны связывать их происхождение с Монголией. Хотя в источниках нет более ранних упоминаний этого этнонима среди бурят, отмеченная выше якутская форма **ataγas* показывает существование носителей этого этнонима задолго до упомянутых событий. Форма *ataγan*, зафиксированная в значении единственного числа, при этом относительно поздно, и, к тому же, формально предстающая как более поздняя в сравнении с **ataγaŋi*, может, следовательно, рассматриваться как переосмысленное вторичное образование множественного числа. Мы не можем ничего сказать, где и когда это произошло, однако архаика фонетического облика формы, что передана названием якутского административного рода, отсылает к той среде бытования этнонима, где характерные в последующем для монгольских языков фонетические процессы и явления еще не получили отражения. Возможно, это хронологический ориентир[189].

[189] В данной статье мы не беремся разбирать вопросы касательно взаимодействия групп монгольского и тюркского населения Южной и Западной Сибири в исторические периоды позднее монгольского завоевания XIII в., но относительно рассматриваемого этнонима в связи с башкирскими и казахскими аналогиями не можем не указать на наличие *сӧк*-а *аргын* (в ойратских документах именуемого *аргун*) среди хакасского населения [Нанзатов, Тишин 2019: 121–122].

Литература

Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1992. 142 с.

Абрамзон С. М. К семантике киргизских этнонимов // Советская этнография. 1946. № 3. С. 123–132.

Абрамзон С. М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1959. С. 31–43.

Абрамзон С. М. Этнический состав киргизов по данным этнографии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV / отв. ред. Л. П. Потапов. М.: АН СССР, 1960. С. 3–137.

Авляев Г. О. Этнонимы-тотемы в этническом составе калмыков и их параллели у тюркских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 62–71.

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., испр. и перераб. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.

Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родовые группы тувинцев Кобдоского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2013a. № 1. С. 36–40.

Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района Республики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чувашского ГПУ им. И. Я. Яковлева. 2013b. № 4–1(80). С. 3–10.

Айыжы Е. В., Конгу А. А. Тувинцы Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 1. № 3(55). 2013c. С. 23–37.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III–IV. 1894. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. С. 391–486.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. Т. 6. Вып. 3–4. СПб., 1896. С. 277–456.

Бадамхатан С. Хөвсгөлийн Дархад ястан [Дархаты Прихубсугулья]. Улаанбатар: ШУАХУ, 1965. 253 х.

Бадамхатан С., Лхагвасурэн И. Алтайн Урианхай [Алтайские урянхайцы] // Монгол улсын угсаатны зүй [Этнография Монголии]. Боть II. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. Х. 361–424.

Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.

Бакаева Э. П. О составе олётов Монголии и калмыков-зюнгаров // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 84–91.

Бакаева Э. П. Хошуты Калмыкии и Монголии: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 83–101.

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / вст. ст. М. М. Батмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 364 с.

Балданжапов П. Б. Altan Tobci. Монгольская летопись XVIII века. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 415 с.

Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 375 с.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Верный: БИ, 1898. 170 с. (Памятная книжка Семиреченской области на 1898 г. Т. 2).

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.

Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / ред. А. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 125−155.

Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. IV. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. / ред. кол.: А. А. Зимин, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–214.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – середина XIX в.). М.: АН СССР, 1956. 438 с.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Т. 1: Аграрные отношения с древнейших времен до 1770-х годов. М.: Арт-Флекс, 2003а. 448 с.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. В 2 т. Т. 2: Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX в. М.: Арт-Флекс, 2003б. 511 с.

Башкирские шежере / сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1960. 304 с.

Бертагаев Т. А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков) // Вопросы составления описательных грамматик / отв. ред. С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, А. А. Реформатский. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 80–99.

Бичурин И. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. мед. департамента Мин-ва внутренних дел, 1834. 266 с.

Бичурин И. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / предисл. В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.

Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа) // Сб. трудов науч.-исслед. ин-та языка и культуры при СНК ЯАССР. Вып. 4. М.; Якутск: Якут. гос. изд-во, 1938. 227 с.

Боло С. И. Лиэнэҕэ нуучча кэлиэн иннинээҕи саха олоҕо: урукку Дьокуускай уокурук сахаларын былыргытыттан кэпсээннэринэн [Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа]). Якутск: Бичик, 1994. 352 с.

Боло С. И. Сүдү төрүттэрбит олохторуттан: (үһүйээннэр) [Из жизни великих предков: предания]. Якутск: Бичик, 2002. 132 с.

Боло С. И. Саха төрүттэрэ уонна кыргыс үйэтэ: үһүйээннэр [Легендарные предки якутов и период междоусобиц: предания]. Якутск: Бичик, 2006. 239 с.

Бравина Р. И. Путь Омогоя: якутские этнонимы монгольского происхождения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4(21). С. 48–58.

Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.

Бураев И. Д. Фонетика // Грамматика бурятского языка / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Восточная литература, 1962. С. 7–48.

Бураев И. Д. Сартульский говор // Исследование бурятских диалектов. Вып. 1. Труды БКНИИ СО АН СССР, 1965. Вып. 17. Сер. Языковедческая. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. С. 108–150.

Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.

Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. 240 х.

Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий = Хоорай сööктері паза пічікке кірчең öбекелері. Абакан: Хакасия, 1994. 93 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.

Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Вып. 5 / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1957. С. 178–214.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы (историко-этнографические очерки). М.: Восточная литература, 1961. 219 с.

Вайнштейн С. И., Таубе Э. Тувинцы Монгольского Алтая (Кобдинские тувинцы) // Полевые исследования института этнографии 1980–1981 гг. / отв. ред. С. И. Вайнштейн. М.: Наука, 1984. С. 233–241.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.

Винокуров П. В. Сэсэн Боло: известный и неизвестный. Якутск: Ситим, 1993. 67 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. XII. 436 с.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.

Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят: тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 75 с.

Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Тургайской области // Вопросы этнографии и антропологии Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 16) / отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука. 1962. С. 72–94.

Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 255 с.

Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 80–107.

Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 172 с.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских [5]. СПб.: При Императорской академии наук, 1799. 178 с.

Гоголев А. И. Якуты. Проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. М.: Восточная литература, 1962. 340 с.

Грамматика современного литературного якутского языка. Т. 1: Фонетика и морфология / отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: Наука, 1982. 496 с.

Дамбуева П. П., Норманская Ю. В. Анализ гласных первого слога в двух кириллических памятниках письменности на бурятском языке // Урало-алтайские исследования. 2018. № 2(29). С. 30–43.

Дамдинов Д. Г. К вопросу о происхождении ононских хамниган // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 10. Из истории народов Бурятии. Улан-Удэ, 1962. С. 169–178.

Дисан Т. Өөлд // Монгол улсын угсаатны зүй. Т. 2. Улаанбаатар: Admon, 2012. Х. 107–166.

Долгих Б. О. Некоторые вопросы древней истории западных бурят // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. XVIII. 1953. С. 39–46.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.

Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Абакан, 1948. 11 с.

Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 246 с.

Дорж Е. Ховдын хошууд нарын ургийн хэлхээс. Улаанбаатар: Хөх монгол принтинг ХХК, 2012. 192 х.

ДТС, 1969 – Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. М.; Л.: Наука, 1969. XXXVIII. 676 с.

Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ: РИО БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.

Дулов В. И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX – начале XX века (до 1917 г.) // Советская этнография. 1951. № 4. С. 57–76.

Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 608 с.

Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 318 с.

Иванов Н. М. Функционирование топонимов в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Т. 1. 2014. № 11. С. 93–99.

Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. 184 с.

Иванов С. А. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с.

Избрант И. и Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вст. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина; отв. ред. Б. Б. Кафенгауз, В. С. Мясников. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967. 404 с.

Иохельсон В. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. Вып. 2. 1895. С. 130–133.

Исторические предания и рассказы якутов = Саха былыргы сэ»эннэрэ уонна кэпсээннэрэ. Ч. 1 / подг. изд. Г. У. Эргиса; под ред. А. А. Попова; отв. ред. Н. В. Емельянов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 [1] с.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Восточная литература, 1961. 472 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов) / сост. Ф. Н. Киреев, А. К. Алейникова, Г. И. Семенюк, Т. Ж. Шоинбаев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. XVI. 743 с.

Китинов Б. У. «Ойраты-огеледы... пересекли реку Манкан»: этнорелигиозная ситуация у ойратов в середине XV – начале XVI в. // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. Т. 9. 2017. № 4. С. 370–382.

Козин С. М. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niguča Tobčiyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 // Труды Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 34. 620 с.

Козьмин Н. Н. К вопросу происхождения якутов-сахалар // Очерки по изучению Якутского края. Вып. II. Иркутск, 1928. С. 5–14.

Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Экспедиция в Сойотию. Т. 3–4. М.: Советский писатель, 1881. 344 с.

Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. В 3 т. Т. III. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 294 с.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1958. 193 с.

Коркина Е. И., Убрятова Е. И., Харитонов Л. Н., Петров Н. Е. Грамматика современного якутского литературного языка. В 2-х т. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.

Костров Н. А. Очерки юридического быта якутов. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1878. 43 с.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам / пер. с польск. А. И. Толкачева; общ. ред. и предисл. Н. А. Баскакова, прим. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Иностр. лит-ра, 1962. 371 с.

Кочнев Д. А. Очерки юридического быта якутов // Известия общества археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XV. Вып. 5–6. 1896, С. 21–29.

Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Иркутск: ОГИЗ, Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. XII. 576 с.

Ксенофонтов Г. В. Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.

Кюнер Н. В. Восточные урянхайцы по китайским источникам // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. VI / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл: Типография управления культуры, 1958. С. 202–216.

Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. Т. III. Цин патшалық дәуіриниң мұрағат құжаттары / кіріспесін жазған, қытай дерекмелерин аударған,

түсіндірмелері мен ескертулерін жазған Б. Еженханұлы; Б. Еженханұлы; ғылыми ред. М. Қ. Әбусейітова. 154 б, факсимиле 140 бет. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

Лебедева Е. П. К вопросу о родовом составе монголов // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Восточная литература, 1958. С. 219–227.

Лезина И. Н., Суперанская А. В. Ономастика: Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. Ч. 1. М.: Центр русских исследований, 1994. 234 с.

Летописи хоринских бурят. Вып. 1: Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / Текст издал Н. Н. Поппе. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1935. X. 173 с.

Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе; отв. ред. А. П. Баранников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 108 с.

Лижээ Г. Шинжааны ойрадууд: түүх судлал. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2008. 118 х. (Ser. Bibliotheca Oiratica; VI).

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под. общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Магад. кн. изд-во, 1983. 176 с.

Лумбунов Ю. Поколения селенгинских бурят. Сказания бурят, записанные разными авторами // Записки Восточно-Сибирского отделения ИРГО. Т. I. Вып. 2. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. С. 118–121.

Маак Р. Вилюйский округ Якутской области. Ч. III. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887. 192+XVII с.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 292 с.

Маннай-оол М. Х. Дархаты: некоторые этнографические данные // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Сер. Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995а. С. 62–67.

Маннай-оол М. Х. Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Сер. Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 1995б. С. 56–62.

Маннай-оол М. Х. Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.

Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). В 3 ч. Ч. 2 / под ред. Т. М. Швецовой. М.: Наука, 1970. С. 159–790.

Матхеев Б. В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследования бурятских говоров. Вып. 2 / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 3–46.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 608 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Мин-ши (сыку цюаньшу бэнь) (明史 (四庫全書本) (История династии Мин, цз. 328). – URL: https://zh.wikisource.org/wiki/.

Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

Митрошкина А. Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов // Ономастика Бурятии / редкол. В. И. Рассадин, Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. ред.), Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ, 1976. С. 46–68.

Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

Митрошкина А. Г. Бурятская онимистическая лексика в русских исторических документах // Актуальные проблемы востоковедения: мат-лы конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б.-Д. Бадараева / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 141–143.

Монгол улсын угсаатны зүй. II боть: Ойрадын угсаатны зүй (XIX–XX зааг үе) / эрх. С. Бадамхатан, Г. Цэрэнханд. Улаанбаатар: Адмон, 2012. 534 х.

Монгуш Д. А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тип. Госкомиздата Тувинской АССР, 1983. С. 127–145.

Монгуш М. В. Тувинцы в Китае: проблемы истории, языка и культуры // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Сер. Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 1995. С. 30–56.

Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: Радиан, 2005. 160 с.

Нанзатов Б. З. Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в предчингисовское и чингисовское время (по данным летописей Рашид-ад-Дина) // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 377–443.

Нанзатов Б. З. Тунгусский и самодийский пласты в этногенезе монгольских народов // Сибирский сборник-4. Грани социального. Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН. 2014. С. 552–561.

Нанзатов Б. З. Забайкальские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 290 с.

Нанзатов Б. З. Идинские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 20. 2017а. С. 136–156.

Нанзатов Б. З. Обогони олон и бурятско-якутские связи (на примере эпонима Обогон/Омогой) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: мат-лы II Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2017б. С. 298–302.

Нанзатов Б. З. Балаганские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 23. 2018а. С. 140–163.

Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018б. 224 с.

Нанзатов Б. З. Нижнеокинские буряты в XVII–XIX вв.: этнический состав и расселение // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018в. № 7. С. 351–357.

Нанзатов Б. З. Потомки Элюдэя: проблема ойратско-бурятских этнических связей // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 48. 2020. № 4. С. 116–124.

Нанзатов Б. З. Бурятско-якутские этнические связи: салджиут, хангин, сартул, олёт // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. 2(32). 2021а. С. 137–150.

Нанзатов Б. З. Раннетувинский пласт в этническом составе бурят: quu, on, onqot, irkit, qol // Новые исследования Тувы. 2021б. № 2. С. 179–196.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Сарт-калмаки в современном Кыргызстане // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 28–49.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Аларская степная дума (этнический состав и расселение аларских бурят в XIX в.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 2(10). С. 47–57.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Закаменские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 19. 2017а. С. 151–171.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017б. № 3(38). С. 131–142.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Селенгинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение (юго-западный ареал) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 1(33). С. 126–134.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Оловские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 31. 2020. С. 17–30.

Нанзатов Б. З., Сундуева Е. В. Раннесредневековые (древнеуйгурские) этнические связи Прибайкалья с Центральной Азией (на примере группы булагатских племен Обогони олон) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10(1). С. 17–20.

Нанзатов Б. З., Сундуева Е. В. Статус суффикса -дар в бурят-монгольских и тюркских этнонимах // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 10. С. 73–78.

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Коренное тюркское население Ачинского округа в XIX в.: этнический состав и расселение // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 4(36). С. 108–131.

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. К бурятско-якутским этническим связям: Игидэй и Эхирид // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 32. 2020а. С. 26–36.

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. К бурятско-якутским этническим связям: Kogosuk, хахсык, хахшууд/хагшууд // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020б. № 3(39). С. 26–32.

Нанзатов Б. З., Тишин В. В. К бурятско-якутским этническим связям: *Ataγaị // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2021. № 2(42). С. 45–54.

Нацагдорж Б. Ц. XVII зууны Монгол-Оросын харлцаан дахь харьятын асуудал. Улаанбаатар: Адмон, 2013. 310 т.

Нацагдорж Ц. Б. Калмыцкий хошун в Халхе в начале правления Юнчжена (1828–1731 гг.) // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. С. 152–195.

Нацагдорж Б. Хотогойдын үүсэл, бүрэлдхүүний тухай [О происхождении и составе хотогойтов] // Acta Historica Mongolici. Т. XVII. Улаанбаатар: Соёмбопринтинг. 2016. Х. 116–137.

Нацагдорж Б. Мэргэн гүн Гомбожавын өвөг дээдэс болон тэдний албат улс харьяат нутгийн тухай өгүүлэх нь [О предках Мэргэн-гуна Гомбоджаба и о территории расселения его подданных] // Мэргэн Гомбожав: амьдрал, өв. [Мэргэн Гомбоджаб: жизнь, наследие]. Улаанбаатар: Адмон, 2017. 260 Х. 30–66.

Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. КарлаКрайя, 1852. 190 [2] с.: 2 л. ил.

Николаев С. И. Основные этапы этнической истории вилюйских якутов // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXVII. 1957. С. 90–98.

Новикова К. А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1979. С. 53–134.

Нямбуу Х. Монголын угсаатны зүй. Удиртгал: угсаатны бүрэлдхүүний, гарвал зүй = Монгольская этнография. Введение: этнический состав и этногенез монголов. Улаанбаатар: Сурах бичиг хүүхдийн номын хэвлэлийн газар, 1992. 198 х.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 481 с.

Окладников А. П. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (Легенды о Тыгыне и историческая действительность) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 98–118.

Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. I: Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.

Орловская М. Н. Имя существительное // Грамматика бурятского языка / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Восточная литература, 1962. С. 49–95.

Остолопов Н. О происхождении, вере и обрядах якутов // Любитель словесности. Ч. 1. 1806. С. 118–147.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; науч. ред. В. И. Молодин. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 672 с.

Очир А. Монголчуудын гарал, нэршил. Улаанбаатар: IISNC, 2008. 294 х.

Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 304 с.

Очир А., Дисан Т. Монгол улсын өөлдүүд. Улаанбаатар: Согоо нуур, 1999. 212 х.

Очир А., Сэржээ Ж. Монголчуудын овгийн лавлах. Улаанбаатар: ШУА-ийнхэвлэл, 1998. 67 х.

Очиров У. Б. Ойраты Западной Монголии и Северо-Западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 2. С. 9–15.

Оюунжаргал О. Манж Чин улсаас монголчуудыг захирсан бодлого: ойрадуудын жишээн дээр. Улаанбаатар: Арвин Судар, 2009. 215 х.

Оюунжаргал О. Ойраты в политике маньчжурской династии Цин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 240 с.

Павлинская Л. Р. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Европейский дом, 2002. 263 с.

Парникова А. С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 152 с.

Паршин В. Нерчинские тунгусы // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 5. 1844. С. 129–140.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных

специальной разработки материалов переписи 1897 г.). Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб.: Типография «Ш. Буссель», 1912. 1002 с.

Пекарский Э. К. Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1909. Т. XXXIV. С. 145–156.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959а. Т. I. Вып. 1–4. (3), XVIII, (1) с., стб. 1–1280, (2) с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959б. Т. II. Вып. 5–9. Стб. 1281–2508.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959в. Т. III. Вып. 10–13. (3). стб. 2509–3858, VIII с.

Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана (1893) / предисл. и ред. В. Радлов // Приложение к LXXIII т. Записок Императорской академии наук. № 8. СПб.: Типография Императорской академии наук. 114 с.

Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., пер. со ст.-письм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.

Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1907. 195 с.

Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1893. 242 с.

Поппе Н. Н. Вопросы грамматики монгольского языка // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. Вып. II, 2. С. 51–68.

Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.

Потанин Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского русского географического общества членом-сотрудником оного Г. Н. Потаниным. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026. XXVI с.

Потапов Л. П. Этнический состав сагайцев // Советская этнография. 1947. № 3. С. 103–127.

Потапов Л. П. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / отв. ред. Л. П. Потапов. М.: Наука, 1966. С. 13–55.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969а. 402 с.

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969б. 196 с.

Потапов Л. П. Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // Советская этнография. 1978. № 5. С. 85–95.

Прокофьева Е. Д. Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области // Краткие сообщения Института этнографии / отв. ред. М. Г. Левин. 1955. № XXIII. С. 3–33.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров (сост.). Новосибирск: Наука, 1995. 400 с.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника / пер. с нем. К. Д. Цивиной, Б. Е. Чистовой; примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука, 1989. 749 с.

Рамстедт Г. Й. Введение в алтайское языкознание. Морфология / пер. Л. С. Слоним, ред., авт. предисл., авт. примеч. Н. А. Баскаков, Г. Д. Санжеев. М.: Иностр. литература, 1957. 255 с.

Рассадин В. И. Бурятизмы в якутском языке // О. Н. Бетлингк и его труд «О языке якутов»: мат-лы конф., посвящ. 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бетлингка «О языке якутов» / отв. ред. Е. И. Коркина и Н. Е. Петров. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1973. С. 167–179.

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 244 с.

Рассадин И. В. Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2016. № 2(22). С. 99–104.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. В 3 т. Т. 1. Кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и прим. А. А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 221 с.

Ревизские сказки. Переписные листы Якутской области Малтанского наслега Кангаласского (Западно-Кангаласского) улуса с 1795 по 1928 г. / оформл. О. А. Скобелева [2012] // http://xang-biblio.ru/wp-content/images/stories/book/redkost/15012015_1.pdf.

Ринчен Б. Монгол ард улсын угсаатны судлал хэлний шинжлэлийн атлас = Этнолингвистический атлас МНР = Atlas ethnologique et linguistique de la Repoublique populaire de Mongolie. Улаанбаатар: АН МНР, 1979. 244 к., 73 с.

Румянцев Г. Н. К вопросу о происхождении хори-бурят // Записки БМНИИКЭ. Вып. VII. Улан-Удэ, 1948. С. 116–162.

Румянцев Г. Н. Баргузинские буряты // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения Всесоюзного географического общества / ред. кол. Р. Ф. Тугутов, А. Н. Орлова, А. И. Леонтьев. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 34–62.

Румянцев Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (БМНИИК). Вып. XII. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. С. 78–108.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 268 с.

Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ). Вып. 16. Улан-Удэ, 1965. С. 87–117.

Румянцев Г. Н. Идинские буряты (родоплеменной состав) // Этнографический сборник. Вып. 5 / отв. ред. Е. М. Залкинд. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1969. С. 76–104.

Сабитов Ж. М. Происхождение рода Атыгай // Сибирский сборник. Вып. 2. Тобольск: Изд-во ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2012. С. 72–75.

Самсонов Н. Г. О якутских фамилиях // Вопросы ономастики. Вып. 19: Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 142–147.

Санжеев Г. Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 64 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимики и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ: РИО БФ СО АН СССР, 1983. С. 47–69.

Санжеев Г. Д. Изоглоссы в монгольских языках // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931) / ред. кол. А. Н. Кононов (предс.), Л. К. Герасимович, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, А. Г. Сазыкин, В. М. Солнцев. М.: Наука, 1986. С. 91–96.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков Т. 1 (A–E) / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: Изд-во ИВ РАН, 2015. 224 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков. В 3 т. Т. II (G–P) / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков. В 3 т. Т. III: Q–Z / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: Изд-во ИВ РАН, 2018. 240 с.

Санчиров В. П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.

Санчиров В. П. Новый ойратский источник о происхождении джунгарских князей // Монголоведение (Монгол судлал). 2016. № 8. С. 13–22.

Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов северо-востока Сибири (Историко-этнографический обзор и именник). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. 200 с.

Сафронов Ф. Г. Якуты. Мирское управление в XVII – начале XX века. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1987. 132 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Сердобов Н. А. Современное расселение носителей тувинских этнонимов // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XIV / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1970. С. 66–107.

Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1971. 682 с.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. 720 с.

Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем / пер. Ю. Лыткина // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: [Б. и.], 1969. С. 13–50

Скрябина К. Г. I Дьөппөн, Ханалас улууһа. Дьокуускай, 2018. 320 с.

Софронеев П. С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1972. 187 с.

Справочник Якутской области на 1911 г., изданный Якутским областным статистическим комитетом / под ред. секретаря комитета М. П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления, 1911 (118+13+68+10 с.).

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.

Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этногенеза и социальной истории). М.: Наука, 1982. 133 с.

Сумъябаатар. Буриадын угийн бичээс (Ser.: Studia Ethnographica Instituti Historiae Academiae Scientarum Republicae Populi Mongoli; T. III, fasc. 2). Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1966. 316 х.

Татаринцев Б. И. Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения) // Исследования по тувинской филологии. Кызыл: Тип. Госкомиздата Тувинской АССР, 1986. С. 64–86.

Татаринцев Б. И. Этноним Иргит (опыт историко-этимологической интерпретации) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1988. С. 79–85.

Татаринцев Б. И. Происхождение этнонима Топа ~ Туба ~ Тыва и некоторых других сходных с ним наименований // Советская тюркология. 1990. № 2. С. 75–83.

Татаринцев Б. И. Два тувинских этнонима (Адай, Чаг-Тыва) // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVIII. Сер. Историческая / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1995. С. 102–116.

Тенишев Э. Р. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Советская этнография. 1962. № 1. С. 59–66.

Терентьев В. И. Вопросы соотношения средневековых ойратов и современных западных монголов: версии исследователей // Восток (Oriens). 2017. № 3. С. 81–93.

Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 489 с.

Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Записки Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории (БМГИЯЛИ). Вып. 1. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1939. С. 101–130.

Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 416 с.

Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. М.: Соцэкгиз, 1940. 248 с.

Трофимова С. М., Рассадин В. И. Аффиксальное словообразование прилагательных от именных основ в монгольских языках // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 3(11). С. 111–116.

Тубчинов С. Д. К истории рода Атаган // Монголоведные исследования. Вып. 4 / ред. кол. Ш. Б. Чимитдоржиев (отв. ред.), Б. Р. Зориктуев, Б. З. Базарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 207–212.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост. отд-ние Киргизского гос. изд-ва, 1925. 88 с.

Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Восточная литература, 1960. 34 с.

Урангуа Ж. Хэргэм, зэрэг цол өргөмжлөхүй (XVII–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: Наранбулаг принтинг, 2000. 59 с.

Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цин-Хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора (преимущественно по китайским источникам) // Зап. ИРГО. 1880. Т. 6. Отд. II. С. 57–196.

Ушницкий В. В. Население Байкальского региона в эпоху средневековья (к проблеме этногенеза народа саха). Якутск: ЦНТИ ИГИиПМНС, 2013. 170 с.

Ушницкий В. В. Участие монгольского компонента в формировании этнокультурного ландшафта Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3(28). С. 46–54.

Хадахнэ К. А. Предания о бурятских родах в Боханском аймаке // Бурятиеведение. 1927. № 3/4. С. 85–88.

Хайдар Мирза-Мухаммад. Тарих-и Рашиди / пер. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой. Ташкент: Фан, 1996. 727 с.

Хангалов М. Н. Барга-батур // Сказания бурят, записанные разными собирателями. Зап. ВСОРГО по этнографии. Т. 1. Вып. 2. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890а. С. 112−113.

Хангалов М. Н. Племена бурят // Сказания бурят, записанные разными собирателями. Зап. ВСОРГО по этнографии. Т. 1. Вып. 2. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890б. С. 88−89.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 552 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 422 с.

Ханеда Акира. Футатаби Элютэ ни цуйтэ: Дзюнгару ококу бокко-си но итисокумэн (Снова к вопросу об элютах: один из аспектов истории подъема Джунгарского ханства) // Сирин = The Shirin or the Journal of History. 1971. Vol. 54. Iss. 4. P. 544–565. (羽田, 明. 再び厄魯特について : ジュンガル王国勃興史の一側面 //史林, 1971. Vol. 54. No. 4: 544–565).

Ховалыг У. Т. Токуз-огузская проблема в истории изучения древних уйгуров Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 8. Археология и этнография. 2009. № 5. С. 21–27.

Цыбикдоржиев Д. В. Ойраты до и после 1207 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 120–148.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов – одна из актуальных задач современного бурятоведения // Ономастика Бурятии / редкол. В. И. Рассадин, Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. ред.), Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ, 1976. С. 3–23.

Цэрэнханд Г. Монголчууд: угсаа-соёл, занзаншил. Улаанбаатар: ADMON, 2005. 234 тал.

Чулуун С. Хотогойдын түүх [История хотогойтов]. Улаанбатар: МУИС, 2006. 162 х.

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи: хоёр ботию 30000 үгэ / Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. I: А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республ. типография», 2010. 636 с.

Шантаев Б. А. О структуре родов калмыков-зюнгаров // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 140–145.

Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб.: Изд-во № 2, 1844. 315 с.

Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов. В 2 ч. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. 322 с.

Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов. В 2 ч. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. 360 с.

ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы К (~Г) и Қ (~Қ~К). Вып. 1-й / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

Юань-чао ми-ши (Тайная история монголов) / ред. Ван Юнь-у. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. 1200 с. (王雲五. 元朝祕史. – 上海：商務印書館，1936 年 – 1200頁).

Юша Ж. М. Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 101–118.

Якутия в XVII веке / Саха Сирэ XVII-с үйэҕэ: (очерки) / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 446 с.

Allsen T. T. Prelude to the western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural region, 1217–1237 // Architum Eurasiae Medii Aevi. 1983. Vol. 3. P. 5–24.

Altanorgil. Todo üsüg degere jokiyaγdaγsan Mongγol teüke-yin surbulji bičigüd-ün tanilčaγulγa // Öbör Mongγol-un baγši-yin yeke suryaγuli-yin erdem šinǰilgen-ü sedgül. Nemelte sedgül, 1987. X. 137–176.

Atwood C. Titles, appanages, marriages, and officials: A comparison of political forms in the Zünghar and thirteenth-century Mongol empires // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th–20th Centuries / ed. D. Sneath. Washington: Western Washington University, Center for East Asian Studies, 2006. P. 610–634.

Birtalan Á. An Oirat ethnogenetic myth in written and oral traditions (a case of Oirat legitimacy) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung aricae. 2002. Vol. 55 (1–3). P. 69–88.

Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic sources. L.: Trubner&Co, 1888. Vol. 2. 352 p.

Buell Paul D. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. Oxford: The Scarecrow Press, 2003. 381 p.

Castren M. A. Reiseberichte und Briefe. Als den jahren 1815–1849. SPb.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856. 527 S.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-13th-century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. XLVIII. 989 p.

Cleaves F. W. The Historicity of The Baljuna Covenant // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1955. Vol. 18. No. 3–4. P. 357–421.

Crossley P. K. Making Mongols // Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China / ed. P. K. Crossley, H. F. Siu, D. S. Sutton. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2006. P. 58–82.

Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli. Nigedüger emkitgel. Köke-qota: Ebür mongγul-un surγal kümüǰil-ün keblel-ün qoriy-a, 2013. 1236 t.

Endicott E. Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, Mass.: Harvard University, Council on East Asian Studies and Harvard-Yenching Institute, 1989. VIII, 217 p.

Fang Chao Ying. Amursana // Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912) / ed. A. W. Hummer. Washington: United States Government Printing Office, 1943. Vol. 1. 604 p.

Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. XVII. 483 p.

Golden P. B. Kıpçak Kabileleri Üzerine Notlar: Kimekler ve Yemekler // Türkler / ed. H. C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 757–766.

Hambis L. Documents sur l'histoire des Mongols à l'époque des Ming. P.: Presses Universitaires de France, 1969. XCII, 270 p. (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Études Chinoises; vol. XXI).

Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou T. I / traduit et annoté P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E. J. Brill, 1951. XXVII. 485 p.

Kałużynski S. Iacutica. Prace jakutoznawcze. Warschawa: Wydawnictwo Akademickie, Dialog, 1995. 404 s.

Kałużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1961. 170 S.

Kempf B. On the Origin of Two Mongolic Gender Suffixes // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge, 2006. Band 20. P. 199–207.

Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1844–1849. Vol. I–III. 2690 p.

Kuribayashi H., Choijinjab. (Comp.). Word- and Suffix-index to the Secret History of the Mongols, based on the Romanized transcription of L. Ligeti. Sendai: Tohoku University, 2001. 954 p. (The Center for Northeast Asian Studies. Monograf Series 4).

Ligeti L. A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 602 o.

Malte-Brun C. The travels of Marco-Polo, etc., etc. Voyages de Marc Paul, vénitien du treizième siècle, traduits de l'italien, avec des notes, par M. William MARSDEN, vol. in-4.° avec une carte géographiquedressée par MM. WALKER père et fils, sous la direction de M. le major RENNEL; Londres, 1818 (premier

article) // Annales des voyages, de la géographieet de l'histoire. 1819. T. II. P. 157–183.

Mongolian-English Dictionary / ed. by F. D. Lessing; compiled by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin and F. D. Lessing. Berkeley: University of California Press, 1960. XVII, 1217 p.

Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Peking: Fu Jen Catholic University Press, 1942. Vol. II. P. 391–768.

Natsagdorj Ts. B. On the Torgud (Kalmyks of the Volga Region) Banner in Western Qalqa during the Middle Years of the Yongzheng Reign (1728–1731) // Saksaha. 2015. Vol. 13. P. 1–24.

Noda Jin, Onuma Takahiro. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: Dept. of Islamic Area Studies, University of Tokyo, 2010. III. 176 p.

Okada Hidehiro. Origins of the Dörben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. 1987. Bd. 7. S. 181–211.

Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Urumči: Šinǰiyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. 496 q.

Pelliot P. Notes on Marco Polo I. Paris: Imprimerie. Nationale; Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. XII. 612 p.

Pelliot P. Notes critiques d'histoire kalmouke. P.: Librairie d′Amérique et d′Orient, Adrien-Maisonneuve, 1960. Vol. I: Texte. VI, 237 p.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1954. 195 p.

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1955. 300 p.

Rachewiltz I. de. The Secret History of the mongols. Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Trans. with the historical and antr. comm. by Igor de Rachewiltz. Vol. I. 2004. 1348 p.

Rachewiltz I. de, Rybatzki V. Introduction to Altaic philology: Turkic, Mongolian, Manchu / by Igor de Rachewiltz and Volker Rybatzki; with the collaboration of Hung Chin-fu. p. cm. (Handbook of Oriental Studies = Handbuch der Orientalistik. Section 8, Central Asia; 20). Leiden; Boston, 2010. 534 p.

Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche reisenden Linguisten. Erster band mit Farbigem Titelbinde und 15 Illustrtionstafeln. Zweite augsgabe. Leipzig: T. O. Weigel Nachfolger. 1893. 536 s.

Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen (Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. VIII. № 7). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1908. 86 S.

Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 S.

Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology. Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seura, 1949. 292 p.

Rashiduddin Fazlullah's Jami u't-tawarikh: Compendium of Chronicles / trans. and annotation by W. M. Thackston. Cambridge: Harvard University, 1998. Pt. 1: A History of the Mongols. XLIV. 244 p. (Sources of Oriental Languages & Literatures; vol. 45; Central Asian Sources; vol. IV).

Rásonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum = Turkic personal names; as collected by László Rásonyi. Bloomington: Indiana University Denis Sinor Institute for Inner Asian Studies, 2007. Vol. I. CXXXVI, 344 p.

Rassadin V. I. Soyotica / ed. by Bella Kempf Szeged: FV Team Nyoma. 2010. 229 p. / Studia Uralo-Altaica 48.

Rybatzki V. Middle Mongol // The Mongoliclanguages / ed. by J. Janhunen. London: Routledge, 2003. P. 57–82.

Rybatzky V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. 841 S.

Serruys H. Mongols Ennobled During The Early Ming // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1959. Vol. 22. P. 209–260.

Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the Fifteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1977. Vol. 37, no. 2. P. 353–380.

Smedt A. de, Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Peking: Imprimerie de l'Universitè Catholique, 1933. Pt. III: Dictionnaire monguor-français. 521 p.

Tatár Maria M. Deer and Man in a Darkhat Legend and Their Ethnogenetic Connections // Man and Nature in the Altaic World. Proceedings of the 49th Permanent International Altaistic Conference, Berlin, July 30 – August 4, 2006 (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur des Türkvölker. Band 12). Berlin: Klaus Schwartz Verlag. P. 349–359.

Сокращения названий памятников

БК, Х – большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана.

БК, Хб – малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана.

Кб – надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль тегина (продолжение большой надписи).

КТб – большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина.

КТ, Хб – малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина.

МШУ – стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень).

Тэс – Тэсийнская стела.

Тон – надпись советника Тоньюкука (I; II – две стелы).

Тер – Терхинская (Тариатская) стела.

Другие сокращения

диал. – диалектное

орфогр. – орфографическая форма

ркп. – рукописная форма

Сокращения названий языков

алт. – алтайский (алтай-кижи)
башк. – башкирский
бурят. – бурятский
даг. – дагурский (даурский)
др.-тюрк. – древнетюркский письменный
дунс. – дунсянский
к.-балк. – карачаево-балкарский
к.-калп. – каракалпакский
казан. тат. – казанско-татарский (по В. В. Радлову, см. тат.)
каз. – казахский
калм. – калмыцкий
кирг. – кыргызский
кум. – кумыкский
мнгр. – монгорский
монг. – монгольский (группа языков)
общ.-эвенк. – общеэвенкийский литературный
осм. – староосманский
п.-монг. – письменно-монгольский
пиньин. – Хань-юй пинь-инь 漢語拼音
позд.-ср.-кит. – позднесреднекитайский (официальный диалект эпохи династии Тан 唐)
праалт. – праалтайский
прамонг. – прамонгольский
ран.-ср.-кит. – раннесреднекитайский (официальный диалект эпохи Южных и Северных династий и династии Суй 隋)
телеут. – телеутское наречие алтайского языка
тат. – татарский
тув. – тувинский
тунг. – «тунгусский» (= эвенкийский) (см. эвенк.)
тур. – турецкий
хакас. – хакасский
халх. – халха-монгольский
чаг. – чагатайский
эвенк. – эвенкийский

Баир Зориктоевич Нанзатов
Владимир Владимирович Тишин
Марина Михайловна Содномпилова

Историческая география и этническая история Внутренней Азии и Сибири. Очерки

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом ИМБТ СО РАН

Художник *Д. Т. Олоев*
Редактор *Е. И. Борисова*
Корректор *А. Е. Болонев*
Компьютерная верстка и макет – *Н. Д. Жамбаева*

Подписано в печать 10.12.2021. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,9. Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 500. Заказ № 15.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.